

Н. ЛЕНИН
‘В. УЛЬЯНОВ’

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XII
“I”

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

1912 ГОД.

Голод и черная Дума.

Еще не так давно, под впечатлением прошлогоднего урожая, продажные писаки гордо вещали о благих последствиях «нового аграрного курса», а за ними некоторые наивные люди провозглашали наступивший поворот в нашем сельском хозяйстве, общероссийский подъем его.

Теперь, как раз к пятилетней годовщине указа 9 ноября 1906 года, охватившей чуть не половину России, голод и неурожай самым наглядным и неотразимым образом свидетельствуют, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в этих надеждах на Столыпинскую аграрную политику.

Даже по правительенным подсчетам, точность и «скромность» которых доказали предшествующие голодовки, бедствием неурожая охвачены 20 губерний: 20 миллионов душ населения «имеют право на оказание продовольственной помощи», т.-е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство.

Коковцев не был бы министром финансов и главой контрреволюционного правительства, если бы не «ободрял»: «неурожая» видите ли нет, а есть только—«недород»; голод «не ведет к болезням», наоборот, «иногда помогает» от них, рассказы о бедствии голодающих—сплошная газетная выдумка—об этом красноречиво свидетельствуют губернаторы; наоборот, «экономические условия застигнутых недородом местностей вовсе не так плохи»; «идея даровой кормежки населения вредна»; наконец, меры, принятые правительством, «достаточны и своевременны».

Глава конституционного правительства забыл еще упомянуть о своем гениальном изобретении в борьбе с голодом: о пре-

доставлении сыщикам полномочий организовывать «помощь голодающим».

Теперь «общественная помощь» даже со стороны легальных либеральных обществ устранина, и саратовский сыщик, в качестве монопольного радетеля о голодающих, мог невозбранно пропивать в кабаках вверенные ему для голодающих ссуды.

Разумеется, правые крепостники в восторге от «обстоятельной и, так сказать, всеобъемлющей речи г. председателя Совета Министров» (депутат Вишневский, заседание 9 ноября); разумеется, холопствующие октябристы поспешили засвидетельствовать в своей думской формуле перехода, что «правительство своевременно озабочилось принятием меры борьбы с последствием неурожая»; а один из их лидеров (не простых смертных!) глубокомысленно рассуждал о «свободной циркуляции рыбных консервов для того, чтобы обеспечить населению целесообразную пищу».

Голодный тиф, цынга, питание падалью, отбиваемой у собак, или зольно-навозным хлебом, который показывали в заседаниях Государственной Думы,—все это не существует для октябристов. Для них слово министра—закон.

А кадеты? Даже в таком вопросе они вместо честной оценки гнусного поведения правительства не нашли ничего лучшего, как устами своего оратора Кутлера «делать усмокительные выводы из обширной речи председателя Совета Министров» (заседание 9 ноября); а в своей формуле перехода нежно называли деятельность правительства лишь «мало (!) планомерной, недостаточной и далеко не всегда (!) своевременной»...

Вопрос о способах продовольственной помощи и об организации ее, как правильно заметил в своей речи социал-демократический депутат, товарищ Белоусов¹), лишь одна сторона дела. Не менее важен основной вопрос, возникающий каждый раз, когда заходит речь о голоде,—вопрос о причинах голодовок и мерах борьбы с неурожаем.

Для правых крепостников решение—«очень просто»: нужно заставить работать мужиков-«лодырей» еще больше и тогда—«ен достанет». Курский зубр Марков 2 находит «ужасным», что «из 365 дней мужик работает 55—70 дней, а 300 дней ничего не делает» и лежа на печи «требует казенного пайка».

Полукрепостники из националистов и октябристов смотрят «глубже»: по обязанности славословить начальство они пробуют

еще убеждать, что «радикально вопрос о голоде будет решен тогда, когда земля уйдет из рук слабых и пьяных в руки сильных и трезвых», «когда осуществится реформа, намеченная покойным П. А. Столыпином, когда ставка на сильных будет выиграна» (речь Келеповского в заседании Думы 9 ноября).

Но более дальновидные из недавних защитников Указа 9 ноября начинают чувствовать, что над этой «великой реформой» веет дыханием смерти. Саратовский депутат Н. Львов, стоявший и «стоящий за закон 9 ноября»²⁾, делится с Думой следующими впечатлениями, вынесенными «от соприкосновения с действительностью»:—«как-то страшно далеко все то, что вы здесь говорите в Государственной Думе, от той непосредственной ближайшей нужды, которую вы видите своими глазами». «Нужна большая осторожность и нужно щадить то население, которым некоторые хотят пренебречь. Благодаря закону 9 ноября, в некоторых губерниях, и в том числе в Саратовской, появилось много новых людей, цена на землю поднялась и положение беднейшего населения стало крайне тяжким... В крестьянском населении растет страшная ненависть и проклятие бедноты, против которых следовало бы принять какие-нибудь меры... Ведь ставка на сильных вовсе не означает, что надо беднейших доканать и оставить их погибать в нищенстве» и т. д., и т. д.

Словом, впечатления, «вынесенные от соприкосновения с действительностью», начинают протирать глаза этому помещику, «стоявшему за закон 9 ноября».

Несравненно более глубокое сомнение в спасительности Столыпинской «земельной реформы» голод нынешнего года посеял в душах правых крестьян; и предложение правого крестьянина Андрейчука, «чтобы правительство в скором времени внесло в Государственную Думу законопроект об установлении предельной нормы количества земли крупного землевладения»,—это предложение, поддержанное всеми правыми крестьянами и даже сельскими священниками, лучше всего показывает, как крестьяне, хотя бы и правые, понимают «борьбу с голодом».

«Нутряное» мужицкое требование Андрейчука еще и еще раз (вспомним заявление правых и левых крестьян о наделении малоземельных путем принудительного отчуждения помещичьих земель, вспомним выступления крестьян в прениях об Указе 9 ноября и т. д.) свидетельствует о том, насколько необходимость земельной революции проникает в сознание даже правых

крестьян, насколько борьба с голодом мыслится и у них не разрывно с борьбой «за землю».

Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель—без революции.

И в этом смысле неурожай нынешнего года является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьеионьской монархии.

«Рабочая Газета» № 7
от 22 декабря 1911 года
(4 января 1912 года).

Избирательная кампания в IV Государственную Думу.

IV. Выводы из практики третьедумских выборов³⁾.

Для конкретного определения задач рабочей демократии во время выборной кампании мы считаем полезным рассмотреть возможно более подробно данные о выборах в III Думу по нескольким отдельным губерниям. Такое рассмотрение, во-первых, поможет яснее понять и тверже усвоить сложную и запутанную избирательную систему 3-го июня, а, во-вторых, оно даст всем работникам избирательной кампании самое конкретное представление об их положении, как демократов, об «обстановке», в которой приходится действовать. Изучение данных по каждой губернии местными демократами пополнит наши материалы, исправит их и заинтересует сейчас же всех и каждого, кто сознает свою обязанность участия в выборах для политического просвещения наемных рабочих и для организации демократии.

Возьмем для примера хотя бы Казанскую губернию. Ее представляют в III Думе 10 депутатов, поровну разделяющиеся между правыми и оппозицией: пять правых (в том числе 4 октябристы и один националист) и 5 либералов (в том числе 1 прогрессист, два кадета и два мусульманина). Ни трудовиков, ни социал-демократов нет.

Между тем данные относительно Казанской губернии таковы, что они заставляют признать шансы демократии здесь довольно серьезными. Правые выбраны: один от съезда землевладельцев (Сазонов), трое октябристов от 1-го и 2-го съездов городских избирателей (в том числе один из заядлых контр-революционеров г. Капустин от 2-го съезда городских избирателей) и один октябрист от общего съезда выборщиков. Либералы выбраны: 1 от съезда землевладельцев, 1 от крестьян (кадет Лунин) и трое от общего съезда выборщиков.

Судя по тому, что от общего съезда выборщиков прошло три либерала и один правый, либералы были в большинстве в губернском избирательном собрании, но большинство это было не прочное: иначе не пропустили бы ни одного правого от общего съезда выборщиков. На непрочность либерального большинства указывает, повидимому, и то обстоятельство, что от землевладельцев выбраны один прогрессист и один правый; последнего не должны бы были пропускать, будь либеральное большинство прочным.

Состав выборщиков в Казанской губернии по куриям следующий: всего 117; в том числе от крестьян 33, от землевладельцев 50, от 1-го съезда городских избирателей 18, от 2-го 14 и от рабочих 2. Следовательно, землевладельцы вместе с горожанами 1-й курии составляют большинство ($50+18=68$ из 117);—известно, что по закону 3-го июня во всех губерниях о б е с п е ч е н о либо такое большинство, либо еще более «надежное», т.-е. из одних только землевладельцев (одна землевладельческая курия знает абсолютное большинство выборщиков в губернское избирательное собрание).

Либералы отвоевали себе половину мест в Думе благодаря тому, что среди землевладельцев, видимо, они представлены очень сильно. Среди горожан, наоборот, царят как будто бы правые почти безраздельно: без такого допущения трудно объяснить, каким образом, при либеральном большинстве в губернском избирательном собрании, от обоих городских съездов прошли правые. Кадеты вынуждены были проводить правых. При отмеченной выше непрочности либерального большинства среди выборщиков, для рабочей демократии открывается удобное поле действия: использовать раздоры среди помещиков и капиталистов для организации сил демократии вообще и проведения в Думу социал-демократов и трудовиков в частности.

Если бы, например, среди выборщиков было 57 правых и столько же либералов при трех демократах (в том числе два рабочих социал-демократа и один трудовик крестьянин), то даже этой тройки было бы достаточно, чтобы провести социал-демократов в Думу,—не говоря уже о той благодарной задаче демократического собирания сил, которая открывалась бы перед этой тройкой при наличии 33 выборщиков от крестьян. Мы взяли тройку, как минимум, необходимый по закону (ст. 125 пол. о выб.) при выставлении кандидатов посредством записок: кандидаты, получившие по запискам менее трех голосов, баллотировке не подвергаются. Само собой разумеется, эта требуемая законом тройка могла бы составиться присоединением к демократу либералов, если только последние не «спрогрессируют» (в «веховском» направлении) до того, чтобы даже в губернском избирательном собрании предпочесть социал-демократу октябристу.

При равенстве сил у правых и у либералов даже одного демократа достаточно, чтобы, голосуя с правыми против либералов и с либералами против правых, не пропустить никого в Думу, добиться этим (на основании ст. 119 пол. о выб.) перерыва,—продолжительность которого, по указанной статье, определяется самим собранием, но не может превышать 12 часов,—и сорганизовать затем соглашение либералов и демократов под условием проведения последних в Думу.

Пример Казанской губернии может иллюстрировать две возможные линии рабочей политики на выборах в IV Думу (а следовательно, и линии рабочей политики в общем, ибо политика на выборах есть лишь применение к частному случаю общей политики). Первая линия: голосовать, по общему правилу, за более прогрессивного кандидата, без всяких дальнейших определений. Вторая линия: организовать демократию, используя для этого антагонизм правых и либералов. Идейное значение первой линии—пассивное подчинение гегемонии кадетов; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение октябристско-кадетского большинства в IV Думе на счет право-октябристского большинства (при возможном уменьшении демократического меньшинства). Идейное значение второй линии: борьба против гегемонии кадетов над крестьянами и над буржуазной демократией вообще; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение и сплочение, укрепление группы демократов в IV Думе.

Первая линия на практике свелась бы к линии либеральной рабочей политики. Вторая есть марксистская рабочая политика. К более подробному выяснению значения той и другой линии нам еще неоднократно придется вернуться.

«Звезда» № 1 (37)
от 6 января 1912 года.
За подписью В. Фрей.

Резолюции Пражской конференции Р. С.-Д. Р. П.⁴⁾

1. Российской Организационной Комиссии по созыву конференции.

Выслушав и обсудив отчет представителя Российской Организационной Комиссии о деятельности ее по созыву общепартийной конференции,—

конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской Организационной Комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и по воссозданию нашей партии, как общероссийской организации.

Деятельность Российской Организационной Комиссии, в которой дружно работали совместно большевики и российские меньшевики-партийцы, тем более заслуживает одобрения, что Российской Организационной Комиссии пришлось работать при неслыханно тяжелых полицейских условиях и при целом ряде препятствий и затруднений, обусловленных внутрипартийным положением.

2. О конституировании конференции.

Принимая во внимание:

1) что вызванные широким потоком контр-революционных настроений и отчаянными преследованиями со стороны царизма распад и развал большинства организаций партии, при долголетнем отсутствии партийного практического центра, Центрального Комитета, обусловили чрезвычайно тяжелое положение Р. С.-Д. Р. П. в период 1908—1911 г. г.;

2) что в настоящее время в связи с оживлением рабочего движения наблюдается всюду усиленное стремление передовых рабочих к восстановлению нелегальных организаций партии и к постановке систематической легальной и нелегальной с.-д. работы, и что на этой почве проявлена громадная и усиленная инициатива большинства местных организаций Р. С.-Д. Р. П. по возрождению партии и созыву общепартийной конференции;

3) что неотложнейшие практические задачи рабочего движения и революционной борьбы с царизмом (руководство экономической борьбой, общеполитической агитацией, пролетарскими митингами, избирательной кампанией в IV Думу и т. д.) делают безусловно необходимым немедленные и самые энергичные меры по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического партийного центра;

4) что после более чем трехлетнего перерыва со времени последней конференции Р. С.-Д. Р. П. и более чем двухлетних попыток созвать собрание представителей всех организаций партии в настоящее время удалось, наконец, сплотить свыше 20 русских организаций (С.-Петербург, Москва, Саратов, Казань, Самара, Нижний, Сормово, Ростов, Екатеринослав, Киев, Николаев, Луганск, Баку, Тифлисская группа, Виленская группа, Двинская группа, Екатеринбург, Уфа, Тюмень, ряд пунктов в центральной области и другие) вокруг созывавшей данную конференцию Российской Организационной Комиссии, которая оповестила о конференции уже несколько месяцев тому назад всех социал-демократов и пригласила на конференцию решительно все, без единого исключения, организации нашей партии, при чем всем организациям предоставлена была возможность участвовать на конференции;

5) что на настоящей конференции, несмотря на ряд тяжелых полицейских провалов, представлены, за чисто единичными исключениями, все действующие в России партийные организации;

6) что на конференцию приглашены и ей выразили сочувствие с.-д. группы деятелей легального рабочего движения ряда крупнейших городов России (Петербург, Москва, Кавказ),—

конференция конституируется, как общепартийная конференция Р. С.-Д. Р. П., являющаяся верховным органом партии.

3. О б отсутствии делегатов от национальных центров на общепартийной конференции.

Признавая чрезвычайно важным укрепление единства с.-д. рабочих всех национальностей России, находя безусловно необходимым установление единства с «националами» на местах и упрочение связи национальных организаций с общероссийским центром, конференция вместе с тем вынуждена констатировать нижеизложенное:

1) опыт окончательно доказал недопустимость такого положения дел в партии, при котором «националы», работающие совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа и,—часто независимо от своего желания,—ставили важнейшие русские организации в такое положение, что без национальных центров, практически в русской работе абсолютно не участвующих,—Р. С.-Д. Р. П. не могла приводить в исполнение самых необходимых и самых важных партийных начинаний;

2) один из национальных центров (Бунд) за последний год открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в Р. С.-Д. Р. П., а другие (центры латышей и П. С.-Д.) в решительный момент отстранились от борьбы против разрушителей партии—ликвидаторов;

3) партийные элементы из национальных организаций и прежде всего все рабочие-партийцы, поскольку до них доходят вести о жизни русских организаций, решительно высказываются за единство с русскими нелегальными с.-д. организациями, за поддержку Российской Организационной Комиссии и за борьбу с ликвидаторством;

4) Ц. Комитеты всех трех национальных организаций были трижды приглашены на партийную конференцию (З. О. К., Р. О. К. и делегатами конференции) и им обеспечена полная возможность прислать своих делегатов.

Ввиду всего этого и находя невозможным откладывать работу Р. С.-Д. Р. П. из-за нежелания национальных центров прислать своих делегатов на общепартийную конференцию,—конференция возлагает всю ответственность за неявку «националов» на их центры и поручает Ц. К-ту Р. С.-Д. Р. П. неустанно доби-

ваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в Р. С.-Д. Р. П.

Конференция выражает свою уверенность, что, вопреки, всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса.

4. О б отчетах с мест.

По поводу выслушанных отчетов с мест конференция констатирует:

1) всюду на местах среди с.-д. рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных с.-д. организаций и групп;

2) всюду признана необходимость сочетания нелегальной и легальной с.-д. работы, всюду с.-демократами признано, что наши нелегальные партийные организации должны иметь опорными пунктами работы среди масс все и всякого рода легальные рабочие общества. Но для практической с.-д. работы в профессиональных союзах, кооперативах, клубах и т. д., для распространения марксистской литературы, для использования думских выступлений с.-д. и т. д.— сделано все-таки еще недостаточно, и в этой области безусловно необходимо усилить энергию нелегальных с.-д. групп;

3) на местах всюду, без единого исключения, партийная работа ведется совместно и дружно, главным образом, большевиками и меньшевиками-партийцами, а также русскими передовцами, там, где они имеются, и всеми другими с.-д., признающими необходимость нелегальной Р. С.-Д. Р. П.,—при чем вся работа ведется в духе защиты партийности и борьбы против ликвидаторства.

Конференция выражает уверенность, что, в связи с начинаящимся оживлением в рабочем движении, будет продолжаться энергичная работа по укреплению старых и со-зиданию новых, достаточно гибких организационных форм, которые помогут борьбе с.-д. партии за старые революционные цели и революционные методы, при новой обстановке.

5. О современном моменте и задачах партии.

Конференция прежде всего подтверждает резолюцию о З-июньском режиме и задачах партии, принятую партийной Конференцией в декабре 1908 г. Конференция указывает на особо важное значение этой резолюции, положения которой относительно исторического значения и классовой сущности всего З-июньского режима, с одной стороны, и относительно нарастания революционного кризиса—с другой, в полном объеме подтверждены событиями истекших трех лет.

Из этих событий конференция в частности отмечает следующее:

а) аграрная политика царизма, с которой связали свои контр-революционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так на деле и контр-революционный либерализм, не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянства от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны;

б) оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесненым все более на задний план в Европе, царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытается ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против окраин, против всех угнетенных национальностей, против более культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-Западный край) в частности и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай);

в) экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства, хищнической бюджетной политикой самодержавия и разложением бюрократического аппарата, а, с другой стороны, усиливающаяся дороговизна жизни обостряет нужду рабочего класса и широких масс населения;

г) в связи с этим широкие массы населения за время пятилетнего существования III Думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа, и в антинародном характере главенствующих в них партий;

д) в широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—1911 г.г., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д.—все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня.

Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 года конференции, особо указывая, что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается по-прежнему задачей демократического переворота в России. Конференция особо обращает внимание товарищней на:

1) то, что на очереди дня, как и раньше, стоит прежде всего длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата;

2) на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации Р. С.-Д. Р. П., использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все учащающимися политическими его выступлениями;

3) на необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии. Республианская пропаганда против политики царской монархии должна быть особо выдвинута, между прочим, и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и ограничения работы рамками существующей «легальности».

6. О выборах в IV Государственную Думу.

I.

Конференция признает безусловно необходимым участие Р. С.-Д. Р. П. в предстоящей избирательной кампании в IV Думу, выставление самостоятельных кандидатов нашей партии и образование в IV Думе социал-демократической фракции, подчиненной, как часть, нашей партии в целом.

Главной задачей партии на выборах, а равно и будущей с.-д. фракции в самой Думе—задачей, которой должны быть подчинены все остальные,—является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса.

Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться:

- 1) демократическая республика;
- 2) 8-часовой рабочий день;
- 3) конфискация всей помещичьей земли.

Во всей нашей предвыборной агитации необходимо возможно более наглядное разъяснение этих требований на основании опыта III Думы и всей деятельности правительства, как в области центрального управления, так и местного

В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования с.-д. программы-минимум, как-то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т. д.

II.

Общая тактическая линия Р. С.-Д. Р. П. на выборах должна быть следующая: партия должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий помещиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контр-революционные взгляды буржуазных либералов (с партией к.-д. во главе их) и их фальшивый демократизм

Особое внимание в предвыборной борьбе должно быть уделено отмежеванию позиции партии пролетариата от в с е х непролетарских партий и разъяснение как мелко-буржуазной сущности мнимого социализма демократических (главным образом трудовических, народнических, эс-эровских) групп, так и вреда, проистекающего для дела демократии от их колебаний в вопросах последовательной и массовой революционной борьбы.

Что касается избирательных соглашений, то партия, оставаясь на почве решений Лондонского съезда, должна:

- 1) в рабочей курии повсюду выставить своих кандидатов и не допускать здесь и и к а к и х соглашений с другими партиями или группами (ликвидаторами);

2) имея в виду большое агитационное значение уже одного факта—выставления самостоятельных с.-д. кандидатур, необходимо озаботиться о том, чтобы и в 2-х съездах городских избирателей, а по возможности и в крестьянской курии, партия имела своих собственных кандидатов;

3) на перебаллотировках (ст. 106 положения о выборах) при избрании выборщиков по 2-му съезду городских избирателей допустимо заключать соглашения с буржуазной демократией против либералов, а затем и с либералами против всех правительственныех партий. Одной из форм соглашения может быть составление общих списков выборщиков по одному или нескольким городам, пропорционально числу голосов, поданных на первоначальных выборах;

4) в тех 5-ти городах (Петербург, Москва, Рига, Одесса, Киев), в которых существуют прямые выборы с перебаллотировками, необходимо на первоначальных выборах выставить самостоятельно с.-д. кандидатуры по второму разряду городских избирателей. В случае перебаллотировки здесь, ввиду явного отсутствия черносотенной опасности, допустимы соглашения только с демократическими группами против либералов;

5) никакие избирательные соглашения не могут относиться к выставлению общей платформы и не должны ни связывать с.-д. кандидатов какими бы то ни было политическими обязательствами, ни останавливать с.-д. в деле решительной критики контрреволюционности либералов и половинчатости и непоследовательности буржуазных демократов;

6) на 2-й стадии выборов (в уездных собраниях уполномоченных, в губернских избирательных собраниях и пр.) необходимо, всюду, где для провала октябристско-черносотенного или вообще правительенного списка встретится надобность, заключать соглашения о разделе депутатских мест в первую очередь с буржуазной демократией (трудовики, народные социалисты и т. п.), а затем и с либералами (к.-д.), беспартийными, прогрессистами и т. п.

III.

Подготовку к избирательной кампании все с.-д. должны начать немедленно и для этого обратить особое внимание на следующее:

1) необходимо неотложное образование нелегальных с.-д. ячеек повсюду с тем, чтобы они занялись без отлагательства подготовкой с.-д. избирательной кампании;

2) обратить должное внимание на укрепление и расширение легальной рабочей печати;

3) вся избирательная работа должна вестись в тесном союзе с рабочими профессиональными союзами и всеми другими рабочими обществами, при чем при выборе форм участия этих обществ необходимо считаться с их легальностью;

4) обратить особое внимание на организационную и агитационную подготовку выборов по рабочей курии в тех 6-ти губерниях, в которых обеспечено избрание депутата в Думу от рабочей курии (губернии: Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская, Харьковская и Екатеринославская). Все до одного рабочие выборщики — и здесь, и в других губерниях — должны быть социал-демократами-партийцами;

5) собрания уполномоченных от рабочих должны, руководясь решением партийных нелегальных организаций, постановлять, кто именно подлежит избранию в Думу от рабочих, и обязывать всех выборщиков, под страхом бойкота и суда за измену, снимать свою диктатуру в пользу партийного кандидата;

6) ввиду правительственные преследований, ареста с.-д. кандидатов и т. п., необходима особенно выдержанная систематическая и осторожная работа, чтобы всеми способами, быстро сообразуясь с различными приемами полицейской тактики, парализовать все ухищрения и насилия царского правительства и провести с.-д. в IV Гос. Думу, а затем и вообще укрепить группу демократических депутатов в этой Думе;

7) кандидаты с.-д. партии утверждаются, и директивы, касающиеся выборов, даются местными нелегальными организациями и группами партии под общим контролем и руководством Ц. К-та партии;

8) если, вопреки всем усилиям, не удастся до выборов в IV Думу собрать партийного съезда или новой конференции, то конференция дает полномочия Ц. К-ту или тому учреждению, которое будет назначено последним, давать конкретные указания по вопросам проведения избирательной кампании в отдельных местностях или сообразно с могущими возникнуть особыми условиями и т. п.

7. О думской соц.-дем. фракции.

Конференция признает, что думская с.-д. фракция использовала думскую трибуну, согласно той линии, которая была определена декабрьской (1908 года) конференцией партии и которая должна оставаться руководящей для направления думской работы партии.

Конференция в особенности подчеркивает, как соответствующую задачам пролетариата, ту черту в деятельности фракции, что она, самым энергичным образом отстаивая интересы рабочих и все меры, могущие улучшить их положение (напр., по рабочим законопроектам), стремилась освещать все частные задачи с точки зрения общих задач руководимого пролетариатом освободительного движения, указывая на движение масс, как на единственный путь к избавлению России от тех бедствий и от того позора, до которых довел ее царизм.

Конференция приветствует начало открытых выступлений рабочих в связи с достойным поведением с.-д. думской фракции, поднявшей в черной Думе знамя втородумских с.-д. депутатов и разоблачивших перед лицом рабочих всего мира всю провокационную грязь черносотенной царской шайки, организовавшей государственный переворот 1907 года. Конференция призывает всех сознательных рабочих России к самой всесторонней поддержке указанных выступлений с.-д. в III Думе и начатой петербургскими рабочими кампании пролетарских митингов.

Конференция признает, что ввиду предстоящей избирательной кампании в IV Думу с.-д. думская фракция должна уделить еще больше внимания выяснению народу классовой сущности всех непролетарских партий (и в частности разоблачению контр-революционной и предательской сущности к.-д. партии), руководясь при этом резолюцией Лондонского (1907 г.) съезда, которая во всех своих существеннейших частях подтверждена опытом контр-революции. При этом центральными лозунгами, которые должны объединять выступления с.-д. фракции, направлять характер ее работ, сосредоточивать на главных пунктах все частные требования и преобразования, должны быть следующие три лозунга: 1) демократическая республика; 2) 8-часовой рабочий день; 3) конфискация всей помещичьей земли в пользу крестьян.

8. О х а р а к т е р е и о р г а н и з а ц и о н н ы х ф о р м а х п а р т и й н о й р а б о т ы .

Признавая, что опыт 3-х последних лет безусловно подтвердил основные положения резолюции по организационному вопросу, вынесенной декабрьской (1908 г.) Конференцией, и полагая, что на почве начинающегося оживления в рабочем движении становится возможным дальнейшее развитие организационных форм партийной работы по тому же пути, т.-е. по пути создания нелегальных с.-д. ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ,—

конференция находит, что:

1) необходимо самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве экономической борьбой (стачки, стачечные комитеты и т. д.) и установление сотрудничества в этой области нелегальных партийных ячеек с профессиональными союзами, в особенности с с.-д. ячейками в профессиональных союзах, а также с отдельными деятелями профессионального движения:

2) ячейки с.-д. в профессиональных союзах, организованные по признаку профессиональному, желательно—собразуясь при этом с местными условиями—сочетать с партийными ячейками, построенными по признаку территориальному;

3) необходима возможно большая инициатива в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей с.-д., подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV Думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., с.-д. агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п.;

4) необходимы энергичные усилия в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек, подыскания новых, возможно более гибких, организационных форм этих ячеек, создания и упрочения руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе и пропаганда таких форм массовой нелегальной работы.

гальной организации, как «биржи», заводские партийные собрания и т. п.;

5) кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной практической работе: распространение нелегальной с.-д. и легальной марксистской литературы и т. п.;

6) необходимо иметь в виду, что систематическая литература с.-д. агитация и особенно регулярное распространение правильно и часто выходящей нелегальной партийной газеты могут иметь большое значение и в деле установления организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между с.-д. ячейками в легальных рабочих обществах.

9. О задачах с.-д. в борьбе с голодом.

1) Голодовка 20-ти миллионов крестьян в России показывает еще раз совершенно невыносимое, не мыслимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение масс крестьянской бедноты, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков;

2) настоящая голодаовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще, и земельной политики в частности, классом крепостников-помещиков, царящих в лице правых партий и в Думе 3-го июня, и в Государственном Совете, и в придворных сферах Николая II;

3) черносотенные партии (с г.г. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей крестьян» довели бесстыдство грабящей Россию царско-помещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза, и самые равнодушные приходят в волнение;

4) правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирики к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитетам и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в среде земств и городской буржуазии;

5) либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, в лице к.-д. фракции в III Думе выступила в качестве такой умеренной оппозиции, что ее поведение ни в каком случае не может удовлетворить демократию,

равно как целься примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов;

б) среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи. Это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами.

Принимая все это во внимание,—

конференция постановляет, что необходимо:

а) напрячь все соц.-дем. силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревне, в целях агитации, думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2, и распространять политические требования социал-демократии, свержение царской монархии, учреждение демократической республики, конфискация помещичьей земли;

б) поддержать стремление рабочих помочь, поскольку возможно, голодающим, советуя направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты и комиссии помощи голодающим;

в) стараться направить демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, массовок и других форм борьбы масс против царизма.

10. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих.

I.

1. Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых на-

сущих жизненных потребностей; пролетарий лишен, таким образом, всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережение на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства. Поэтому страхование рабочих во всех указанных случаях является реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития.

2. Наилучшей формой страхования рабочих является государственное страхование их, построенное на следующих основаниях: а) оно должно обеспечивать рабочих во всех случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице; б) страхование должно охватывать всех лиц наемного труда и их семейств; с) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка, при чем все расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; д) всеми видами страхования должны ведать единые страховые организации, построенные по территориальному типу и на началах полного самоуправления застрахованных.

3. Всем этим основным требованиям рационально построенного страхования коренным образом противоречит правительственный законопроект, принятый Гос. Думой, он: а) касается лишь двух видов страхования—от несчастных случаев и болезней; б) охватывает лишь небольшую (по самым снисходительным подсчетам—одну шестую) часть российского пролетариата, оставляя за бортом страхования целые области (Сибирь, в правительственной редакции еще—Кавказ), и целые категории рабочих, особенно нуждающихся в страховании (сельско-хозяйственные, строительные, железнодорожные, почтово-телеграфные, приказчики и т. д.); с) устанавливаются нищенские размеры вознаграждения (максимальное вознаграждение при полном увечье—две трети заработка, притом исчисляемого на основаниях, ниже действительного) и в то же время возлагает на плечи рабочих главную часть расходов по страхованию: за счет рабочих проектируется страхование не только от болезней, но и от «мелких»—на практике наиболее частых—

увечий. Этот новый порядок является ухудшением даже по сравнению с нынешним законом, который обязанность вознаграждения заувечья возлагал исключительно на предпринимателей; d) лишает страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор чиновников (из «Присутствий» и «Совета по делам страхования»), жандармерии, полиции (которым, помимо общего надзора, предоставляется право направлять их деятельность по существу, влиять на их личный состав и т. д.), хозяев (исключительно предпринимательский состав товариществ, страхующих от несчастных случаев; фабричный тип больничных касс, страхующих от болезней, обеспеченное уставом влияние на них предпринимателей и т. п.).

4. Только такой закон, грубейшим образом издевающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контрреволюции, в результате многолетних предварительных переговоров и соглашения правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы, действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата.

II.

Исходя из всего этого, Конференция постановляет, что:

1) неотложной задачей как нелегальных партийных организаций, так и товариществ, работающих в легальных организациях (в профессиональных союзах, клубах, кооперативах и т. п.), является развитие самой широкой агитации против думского страхового проекта, которым затрагиваются интересы всего российского пролетариата, как класса, и который грубейшим образом нарушает эти интересы;

2) конференция считает нужным подчеркнуть, что вся с.-д. агитация, по поводу страхового законопроекта, должна ставиться в связь с классовым положением пролетариата в современном капиталистическом обществе, с критикой буржуазных иллюзий, распространяемых социал-реформаторами и вообще с нашими основными социалистическими задачами; с другой стороны, в этой агитации характер думской «реформы» должен ставиться

в связь с переживаемым политическим моментом и вообще с нашими революционно-демократическими задачами и лозунгами;

3) вполне одобряя голосование с.-д. думской фракции против думского законопроекта, конференция обращает внимание товарищей на тот громадный и ценный материал, который дали думские прения по данному вопросу для уяснения отношения различных классов к рабочим реформам, конференция в особенности подчеркивает ярко выразившиеся в дебатах явно враждебные рабочим стремления октяристских представителей отсталого капитала, а также лицемерные, прикрытые социал-реформаторскими фразами о «социальном мире» выступления партии к.-д.; кадеты в Думе по существу высказывались против самодеятельности рабочего класса и с ненавистью боролись против основных поправок с.-д. думской фракции к проекту;

4) конференция самым решительным образом предостерегает рабочих против всяких попыток урезать и совершенно извратить с.-д. агитацию, ограничивая ее рамками легально допустимого в период господства контр-революции; наоборот, конференция подчеркивает, что основным моментом в этой агитации должно быть уяснение широким массам пролетариата той истины, что без нового революционного подъема невозможно никакое действительное улучшение положения рабочего; что всякий, кто хочет добиться действительной рабочей реформы, должен бороться прежде всего за новую победоносную революцию;

5) на случай, если думский законопроект, несмотря на протест сознательного пролетариата, войдет в жизнь, конференция приглашает товарищей использовать те новые организационные формы, которые устанавливаются им (больничные кассы рабочих) для того, чтобы вести и в этих организационных ячейках энергичную пропаганду с.-д. идей и превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм.

11. О «петиционной кампании».

1. Видя своего главнейшего врага в рабочем движении, контр-революция в лице правительства и III Думы преследует его во всех его формах, систематически нарушая даже те «легальные

возможности», которые остались у рабочего класса в результате революции.

2. Этот режим постоянно ставит широкие рабочие массы перед тем фактом, что даже их элементарные права (в первую очередь свобода коалиций) не могут быть осуществлены без полного свержения царской монархии.

3. Пущенная в обращение зимой 1910 г. группой петиция спб - ских ликвидаторов и агитация, которой они ее сопровождали, вырывали требование свободы коалиций из всей суммы революционных требований рабочего класса. Вместо того, чтобы указывать рабочим, что для завоевания полной свободы коалиций в России необходима революционная борьба масс за основные требования демократии,—ликвидаторы проповедывали на деле так называемую «борьбу за право», т.-е. либеральную борьбу за «обновление» режима 3 июня посредством, частичных улучшений.

4. Названная кампания в силу конкретных условий русской политической жизни и положения рабочих масс неизбежно превратилась в чисто-формальное и мертвое подписывание бумаги, не естествив никакого отклика и не пробуждая политического интереса в массах.

5. Судьба данной петиционной кампании явно подтвердила неправильность и оторванность от рабочей массы всего начинания: петиция собрала всего 1.300 подписей, при чем во всех партийных организациях, без различия фракций и течений, петиционная кампания не встретила абсолютно никакой поддержки, а равно не сочла возможным принять участия в ней и наша думская с.-д. фракция.

6. Кампания рабочих митингов в связи с судьбой втородумских депутатов и демонстрации рабочих в отдельных городах 9 января 1912 года показали, что самодеятельность рабочих масс направляется вовсе не в сторону таких средств, как петиционная кампания, и идет вовсе не под знаменем «частичных прав».

Конференция, исходя из всего вышесказанного:

1) призывает всех с.-д. разъяснить рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, при чем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах;

2) признавая, что при известных условиях массовая рабочая петиция может быть весьма пригодной формой протesta, находит, что в России в переживаемую эпоху петиция является одним из наименее пригодных средств с.-д. агитации.

12. О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов.

Принимая во внимание:

1) что Р. С.-Д. Р. П. уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской 1908 г. конференции партии было определено, как

«попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум Ц. К. в январе 1910 г., продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его проявлением влияния буржуазии на пролетариат и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями всех фракций, часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат;

4) что бывшие члены Ц. К. Михаил, Юрий и Роман не только отказались войти в Ц. К. весной 1910 года, но даже отказались явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов и открыто заявили, что считают само существование Ц. К. партии «вредным»;

5) что названные главные издания ликвидаторов «Наша Заря» и «Дело Жизни» именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принижая» (вопреки решениям пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя партию «трупом», объявляя партию уже ликвидированную, объявляя «реакционной утопией»

восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальных журналов клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

6) что в то время, как по всей России партийцы без различия фракций объединились над очередным делом созыва партийной конференции, ликвидаторы, выделившись в совершенно независимые группки, откололись на местах также там, где преобладают меньшевики-партийцы (Екатеринослав, Киев), и окончательно отказались от всякой партийной связи с местными организациями Р. С.-Д. Р. П.—

конференция заявляет, что группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением окончательно поставили себя вне партии.

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснить весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной Р. С.-Д. Р. П.

13. О Центральном Органе.

Выслушав и обсудив доклад представителя Центрального Органа, конференция, одобряя принципиальную линию Центрального Органа,—

выражает пожелание, чтобы в Центральном Органе больше уделялось внимания статьям пропагандистского характера и чтобы статьи писались более популярно и доступно для рабочих.

14. О «Рабочей Газете».

Признавая, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно стала на защиту партии и партийности и встречает полное сочувствие со стороны партийных работников на местах без различия фракций,—

конференция:

- 1) призывает всех товарищев на местах оказывать всестороннюю поддержку «Рабочей Газете»;
- 2) признает «Рабочую Газету» официальным органом Центрального Комитета Партии.

15. О газете «Правда».

Конференция отменяет то соглашение с редакцией «Правды», которое было заключено пленумом Ц. К. в январе 1910 г.

16. Изменения организационного устава партии.

К § 2-му прибавляется:

«Признается допустимой к оптация согласно решениям декабряской (1908 г.) конференции».

§ 8 вычеркивается и вместо него вставляется:

«Ц. К. собирает по возможности чаще конференции из представителей всех организаций партии».

§ 9—абзац третий о представительстве на съезде—изменяется так:

«Нормы представительства на будущие съезды партии устанавливаются Ц. К. после предварительных сношений с местными организациями».

17. Об имуществе, находящемся в руках бывшего держателя, и о денежных отчетах.

Принимая к сведению заявление уполномоченных представителей большевиков, с которыми пленум Ц. К. в январе 1910 г. заключил договор об условной передаче большевиками их фракционного имущества в кассу Ц. К., конференция:

1) признает, что представители большевиков, в силу нарушения договора ликвидаторами и в силу отказа держателей от роли третейских судов, имеют все формальные права распоряжаться как находящимся в их распоряжении, так и находящимся в руках бывшего держателя т. Цеткиной имуществом;

2) после сделанного заявления представителей большевиков конференция считает находящиеся у т. Цеткиной суммы безусловно принадлежащими партии в лице выбранного конференцией Ц. К-та, и

3) поручает Ц. К. принять все меры для немедленного получения от т. Цеткиной партийного имущества.

Ревизионная комиссия, рассмотрев денежные отчеты и оправдательные документы редакции «Рабочей Газеты», утвержденной теперь конференцией, как орган Ц. К., а также группы большевиков, которым пленум Ц. К. выдал деньги на с.-д. литературу, признала отчеты правильными и предлагает конференции утвердить их.

(Принято конференцией).

18. О «Красном Кресте».

Конференция предлагает всем товарищам на местах приложить все усилия к воссозданию «Красного Креста», столь необходимого для помощи заключенным и ссыльным.

19. О партийной организации за границей.

Конференция признает безусловно необходимым существование за границей единой партийной организации, ведущей работу содействия партии под контролем и руководством Ц. К.

Конференция утверждает К. З. О., как одну из партийных организаций за границей, и приглашает все партийные элементы, без различия фракций и течений, стоящие на стороне нелегальной партии и ведущие непримиримую борьбу с антипартийными течениями (ликвидаторством), — сплотиться вокруг Ц. К. для содействия российской партийной работе и для создания единой заграничной организации.

Все заграничные группы, без всякого исключения, могут сноситься с российскими организациями только через Ц. К.

Конференция признает, что заграничные группы, не подчиняющиеся русскому центру с.-д. работы, т.-е. Центральному Комитету, и вносящие дезорганизацию путем особых сношений с Россией помимо Центрального Комитета, не могут пользоваться именем Р. С.-Д. Р. И.

20. О нападении русского правительства на Персию.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа и не останавливающейся в этом перед самыми варварскими и гнусными актами.

Конференция констатирует, что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и в частности борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками.

21. О китайской революции.

Конференция, ввиду кампании правительственные и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих—в интересах российских капиталистов—отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем пограничных с Россией областей,— констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма.

22. О политике царизма по отношению к Финляндии.

Конференция Р. С.-Д. Р. П., собравшись впервые после проведения русским царизмом и Думой контр-революции законов, уничтожающих права и свободу финляндского народа, выражает свою полную солидарность с братской финляндской соц.-демпартией, подчеркивает единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе против русского контр-революционного правительства и контр-революционной буржуазии, попирающих права народа, и выражает свою твердую уверенность, что лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов.

Приветствие германской социал-демократии.

По поручению конференции центральному органу германской социал-демократии послана была следующая телеграмма:

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия в лице Российской Организационной Комиссии и Центрального Органа Партии шлет горячий привет братской германской социал-демократии, одержавшей на выборах блестящую победу над всем буржуазным миром.

Да здравствует международная, да здравствует Германская Социал-Демократия!..»

Январь 1912 г.

Орган либеральной рабочей политики.

Передо мной лежат три номера петербургской еженедельной газеты «Живое Дело»⁵), начавшей выходить в январе текущего года.

Предлагаю читателям присмотреться к содержанию проповеди.

Главный политический вопрос дня—выборы в IV Думу. Этому вопросу посвящена статья Мартова в № 2. Лозунг, бросаемый им, гласит: «Надо стремиться выбить реакцию из ее думских позиций». А Дан вторит в № 3: «Наилучшее средство ослабить его (Государственного Совета) пагубное влияние—это вырвать Думу из рук реакции».

Лозунг ясный. И, конечно, всякий сознательный рабочий без труда увидит, что это лозунг не марксистский, не пролетарский, не демократический даже, а либеральный. Это—лозунг либеральной рабочей политики.

Вот защита этого лозунга Мартовым. «Достижима ли эта задача при нынешнем избирательном праве? Безусловно—да. Правда, этот избирательный закон заранее обеспечивает в значительной (?) части губернских собраний большинство выборщиков от землевладельцев и первой городской (капиталистической) курии»...

Зашита худого дела сразу толкнула Мартова к вопиющему неверному утверждению. Не в «значительной части» губернских собраний, а безусловно во всех (по Европейской

России) землевладельческие выборщики плюс 1-я городская курия дают абсолютное большинство. Мало того. В 28 губерниях из 53 одни землевладельческие выборщики составляют абсолютное большинство губернских собраний. И эти 28 губерний дают 255 депутатов Думы из всего числа 442, т.-е. опять-таки абсолютное большинство!

Чтобы защитить либеральный лозунг о «выбивании реакции из ее думских позиций», Мартову пришлось начать с либерального прикрашивания российских землевладельцев. Начало не дурно!

«Но,—продолжает Мартов,—прошлые выборы показали, что и среди землевладельцев и среди крупной городской буржуазии есть элементы, враждебные черносотенной, националистической и октяристской реакции».

Несомненно. Часть выборщиков даже от землевладельцев—оппозиция, кадеты. Но какой же отсюда вывод? Только тот, что дальше помечичье «либеральной» оппозиции передвинуть большинство Думы, выбираемой по закону 3 июня 1907 г., нельзя. Помещик решает. Этот факт, который пытался обойти Мартов, остается фактом. Значит, переход помещика в оппозицию один только в состоянии дать перевес (помечичьей) «оппозиции». Но тут-то и заключается гвоздь вопроса: можно ли сказать, не превращаясь в либерала, что (помечичьи) «либеральная оппозиция способна выбить реакцию из ее думских позиций»?

Не следует, во-первых, подкрашивать помещичий характер нашего избирательного закона. Не следует, во-вторых, забывать, что помещичья «оппозиция» отличается всеми чертами так называемого «левого октября» (с которыми кадеты допустили блоки на своей последней конференции!—об этом тоже напрасно умалчивает Мартов). Говорить по поводу возможной победы «левых октяристов» о «вырывании Думы из рук реакции» или «о выбивании реакции из ее думских позиций» могут только комические либеральные политики.

Задача рабочей демократии использовать конфликты либералов с теперешним большинством Думы для усиления демократии в Думе, а вовсе не поддержка либеральной иллюзии, будто бы можно было «вырвать Думу из рук реакции».

Еще хуже обстоит дело у нашего автора, когда он переходит к принципиальному вопросу о том, какое значение имело бы, если бы «вся оппозиция» сложила черносотенно-октяристское большинство в Думе».

«Рабочие заинтересованы в том,—рассуждает Мартов,—чтобы власть в классовом государстве перешла из рук дикого помещика в руки более культурного буржуа».

Превосходное рассуждение! Только забыта мелочь... совсем маленькая мелочь: русские «более культурные буржуа», либералы, кадеты, «заинтересованы в том», чтобы не подрывать власти дикого помещика. Либералы «заинтересованы в том», чтобы разделить с ним власть, не подрывая его власти и не давая ни одного оружия в руки демократии.

Вот в чем гвоздь! Напрасно изволите вы, обходя серьезный вопрос, разжевывать с важным видом бессодержательные банальности.

«Усилив свое представительство в Думе, кадеты и прогрессисты,—говорит Мартов,—еще не станут у власти, но облегчат себе прохождение к ней». Так. Так. Отчего же это немецкие кадеты и прогрессисты много раз, с 1848 года⁶⁾, «усиливали свое представительство» в парламенте, но так до сих пор и не «прошли к власти»? Отчего в течение 64 лет они оставляли и оставляют теперь власть в руках юнкера? Отчего русские кадеты, «усилив свое представительство в Думе» I и II, не «облегчили себе прохождение к власти»?

Мартов признает марксизм лишь постольку, поскольку он приемлем для всякого образованного либерала. Рабочие заинтересованы в переходе власти из рук помещика в руки более культурного буржуа—все либералы в мире подпишут такое «понимание» «интересов рабочего». Но это еще не марксизм. Марксизм говорит дальше: 1) либералы заинтересованы в том, чтобы, не подрывая власти помещика, сесть рядом с ним; 2) либералы заинтересованы в таком разделе власти с помещиком, чтобы ни рабочему, ни демократии ровнехонько ничего не досталось; 3) власть действительно «выпадает» из рук помещика и «переходит в руки» либерала лишь тогда, когда побеждает демократия в опеке либералу. Доказательства? Вся история Франции и новейшая история Китая: власть никогда бы не перешла даже временно, даже условно, к либералу Юаньшикаю, если бы не победила китайская демократия в опеке Юаньшикаю.

Но если плоская истина: либерал лучше черносотенца составляет весь «марксизм», приемлемый для г.г. Струве, Изгрова и К-о, то диалектика классовой борьбы есть книга за семью печатями и для либерала, и для Мартова.

Резюмирую: имению для того, чтобы в России власть действительно «перешла» из рук помещика в руки буржуа, не следует обманывать и обессиливать демократию вообще, рабочих в особенности, ф а л ь ш и в ы м лозунгом—«вырвать Думу из рук реакции». Практическая задача на выборах у нас совсем не «выбивание реакции из ее думских позиций», а усиление демократии вообще, рабочей в особенности. Эта задача иногда столкнется с «задачей» увеличить число либералов: нам важнее,—и для пролетариата полезнее,—пять сильных *) демократов, чем 50 лишних либералов.

Отсюда следующий вывод, которого не желает Мартов, хотя и признает, будто бы, что кадеты—либералы, а не демократы: 1) в пяти больших городах на перебаллотировках допустимы соглашения т о л ь к о с демократами против либералов; 2) при в с е х баллотировках и при в с е х соглашениях на второй стадии, в п е р в у ю оч е р е д ь, должны итти соглашения с демократами против либералов, и лишь затем—с либералами против правых.

«Звезда» № 11 (47)
от 19 февраля 1912 года.
За подпись Ф. Л-ко.

Политические партии за 5 лет Третьей Думы.

I.

В «Ежегоднике» газеты «Речь» на 1912 год—этой маленькой политической энциклопедии либерализма—напечатана статья г. Милюкова: «Политические партии в Государственной Думе за пять лет». Принадлежащая перву признанного вождя либерализма и выдающегося историка, эта статья заслуживает тем большего внимания, что посвящена она главной, можно сказать, предыборной теме. Политические итоги деятельности партий, вопросы о значении их, научные обобщения о соотношении общественных сил, лозунги предстоящей избирательной кампании,—все это невольно напрашивается под перо, раз взята такая тема, все это пришло с затронуть и г. Милюкову, как ни старался он ограничиться простым пересказом фактов «внешней истории» Думы.

*) Здесь в тексте — опечатка; вместо «сильных» нужно читать «лишних». Ред.

Получилась интересная картинка, иллюстрирующая старый, но вечно новый сюжет: как отражается русская политическая жизнь в глазах либерала?

«Господствовавшая в I Думе численно, а во II морально, партия народной свободы,— пишет г. Милюков,— была в III-й Думе представлена только 56—53 депутатами. Из положения руководящего большинства она перешла на положение оппозиции, сохранив, однако, в рядах оппозиции преобладающее значение как по своей численности, так и по качественному составу своих членов и по строгой фракционной дисциплине своих выступлений и голосований».

Вождь партии в статье о политических партиях объявляет свою партию «преобладающей» по «качественному составу ее членов». Это недурно. Только реклама могла бы быть и поточнее... И верно ли это, что кадеты преобладали по строгой фракционной дисциплине? Неверно, ибо все помнят неоднократные выступления, например, господина Маклакова, обособлявшегося от кадетской фракции вправо. Неосторожно поступил г. Милюков: если рекламировать «качества» своей партии безопасно в том смысле, что оценка эта вполне субъективна, то относительно партийной дисциплины факты сразу опровергают рекламу. Характерно, что именно правое крыло кадетов и в Думе—в лице Маклакова—и в печати—в лице г. Струве и К-о «Русской Мысли»—обособлялось, разрушая не только строгую, но даже какую бы то ни было дисциплину кадетской партии.

«Слева от себя,—продолжает г. Милюков,—фракция народной свободы имела только 14 трудовиков и 15 социал-демократов. Группа трудовиков сохранила только тень того значения, которое имела в первых двух Думах. Несколько лучше организованная группа социал-демократов от времени до времени посвящала свои выступления резкому обличению «классовых противоречий», но, в сущности, не могла вести никакой иной тактики, кроме той, которую вела и «буржуазная» оппозиция».

Это все, буквально все, что сообщает выдающийся историк на 20 страницах своей статьи о партиях левее кадетов. Но ведь статья посвящена политическим партиям в Государственной Думе,—в статье подробнейшим образом рассмотрены все мельчайшие передвижения внутри помещиков, разные там «умеренно-правые» или «право-октябристские фракции», рассмотрены отдельные шаги этих фракций. Почему же сведены на нет трудовики и

социал-демократы? — ибо та к обрисовать их, как делает г. Милюков, значит явно сводить их на нет.

Единственный возможный ответ на этот вопрос состоит в том: потому, что эти партии г. Милюкову особенно не нравятся, и даже самое простое констатирование общеизвестных фактов относительно этих партий противоречит интересам либерализма. В самом деле, г. Милюков прекрасно знает, какие перетасовки состава выборщиков свели трудовиков к «тени прежнего значения» в Думах. Эти перетасовки, произведенные г. Крыжановским⁷⁾ и другими героями 3 июня 1907 года, подорвали большинство кадетов. Но разве это оправдывает игнорирование и, даже более, искажение данных о значении партий, представляемых очень слабо в помещичьей Думе? Трудовики очень и очень слабо представлены в III Думе, но роль их за пять лет велика, ибо они представляли миллионы крестьянства. Интересы помещиков заставили урезать именно крестьянское представительство. Спрашивается, какие интересы заставляют либералов отмахиваться от трудовиков???

Или возьмите сердитую выходку г. Милюкова против социал-демократов. Неужели он не знает, что отличие «тактики» этих последних от тактики кадетов состоит не только в отличии пролетарской оппозиции от буржуазной, но и в отличии демократизма от либерализма? Конечно, г. Милюков очень хорошо знает это, и на примерах из новейшей истории всех европейских стран он мог бы пояснить различия демократов от либералов. Вся суть в том, что раз касается дела России, то русский либерал не хочет видеть своего отличия от русских демократов. Русскому либералу выгодно представлять себя перед русским читателем представителем всей вообще «демократической оппозиции». Но истина не имеет с этой выгодой ничего общего.

На деле всякий знает, что социал-демократы вели в III-й Думе совершенно иную тактику, чем буржуазная оппозиция вообще, кадетская (либеральная) оппозиция в частности. Если бы г. Милюков попробовал поставить перед читателем любые конкретные вопросы политики, то можно ручаться, что он не нашел бы ни одного, по которому социал-демократы не вели бы принципиально иной тактики. Взявшись тему о политических партиях в III Думе, г. Милюков извратил главное и коренное: три основных группы политических партий вели три различные тактики — партии правительства (от Пуришкевича до

Гучкова), партии либерализма (кадеты, националисты и прогрессисты), партии демократические (трудовики — буржуазная демократия—и рабочая демократия). Два первые обобщения г-ну Милюкову ясны, он прекрасно видит ту суть дела, которая роднит, с одной стороны, Пуришкевича и Гучкова, с другой,—всех либералов. Но отличия этих последних от демократов он не видит, потому, что не хочет видеть.

II.

То же самое повторяется и по вопросу о классовой основе разных партий. Направо г. Милюков видит и вскрывает эту основу, налево он становится сразу слепым. «Уже самый закон 3-го июня,— пишет он,— был продиктован объединенным дворянством. Защиту дворянских интересов и взял на себя правый фланг думского большинства. Левый фланг этого большинства присоединил сюда защиту интересов крупной городской буржуазии». Неправда ли, как это поучительно? Когда кадет смотрит направо, он сильно ставит грани «классовых противоречий»: там дворяне, там крупные буржуи. Как только взгляд либералов направляется налево,— тотчас же слова «классовые противоречия» берутся в иронические кавычки. Классовые различия исчезают: либералы представляют и крестьян, и рабочих, и городскую демократию в качестве обще-«демократической оппозиции»!

Нет, господа, это не научная история, это не серьезная политика, это—политиканство и реклама.

Ни крестьян, ни рабочих либералы не представляют, а представляют лишь часть буржуазии—городской, землевладельческой и т. д.

Факты из истории III Думы так общеизвестны, что и г. Милюков не может не признать нередких совместных голосований октябристов с либералами—не только против (против правительства), но и за определенные положительные мероприятия. Эти факты, в связи с общей историей октябризма и кадетизма (слитых в 1904—1905 году, до 17 октября), доказывают для всякого, кто сколько-нибудь считается с исторической действительностью, что октябристы и кадеты—два фланга одного класса, два фланга буржуазного центра, колеблющегося между правительством и помещиками, с одной стороны, демократией (рабочими и крестьянством), с другой. Этого основного

вывода из истории «политических партий в III Думе» г. Милюков не видит исключительно потому, что ему невыгодно его видеть.

Третья Дума с новой стороны, в новой обстановке подтвердила то основное деление русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформляясь в 1861—1904 годах, вышло наружу и закрепилось на открытой арене борьбы масс в 1905—1907 годах, оставаясь таковым же и в 1908—1912 годах. Почему это деление остается в силе и поныне? Потому, что не решены еще те объективные задачи исторического развития России, которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года до Китая 1911 года.

На этой почве неизбежно упорное сопротивление «бюрократии» и помещиков, а также колебания буржуазии, для которой преобразования необходимы, но которая боится их использования демократией вообще, рабочими в особенности. Эта боязнь в особенности ясно была видна—в области думской политики—у кадетов I и II Думы, у октябристов III Думы, т.-е. именно тогда, когда эти партии составляли «руководящее» большинство. Кадеты борются с октябристами, оставаясь на той же принципиальной позиции с ними, они конкурируют с ними больше, чем борются. Они делят с ними местечко у власти рядом с помещиками,—отсюда та кажущаяся острота конфликта власть имущих с кадетами, как с самыми близкими конкурентами.

Игнорируя различие демократии и либерализма, г. Милюков с необыкновенной подробностью, детальностью, со смаком, можно сказать, рассматривает передвижения внутри помещиков: правые, умеренно-правые, националисты вообще, националисты независимые, правые октябристы, октябристы просто, октябристы левые. Ни малейшего серьезного значения эти деления и передвижки в этих пределах не имеют: связаны они, самое большее, с заменой какого-нибудь Твердоонто каким-нибудь Угрюм-Бурчевым в администрации, с переменой лиц, с победой кружков или котерий. Все сколько-нибудь существенное в политической линии тут совершенно одинаково.

«Бороться (на выборах в IV Думу) будут два лагеря», твердит г. Милюков, как твердит неустанно и вся кадетская печать. Неверно, господа. Борются и будут бороться три главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая

демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле с в о ю, а не либеральную рабочую политику, и сползутя конфликты лагеря первого с лагерем вторым, но не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьяни, как главную опору буржуазной демократии,—таковы задачи рабочих. Таков вывод и из истории политических партий в III Думе.

«Звезда» № 14 (50)

от 4 марта 1912 г.

За подписью К. Т.

Всероссийская Конференция Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Конференция, на которую товарищи всюду возлагали так много надежд и созвать которую стоило так много труда, наконец состоялась. Общими силами преодолены все препятствия, и насущное дело выполнено. Наших товарищей, занявшихся организацией Конференции, царские полицейские и шпионы травили так усердно, что, казалось, правительство считает для себя личным оскорблением, если Конференция состоится и наша Социал-Демократическая Партия окончательно восстановится. Не мало было трудностей и другого характера, связанных с тем, что бывшие социал-демократы (ликвидаторы) считали для себя политически выгодным не дать нашей Партии сплотить свои ряды. Но все эти трудности не могли помешать передовым социал-демократическим рабочим собрать свою Конференцию.

Российские местные социал-демократические организации создали свою Российскую Организационную Комиссию по созыву Конференции. И вся работа этой последней показала, что дело стоит прочно, что теперь мы действительно имеем уже налицо необходимые условия для выполнения такого крупного дела, как общероссийская Конференция.

Последняя партийная Конференция состоялась в декабре 1908 года ⁸⁾. Нынешняя Конференция состоялась в начале 1912

года. Между этими двумя датами лежит самая трудная полоса для российской социал-демократии, самые тяжелые годы распада организаций, дезертирств, перебегов, разочарований, равнодушия. Рабочих были в два кнута: царское правительство неистово вымешало рабочим причиненные ему в 1905 году тревоги, фабриканты и заводчики под защитой царской шайки предприняли целый поход против тех экономических улучшений, которые отвоевали себе рабочие героической борьбой в годы революции. И лишь в 1910 году рабочий смог чуть-чуть перевести дух и подумать об организованном отпоре третьеиюньской банде.

Как только рабочий класс начал оправляться, так сейчас это сказалось и на его партии, на нашей Р. С.-Д. Р. П., кровно связанной с российским пролетариатом. То, что раньше казалось невозможным, теперь стало хотя и трудным, но осуществимым. Довольно кустарничества, довольно разброда и раздробленности! Нужно восстановить и сплотить Партию, как общероссийский скелет организации!—сказали себе передовые рабочие социал-демократы. И их стараниями эта цель достигнута. Конференция собралась, все русские социал-демократические организации были на ней представлены, на все очередные вопросы Партия дала определенный и ясный ответ, и, наконец, создан российский центр—Центральный Комитет Партии.

На Конференции присутствовали делегаты от следующих организаций:

С.-Петербург	2	депутата.
Москва и центрально-промышленная область	4	»
Киев	1	»
Екатеринослав	1	»
Николаев	1	»
Баку	1	»
Тифлис	1	»
Саратов	1	»
Казань	1	»
Вильно	1	»
Двинск		

С опозданием прибыли еще на Конференцию 2 товарища из одной очень важной легальной социал-демократической группы⁹⁾ (1 большевик и 1 меньшевик-партиец).

В числе делегатов от местных организаций были два члена Российской Организационной Комиссии¹⁰⁾. Получены письменные

присоединения к Конференции от социал-демократических организаций:

Самары,
Сормова,
Нижнего-Новгорода,
Луганска.

Доклады с мест сделаны из 37 городов, где делегаты работали, или с которыми делегаты имеют связи. Кроме указанных городов, откуда непосредственно прибыли делегаты, на Конференции сделаны сообщения еще из следующих городов: Тверь, Тула, три пункта из Московской Окружной Организации, Самара, Луганск, Екатеринбург, Тюмень, Сухум, Поти, Батум, Кутаис, Чиатуры, Гари, Оренбург, Ростов-на-Дону, Нижний, Сормово, Екатериносл. губ., Колпино, Рига, Одесса, Харьков. Специальные доклады о положении дел в легальных рабочих организациях сделаны были из Петербурга, Москвы, Центральной области.

В выборах на Конференцию участвовали все значительные местные организации за чисто единичными исключениями. Приглашены были абсолютно все социал-демократические группы и организации без единого исключения. Всем была дана и фактическая возможность участвовать в Конференции: о созыве Конференции было объявлено более полугода тому назад во всеобщее съединение, и материальные средства для поездки делегатов представлялись одинаково в сем местным организациям. И на Конференцию не прибыли лишь те, кому помешали полицейские препятствия, и те, кто не хотел на нее приехать.

В Российскую Организационную Комиссию, созывавшую Конференцию, входили представители обеих основных фракций нашей партии: большевики и меньшевики-партийцы. В выборах делегатов на Конференцию всюду на местах участвовали и большевики, и партийные меньшевики, и нефракционные социал-демократы, и «впередовцы», там, где таковые имелись. На самой Конференции в числе делегатов тоже были и в новоизбранный Центральный Комитет Партии также вошли представители большевиков, партийных меньшевиков и социал-демократов, не принадлежащих к определенной фракции.

Сделан серьезнейший шаг к единству всех партийных элементов. И это единство всех партийцев, создавшееся на практической работе, не разорвать теперь никаким заграничным кружкам, оторвавшимся от русской работы.

Самое трудное время позади. Просыпается рабочий класс России, начинает залечивать нанесенные ему контр-революцией раны, строится в боевые ряды. Не далеко время, когда он от обороны перейдет к наступлению, не далеко время, когда его Социал-Демократическая Партия вновь поведет за собой миллионы.

Обсуждайте, товарищи, всюду на местах решения, вынесенные вашей Конференцией, проводите их в жизнь, укрепляйте организации, готовьтесь к выборам в Четвертую Думу! Пусть каждая партийная группа, каждый рабочий кружок внимательно разберет все решения Конференции и пусть скажет, как к ним относятся сознательные рабочие;—это сделали уже наши организации в Петербурге, Николаеве, Киеве, Самаре и других городах.

Сплотим же дружнее ряды, поддержим все, как один человек, наш русский центр—Центральный Комитет Партии. Отбросим все те свары и мелкие споры, которыми засоряются великой важности принципиальные вопросы, соединим все свои силы на положительной, творческой работе на почве решений, установленных Партией на ее Конференции, и сольемся в общем кличе:

Да здравствует наша старая и славная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

«Рабочая Газета» № 8
от 17 (30) марта 1912 года.

Против объединения с ликвидаторами.

В № 7 ликвидаторской газеты «Живое Дело» помещена редакционная статья: «За объединение—против раскола». Статья эта касается вопроса, несомненно, чрезвычайно интересного и важного, над которым размышляют все и каждый думающий рабочий. Мы считаем своим долгом, хотя бы неполно, хотя бы вкратце, высказаться относительно тех пунктов, по которым «Живое Дело» осведомляет своих читателей явно и очевидно неправильно.

«Живое Дело» на основании сообщений газет: «Голоса Земли», «Русского Слова» и «Киевской Мысли»—сообщений, «не расходящихся с имеющимися у «Живого Дела» сведе-

ниями», — устанавливает тот факт, что а границей состоялась общепартийная Конференция, которая-де «навязала всем марксистам России определенную тактику в избирательной кампании» и, между прочим, объявила в ие партии (курсив «Живого Дела») группу «Нашей Зари» и «Дела Жизни». По этому поводу «Живое Дело» (усищая свою статью обычными клеветами и инсинуациями по адресу антиликвидаторов) старается изо всех сил, во-первых, дискредитировать Конференцию, во-вторых, защитить «Нашу Зарю и К°», говоря, что они не могут быть поставлены «вне», что «литераторы» этого направления «отвечают презрительным пожатием плеч на подобное постановление» и т. д.

Мы заметим прежде всего, что все содержание статьи «Живого Дела», весь истеричный тон ее, все крики «за объединение» свидетельствуют воочию о том, как живо затронуты ликвидаторы и как неудачно пытаются они замять суть дела. К этой сути дела мы и переходим.

Разумеется, ни защищать Конференцию, ни дополнять или исправлять приведенные в названных газетах (к ним следует присоединить теперь «Голос Москвы») сведения мы не можем. Да и не входит это в нашу задачу. Да и достаточно воспроизвести буквально хотя бы одну фразу из «Живого Дела»: «Мы спрашиваем, — восклицают ликвидаторы, — кто их (делегатов Конференции) выбирал, кто уполномочивал их говорить и решать именем московских, петербургских и т. д. марксистов?» Было бы вполне естественно, если бы открыто «спрашивали» об этом, например, г. Пуришкевич или г. Замысловский. Если же ликвидаторы спрашивают об этом публику со страниц «Живого Дела», то одним этим вопросом они так великолепно вскрывают свою ликвидаторскую природу, так превосходно разоблачают себя, что нам приходится только указать пальцем на приемы ликвидаторов и поставить точку.

Мы касаемся затрагиваемых здесь вопросов, повторяем, исключительно постольку, поскольку наш долг — отзываться на все голоса печати и отмечать относящееся к рабочей избирательной кампании. Надо, чтобы читатели знали правду. Если ликвидаторы говорят: «за объединение — против раскола», то наш долг вскрыть заключающуюся тут неправду. Первое: нечего играть в прятки и говорить об «объединении» вообще, когда речь идет, по сути, только об объединении с ликви-

даторами. Зачем прячется «Живое Дело»? Почему оно не говорит прямо, согласно оно или не согласно с точкой зрения «Нашей Зари» и «Дела Жизни»? Второе: преждевременно говорить о расколе, пока нет на-лицо двух организованных, цельных политических коллективов, действующих в одной среде.

Об этой сути дела надо бы говорить «Живому Делу», а кричать и браниться—пустое занятие.

Объединение с ликвидаторами—не новый, а очень старый вопрос. Свыше двух лет тому назад, в январе 1910 г.¹¹) была сделана самая решительная, оформленная попытка такого объединения, скрепленная и договором, и единогласным решением. Попытка не удалась—это признают все, в том числе и ликвидаторы (см. «Нашу Зарю» 1911 г., № 11, стр. 130). Почему не удалось? В этом вопросе люди, серьезно интересующиеся делом, должны самостоятельно разобраться по документам. Мы приведем лишь немногие—но решающие—документы.

Известный участник попытки объединения с ликвидаторами и «объединитель» или «примиренец» г. Ионов¹²) писал как раз в время этой попытки:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции (речь идет о фракциях меньшевиков и большевиков), кажется, вне сомнения. Патология знает двоякого рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезню, полезной для организма. В процессе нарыва он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизму-ультиматизму по отношению к большевизму».

Вот одно из документальных подтверждений того, что условием объединения с ликвидаторами заявлено было их полное отречение от ликвидаторства. Это было в январе 1910 г. В феврале 1910 года в № 2 «Нашей Заря» г. Потресов писал буквально следующее:

«Может ли существовать в лето 1909 г. не как фантом в большом воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого» («Наша Заря» 1910 г., № 2, стр. 71).

Все практики знают, что ликвидаторы поступали на деле именно так, как направлял их г. Потресов. Другой извест-

ный орган ликвидаторов, «Возрождение», где участвовали те же г.г. Мартовы, Ларины, Левицкие и К-о, писал 30 марта 1910 года, от имени редакции, сочувственно цитируя приведенные слова г. Потресова: «Ликвидировать нечего—и, прибавим мы (т.-е. редакция «Возрождение») от себя, мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия...» («Возрождение» 1910 г., № 5, стр. 51).

Были ли другими лицами и направлениями, кроме нашего, оценены эти заявления как разрыв ликвидаторов со старым, прежним политическим коллективом? Несомненно, да. Доказательства: 1) Статья г. Изгоева в «Русской Мысли» 1910 г., № 8: «Вехист среди марксистов». Г. Изгоев оценивает всегда события среди марксистов с последовательно «вехистской» точки зрения. «Ответ (г. Потресова на вопросы рабочего движения) совершено согласуется,—писал г. Изгоев,—с тем, что писалось в поносимых им «Вехах», что говорят публицисты «Русской Мысли» («Русск. Мысль» 1910 г., № 8, стр. 86). 2) Меньшевик Плеханов писал в мае 1910 г. по поводу приведенных слов г. Потресова: «Несомненно, однако, то, что человек, для которого не существует наша партия, сам не существует для нашей партии (курсив Плеханова). Теперь все ее члены должны будут сказать, что г. Потресов им не товарищ, а некоторые из них, может быть, перестанут обвинять меня в том, что я уже давно не считал его таковым».

Факт на лицо. Никакие увертки и отговорки тут не помогут. Ликвидаторы в 1910 еще году порвали с прежним политическим коллективом. Ни один историк русской политической жизни не сможет обойти этот факт, если не захочет отступить от истины. А в 1911 году г.г. Левицкий, Мартов, Дан, Ларин, Чацкий и К-о не раз повторяли заявления вполне «Потресовского» содержания. Напомним хотя бы, как в «Деле Жизни» (за 1911 г., № 6, стр. 10) Ларин поучал рабочих, что «слепить в каждом городе кружки... в пару сот человек»—не трудное, но «маскарадное» предприятие!

По нашему глубокому убеждению, отсюда, из опыта более чем двух лет, неизбежен вывод, что никакое объединение с ликвидаторами невозможно. Никакое соглашение тут тоже невозможно. Тут немыслимы соглашения, ибо вопрос идет о существовании или несуществовании того, что ликвидаторы пре-

зрительно окрестили «иерархией». И никакая брань «Живого Дела»—органа тех же ликвидаторов того же направления—ничего изменить не может. Ликвидаторы стоят в ие...—это факт окончательный.

Этот факт и означает раскол,—возразят нам, пожалуй. Нет. Расколом называется образование двух политических коллективов вместо одного. В настоящее же время, в марте 1912 года, наблюдатель нашей политической жизни, вооруженный лучшим телескопом и смотрящий из Петербурга, Москвы, Киева, Нью-Йорка, откуда угодно,—в состоянии увидеть только один организованный, цельный политический коллектив, который от браны ликвидаторов только усиливается среди рабочих.

В том-то и беда ликвидаторов, что со старым они действительно ликвидировали свои отношения, а нового не создали. Когда создадут, тогда мы посмотрим и, по должности политических обозревателей, оповестим читателей. А пока факт остается фантом: нет другого цельного политического коллектива, значит нет и раскола.

Ликвидаторы давно сultaются создать «открытое» политическое общество. Но посулы—не факты. И «сам» г. Левицкий, ближайший единомышленник Потресова и Мартова, писал в передовой статье № 11 «Нашей Зари» (1911 г.) сожалением, что «мы не видим ни одной сколько-нибудь значительной попытки организовать легальное политическое (курсив г. Левицкого) общество». Г. Левицкий обвиняет в этом и «массы», и «руководителей». Но дело сейчас идет не об обвинениях, а об установлении факта. Если г. Левицкий и его друзья создадут легальное политическое общество, если оно поведет на деле марксистскую (а не либеральную) рабочую политику, тогда... тогда мы посмотрим. Только торопитесь, господа, до выборов осталось мало времени, и нужны усилия геркулесовы, чтобы в месяцы наверстать (или переделать прямо обратно тому, что делалось раньше) опущенное годами.

Ликвидаторы сами у себя сняли голову. Снявши голову, по волосам не плачут.

Наблюдатель русской политической жизни может разыскать только один политический коллектив в интересующей нас области. Вокруг него есть отдельные лица и неорганизованные, не имеющие даже цельных ответов на насущные политические вопросы группки. Другими словами, кругом—распад.

Как и при всяком распаде, есть тут и колеблющиеся, и люди, надеющиеся (увы, тщетно!) побудить ликвидаторов на деле порвать с ликвидаторством. Но надеждами пробовать прокормиться за какие-нибудь полгода до выборов могут только безнадежные политики.

Возьмите хотя бы вопрос о лозунгах выборной кампании, о тактике, соглашениях. Есть только один ответ, оформленный, ясный, точный, полный, известный всем руководящим рабочим уже теперь во всех концах России. Другого ответа нет. Еще раз, господа ликвидаторы: снявши голову, по волосам не плачут.

P. S. К числу «надеющихся» на исправление ликвидаторов относит себя, должно быть, и Троцкий, который в «Живом Деле» популярно пересказывает начало декабрьских 1908 года решений о сущности третьеионьевского режима. Мы будем очень рады, если Троцкому удастся убедить хотя бы, например, Ларина и Мартова, так чтобы все они сошлись на одном определенном, точном, ясном ответе на вопрос о сущности нашей теперешней «конституции». Кричат люди о пользе «объединения», о вреде «кружковщины», а не могут выработать объединенного мнения даже «своего» кружка ни по принципиальным, ни по практическим вопросам всей нашей работы! Зато фразе раздолье: «социал-демократия,— пишет Троцкий,— свои великие задачи умеет не только в виде формулы начертать на внутренней поверхности черепной коробки...» Красиво пишет Троцкий, не хуже Потресова и Неведомского!

«Просвещение» № 3 — 4
февраль — март 1912 г.
За подписью М. Б.

Блок кадетов с прогрессистами и его значение.

Газеты сообщили уже несколько дней тому назад о состоявшемся в Москве 18 марта совещании «беспартийных прогрессистов», с одной стороны, кадетов, — с другой.

Официозная передовица в официозной «Речи» (от 21 марта) подтверждает факт совещания и дает ему оценку. В этой оценке, при самом небольшом внимании, легко различить усердно прикрываемую суть дела и тот флер, который служит для соблюдения аппарансов.

Суть дела в том, что и прогрессисты и кадеты, будучи оппозиционными группами, «принадлежат к той части оппозиции, которая характеризуется названием „ответственной“. Так говорит «Речь». Кадеты не могут, следовательно, не признать, что внутри оппозиции имеются две «части»: одна, заслуживающая название «ответственной», другая—этого названия не заслуживающая. Это признание кадетов сразу подводит нас к центральному пункту вопроса.

Говоря об «ответственной» оппозиции,—которая еще чаще и еще лучше характеризуется знаменитыми «лондонскими» лозунгами Милюкова об оппозиции с родительным падежом,—кадеты отделяют этим себя и подобные им группы от демократии, т.-е. от трудовиков и от рабочих. На деле под «ответственной» оппозицией понимается либерально-монархический буржуазный центр, стоящий по середине между демократией, с одной стороны, и абсолютизмом вместе с крепостническим землевладением, с другой. Этот буржуазный либерально-монархический центр, который еще больше боится последовательной демократии, чем так называемой «реакции», очень давно появился на русской политической арене. Он пережил уже такую долгую и поучительную историю, что обманываться насчет его истинной сущности—а еще более отмалчиваться или отговариваться незнанием—было бы совершенно непозволительно.

Этот центр наметился вполне явственно в эпоху падения крепостного права. За тот почти полувековой промежуток, который отделяет ту эпоху от 1905 года, либерально-монархическая буржуазия и в земствах, и в городском представительстве, и в школе, и в печати выросла и сложилась в достаточно определенную величину. Кризис старого режима в 1905 году и открытое выступление всех классов в России окончательно оформили и партийно закрепили либерально-монархический буржуазный центр с его правым (октябристы) и левым (кадеты) флангом. Отделение этого центра от демократии было самое резкое и совершилось оно на всех поприщах общественной жизни, на всех «крутых поворотах» 1905—1907 годов, хотя не все демократы и даже не все рабочие демократы поняли сущность и значение этого отделения.

Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и со старым поместным землевладением, и с старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя доста-

точно самостоятельным и способным постоять за себя,—мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и антидемократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контр-революционной после 1905 года и получила «местечко» в третьеионьской системе. Если октяристы стали партией правительственный (с разрешения и под надзором Пуришкевичей), то кадеты стали терпимой оппозицией.

Решение кадетской конференции допустить блоки с «левыми» (не смейтесь!) октяристами и теперьшнее «неформальное» объединение кадетов с «беспартийными прогрессистами»,—все это лишь звенья одной длинной цепи, этапы концентрации либерально-монархического буржуазного центра.

Но оппозиция не может перед выборами не драпироваться в «демократические» одеяния. Кадет, готовясь уловлять голоса не только крупной и средней буржуазии, но и мелкой демократической буржуазии, приказчиков и т. д., вынужден подчеркивать, что он—член «партии народной свободы», «конституционный демократ», не шутите! Кадетская партия, будучи на деле партией умеренного монархического либерализма, перед выборами и для выборов рядится в демократический наряд, набрасывает флер на свое сближение с «беспартийными прогрессистами» и «левыми» октяристами.

Отсюда—многочисленные ужимки и дипломатические ухищрения «Речи», ее велеречивые заявления, что «партия народной свободы не будет приспособляться к обстоятельствам» и т. д., и т. п. Разумеется, это только смешно. Вся история кадетской партии есть одна сплошная издевка над ее программой, одно сплошное «приспособление» к обстоятельствам в самом худшем смысле слова. «При других политических условиях, когда партия народной свободы могла бы развернуть,—пишет «Речь»,—в законодательном учреждении всю свою программу, конечно, так называемые «прогрессисты» явились бы ее противниками, какими они и являлись в более острые моменты недавнего прошлого».

Что эпоха Второй Думы была моментом более острым,—это едва ли станут оспаривать господа кадеты. Но не только прогрессисты, но и гораздо более правые элементы были тогда не

противниками, а союзниками кадетов против демократии. А затем, в III Думе делались демократами заявления, идущие гораздо дальше какого бы то ни было пункта кадетской программы,—значит, партия кадетов вполне «могла бы развернуть всю свою программу» даже в таком «законодательном учреждении», как III Дума! Если партия кадетов этого не делала, то виной тут вовсе не «политические условия»,—не говори: не могу, а говори: не хочу!—а полная отчужденность кадетов от демократии. Кадеты вполне могли бы развернуть всю свою программу, но их поворот вспять от демократии, их собственное правление не позволяло им это сделать.

Рассуждения передовика «Речи» о блоке с прогрессистами—один из многих образчиков того, как легко водят за нос немногочисленных «левых» кадетов вожди этой партии вроде Милюкова и пр. Левых кадетов они кормят фразой, Колюбакиных они ублаготворяют парадными словечками о «демократизме», а на деле они целиком направляют свою политику в антидемократическом духе, в духе сближения слияния с прогрессистами и левыми октябристами. «Разделение труда» у кадетов совершенно такое же, как у всех западно-европейских буржуазных парламентариев: перед народом пусть говорят о «свободе» Колюбакины и пр. «левые кадеты», а в парламенте, в деловой политике к.-д. партия идет вполне заодно с умереннейшими либералами.

«Новая группа,— пишут ликвидаторы о прогрессистах,—только закрепляет, только усиливает ту политическую бесформенность, ту политическую неразбериху, в которой пребывает буржуазный избиратель и которая и обуславливает всю политическую беспомощность русской буржуазии».

Политическая беспомощность русской буржуазии происходит вовсе не от «бесформенности» «буржуазного избирателя»,—так могут думать только левокадетские иллюзионисты,—а от экономических условий, делающих буржуазию врагом рабочих и рабом Пуришкевичей,—рабом, не идущим дальше воркотни и благопожеланий.

Левокадетские парламентарии, исходят ли они из идеалистической теории политики или из вульгарной боязни потерять голос полевевшего и озлобленного Пуришкевичами избирателя, могут вести борьбу с официальной партией к.-д. такими доводами и,

что-де пора образумиться, вспомнить про нашу программу, восстать против бесформенности, обывательщины, беспринципности и т. д. и т. д. в духе обычных буржуазно-демократических фраз.

Марксисты ведут борьбу с кадетами всех оттенков, исходя из материалистической теории политики, разъясняя классовые интересы всей буржуазии, толкающие ее к либерально-монархической программе, к сближению с прогрессистами и «левыми» октябристами. Нашим выводом поэтому будет не апелляция к кадетскому «разуму», кадетской «памяти», кадетским «принципам», а разъяснение народу, по чему либерализм становится контрреволюционным и рвет с демократией. Мы не будем восклицать: образумятся ли наконец кадеты, вспомнят ли они свою программу? Мы скажем: поймут ли наконец демократы всю глубину их различия от контр-революционных либералов — кадетов? Поймут ли наконец те, чьи экономические интересы не прикованы ни к поместному землевладению, ни к местечкам и доходам бюрократии, адвокатуры и т. п., что в интересах действительной народной свободы надо итти с рабочей демократией против правых и против партии кадетов?

«Звезда» № 23 (59)
от 29 марта 1912 года.
За подписью Б. К.

Голод.

Снова голод — как по-прежнему, в старой России, до 1905 года. Неурожаи бывают везде, но только в России они ведут к отчаянным бедствиям, к голодовкам миллионов крестьян. А теперешнее бедствие, как вынуждены признать даже сторонники правительства и помещиков, превышает по размерам голод 1891 года.

Население в 30 миллионов человек пострадало в сильнейшей степени. Крестьяне за бесценок распределяют наделы, скот и все, что только можно продавать. Продают девушек — возвращаются худшие времена рабства. Народное бедствие показывает сразу настоящую суть всего нашего якобы «цивилизованного» общественного строя: в других формах, в другой оболочке, при иной «культуре» этот строй есть старое рабство, рабство

миллионов трудящихся ради богатства, роскоши, тунеядства «верхних» десяти тысяч. Каторжная работа, как всегда у рабов, и полная беззаботность богачей насчет судьбы рабов: прежде прямо морили голодом рабов, прямо брали женщин в гаремы барина, прямо подвергали рабов истязаниям. Теперь крестьян ограбили,—посредством всех ухищрений, завоеваний и прогрессов цивилизации,—ограбили так, что они пухнут от голода, едят лебеду, едят комья грязи вместо хлеба, болеют цынгой и умирают в мучениях. А русские помещики с Николаем II во главе и русские капиталисты загребают деньги миллионами: владельцы увеселительных заведений в столицах говорят, что давно они так бойко не торговали. Давно не было такой наглой, разнузданной выставки роскоши, как теперь в больших городах.

Почему в России и только в России сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации? Потому, что новый вампир—капитал—надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим, царским самодержавием. Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придиrok и насилий, связанные новейшей охраной стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикии Африки. Только в диких странах и можно встретить теперь такое повальное вымирание от голода, как в России XX века.

Но голод в современной России, после стольких хвастливых речей царского правительства о благе нового землеустройства, о прогрессе хуторского хозяйства и т. д., не пройдет без того, чтобы многому научить крестьян. Голод погубит миллионы жизней, но он погубит также остатки дикой, варварской, рабьей веры в царя, мешающей понять необходимость и неизбежность революционной борьбы против царской монархии, против помещиков. Только в уничтожении помещичьего землевладения могут найти крестьяне выход. Только в свержении царской монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь человеческой жизни, к избавлению от голодовок, от беспросветной нищеты.

Разъяснять это—долг каждого сознательного рабочего, долг каждого сознательного крестьянина. Это—наша главная задача

в связи с голодом. Организовать где можно сборы от рабочих в пользу голодающих крестьян и пересыпать эти деньги через социал-демократических депутатов,—это, разумеется, тоже одно из необходимых дел.

«Рабочая Газета» № 8
от 17 (30) марта 1912 года.

Крестьянство и выборы в IV Думу.

Правительство начало уже «готовиться» к выборам в IV-ю Думу. Стارаются земские начальники, подгоняемые циркулярами от губернаторов и министра, усердствуют становые и черносотенцы, из кожи лезут «батюшки», которым велено хлопотать из всех сил за «правые» партии. Крестьянам также пора подумать о выборах.

Для крестьян выборы имеют особенно важное значение, а положение крестьян на выборах очень трудное. У крестьянства всего слабее политическая организованность—и по сравнению с рабочими, и по сравнению с либеральной, кадетской партией. А без политической организации крестьяне, будучи изо всех слоев населения наиболее раздробленными по условиям своей жизни, совершенно не в состоянии дать отпор помещикам и чиновникам, которые и давят теперь крестьян, надругаются над ними так, как никогда прежде. Группа крестьянских депутатов в IV Думе, действительно преданных крестьянскому делу, сознательных и способных отстаивать по всем вопросам интересы крестьянства, политически организованных и неуклонно работающих над расширением и упрочением связей с крестьянами на местах, такая группа могла бы принести громадную пользу делу сплочения крестьянских масс в их борьбе за волю и за жизнь.

Возможно ли образование такой группы в IV Думе? В III Думе была группа т р у д о в и к о в в 14 человек, которая отстаивала интересы крестьянской демократии,—к сожалению, слишком часто становясь при этом в зависимость от либералов, кадетов, которые водят крестьян за нос, обманывая призраком «мира» крестьян с помещиками и с помещичьей царской монархией. Кроме того, известно, что даже «п р а в ы е» крестьяне в III Думе по вопросу о земле выступают более демократически,

чем кадеты. Земельный проект 43-х третьедумских крестьянских депутатов свидетельствует об этом неопровергимо, а недавнее «выступление» Пуришкевича против правых депутатов-крестьян показывает, что черносотенцы имеют основание быть вообще недовольными «правыми» крестьянами-депутатами.

Итак, по настроению своему крестьянство—получившее за время III Думы жестокие уро^{ки} и от новой земельной политики, от «землерасстройства», и от величайшего бедствия: голода—крестьянство вполне способно дать демократических представителей в IV Думу. Вся загвоздка в избирательном законе! Составленный помещиками в пользу помещиков и утвержденный помещичьим царем закон этот предоставляет выбор депутата в Думу от крестьян не крестьянским выборщикам, а помещикам. Кого хотят помещики, того они и выберут в Думу от крестьян из числа крестьянских выборщиков! Ясно, что помещики всегда будут выбирать черносотенных крестьян.

Значит, чтобы провести своих депутатов в Думу, действительно надежных и стойких защитников крестьянских интересов, у крестьян есть только одно средство. Это средство—сделать так, как сделали рабочие, т.-е. не пропускать в выборщики ни одного человека, кроме партийных, сознательных, вполне преданных крестьянству и надежных людей.

Рабочая Социал-Демократическая Партия постановила на своей конференции: рабочие уже на собрании уполномоченных (выбирающих выборщиков) должны постановлять, кто именно должен быть выбран от рабочих в Думу. Все остальные выборщики должны отказываться, под угрозой бойкота и суда за измену.

Пусть крестьяне делают то же самое. Немедленно надо начать подготовку к выборам, разъясняя крестьянам их положение, сплачивая всюду, где возможно, по деревням хотя бы самые небольшие группы сознательных крестьян для руководства выборами. На собрании своих уполномоченных, прежде чем выбирать выборщиков, крестьяне должны постановлять, кто именно от крестьян должен пройти в Думу, требуя от всех остальных крестьянских выборщиков, под угрозой бойкота и суда за измену, чтобы они не принимали помещичьих предложений, чтобы они обязательно отказывались в пользу крестьянского кандидата.

Все сознательные рабочие, все социал-демократы, все истинные демократы должны притти на помощь крестьянству в деле выборов в IV Думу. Пусть тяжелые уроки голода и грабежа крестьянских земель не пропадут даром. Пусть усилится и окрепнет группа преданных крестьянству, действительно демократических крестьянских депутатов в IV Думе

«Рабочая Газета» № 8
от 17 (30) марта 1912 года.

Плохая эащита либеральной рабочей политики.

В № 8 «Живого Дела» Мартов отвечает мне на мою статью в № 11 «Звезды»: «Орган либеральной рабочей политики»*). Вопрос касается основной линии рабочих в избирательной кампании и потому заслуживает особого внимания.

Я назвал «Живое Дело» органом либеральной рабочей политики, обосновывая это следующим образом: 1) Лозунг Мартова и Дана о выбивании реакции из ее думских позиций, о вырывании Думы из рук реакции—не демократический, а либеральный лозунг. Борьба с «реакцией» в России не только не ограничивается вырыванием Думы из рук реакции, но и не сосредоточивается на этом. 2) Говоря о достижимости поставленной им цели, Мартов начал с подкрашивания нашего избирательного закона. Мартов заявил, что «в значительной части губернских собраний большинство выборщиков от землевладельцев и первой городской курии» обеспечено. Я напомнил факты: это большинство во в с е х губернских собраниях обеспечено в 28 губерниях из 53, большинство (в губернских собраниях) за одними землевладельцами, и эти губернии посылают в Думу 255 депутатов из 440. 3) Говоря о выбивании реакции из ее думских позиций, Мартов забыл, что дальше помещичьей либеральной оппозиции передвинуть Думу н е л ь з я. Лозунг Мартова и Дана есть лозунг вырывания помещичьих из рук реакции. 4) Говоря, что рабочие заинтересованы в переходе власти к «культурному буржуа», Мартов «забыл» упомянуть одну вещь. Именно: либералы заинтересованы в таком дележе власти с Пуришкевичами, чтобы «ни одного оружия» не

*) См. выше 33—36 стр. этого тома, Ред.

досталось демократии! 5) Говоря, что кадеты, усиливаясь в Думе, «облегчают себе прохождение к власти», Мартов забыл опыт 1905—1906 г.г. в России, 1789 г. и след.—во Франции, 1911 г.—в Китае. Опыт этот говорит: власть лишь тогда переходит к либералу (или левее), когда побеждает демократия в опре и либералам. 6) Мартов признает марксизм, следовательно, лишь постольку, поскольку он приемлем для всякого образованного либерала.

Что отвечает Мартов по этим шести пунктам? Ровно ничего. Абсолютное молчание. К чему было начинать полемику, если вы решили отмолчаться?

Обходя молчанием в с е мои доводы, Мартов пробует «поймать» меня на следующей моей фразе:

Практическая задача на выборах у нас—совсем не выбивание реакции из ее думских позиций, а усиление демократии вообще, рабочей в особенности. Эта задача иногда столкнется с «задачей» увеличить число либералов: нам важнее—и для пролетариата полезнее—пять лишних *) демократов, чем 50 лишних либералов.

Приведя эту фразу, обрадованный Мартов (поймал-де «сторонника реакции!») восклицает: «Приглашаю читателей вдуматься в эту фразу». От всей души поддерживаю это предложение вдуматься.

Мартов начинает вдумываться и—додумывается до такого силлогизма. Перебаллотировка теперь есть в законе повсюду. Значит «может быть лишь один случай», когда мы, отталкивая 50 либералов, проводим 5 демократов. Это—«случай» продажи голосов демократов черносотенцам за места в Думе.

И Мартов ликует и прыгает на протяжении целой полусотни строк: вот-де сразил пособника черносотенцев, и притом, сразив Ф. Л-ко, «ранил» и В. Фрея, который-де «гнет в ту же сторону».

Очень уж наивными считает Мартов своих читателей! И как неосторожно было приглашать читателей вдуматься со стороны автора, который пишет, не думая.

Моя фраза, столь непонравившаяся Мартову, ставит для вдумывающихся людей два вопроса: 1) Действительно ли пять

*) В статье опечатка: сильных вместо лишних. Мартову нетрудно было бы заметить, что противополагать «сильных» демократов «лишним» (т.-е. добавочным) либералам нелепо. Но не в этом суть спора.

демократов в Думе полезнее рабочим, чем 50 либералов? 2) Может ли быть такой случай на практике, когда «столкнутся» эти задачи?

Первый вопрос вдумывающийся Мартов совсем обошел. Напрасно Вы, г.г. ликвидаторы, обходите сами политику, чтобы нас обвинять в пристрастии к арифметике. 50 либералов в Думе дадут народу груду фальшиво демократических речей, развращая этим народ, и горстку «реформ», которые, во-первых, ограничиваются умывальниками, а, во-вторых, застрянут в Государственном Совете и так далее. Пять демократов дадут народу с думской трибуны ряд разъяснений истин демократии (а рабочие — также истин социализма). Что полезнее пролетариату?

Второй вопрос. Прав ли Мартов, что задача провести 5 демократов «лишних» (т.-е. в добавок к теперешним) может столкнуться с задачей провести 50 либералов только в указанном им случае? Ибо Мартов, после приглашения вдуматься, заявил прямо: «это может быть один лишь случай».

Если Мартов прав, тогда читатель должен обвинять меня, Ф. Л-ко, или в указании невозможного случая, или в тайном желании продать черносотенцам голоса демократов за места в Думе (по секрету добавлю: в тайном и глупом желании: Пуришкевич, покупающий голоса друзей Петрова З и Войлошникова за проведение Войлошникова в IV Думу, — чрезвычайно правдоподобно пишет «вдумывающийся» Мартов).

Если может быть иной случай столкновения обеих задач, тогда Мартов неправ.

Итак: возможен ли иной случай подобного столкновения? Без всякого сомнения: это — тот случай, когда на перебаллотировке демократы, не заключив соглашения с либералами, борются и против правых, и против либералов.

Только и всего *).

Вдумывающийся Мартов, как и все ликвидаторы, пленен идеей двух лагерей и не замечает борьбы третьего лагеря и против первого, и против второго!

*) Мне приходит в голову одна «страшная» мысль: неужели вся статья Мартова построена на незнании того, что по нашему закону перебаллотировка есть новые выборы, а не борьба двух кандидатов? Тогда придется, прежде чем на выборах «бороться с реакцией», бороться с незнанием закона о выборах!

Сейчас же вслед за моей фразой, так возмущившей Мартова, у меня сказано:

Отсюда следующий вывод («отсюда», любезный Мартов!), которого не желает Мартов, хотя и признает, будто бы, что кадеты—либералы, а не демократы: 1) в 5 больших городах на перебаллотировках допустимы соглашения только с демократами против либералов; 2) при всех баллотировках и при всех соглашениях на второй стадии в первую очередь должны идти соглашения с демократами против либералов и лишь затем—с либералами против правых».

Мартов упомянул только второй пункт, заявив, что я говорю неправду, ибо Мартов с ним согласен (посмотрим, согласятся ли все ликвидаторы!), о первом же пункте Мартов умолчал!

Еще раз: либо отмалчиваться, либо полемизировать.

Перебаллотировка в пяти городах. Общая линия: с демократами против либералов. Соглашения с либералами запрещены (ибо опыт показал, что в целом здесь нет черносотенной опасности).

Вы за или против такого запрещения? Скажите прямо.

Далее. Каков может быть практический результат на этих перебаллотировках? Голоса могут поделиться почти поровну между тремя лагерями. Решает относительное большинство. Возьмем простейший пример: из 100 голосов 33 у правых, 33 у либералов, 34 у демократов. Выбран демократ. Если одним голосом меньше у социал-демократа, одним больше у черного, может пройти черный!

Две линии рабочей политики: либеральная—больше всего боятся прохождения черного и потому отдав гегемонию без боя либералу! Марксистская—не давай себя запугивать либеральными криками о черносотенной опасности и смело иди в «трехугольный» (по английскому выражению) бой. По общему правилу, черной опасности нет, а если, в виде исключения, когда пройдет черный, то зато кое-где пройдет демократ!..

Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду. Такой борьбы, в которой бы заранее известны были все шансы, на свете не бывает. Если дать себя запугивать либеральными криками о черносотенной опасности, то рабочие никогда не научатся вести «трехугольного» боя. Везде в мире лагерь реакции и лагерь ли-

бералов сплачивались раньше и организовывались (конечно, при помощи реакционных законов) лучше, чем рабочие. Везде в мире либералы твердят рабочим те именно речи, которые повторяет Мартов.

Нам осталось сделать еще один последний шаг, чтобы показать «вдумывающемуся» Мартову, какое значение имеет слово: думать.

На перебаллотировках в 5 городах соглашения с либералами запрещены. На других перебаллотировках они не запрещены. Значит ли это, что всегда они будут заключаться? Как будто бы не значит, а?

Если соглашения нет, не могут ли при всякой перебаллотировке голоса делиться почти поровну между тремя лагерями?

Как будто бы могут, ежели действительно «вдуматься»!

Отсюда вывод. Две линии рабочей политики.

Либеральная рабочая политика: страна левеет; «поэтому»... больше всего бойтесь черносотенной опасности; лозунг—выбивать реакцию из ее думских позиций; а из думских позиций могут выбить только либералы; поэтому не «угрожать» либералам, не «вымогать» у них места — прилично ли «культурному» рабочему вымогательство у таких хороших людей, как либералы? — т.-е. итти на всякие уступки, при соглашениях с либералами, чураясь «трехугольного» боя.

Марксистская рабочая политика: страна левеет; поэтому не верьте либеральным рассказам о черносотенной опасности; при соглашениях с либералами изо всех сил угрожайте им и вымогайте у них места в Думе; а чтобы ваши угрозы были серьезны, товарищи-рабочие, не бойтесь «трехугольного» боя; смело идите в такой бой, разоблачая перед народом контрреволюционность либералов; конечно, не бывает боя без возможности поражения, — кое-где пройдет черный, зато кое-где пройдет демократ; лучше прибавка в Думе пяти демократов, чем 50 либералов; по общему правилу, черные не будут проходить, ибо Пуришкевичи слишком хорошо известны, и либералы умышленно запугивают народ черносотенной опасностью, чтобы обеспечить за собой гегемонию (хотя Маклаковы почти такие же черные) и отвратить от себя «левую» опасность.

Итог. Ни по одному из шести выдвинутых мною пунктов о либеральной рабочей политике он ничего не ответил. Вопрос

о запрещении блоков с либералами в пяти городах он «сокрыл». О «трехугольных» выборах на перебаллотировках он—хотя и обещал вдуматься—не подумал. Зато два дела сделал: 1) либералов защитил от «угроз» и 2) друзей Войлошникова изобличил в заговоре с Пуришкевичем о продаже голосов Пуришкевичу за проведение Пуришкевичем в IV Думу Войлошниковых!!

«Звезда» № 24 (60)
от 1 апреля 1912 года.
За подпись Ф. Л-ко.

Перебаллотировка в России и задачи рабочего класса.

Все чаще попадаются примеры того, насколько распространено заблуждение относительно перебаллотировок в нашем избирательном законе. Дан писал в № 1—2 «Нашей Зари», что наша тактика на перебаллотировках тождественна с западно-европейской. Мартов в № 8 «Живого Дела» прямо ссылался на «немецких рабочих» как образец для русских по вопросу о тактике во время перебаллотировок. Троцкий совсем недавно написал о перебаллотировках особую заметку, насквозь проникнутую той же ошибкой.

Ошибка повторяется так часто, что невольно является мысль: не является ли в некоторых кругах «повальное тяготение» к фактической ошибке результатом н е ж е л а н и я понять задачи рабочей демократии в борьбе с кадетами?

В России, по закону 3 июня 1907 года, нет перебаллотировок немецкого типа, нет вообще «перебаллотировок» в точном смысле слова, а есть лишь дополнительные или новые выборы. У немцев при перебаллотировке происходит голосование только по вопросу о двух кандидатах, получивших наибольшее число голосов на первоначальных выборах. Голосование на перебаллотировке решает у немцев исключительно вопрос о том, кого из двух получивших наибольшее число кандидатов следует выбрать.

Ничего подобного у нас. На перебаллотировках, по нашему закону, допускается выставление какого угодно числа каких угодно кандидатов. Строго говоря, это не перебаллотировка, а новые выборы или перевыборы. Поэтому все ссылки на немецкий образчик сплошь неверны!

Основная статья нашего закона о перебаллотировках есть статья 106 «Положения о выборах». Она гласит: «Уполномоченными от предварительных съездов, а равно выборщиками от избирательных съездов признаются лица, за коих подано больше половины голосов, участвующих в съезде...»

Здесь ясно выражено требование абсолютного большинства на первоначальных выборах. Далее, в той же статье говорится, что если не получилось абсолютное большинство голосов, то «производятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков» (т.-е. всего числа, за исключением выбранных абсолютным большинством).

Кто считается избранным на «дополнительных выборах»? «Избранными считаются,—гласит конец той же статьи,—получившие относительное большинство голосов».

То же самое говорится в законе 3 июня 1907 года относительно перебаллотировок при прямых выборах, т.-е. в городах Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Риге. Только вместо выражения «относительное большинство голосов» ст. 140 говорит о «наибольшем количестве голосов». Наконец, и при выборах членов Думы губернскими избирательными собраниями устанавливаются равным образом перебаллотировки, — если кандидаты не получили «больше половины голосов», т.-е. абсолютного большинства — при чем «избранными считаются получившие относительное большинство голосов» (ст. 350).

Итак: ничего подобного немецким перебаллотировкам наш избирательный закон не знает. Ничего ошибочнее ссылки на образчик, на поведение немецких рабочих, быть не может. В официальном издании «Положения о выборах в Государственную Думу», издание министерства внутренних дел, Спб. 1912 г., говорится в пункте 14 разъяснений к 106 статье: «К дополнительным выборам могут быть допущены и лица, не участвовавшие в первоначальных выборах». Очевидно, не только о новых избирателях, но и о новых кандидатах идет здесь речь. С точки зрения закона допустимо выставление на перебаллотировках такого кандидата, который на первоначальных выборах не выставлялся.

Спрашивается, какие политические выводы по отношению к избирательной тактике вытекают из этой особенности третьи-июньского положения о выборах?

Первый, основной и самый общий вывод следующий: наш закон оставляет более широкое поприще для избира-

тельных соглашений на перебаллотировках, чем немецкий. В Германии речь может итти только о выборе меньшего из зол: другой задачи побежденные на первоначальных выборах ставить себе не могут (при чем побежденными надо считать тех, кто не попал в перебаллотировку). В России же, если на первоначальных выборах не оказалось победителя, то нет, строго говоря, и побежденных, ибо в с я к и й может второй раз, в самых разнообразных соглашениях с теми или иными союзниками, испытать судьбу в новом сражении.

В частности, в Германии рабочий кандидат не может на перебаллотировках использовать д л я с е б я, т.-е. непосредственно, борьбы между правыми и оппозиционными буржуазными партиями: он может поддержать оппозицию либералов против правого, если те и другие почти равносильны, но он не может с а м победить в случае равносильности его либерального и его реакционного противника. В России это последнее возможно.

Отсюда второй вывод. Русский избирательный закон оставляет рабочей демократии на перебаллотировках б о л е е широкое поприще для борьбы с либералами, чем немецкий. В России, как и в большинстве западно-европейских стран, преобладают на выборах две фракции (или две группы партий) господствующих имущих классов: «консерваторы» и либералы, черносотенцы и «оппозиция». Рабочие борются и против той, и против другой. При этом отсталые слои народа, просыпаясь сначала к борьбе с феодализмом и абсолютизмом, не сознавая сначала задачи борьбы с капиталом, идут обыкновенно в течении довольно долгого времени за либералами. Рабочие партии, усиливая свое влияние, отвоевывают поэтому себе последователей нередко больше от либералов, чем от правых. Отсюда обычные лицемерные вопли «кадетов» в с е х стран, что-де рабочие партии играют на-руку реакции, ослабляют «общую силу прогресса» и т. д. и т. под.

В Германии рабочий кандидат на перебаллотировке может вступить в бой с либералом только тогда, когда правые, будучи побеждены на первоначальных выборах, в перебаллотировку не попадают вовсе. В России рабочий кандидат на перебаллотировке может—а следовательно, и должен!—вступить в бой с либералом в с е г д а, когда правый получил на первоначальных выборах меньше голосов, чем либерал. Иначе говоря: на германских перебаллотировках рабочий может бороться с либералом только

«один на один»; в России же и на перебаллотировках возможен «треугольный бой», т.-е. такой, в котором участвуют и правые, и либералы, и рабочие кандидаты. На перебаллотировках, следовательно, в России может встретиться больше случаев, когда рабочие массы окажутся заинтересованными проведением своего кандидата.

Мы подошли к третьему выводу. В России при современных политических делениях, на перебаллотировках открывается особенно широкое поприще так называемому левому блоку во всех тех куриях и на всех тех стадиях, где либералы сильнее черных (причисляя к черным, разумеется, всех правых и националистов и октябристов, т.-е. все правительственные партии без исключения). Раз либералы оказались на первоначальных выборах сильнее черных, а рабочие кандидаты слабее либералов, то обязательно является — и с точки зрения политических задач организации демократии вообще, и с точки зрения проведения рабочих кандидатов в Думу — соединение рабочих с буржуазной демократией (народники, трудовики и т. п.) против либералов.

Часто ли будут встречаться такие случаи?

В губернских избирательных собраниях не очень часто; преобладать здесь будут, безусловно, такие случаи, когда либералы слабее черных и когда потребуется, следовательно, общеоппозиционный блок для провала черных.

В крестьянской курии политические разделения меньше всего определены и оформлены; полицейский гнет здесь всего сильнее; необходимость для уполномоченного, для выборщика, даже для кандидата в Думу «прятать» свое настоящее «лицо» здесь особенно резка; рабочих кандидатов, в смысле партийной принадлежности, здесь немного. В этой курии политической задачей является, несомненно, организация демократии, борьба с влиянием и предрассудками либерально-монархической буржуазии. Относительно же перебаллотировок трудно сделать определенные выводы о частоте тех или иных случаев, даже о распространенности (фактической) перебаллотировок вообще.

В земледельческой и первой городской курии роль демократии вообще, рабочей демократии в особенности, слишком ничтожна, чтобы о ней стоило говорить.

Остается вторая городская курия. Здесь не мало рабочих и близких к рабочим избирателей: приказчики, квартирохозяи-

матели из рабочих, получатели пенсии и т. п. Здесь есть хоть что-либо похожее на политическую прессу и нечто вроде собраний. Одним словом, это—главное поприще перебаллотировок при участии самих избирателей. Как же обстоит здесь дело с партийной группировкой избирателей?

Довольно точный, хотя и косвенный, ответ на этот вопрос дают сведения о партийном составе выборщиков 2 городской курии в III Государственную Думу. По итогам кадетской «Речи» (1907 г., № 241), охватывающим по 51 губернии Европейской России 4.897 выборщиков из всего числа 5.161,—533 выборщика второй городской курии распределялись по партиям следующим образом: к оппозиции принадлежат 405 (100 «левых», 209 кадетов и 96 прогрессистов), к правым—101 (17 умеренных, 19 октябристов и 65 правых), 21 беспартийный и 6 неизвестно какой партии. Три главные группы партий, борющиеся на теперешних выборах, выделяются здесь явственно: 100 демократов, 305 либералов, 101 правый.

Либералы, более чем втрое, сильнее правых, которые почти равносильны с демократами. Ясно, что по общему правилу ни о какой черносотенной опасности здесь нет и речи. Далее, ясно, что главной задачей рабочей демократии является здесь именно борьба с либералами; в настоящее время, при несомненном общем полевении страны, признаваемом и либералами, и октябристами, и Пуришкевичами, такая борьба в особенности выдвигается на первый план. Разумеется, на первой стадии рабочие кандидаты должны итти исключительно в самостоятельную борьбу, чистыми списками. На второй же стадии, на перебаллотировках, дело сводится в большинстве случаев к борьбе демократов с либералами.

Чтобы провести эту борьбу, марксисты должны на перебаллотировках соединяться со всеми демократами (т.-е. и с буржуазной демократией, народниками, трудовиками и проч.) против либералов. Все поведение пресловутой «ответственной оппозиции» кадетов в III Думе, вся политика и тактика либерально-монархической буржуазии, а затем теперешнее движение среди приказчиков дают особенно благоприятную почву для этой борьбы демократов, организуемых рабочими, против либералов, т.-е. партии к.-д. Поскольку вторая городская курия есть главная курия с перебаллотировками,—главной линией рабочих на перебаллотировках будет именно: с демократами против правых и против либералов.

В итоге мы получаем тот вывод, что ликвидаторы и их защитники делают относительно перебаллотировок ошибку и «техническую», и политическую. «Технически» они ошибаются, смешивая немецкие перебаллотировки с русскими «дополнительными» или новыми выборами. Политически они ошибаются, скатываясь к либеральной рабочей политике, когда отделяются общими фразами о поддержке оппозиции против правых. На деле и общая задача марксистов в современной России—организовать рабочих, как передовой отряд демократии, и против правых, и против контр-революционного либерализма,—и особенности нашего положения в главной «перебаллотировочной» курии заставляют дать иной лозунг. На перебаллотировках, в первую очередь, прежде всего, во 2 городской курии чаще всего, со всеми демократами против либералов и против правых; лишь затем придется идти на перебаллотировках в общеоппозиционном блоке против черных.

«Звезда» № 25 (61)
от 3 апреля 1912 года.
За подписью М. Ш.

Либерализм и демократия.

I.

Конференция трудовиков, о которой мы уже говорили и о которой были сообщения в нескольких газетах (между прочим, в «Речи» от 28 марта), представляет из себя особую важность с точки зрения партийной определенности всей выборной кампании в IV Думу. После блока умеренных либералов (кадетов и «беспартийных прогрессистов») и после решений рабочей демократии о ее тактике на выборах оставалось «определиться» еще только трудовикам, чтобы картина была полной.

Теперь в се классы русского общества в лице всех сколько-нибудь серьезных и заслуживающих внимания политических партий определили свою позицию в выборной кампании. И если для буржуазных партий, особенно для тех, которые «прочно» устроились в здании третьеиюнского режима, выборы являются по преимуществу временем усиленной рекламы, то для рабочей

демократии, для марксистов главная задача избирательной кампании — разъяснение народу того, в чем сущность разных политических партий, кто и за что стоит, какие действительные, жизненные интересы руководят той или иной партией, какие классы общества прячутся за той или иной вывеской.

С этой точки зрения нам придется неоднократно останавливаться на конференции трудовиков, и особенное внимание мы должны, в интересах рабочего класса, уделять как раз указанному сейчас принципиальному вопросу. И черносотенные, правые, партии, и либералы (кадеты) лишь замалчивают этот вопрос, либо на тысячу ладов извращают его постановку и его решение, при чем делается это не по неразумию или злому умыслу отдельных лиц, а потому, что классовые интересы помещиков и буржуазии заставляют их извращать сущность партий крестьянских и рабочих.

В свою очередь трудовики, партия по преимуществу крестьянская, не заинтересованы в замалчивании вопроса хотя бы о том, чем отличается либерализм от демократии, но решают этот вопрос неверно. С точки зрения крестьянина, т.-е. мелкого хозяинчика, и нельзя его решить правильно; только с точки зрения наемного рабочего вопрос этот решен — об этом свидетельствует не только теория, наука, но и опыт всех европейских стран, вся экономическая и политическая история европейских партий в течение особенно XIX века.

Посмотрите хотя бы на то, как либералы говорят о трудовиках и трудовики сами о себе. Либеральная «Речь», главный орган партии к.-д., говорит, что трудовики более всех пострадали от изменения избирательного закона 3 июня 1907 года, что их тактика «не может сколько-нибудь заметно отличаться» от тактики к.-д., — ибо кадеты, изволите видеть, могут «повторить» и повторяют почти все сказанное трудовиками. «Наконец, соглашения на выборах с трудовиками могут понадобиться, — пишет «Речь», — разве только в отдельных местностях, весьма притом немногочисленных».

Вдумайтесь в эту оценку, и вы увидите, что это — оценка либерального буржуа, которого закон третьего июня оттеснил от главенства (бывшего за ним по закону 11 декабря 1905 года), но вместе с тем дал ему вищительное оппозиционное местечко, огражденное от демократии. Вы для нас не важны, господа

трудовики, и мы с вами серьезно не считаемся,—вот действительный смысл заявления «Речи». Почему не важны? Потому, что закон третьего июня вас обессилил на выборах.

Для всякого демократа и в особенности для всякого рабочего важны не те партии, которые пользуются монополией или привилегией по данному избирательному закону, а те, которые представляют широкие массы населения, в частности, трудящегося и эксплуатируемого населения. Либерального же буржуа как раз от этих масс и защищил закон третьего июня, и потому ему эти массы не важны. Либеральным адвокатам и журналистам нужны места в Думе, либеральным буржуа нужен раздел власти с Пуришкевичами, — вот что им нужно, а развитие самостоятельной политической мысли крестьянских масс, развитие их самодеятельности, как класса, либералу не только не нужно, а прямо опасно. Либералам нужен избиратель, либералам нужна доверяющая им и идущая за ними толпа (чтобы заставить потесниться Пуришкевичей), но политической самостоятельности толпы либерал боится.

Почему же он не боится трудовиков, которые в качестве «самостоятельной» партии, особенно близкой крестьянству, т.-е. громадному большинству населения, представляют из себя не либерализм, а буржуазную демократию? Именно потому, что трудовики суть демократы, и е д о с т а т о ч н о самостоятельные по отношению к либералам, и е у м е ю щ и е бороться с либералами за влияние на массы! Нельзя не останавливаться сотни и сотни раз на этом важнейшем вопросе современной политики в России, если брать эту политику серьезно, добросовестно, принципиально, а не в шарлатанском (либеральном тож) смысле погони за мандатами. Пока исторической задачей эпохи в России останется политическое преобразование ее в демократическом направлении, до тех пор весь гвоздь вопроса об этом преобразовании неизбежно будет состоять в том, чтобы очень широкие, самые широкие массы населения стали сознательно демократами, т.-е. вполне определенными, последовательными, решительными противниками какой бы то ни было узости, ограниченности, половинчатости, трусости либерализма. И этот рабочий не есть еще сознательный рабочий, который не понял, что нельзя быть последовательным борцом за уничтожение наемного рабства б е з усвоения и воплощения в жизнь этой политической задачи нашего времени.

Когда либералы, кадеты, говорят, что их «тактика» не отличается «сколько-нибудь заметно» от трудовической, то это самое вопиющее невежество или самая бесстыдная ложь. Каждая страница политической истории России за последнее десятилетие содержит сотни и тысячи опровержений этой лжи. Новейшая история России показывает нам на нашем, русском опыте, что разница между либерализмом и крестьянской демократией неизмеримо глубже каких бы то ни было вопросов о «тактике», — ибо эта разница всплывала всегда и без исключения за последние, скажем, восемь лет, несмотря на то, что ход событий вызывал неоднократно самые крутые переломы «тактики», — эта разница лежит неизмеримо глубже всяких «программ», ибо программы выражают только то, чтодумают передовые люди класса о его задачах и его положении. Не мнения передовых людей, а действия миллионных масс показали нам коренную разницу в современном экономическом и политическом положении либеральной буржуазии, с одной стороны, и буржуазно-демократического крестьянства, с другой. Отсюда коренная разница классовых интересов по отношению к «командующим силам» теперешней России. Отсюда — коренное различие во всех исходных пунктах и во всем размахе политической активности.

И либералу, и трудовику может казаться, что они политические единомышленники, ибо оба — «против Пуришкевича». Но спуститесь чуточку поглубже от этих мнений политических деятелей к классовому положению масс, и вы увидите, что либеральная буржуазия в жизни делит политические привилегии вместе с Пуришкевичами, и спорят они только из-за того, Пуришкевичам ли обладать двумя третьими этих привилегий, а Милковым — одной третью, или наоборот. Возьмите «жизнь», возьмите экономическое положение современного русского крестьянства, как слоя мелких хозяев в земледелии, и вы увидите, что речь идет вовсе не о дележе политических привилегий, вовсе не о политических привилегиях, что здесь слово «жизнь» приходится брать в кавычки, ибо самое существование Пуришкевичей означает голодную смерть миллиона таких хозяйствиков.

В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перецелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты на деле тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть,

теперешние политические привилегии. Слово теперешние надо понимать довольно широко, включая сюда, например, и те привилегии, которые охраняет закон 3 июня 1907 года сегодня, и те, которые охранял закон 11 декабря 1905 года вчера ¹³⁾.

Другая буржуазия, это — очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым на деле приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голода *от* Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей.

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об «уравнительном» распределении земли и о «народничестве» сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух «цветов». Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична; напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом.

Именно к этому сводятся также и те вопросы, которые не могла не затронуть конференция трудовиков. Об этих вопросах мы будем говорить подробно в следующих статьях. Теперь же подведем маленький итог сказанному. Вопрос о трудовиках и кадетах есть один из величайших вопросов всего политического освобождения России. Нет ничего пошлеее, как сводить этот вопрос к «силе» тех и других партий в системе 3 июня, к «расчетливости» тех или иных соглашений на выборах по этой системе. Наоборот, частный вопрос о соглашениях, перебаллотировках и т. д. может быть решен правильно с точки зрения наемного рабочего лишь в том случае, если поняты классовые корни той и другой партии, буржуазных демократов (трудовики) и буржуазного либерализма (к.-д., «прогрессисты» и т. п.).

II.

Конференция трудовиков поставила целый ряд очень интересных и поучительных политических вопросов. В настоящее время мы имеем прекрасный комментарий к ее решениям—статью г. В. Водовозова об «Избирательной программе Трудовой Группы» в № 13 петербургского еженедельника «Запросы Жизни», издаваемого при ближайшем участии г.г. Ковалевского и Бланка. «Прекрасным» комментарий г. Водовозова является, конечно, не с нашей точки зрения, а потому, что он правильно передает взгляды и стремления трудовиков. Всякий, интересующийся значением демократических общественных сил России, должен со всем вниманием отнестись к статье г. Водовозова.

Трудовая группа,—пишет он,—исходит из убеждения, что в настоящий исторический момент интересы крестьянства, рабочего класса и трудовой интеллигенции не только не противоречат друг другу, но почти тождественны; поэтому одна партия вполне могла бы обслуживать интересы этих трех общественных классов. Но в силу исторических условий рабочий класс нашел свое представительство в лице партии социал-демократической, и потому трудовая группа естественно должна была явиться по преимуществу политической представительницей крестьянства. Она и была таковой.

Тут сразу видна основная ошибка, разделяемая всеми народниками, вплоть до самых «левых». Они исходят из такого «убеждения», которое противоречит всем истинам экономической науки и всему опыту стран, переживавших эпохи, подобные современной эпохе в России. Они продолжают держаться этих «убеждений», даже тогда, когда опыт русской истории вынуждает их сознаться, что и на нашей почве эти убеждения опровергаются ходом событий.

Вторая фраза у трудовиков побивает первую. Если бы одна партия могла обслуживать интересы и рабочего класса, и крестьянства, то откуда же взялась бы особая партия рабочего класса? А если она создалась и упрочилась в особенно важный, особенно критический период русской истории (1905 г.), если даже трудовики должны сказать сами себе, что рабочий класс «нашел» свою партию «в силу исторических условий», то значит «убеждения» трудовиков опровергнуты «силой исторических условий».

Если трудовики оказались партией крестьянства, а по убеждениям их они не должны бы быть только крестьянской

партией, значит убеждения их неверны, представляют из себя иллюзию. И эта иллюзия именно такова, какова была иллюзия в с e x буржуазно-демократических партий Европы в период борьбы с феодализмом и абсолютизмом. В той или иной форме преобладала идея «внеклассовых партий», при чем «сила исторических условий» неизменно опровергала эту идею, разрушала эту иллюзию. Попытки или потуги обнять разные классы «одной партией» свойственны как раз буржуазному демократизму той эпохи, когда он должен был видеть главного своего врага позади, а не впереди, в крепостниках, а не в пролетариате.

Претензия «обнять» разные классы сближает трудовиков с кадетами: те тоже хотят быть партией на д к л а с с о в о й, те тоже уверяют, что «почти тождественны интересы» рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Под трудовой интеллигенцией они понимают и г.г. Маклаковых! Сознательный рабочий будет всегда бороться против всяких идей о надклассовых партиях, против всякого затушевывания классовой пропасти между наемными рабочими и мелким хозяйствчиком.

Но если сходство трудовиков с кадетами состоит в том, что и те и другие разделяют буржуазные предрассудки о возможностях слияния разных классов, то разница между ними состоит в том, к какому классу ход событий влечет ту и другую партию вопреки ее желаниям, иногда вопреки сознанию отдельных ее членов. Трудовиков история научила быть ближе к правде, говорить, что они—партия крестьянская. Кадеты продолжают называть себя демократами, будучи на деле контр-революционными либералами.

К сожалению, эта последняя истина далеко не отчетливо сознается трудовиками, — настолько не отчетливо, что в официальных решениях их конференции нет характеристики кадетов вовсе. В официальных решениях говорится только о соглашениях «в первую очередь с социал-демократами, а затем с кадетами». Этого мало. Вопрос об избирательных соглашениях может быть решен правильно, последовательно, принципиально только при полном выяснении того, какова классовая природа соглашающихся партий, в чем основное расхождение между ними и временное совпадение интересов.

Об этом говорится лишь в комментарии г. Водовозова. «Речь», отмечая и обсуждая его статью, как раз эти пункты

постаралась совершенно скрыть от читателей. Мы полагаем, что на этих пунктах обязательно остановиться со вниманием.

«Трудовая группа,— пишет г. Водовозов,— хорошо понимала, что современный российский строй есть строй абсолютизма и произвола, и потому относилась с решительным осуждением ко всем выступлениям, которыми кадетская партия желала оповестить *urbi et orbi* о существовании в России строя конституционного, и относилась отрицательно к торжественным встречам, устраиваемым представителям английского и французского парламентов для манифестирования русского конституционализма. Для Тр. Гр. не подлежало сомнению, что только коренной и глубокий переворот во всем государственном и социальном строе может вывести Россию на дорогу правильного и здорового развития; поэтому она с сочувствием относилась ко всем проявлениям в нашей общественной жизни такого убеждения. Именно это убеждение полагало глубокую пропасть между ней и партией кадетов»... и несколько дальше повторяется та же мысль о «мирном эволюционизме кадетов и созданной этим эволюционизмом тактике к.-д., всегда более отдалявшей трудовиков от к.-д., чем от с.-д.».

Понятно, почему кадетская «Речь» должна была позаботиться о скрытии этого рассуждения от своих читателей. Здесь явно выражено желание провести грань между демократизмом и либерализмом. Грань, несомненно, есть, но г. Водовозов, хотя и говорит о «глубокой пропасти», понимает эту грань слишком неглубоко. У него выходит, что различие собственно тактическое и в оценке момента: трудовики—за коренной переворот, кадеты—мирные эволюционисты; трудовики считают, что у нас строй абсолютизма, а кадеты, что есть, слава богу, конституция. Подобное различие возможно между правым и левым крылом одного и того же класса!

Ограничиваются ли этим различие между трудовиками и кадетами? Не признал ли сам г. Водовозов, что трудовики—партия крестьянства? Нет ли в классовом положении крестьянства по отношению хотя бы к Пуришкевичу и пуришкевичевщине черт отличия от положения либеральной буржуазии?

Если нет, тогда разница между трудовиками и кадетами не-глубока даже с точки зрения отношения к феодализму и абсолютизму. Если есть, то надо выдвинуть на первый план именно различие классовых интересов, а не различие «взглядов» на абсолютизм и конституцию или на мирную эволюцию.

Трудовики хотят быть радикальнее кадетов. Это очень хорошо. Но их радикализм был бы последовательнее и глубже, если бы они ясно понимали классовую сущность либерально-монархической буржуазии, если бы они прямо говорили в своей платформе о контр-революционном либерализме кадетов.

Напрасно поэтому «оправдывается» г. Водовозов ссылкой на внешние препятствия, в силу которых-де трудовикам «пришлось выработать резолюцию, в которой самые существенные пункты были скрыты за не совсем ясной для большинства читателей ссылкой на малодоступную им «платформу Трудовой Группы». Во-первых, трудовики не обязаны были ограничиваться ареной, оными препятствиями огражденной; ограничиваясь ею, они, точь-в-точь как наши ликвидаторы, обнаруживают этим недостаточную глубину своего отличия от кадетов. Во-вторых, была полнейшая возможность на какой угодно арене формулировать классовую сущность к.-д. либерализма и его контр-революционность.

Мы видим, следовательно, что колебания трудовиков между кадетами и социал-демократами не случайны, а вытекают из очень глубоких и коренных условий, в которые поставлено крестьянство. Межеумочное положение в сторонке от прямой борьбы буржуа и пролетария питает иллюзии о внеклассовой или надклассовой партии. Общие буржуазные предрассудки, свойственные хозяину и хозяичику, сближают трудовиков и кадетов. Отсюда недостаточная последовательность трудовиков, как буржуазных демократов, даже в их борьбе с основами власти Пуришкевичей.

Задача сознательных рабочих помочь сплочению крестьянской демократии, возможно менее зависимой от либералов и поддающейся возможно менее их влиянию, возможно более последовательной и решительной. Положение громадных масс крестьянства таково, что формулированные г. Водовозовым стремления к «коренному и глубокому перевороту» имеют чрезвычайно солидные, широко разветвленные и далеко уходящие в почву корни.

«Звезда» №№ 27 (63) и 32 (68)

от 8 и 19 апреля 1912 года.

За подписью П. П.

Аноним из „Vorwärts“
и положение дел в Р. С.-Д. Р. П.

Предисловие.

В «*Vorwärts*» от 26 марта появились официальное сообщение о Конференции Р. С.-Д. Р. П. и анонимная статья, где автор ¹⁴⁾, вслед за резолюцией заграничных групп соц.-демократов, осыпает Конференцию потоком ругани. Конференция эта явилась заключением четырехлетней борьбы Р. С.-Д. Р. П. с ликвидаторами и состоялась, несмотря на все интриги ликвидаторов, которые хотели во что бы то ни стало помешать восстановлению партии. Конференция объявила ликвидаторов стоящими вне партии. Естественно, что ликвидаторы и все к ним примыкающие теперь нападают на Конференцию.

Так как «*Vorwärts*» отказывается дать место нашим возражениям против лжи и брани анонима и продолжает свою кампанию в духе ликвидаторов, то мы выпускаем для информации немецких товарищей это возражение в виде отдельной брошюры.

Она посвящена, главным образом, краткому изложению значения, хода и результатов борьбы с ликвидаторами.

Редакция Ц. О. Р. С.-Д. Р. П.
«Социал-Демократ».

Р. С. Наша брошюра была уже сдана в печать, когда появился № 16 Плехановского «Дневника Социал-Демократа» (апрель 1912 г.). Этот № дает лучшее доказательство того, что «*Vorwärts*» был обманут анонимом и с своей стороны вводил в заблуждение немецких рабочих.

Плеханов прямо объясняет, не будучи единомышленником состоявшейся в январе 1912 г. Конференции, объясняет как раз, что Бунд не созывает конференций из существующих

партийных организаций, но «у ч р е д и т е л ь н у ю», т.-е. такую, которая должна основать новую партию, что организаторы этой конференции кладут в основу «т и п и ч н о а на р х и ч е с к и й п р и н ц и п», что они пришлили «ликвидаторскую резолюцию», что эта новая конференция «созывается ликвидаторами».

Нельзя не выразить своего удивления тому, с какой наивностью некоторые немецкие товарищи приняли всерьез все страшные выражения, как «узурпация», «государственный переворот», с какими иностранные группы русской социал-демократии набросились на Конференцию русских организаций Р. С.-Д. Р. П. И однако нельзя забыть поговорки, что всякий осужденный вправе в продолжении 24 часов ругать своих судей.

В статье «*Vorwärts'a*» от 26 марта, озаглавленной: «Из жизни русской партии», приведено официальное сообщение Конференции, которое говорит об исключении ликвидаторов из партии. Дело—прочно и ясно: русские организации Р. С.-Д. Р. П. стали на ту точку зрения, что совместная работа с ликвидаторами невозможна. Можно, конечно, в этом пункте держаться других взглядов: но тогда нужно было обязательно несколько ближе коснуться оснований такого вывода и всей истории четырехлетней борьбы с ликвидаторством! А между тем автор анонимной статьи в «*Vorwärts'e*» не говорит ни слова по существу об этом основном вопросе. Конечно, это говорит об очень посредственном уважении к читателям, если так умалчивают о важнейшем пункте дела и зато облегчают свое сердце мелодраматическими излияниями. И как беспомощен наш аноним там, где факту разрыва между партией и ликвидаторством ничего не может противопоставить, кроме ругани!

Достаточно, если мы выхватим несколько курьезов из демагорской статьи неизвестного автора. Он говорит, что в Конференции не приняли участия «направления» или «группы»: «Вперед», «Правда», «Голос Соц.-Демократа»¹⁵⁾ и т. д. Что значило бы для какого-нибудь немецкого социал-демократа, что в Партийтаге не выступали «группа» или «фракция Фридеберга» или «Sozialistische Monatshefte»¹⁶⁾? И у нас, в нашей партии также обыкновение, что в Конференции принимают участие организации, действующие в России, а не всякие заграничные «фракции»

или «группы». Что эти «группы» расходятся с русскими организациями, в этом одном их самое сильное осуждение, их смертный приговор, который они заслужили совершенно по праву. История русской эмиграции—как и всех других стран—изобилует случаями, когда такие «фракции» или «группы», раз отчужденные от работы с.-д-ских работников в России, естественно обрекались на смерть.

Не курьезно ли, когда наш автор восклицает, что меньшевики-партийцы (т.-е. антиликвидаторы), участвовавшие на Конференции, даже Плехановым были дезавуированы? Киевская организация могла, конечно, дезавуировать заграничных плехановцев (т.-е. сторонников Плеханова); но никакой отдельный литератор за границей не мог с своей стороны «дезавуировать» Киевскую организацию. Организации Петербургская, Московская, Московская окружная, Казанская, Саратовская, Тифлисская, Бакинская, Николаевская, Киевская, Екатеринославская, Виленская и Двинская «дезавуировали» все заграничные группки, которые помогали ликвидаторам или делали им глазки. И здесь крики и брань «дезавуированных» вряд ли могли что-нибудь изменить.

И дальше, не курьезно ли, когда автор с изворотливостью утверждает, что «национальные» соц.-демократические организации в России (Польская, Латышская, Бунд) и Кавказский Областной Комитет представляют «самые старые, самые сильные организации нашей русской партии, собственно, спинной хребет движения»? Проблематичность существования Кавказского Областного Комитета во всяком случае известна и доказывается характером его выступления на Конференции 1908 г. Поляки и латыши в первые 9 лет существования Р. С.-Д. Р. П. (1898—1907 г.г.) вели совершенно обособленную от нее жизнь;—по существу изолированное существование продолжалось также и в 1907—1911 г.г. Бунд в 1903 г. вышел из Партии и до 1906 (точнее 1907 г.) стоял вне ее. Его единства с партией не было, как официально установлено Конференцией Р. С.-Д. Р. П. 1908 г., до сих пор. Внутри Латышской организации и Бунда брали вверх то ликвидаторские, то антиликвидаторские течения; что касается поляков, то в 1903 г. они были на стороне меньшевиков, в 1905 г. видели их на стороне большевиков, в 1912 г. они сделали неудачную попытку примирения с ликвидаторами.

Эту последнюю неудачу автор стыдливо старается прикрыть следующей фразой: «В начале принимал участие на этой конфе-

ренции также представитель социал-демократии Польши и Пиги-
вы». Почему же только в начале? Мы обращаемся только
к официальному сообщению Бунда об этой конференции и нахо-
дим там объяснение этого стыдливого умолчания. Именно там
значится черным по белому: представитель от поляков покинул
конференцию и внес письменное объяснение, почему ему нельзя
было работать с конференцией: там были заметны дух пристра-
стия и склон к ликвидаторам.

Конечно, нагромождать пустые, ничего не говорящие фразы
о «единстве» (с ликвидаторами?), как любит делать автор, значи-
тельно легче, чем испытать на их собственном содержимом на-
правление ликвидаторов, их отказы содействовать восстановле-
нию партии, их работу по разрушению Ц. К. Партии. И еще легче
составлять фразы, если при этом замалчивать факт вроде того,
что представитель от поляков должен был отказаться, как от
бесцелевой, от совместной работы — не с большевиками или ле-
нинцами, боже упаси! — но с бундовцами и латышами.

Каково собственно происхождение ликвидаторства, и почему
Конференция 1912 г. вынуждена была конституироваться, как
высший партийный орган, и исключить ликвидаторов?

Контр-революция в России внесла сильное разложение
в ряды нашей партии. На пролетариат обрушились неслыханные,
бешеные репрессии. В буржуазии ренегатство приняло широкие
размеры. Буржуазные попутчики, которые естественно при-
мкнули к пролетариату, как к главному борцу нашей буржуазной
революции 1905 г., начали поворачиваться спиной к Социал-
Демократической Партии. Это отпадение произошло в двух на-
правлениях: ликвидаторства и отзовизма. Ядро
первых образовала большая часть меньшевистских литераторов
(Потресов, Левицкий, Ларин, Мартов, Дан, Мартынов и др.).
Они объявили нелегальную партию уже ликвидированной и
всякую попытку ее восстановления — реакционной утопией. Их
лозунг был — открытая рабочая партия. Само собою разумеется,
что при политических отношениях в России, где даже партия либе-
ралов — кадетская — не легализирована, образование открытой
С.-Д. Р. П. должно оставаться ничем иным, как благочестивым
пожеланием. Ликвидаторы отрясли с себя нелегальную
партию, но и не выполнили обязанности основать легаль-
ную. В большинстве случаев дело свелось к тому, что в ле-
гальных органах насмехались над «подпольем», хоронили его

в унисон с либералами и превозносили идеи либеральной рабочей политики.

Плеханов справедливо сравнивал ликвидаторскую «Нашу Зарю» с германским «Sozialistische Monatshefte». Меньшевик Плеханов (о большевиках, само собою разумеется, нечего и говорить) объявил ликвидаторству беспощадную борьбу, отказался от сотрудничества во всех их литературных органах и порвал с Мартовым и Аксельродом. «Человек, для которого наша партия не существует,—писал Плеханов в партийном Ц. О. про Потресова,— сам не существует для нее». Еще в декабре 1908 г. партийная Конференция решительно осудила ликвидаторство, которое она характеризовала, как «попытку со стороны некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и ее (хорошенько заметьте это!) заменить бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало». Само собою разумеется, что необходимость для Р. С.-Д. Р. П. использовать все легальные возможности не только не отбрасывалась, но, наоборот, самым решительным образом рекомендовалась. Открытая легальная партия в России—невозможна, и только оппортунисты-интеллигенты могли говорить о такой. Тип нашей партийной организации можно—до известной границы, конечно—сравнивать с немецкой во время исключительного закона против социалистов: легальная парламентская фракция, всякие легальные рабочие общества, как необходимое условие,—однако нелегальная партийная организация,—как базис.

«Отзовисты» хотели отозвать соц.-дем. фракцию из III Гос. Думы, выдвинув лозунгом бойкот этой последней. К отзовистам примкнула часть большевиков, которой Ленин, Зиновьев, Каменев и др. объявили решительную войну. Отзовисты и их защитники образовали группу «Вперед», литераторы которой (Максимов, Луначарский, Богданов ¹⁷⁾, Алексинский) проповедывали различные формы идсалистической философии—под громким титулом «пролетарской философии»—и объединение реалиги и и социализма ¹⁸⁾. Влияние этой группы всегда было очень незначительно, и она влачила свое существование исключительно благодаря «компромиссам» с оторвавшимися от России и бессильными заграничными группами. Группы последнего рода неизбежно существуют при всяком расколе, колеблются то туда, то сюда, занимаются торгашеством, но не представляют никакого

направления, и их деятельность проявляется прежде всего в путем интриганстве; к этим группам принадлежит также и «Правда» Троцкого.

Для всякого марксиста, конечно, ясно, что как ликвидаторство, так и отзовизм представляют мелко-буржуазные течения, которые извлекают буржуазных попутчиков из Социал-Демократической Партии. «Мир» или «примирение» с этими течениями и *a priori* исключены. Соц.-Дем. Партия должна или сама погибнуть, или совершенно избавиться от этих течений.

Правильность этого теоретического вывода доказывает опыт примирительной попытки в январе 1910 г., когда последний Пленум Ц. К. единогласно, при участии ликвидаторов и отзовистов, провозгласил тезис, что как те, так и другие течения—не социал-демократичны¹⁹⁾. Но среди них это осталось невинным пожеланием: как ликвидаторы, так и отзовисты, «подписавшие» соответствующую резолюцию, продолжали, по здорову живешь, вести свою антипартийную пропаганду. Весь 1910 г. продолжалась все растущая борьба с обоими течениями. Цитированные выше слова Цлеханова датированы марта 1910 г., а в мае Ленин от имени всех большевиков заявил, что, после нарушения ликвидаторами январской резолюции, о примирении с ними не может быть и речи²⁰⁾.

Попытка восстановить Ц. К. в России рушилась из-за отказа ликвидаторов совместно работать над этим. Как якорь спасения «единства» осталось только созвать Ц. К. за границей. Эта попытка была сделана в мае 1911 года. Из 15 членов Ц. К.—9 находились за границей, 8 пришли на заседание... и 2 ликвидатора—«голосовец» (сторонник «Голоса») Игорев²¹⁾ и бундовец (Бер) тотчас оставили его, чем окончательно разнесли вдребезги Ц. К. партии.

Отказ ликвидаторов принять участие в Ц. К. означал с их стороны полный раскол и разрушение Ц. К. За границей осталось теперь еще одно центральное учреждение—так наз. З. Б. Ц. К. Большевики ушли из него с развалом Ц. К. Там остались поляки, латыши, бундовцы и «голосовцы» (=заграничные ликвидаторы). Т.е.—как может убедиться читатель, знающий статью в «Vorwärts'e»—то же самое, что и состав знаменитой конференции Бунда, так как Кавказский Областной Комитет еще в 1908 г. передал свои мандаты «голосовцам». Теперь желаете видеть, что сделали эти—

как гласит новейшее открытие нашего анонима—«самые старые» и самые крепкие русские организации. Они оказались не в состоянии оставаться в одиночестве и сами распустили Заграничное Бюро!

Уже осенью 1911 г. З. Б. Ц. К. опубликовывает заявление, что оно распускает себя; Плеханов посвятил ему в своем «Дневнике» следующие прощальные строки: «Вечная память! Этот партийный орган, который сделался орудием в руках людей, желавших ликвидировать партию, и грозил нанести всяческий ущерб делу русского пролетариата, мог оказать ему только одиу услугу—благополучно умереть» («Дневник Социал-Демократа», 2, Приложение к № 15, стр. 1). Эта характеристика Плеханова, про которого никак нельзя сказать, что он—сторонник Конференции, достаточно показывает, как смешно притворство тех, кто кричит об «узурпации» и т. д.

Оставался открытым еще один путь, чтобы осуществить единство партии,—созыв Конференции русских организаций. Национальные организации (поляки, латыши, бундовцы) стояли совершенно вне русской работы, чтобы сделать что-нибудь для этой Конференции.

26 ноября 1910 г. появилось обращение Троцкого о созыве Конференции. Его поддержали (на словах) «впередовцы» и «голосовцы» (==заграничные ликвидаторы). Но, как можно было предвидеть по бессилию этих групп, все их усилия не дали самых ничтожных результатов.

В июне 1911 г. обращение последовало со стороны большевиков, «примиренцев» (иначе «большевиков-партийцев») и поляков.

Работа началась с приглашения наиболее сильной тогда организации—Киевской. В октябре 1911 г. возникла «Российская (т.-е. работающая в России, созданная русскими организациями) Организационная Комиссия». Эта комиссия была делом организаций Киевской, Екатеринославской, Тифлисской, Бакинской и Екатеринбургской, к которым скоро примкнуло еще 20 организаций. Привлечение представителей русских организаций говорило сразу за сильное превосходство большевиков (так наз. «ленинцев») и меньшевиков-партийцев. *Inde ira* (отсюда гнев) заграничных групп, которые были «дезавуированы», постому что у них не оказалось сторонников в России.

В январе 1912 г. Р. Орг. Ком. собрала, наконец, Конференцию, на которую были приглашены в се без исключения русские

организации. Не явились как ликвидаторы, так и «националы» (поляки, латыши, Бунд) и все заграничные группки, колебавшиеся то туда, то сюда. После того, как Конференция убедилась, что русские организации были представлены с максимальной при неслыханно-тяжелом положении партии возможностью, после того, как она констатировала, что партия в России—без руководства центрального органа, а за границей продолжается раскол, и что предстоящие выборы в IV Думу требуют неотложного восстановления партии, она конституировала себя в качестве высшего партийного органа и выбрала Ц. К., объявив ликвидаторов—вне партии²²).

Таков ход и исход долголетней борьбы. Удастся ли ликвидаторам создать «открытую» партию, или они состряпают фиктивную партию на основе какого-нибудь лживого компромисса,—даст ответ будущее.

Существуют ли ясные, достаточно испытанные данные о силе ликвидаторов и партийцев,—сторонников Конференции, в самой России? Да. В России существуют два—и только два—политических общерусских органа, где работают вместе литераторы-марксисты и члены думской фракции. Эти органы представляют «направления», однако не в форме полных ругани заграничных листков, а открытой, серьезной писательской работы, целый ряд лет. Конечно, это—не партийные органы; они строго легальны и держатся рамок, установленных существующим в России режимом. Однако в се важнейшие оттенки теоретической мысли социал-демократии находят там в общем безусловно правильную передачу. Вне двух «направлений»—ликвидаторства и антиликвидаторства (сторонников Конференции)—не представлены никакие другие, так как никакого другого сколько-нибудь серьезного «направления» не существует вовсе. Все эти группки—«Правда», «Вперед», «большевики-партийцы» (или «примиренцы», сторонники примирения) и т. д.—равны нулю. Взгляды ликвидаторов находят в России выражение в ежемесячнике: «Наша Заря» (существует с 1910 г.) и в еженедельнике: «Живое Слово» (последний № 8). Взгляды партийцев (большевики и меньшевики-партийцы)—в ежемесячнике «Просвещение» (существует с 1911 г.—прежде «Мысль») и в газете «Звезда» (последний № 53). Нет ничего ошибочнее взгляда, будто партийцы социал-демократы отбрасывают «легальную» работу: наоборот, они и в этой работе сильнее ликвидаторов. Единственно

бесспорная, общерусская открытая организация легальных соц.-демократов—соц.-демократ. думская фракция. Она строго легальна и не имеет никакого прямого отношения к партии. Но все ее члены—известны, и известно также, какое направление каждый из них представляет.

В ликвидаторском «Живом Деле» фигурируют в качестве постоянных сотрудников два члена думской фракции—Астраханцев и Кузнецов²³). В антиликвидаторской «Звезде» находим 8 членов Думы: Воронина, Войлошникова, Егорова, Захарова, Покровского, Предкальна, Полетаева и Суркова. Два думских депутата, Чхеидзе и Гегечкори, не работают ни там, ни здесь. Один (Шурканов)—сотрудник обоих органов.

Мы видим отношение: 2 к 8! Это действительно бесспорные, достаточно испытанные, ясные данные, чтобы судить о силе отношений между ликвидаторами и антиликвидаторами. При таких условиях не стоит труда терять еще слова на хвастливое утверждение неизвестного автора, будто сильное большинство за ликвидаторов и т. д. Эти фразы à la Тартарен из Тараскона²³) очень напоминают Троцкого²²) для того, чтобы можно было всерьез дискутировать об этом.

Борьба внутри Р. С.-Д. Р. П. принимает подчас очень тяжелые формы. Иначе и не может быть при условиях эмигрантской жизни, иначе не было ни в какой другой стране, обретенной на контр-революцию и эмигрантщину.

Обвинять эти формы борьбы в высокопарных фразах, отстранять их прочь, довольствоваться филистерски-смазанными рассуждениями о «пользе единства»—одно только легкомыслие. У кого есть серьезная цель изучить историю Р. С.-Д. Р. П. в тяжелые 1908—1911 г.г., у того в распоряжении большое количество нелегальной и еще большее—легальной литературы. Она содержит поучительнейший материал, о характере направлений,

²³) Раньше короткое время был еще третий—Белоусов. Теперь этот крайний ликвидатор—русский Биссолати!—вышел из думской фракции. Она предостерегает открыто всех избирателей относительно его и требует его ухода из Думы. Маленький пример того, как далеко может повести иногда последовательное ликвидаторство!

²⁴) Во время Копенгагенского Конгресса Троцкий опубликовал в «Vorwärts'e» анонимную статью, полную таких некрасивых выпадов против Р.-С. Д. Р. П., что не только Ленин, но и Плеханов и Варский, члены русской делегации, были вынуждены послать Правлению письменный протест²⁴).

о принципиальном значении расхождений, о корнях борьбы, обстоятельствах и условиях ее развития и т. д.

Никакая Социал-Демократическая Партия в мире не организовывалась — особенно в эпоху буржуазных революций — без тяжелой борьбы и ряда расколов с буржуазными попутчиками пролетариата. В тяжелой борьбе против таких попутчиков организуется с 1898 г., растет, крепнет и закаляется, несмотря на все препятствия, также Р. С.-Д. Р. П.

*Редакция Ц. О. Р. С.-Д. Р. П.
«Социал-Демократ».*

Ленская бойня и 3-я июньская монархия.

В кровавых преступлениях зачата III Дума, кровавым преступлением кончаются ее дни. Правительство, либеральные куницы и либеральные помещики в один голос стараются уверить и русский народ и европейскую биржу, что III Дума была первым действительным представительным собранием в России, что она укрепила «конституцию», что ее пятилетнее существование оказалось неоценимые услуги народу и идее конституционного правления. Но одно забывают они добавить, что III Думу Романовы, Столышины и Гучковы могли создать только перебивши десятки тысяч борцов за народное освобождение; что в основе ее лежит государственный переворот, увенчанный провокаторским заговором против с.-д. фракции II Думы, чтобы удержать эту Думу понадобилось тысячи и тысячи виселиц, не перестававших работать во все время ее существования. Кровавая бойня на Лене— лишь достойное детище того «обновленного режима», в котором палач и провокатор являются истинными хозяевами государства. Из 3000 толпы расстреляно 500, это значит, что под солдатскими пулями пал каждый шестой рабочий: жестокость и меткость стрельбы, невиданная даже в России, где научились «не жалеть патронов»²⁵) с самого момента возникновения рабочего движения.

И надо же было случиться, чтобы во главе расстреливающих рабочих солдат стала какая-то человекообразная машина в жандармском мундире, которая при ближайшем рассмотрении оказалась точнейшим воплощением всей романовской монархии. Газеты сообщили, что в Киеве он был провокатором, а в Сормове палачом, повесившим 80 рабочих. Провокатор и палач в ротмистре Трещенке скрывался под мундиром начальника охранного отделения. Но под министерским мундиром Столышина не скрывался ли тот же провокатор и палач лишь во всероссийском масштабе? И под императорской мантией Николая Романова не живет

ли тот же провокатор и палач? Трещенко расстрелял сотни, но Столыпин и Романов не расстреляли ли тысячи? Трещенко подкладывал провокаторские бомбы рабочим, но Романовы и Столыпины, Макаровы, Курловы и Чусевичи не на азебах ли и бродских построили они свое благополучие?

Не в том дело, мирная или немирная, экономическая или политическая стачка протекала на рудниках золотопромышленной компании, а в том дело, что на берегах Лены действовал точнейший, типичнейший и достойнейший представитель всей сущности романовской монархии, всех методов ее управления, один из тех, на кого она реально держится.

Думе предоставлено одобрять бюджет, парандировать перед Западной Европой и подробно обсуждать проекты законов, которые одним росчерком Николая или Государственным Советом уничтожаются в корне. Гучкову предоставлено выражать «пожелания» и аплодировать министрам, Милюкову предоставлено рядиться в английские обноски «оппозиции его величества». Но действительная власть в России принадлежит Трещенкам. И они властвуют над народом штыком и пулей. И потому не в том сейчас заключается задача русского народа и пролетариата, чтобы отвоевать от Трещенки какие-либо права, а в том, чтобы вырвать у него его штык, его власть.

4 апреля этот Трещенко расстрелял 500 стачечников, а 11-го, не отмывши рук, он—в лице министра его императорского величества, самодержца всероссийского—взошел на трибуну Государственной Думы и заявил: «так было и так будет»²⁶).

Но еще раньше, чем царский слуга Трещенко заявил свою волю и впредь—несмотря ни на какие Думы—отстаивать свою власть расстрелами народа, социал-демократический депутат Кузнецов напомнил русским рабочим, что «нас всегда расстреливали» и что 9 января на площади Зимнего Дворца нас расстреливал царь. «Царя не касайтесь», крикнула рабочему депутату III Думы; «я вас покорнейше прошу здесь высочайшей власти не касаться»,—заявил ее председатель.

III Дума защищает царя; рабочий класс не может не касаться трещенковского царя, когда царский Трещенко касается рабочего класса. С думской трибуны с.-д. депутат Кузнецов выразил то негодование и ту жажду борьбы, которые охватили рабочий класс России при известии о кровавой бани на Лене. И он правильно выразил мысль всех рабочих России, когда заявил: «Для нас рабочих не нужно никакого вашего расследования. Для нас причина

ясна: мы знаем, кто является главными виновниками массового убийства рабочих на Лене» и когда возложил эту вину не только на капиталистов, не только на Трещенку, но и на саму III Думу.

По горло стояла III Дума в крови рабочих и крестьян, теперь она предстанет на суд народный покрытая кровью по макушку. И не станет рабочий класс под этой кровавой замазкой искать оттенков различия между Коковцевыми и Столыпинами, Макаровыми и Курловыми, Гучковыми и Балашовыми. Вся шайка контрреволюции, превратившаяся под верховенством царя в золотопромышленную компанию, а Россию превратившая в свой рудник, из которого золото добывается обильно смоченное не только потом, но и кровью рабочих, вся царская монархия, монархия провокаторов и палачей,—должна быть сметена с лица земли.

Далеко от центров поднялось зарево, но стоило ему подняться, чтобы разом вскрылись все внутренние пружины современного строя и чтобы кровавым светом окрасилась длинная цепь как будто разнородных фигур.

Английские капиталисты (надо думать просвещенные либералы у себя дома) и начальник русского охранного отделения, истинно-русские царские губернатор и прокурор и истинно-биржевой барон Альфред Гинзбург, члены Государственного Совета, гвардейские офицеры, придворные лакеи в генеральских мундирах и биржевой заяц Жданов, либеральный ех-министр Виттевского кабинета Тимирязев и заведовавший департаментом полиции Макаров, Лондон и Петербург, Дворец и Биржа, Охранка и Дума—все и вся оказались связанными крепкими узами взаимных услуг и взаимной поддержки в деле эксплоатации рабочих.

Ленский расстрел с ясностью, бросающейся в глаза всякому, сразу вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью напитанный, клубок международный капитал, царский дворец, охранные отделения; как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в «национальной» Думе защищает барыши предприятия истинно-еврейского барона.

Тот ответ, который дали на ленский расстрел рабочие Петербурга, Риги, Саратова, Киева, Одессы, Екатеринослава, Харькова, Херсона, Николаева, Сормово забастовками, митингами и демонстрациями показывает, что единению всех эксплоататоров рабочий класс России готовится противопоставить единение рабочих в борьбе с современным строем.

Низвержение романовской монархии в России должно быть лишь первым этапом в борьбе рабочих со всей буржуазией за уничтожение капитализма, за социализм!

«Социал-Демократ» № 26
от 25 апреля (8 мая) 1912 г.

Ликвидаторы против партии.

Против партийной конференции ликвидаторами всех оттенков ведется в легальной русской печати травля, грациозному бесстыдству которой должны позавидовать Булгарины и Буренины. Статьи в «Живом Деле», открыто допрашивающие делегатов о том, кем они были посланы, и под защитой цензуры нападающие на то, чего нельзя в легальной печати защищать, представляют такой образчик забвения элементарных правил литературной честности, что должны были бы вызвать не только протест сторонников конференции, но и отвращение всех просто честных политических деятелей. А статьи анонимного осведомителя «Vorwärts'a» отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки *).

Припертые к стене группы и кружки ликвидаторов не ограничиваются, однако, кампанией клеветы против партии. Они пытаются созвать свою конференцию. Употреблены, конечно, все меры, чтобы О. К., созывающему эту конференцию, придать вид «партийности», «нефракционности», «объединения». Ведь эти слова так удобны, ...когда требуется поймать на ликвидаторскую удочку всех почему-либо недовольных партийной конференцией. Троцкому поручили воспеть все добродетели О. К. и грядущей ликвидаторской конференции: кому же, как не «профессиональному объединителю» было это и поручить? И он воспел... всеми шрифтами, имеющимися в распоряжении Венской типографии: «впередовцы, голосовцы, большевики-партийцы, меньшевики-партийцы, так называемые ликвидаторы и нефракционные — в России и за

*) Чтобы ознакомить немецких товарищей с действительным положением дел в Р. С.-Д. Р. И., редакция Центрального Органа выпустила на немецком языке специальную брошюру, разоблачающую, между прочим, приемы Анонима «Vorwärts'a» (см. выше 77—89 стр. этого тома. Ред.).

границей—решительно поддерживают работу... О. К. («Правда» № 24).

Бедняга опять... солгал и опять просчитался. С таким треском и шумом подготовлявшийся против Конференции 1912 года блок под гегемонией ликвидаторов трещит по всем швам и трещит потому, что ликвидаторы слишком явно показали свои уши Поляки отказались от участия в О. К. Плеханов после переписки с представителем последней выяснил несколько любопытных подробностей: 1) что конференция предполагается «учредительной», т.-е. конференция не Р. С.-Д. Р. П., а некоей новой партии; 2) что в основу ее созыва положен «анархический» принцип; 3) что «конференция созывается ликвидаторами». После того, как эти обстоятельства были выяснены тов. Плехановым, нас уже не могло удивить, что так называемые большевики(?)—примиренцы набрались храбрости и решили уличить Троцкого в том, что он... сказал неправду, зачислив их в сторонники О. К. «Этот О. К. в своем нынешнем составе, с его явной тенденцией навязать всей партии свое отношение к ликвидаторам, с теми принципами организационной анархии, которые он положил в основу пополнения своего состава,—этот О. К. ни в малейшей степени не гарантирует созыва действительно общепартийной конференции,—так отзываются ныне об О. К. наши расхрабрившиеся «партийцы». Где пребывают ныне наши левые из левых, впередовцы, поторопившиеся в свое время расписаться в сочувствии О. К., нам неизвестно, но это и не важно: важно то, что ликвидаторский характер созываемой О. К. конференции установлен Плехановым с неопровержимой ясностью и что государственные умы «примиренцев» должны были склониться перед этим фактом. Кто же остался? Явные ликвидаторы и Троцкий...

Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «по-прежнему» свою линию в «Живом Деле» и «Нашей Заре», а Троцкий—из-за границы—прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает.

Из этой истории вытекает один маленький урок для заграничных воздыхателей о единстве, сочинивших недавно парижский листок за «партию». Для того, чтобы строить партию, мало уметь кричать: «единство», надо еще иметь какую-либо политическую программу, программу политических действий. Блок ликвидаторов, Троцкого, впередовцев, поляков, большевиков(?)—

партийцев, парижских меньшевиков и пр. и пр. и пр. был заранее обречен на скандальный провал, ибо он был построен на беспричинности, лицемерии и пустой фразе. А воздыхателям не грех бы, наконец, решить для себя сложнейший и труднейший вопрос: с кем они хотят единства? Ежели с ликвидаторами, то отчего не сказать этого без ужимок; если же они против объединения с ликвидаторами, то о каком единстве они вздыхают?

Январская конференция и выбранные ею органы — единственное, что сейчас на деле объединяет всех работников Р. С.-Д. Р. П. в России. Вне ее — лишь посул бундовцев с Троцким создать ликвидаторскую конференцию О. К. и переживающие ликвидаторское похмелье «примиренцы».

«Социал-Демократ» № 26

от 25 апреля (8 мая) 1912 года.

Памяти Герцена.

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался революционер Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарай, ярачунов, секундов, серальников» да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкорчленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя. Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое

поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России сороковых годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирея и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естественников-эмпириков и тьмы тем нынешних философов-идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом.

Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером-социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 1848 года форм и разновидностей буржуазного и мелко-буржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями²⁷⁾. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, добroe мечтание, в которое облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом будущих иллюзий в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела. Это не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языоблудия, которые прикрывают теперь свою контр-революционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании революции иона иерея, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 1848 году,

который восстановлял разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который проклинал, не умев понять его классовой природы, Герцен.

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суповой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: «Письма к старому товарищу», Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину». Но все же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,—к тому Интернационалу, который начал «собирать полки» пролетариата, объединять «мир рабочий», «покидающий мир пользующихся без работы».

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм до-марковского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен—основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве—вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров»—нет ни грана социализма. Это—такая же прекраснодушная фраза, такое же добре мечтание, облекающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 1848 года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равен-

ству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с другой стороны, революционные крестьяне («трудовики» и «крестьянский союз»), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до «отмены частной собственности на землю», боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет «социалистичности» права на землю и т. п. служат только к затяжной и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии интересов либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской будущности революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей—в этом его великую заслугу. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов²⁸⁾. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 году, он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слашавые письма в «Колоколе» к Александру II Бешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его либеральные тенденции, восстал против конституции,

напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедывать терпение, Герцен оправдал с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его «тощий, нелепый, вредный памфлет», писанный «для незванного руководства либеральничающему правительству», на кавелинские «политико-сантиментальные сентенции», изображающие «русский народ скотом, а правительство — умницей». «Колокол» поместил статью «Надгробное слово», в которой бичевал «профессоров, выносящих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идеек, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин²⁹⁾ писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошиими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами».

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненых при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине» (мужского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя³⁰⁾.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смущился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского,—писал он Тургеневу,—и за это пострадали от рабского большинства».

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отря-

дом примкнет к крестьянам, вместо, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным». Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года), Герцен писал в «Колоколе»:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещиков, ненавидишь подьячего, боишься их—и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри—темные, как ты, бедные, как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память о них может совершить одно чудо—твое освобождение».

Отсюда видно, как подло и низко клевещут на Герцена окопавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России, в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х годах, он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с наро-

дом. «Молодые штурманы будущей бури»,—звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это—движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;—учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы;—учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с в о л ь н ы м р у с с к и м с л о в о м .

«Социал-Демократ» № 26
от 25 апреля (8 мая) 1912 года.

Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии.

Политические стачки и начало демонстраций по поводу ленского побоища показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России. И на задачи Партии, и на ее роль в избирательной кампании это сгущение революционной атмосферы бросает яркий свет.

Кризис нарастает в новой обстановке. Черная Дума, дающая помещикам власть, буржуазии—арену для сделок, пролетариату—маленькую трибуну, составляет необходимую принадлежность этой обстановки. Нам нужна эта трибуна, нам нужна избирательная кампания для революционной работы в массах. Нам нужна нелегальная партия для руководства всей этой работой в ее целом, и в Таврическом дворце, и на Казанской площади, и на рабочей массовке, и во время стачки, и на районном собрании рабочих социал-демократов, и на открытом собрании профессионального союза. Только безнадежно слепые люди могут не

видеть даже теперь всей вздорности, всей гибельности для рабочего класса отзовизма и ликвидаторства, этих плодов распада и развала эпохи торжества контр-революции. Пример народников наглядно показал нам, какой скандальный и о ль получается от сложения ликвидаторства «трудовиков», а равно легальных литераторов «Русского Богатства» и «Современника» и отзовизма «партии» социал-революционеров.

Подведем общий итог тому, что показала предвыборная мобилизация политических сил. Три лагеря показали себя ясно: 1) Правые за правительство—от Пуришкевича до Гучкова. Черносотенный помещик и старозаветный купец горой за правительство. 2) Либеральныe буржуа—«прогрессисты» и кадеты вместе с группами разных «националов»—против правительства и против революции. В контр-революционности либерализма—одна из главных особенностей данного исторического момента. Кто не видит этой контр-революционности «культурной» буржуазии, тот все забыл и ничему не научился, тот всес приемлет имя демократа, не говоря уже о социалисте. А трудовики и «наши» ликвидаторы плохо видят и плохо понимают! 3) Лагерь демократии, в котором только кое-революционные социал-демократы, антиликвидаторы, сплоченно, организованно, твердо, ясно развернули свое знамя революции. Трудовики и наши ликвидаторы колеблются между либерализмом и демократией, между легальной оппозицией и революцией.

Классовые корни, разделившие первый и второй лагерь, ясны. Но либералам удалось сбить с толку многих, от Водовозова до Дана, насчет классовых корней, разделивших второй лагерь от третьего. «Стратегия» либерала, наивно выболтанная Бланком в «Запросах Жизни», не хитра: кадеты—оппозиционный центр, коренник; пристяжки («фланги»)—прогрессисты справа, трудовики и ликвидаторы слева. На этой «тройке» г.г. Миллюковы надеются «ехать» к триумфу в роли «ответственной оппозиции».

Гегемония либералов в русском освободительном движении всегда означала и всегда будет означать его поражение. Либерал лавирует между монархией Пуришкевичей и революцией рабочих и крестьян, предавая вторую во всякий серьезный момент. Задача революции—использовать борьбу либералов с правительством инейтрализовать колебания и измени либерализма.

Попугать революцией и таким путем поделить власть с Пуришкевичем и Романовым, давя вместе революцию,—это политика либералов. И руководит этой политикой классовое положение буржуазии. Отсюда игра в дешевенький «демократизм» у кадетов и их реальное слияние с умереннейшим «прогрессизмом» Ефремовых, Львовых, Рябушинских и К-о.

Использовать борьбу либералов с Пуришкевичами из-за дележа власти, отнюдь не давая в народе сложиться «вере» в либерала,—для того, чтобы развить, усилить, укрепить революционный натиск масс, свергающий монархию, уничтожающий Пуришкевичей и Романовых дотла, такова тактика пролетарской партии. На выборах: сплотить демократию против в правых и против кадетов, «используя» на перебаллотировках, в печати, на собраниях борьбу либералов с правыми. Отсюда—необходимость революционной платформы, выходящей теперь же из рамок «легальности». Отсюда—лозунг республики, в противовес либеральной игре в «конституционные» лозунги, лозунги «распутинско-трещенковской конституции». Наше дело—готовить армию революционных борцов везде, всегда и повсюду, во всех формах работы, на всех поприщах деятельности, при всех поворотах, на какие бы нас ни осуждала победа реакции или измена либерализма или затяжка кризиса и т. д.

Посмотрите на трудовиков. Это—народнические ликвидаторы sans phrases. Мы—революционеры, «намекает» г. Всеволовозов, и о... нельзя же против 129-й статьи ³¹⁾, добавляет он. Сто лет спустя после рождения Герцена «партия» многомиллионного крестьянства не умеет даже издать листка—хотя бы гектографированного,—вопреки 129-й статье!! Тяготея к блоку «в первую очередь» с социал-демократами, трудовики не умеют сказать ясно про контр-революционность кадетов, не умеют положить начала республиканской крестьянской партии... А урок 1905—1907 и 1908—1911 годов именно так поставил вопрос: бороться за республику или лизать сапог Пуришкевича, лежать под розгой Маркова и Романова. Ичего выбора нет крестьянам.

Посмотрите на ликвидаторов. Как ни виляют, как ни вертятся Мартыновы, Мартовы и К-о, а всякий добросовестный и толковый читатель признает, что Р—ков и м е и н о и х взгляды подытожил, когда сказал: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма». О бъект и в-

ны й смысл этого крылатого слова: революция—иллюзии; поддержка «прогрессистов»—реальность. Ну, неужели же не видит теперь всякий, кто не закрывает нарочно глаз, что и м е н и о э т о говорят чуточку иными словами Даны и Мартовы, когда бросают лозунг: «вырывание Думы (Четвертой Думы, помещичьей Думы) из рук реакции»? когда сбиваются сотни раз на идею двух лагерей? когда кричат «не срывайте» прогрессивной работы либеральных буржуа? когда воюют против «левого блока»? когда самодовольно плюют в «Живом Деле» на «никем не читаемую заграничную литературу»? когда удовлетворяются на деле легальной платформой, легальными покушениями на организацию? когда создают ликвидаторские «инициативные группы», разрывая с революционной Р. С.-Д. Р. П.? Неужели неясно, что ту же песенку поют и Левицкие, философски углубляющие либеральные идеи о борьбе за право, и Неведомские с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, о т демократизма к либерализму, и Смирновы, делающие глазки «прогрессизму», и все прочие рыцари «Нашей Зари» и «Живого Дела»?

В действительности демократы и социал-демократы не могли бы никогда, даже если бы хотели, «сорвать» победы «прогрессистов» среди помещиков и буржуа. Это совсем пустые фразы. Серьезные разногласия не тут. Различие либеральной и социал-демократической рабочей политики не в этом. «Поддерживать» прогрессистов, видя в их «победах» «приближение к власти культурного буржуа», это—либеральная рабочая политика.

Мы, социал-демократы, видим в «победе» прогрессистов к о с-в е и н о е выражение демократического подъема. Использовать стычки прогрессистов с правыми надо, голый лозунг поддержки прогрессистов не годится. Наше дело—развивать демократический подъем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию. Не сумеет она окрепнуть и победить вопреки либералам,—тогда и и к а к о е «торжество» прогрессистов и кадетов на выборах ничего серьезного не изменит на деле в положении в России.

Что демократический подъем на-лицо, это теперь неоспоримо. Он идет труднее, медленнее, сложнее, чем мы могли бы желать, но он идет. Е г о надо «поддерживать» и развивать и выборной, и всякой иной работой. Организовывать революционную демократию,—ковать беспощадной критикой народнического ли-

ликвидаторства и народнического отзовизма республиканскую крестьянскую партию,—а прежде всего и больше всего очищаться «у себя дома» от ликвидаторства и отзовизма, укреплять революционную социал-демократическую работу в пролетариате и нелегальную Социал-Демократическую Рабочую Партию,—такова наша задача. Как сложится развязка растущего революционного кризиса,—зависит не от нас, а от тысячи причин, от революции в Азии и от социализма в Европе; но от нас зависит ведение последовательной и неуклонной работы в массах в духе марксизма, и только одна эта работа не проходит никогда бесследно.

«Социал-Демократ» № 26
от 25 апреля (8 мая) 1912 года

Землевладение в Европейской России.

Голодовка 30 миллионов крестьян снова и снова оживила вопрос о положении крестьянства в России. Обыкновенно в рассуждениях об этом вопросе упускают из виду главное, именно соотношение крупного, главным образом дворянского, помещичьего землевладения с положением крестьянства. На это главное мы и хотим обратить внимание читателей.

В 1907 году была издана министерством внутренних дел «Статистика землевладения 1905 года». По этим официальным данным, которые уже ни в каком случае нельзя заподозрить в пристрастии к крестьянам, можно составить довольно точное представление об одной из главных причин голодовок.

Правительственная статистика определила в 50 губерниях Европейской России количество земли в 395 миллионов десятин. Но эта цифра не дает картины действительного положения вещей, потому что в нее входит свыше 100 миллионов десятин казенных земель на Дальнем Севере, в губерниях: Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Для сельского хозяйства земли эти большей частью непригодны; это—тундры и леса Далекого Севера. Обыкновенно ссылаются на эти земли только для того, чтобы з а т е м и т ь действительное распределение той земли, которая в состоянии служить для сельского хозяйства.

Вычитывая эти земли, получаем общее количество годной земли в 280 миллионов десятин (с округлением). Из них земли

частновладельческой считают 101 миллион десятин, а надельной—139 миллионов. Надо выделить крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение.

О крупных имениях правительственная статистика сообщает такие сведения:

Частная личная поземельная собственность в Европейской России:

Размер владений.	Владений.	Земли де- сятин.	В среднем на одно владение десятин.
Свыше.			
500 до 2.000 дес.	21.748	20.590.708	947
2.000 » 10.000 »	5.386	20.602.109	3.825
10.000 »	699	20.798.504	29.754
Всего...	27.833	61.991.321	2.227

Эти данные неполны, так как не сосчитаны ни удельные земли, ни земли крупных торговых обществ и тому подобное. Но все же главное о русском помещичьем землевладении мы можем узнать из этих данных. Семьсот помещиков имеют 21 миллион десятин, т.-е. почти по тридцать тысяч десятин и каждый.

Меньше чем 28 тысяч помещиков имеют 62 миллиона десятин земли, то-есть в среднем по 2200 десятин на каждого. Необходимо добавить сюда удельные земли—их считают свыше пяти миллионов десятин. Затем более трех с половиной миллионов десятин земли принадлежит 272 «торгово-промышленным, фабричным и прочим» товариществам. Это, несомненно, крупные имения,—главная масса их сосредоточена в Пермской губернии; здесь девяти таким товариществам принадлежит почти полтора миллиона десятин земли (точная цифра 1.448.902).

Следовательно, всего мы получаем никак не менее, а наверное больше 70 миллионов десятин земли, принадлежащих самим крупным помещикам. Число этих крупных помещиков не доходит до 30 тысяч.

Возьмем теперь землевладение крестьян. По данным правительственной статистики, у крестьян с наименьшими наделами имелось надельной земли:

Н а д е л ь н а я з е м л я .

Размеры наделов.	Дворов.	Земли де- сятин.	В среднем на 1 двор десятин.
До 5 десятин . . .	2.857.650	9.030.333	3.1
5—8 » . . .	3.317.601	21.706.550	6.5
8—15 » . . .	3.932.485	42.182.923	10.7
Всего . . .	10.107.736	72.929.806	7.0

Итак, десять миллионов крестьянских семей—из всего числа около 13 миллионов—имеют 73 миллиона десятин земли. В среднем на двор приходится по семи десятин. Сюда надо прибавить мелкие частновладельческие имения: владельцев, имеющих до 10 десятин, считают 409.864, а земли у них 1.625.226 десятин, т.е. менее, чем по четыре десятины на двор. Следовательно, мы получаем около десяти с половиной миллионов крестьянских семей с 75 миллионами десятин земли.

Теперь мы можем свести вместе эти основные данные, которые очень часто забывают или представляют неверно при рассуждениях о крестьянском вопросе:

Крупное помещичье землевладение: 30 тысяч владельцев—70 миллионов десятин земли.

Мелкое крестьянское землевладение: десять с половиной миллионов владельцев—75 миллионов десятин земли.

Разумеется, это—валовые данные. Для более подробного изучения положения крестьян и значения крупных имений следует брать данные по различным областям или районам, даже иногда по отдельным губерниям. Но экономисты и правительственного, и либерального, и даже отчасти народнического лагеря очень часто затеяли суть вопроса о земле именно посредством ссылок на отдельные области или на отдельные частные стороны вопроса. Чтобы уяснить себе коренное значение вопроса о земле и о положении крестьян, надо не упускать из виду приведенных основных данных и не дозволять, чтобы основное затемнялось частностями.

Примеры таких затемнений мы приведем в следующей статье. Теперь же подведем первый основной итог. Земля в Европейской России распределяется так, что крупнейшие помещики, имеющие свыше 500 десятин, владеют 70 миллионами десятин, при чем число этих помещиков не достигает и 30 тысяч.

Громадное же большинство крестьян, именно десять с половиной миллионов семей, из всего числа 13 миллионов крестьянских семей, имеют 75 миллионов десятин земли.

Средний размер крупнейшего помещичьего имения—2200 десятин. Средний размер мелкого крестьянского участка—семь десятин.

Если бы земли тридцати тысяч крупнейших владельцев перешли к десяти миллионам крестьянских дворов, то землевладение этих дворов почти у двоилось бы.

Какие отношения по хозяйству между помещиками и крестьянами вытекают из такого распределения земли, об этом в следующий раз.

«Невская Звезда» № 3

от 6 мая 1912 года.

За подписью Р. Силин.

Трудовики и рабочая демократия.

Избирательная кампания по выборам в IV Думу внесла небольшое оживление и повысила интерес к политическим вопросам. Широкое движение, вызванное ленскими событиями, сделало это оживление серьезным, этот интерес особенно насущным. Более, чем когда-либо, теперь уместно обсуждение вопроса об отношении трудовиков, т.-е. крестьянской демократии, к рабочей демократии.

Г. В. Водовозов в статье «Трудовая группа и рабочая партия» (№ 17 «Запросов Жизни») излагает точку зрения на этот вопрос трудовиков, отвечая на мои статьи в «Звезде»: «Либерализм и демократия»*). Спор касается самой сути двух политических направлений, выражавших интересы девятидесятых народов России. Поэтому внимательнейшим образом отнесись к предмету спора обязательно для всякого демократа.

I.

Рабочая демократия стоит на точке зрения классовой борьбы. Наемные рабочие составляют определенный класс в современном обществе. Положение этого класса коренным образом отличается

*) См. выше 67-75 стр. этого тома. Ред.

от положения класса мелких хозяйствиков, крестьян. Поэтому не может быть и речи об их объединении в одной партии.

У рабочих цель—уничтожение наемного рабства путем устранения господства буржуазии. У крестьян—демократические требования, способные уничтожить крепостничество, во всех его социальных основах и проявлениях, но неспособные даже затронуть господство буржуазии.

Общие у тех и других задачи сближают в России в данную эпоху демократию крестьянскую и рабочую, которые не могут итти иначе, как врозь, но могут—и должны в интересах успеха—совместно действовать против всего противоречащего демократизму. Если эта совместность или общность действия не будет осуществлена, если крестьянская демократия не избавится от опеки либералов (кадетов), то не может быть и речи о серьезных демократических преобразованиях России.

Таковы взгляды рабочих демократов, марксистов, которые я развивал в двух статьях: «Либерализм и демократия».

Трудовики, взгляды которых излагает г. Водовозов, хотят быть «надклассовой» партией. Одна партия, по их убеждению, «вполне могла бы обслуживать интересы трех общественных классов»: крестьянства, рабочего класса и «трудовой интеллигенции».

Я сказал, что это «убеждение» противоречит: 1) всем истинам экономической науки, 2) всему опыту стран, переживавших эпохи, подобные современной эпохе в России, 3) опыту России в особенно важный, особенно критический период русской истории—1905 год. Я посмеялся над истинно-кадетской претензией «обнять» разные классы и напомнил, что кадеты называют г.г. Маклаковых «трудовой интеллигенцией».

Г. Водовозов, не приводя этих моих доводов полно и связно, пробует возражать урывками. Например, против первого довода он говорит: «Крестьянство является массой, живущей своим трудом; его интересы—интересы труда, и оно поэтому составляет один отряд великой армии труда, как другой отряд составляют рабочие».

Это не марксистская экономическая наука, а буржуазная: посредством фразы об интересах труда здесь затемняется коренная разница в положении хозяйствчика и наемного рабочего. Рабочий не имеет никаких средств производства и продает самого себя, свои руки, свою рабочую силу. Крестьянин имеет средства производства—орудия, скот, землю, свою или арендован-

ную,—и продает продукты своего хозяйства, будучи мелким хозяйствчиком, мелким предпринимателем, мелким буржуа.

Крестьяне и сейчас в России нанимают для своих хозяйств не менее двух миллионов сельско-хозяйственных наемных рабочих. А если бы все помещичьи земли без выкупа перешли к крестьянам, то они стали бы нанимать гораздо больше рабочих.

Такой переход земли к крестьянам составляет общий интерес всего крестьянства, всех наемных рабочих, всей демократии, потому что помещичье землевладение есть основа помещичьей политической власти такого типа, с которым особенно наглядно познакомил Россию Пуришкевич, затем Марков 2-й и прочие «третьюдумцы», националисты, октябристы и т. д.

Отсюда видно, что общая цель, которая стоит теперь перед крестьянами и рабочими, не имеет в себе ровнехонько ничего социалистического, вопреки мнению невежественных черносотенцев, а иногда и либералов. Цель эта—исключительно демократическая. Достижение этой цели было бы достижением свободы для России, но вовсе еще не уничтожением наемного рабства.

Для серьезной постановки совместных действий разных классов, для прочного и настоящего успеха таких действий, нужно ясное сознание того, в чем интересы этих классов сходятся и в чем они расходятся. Всякие заблуждения, «недоразумения» на этот счет, всякое затемнение дела фразами не может не иметь самого гибельного значения, не может не подрывать успеха.

II.

«Труд земледельческий отличается от труда фабричного; но ведь фабричный труд тоже отличается от труда приказчика в лавке,—и, однако, «Звезда» усиленно доказывает приказчикам, что они представляют один класс с рабочими, что потому они должны смотреть на социал-демократию, как на свою представительницу...

Так возражает г. Водовозов на доводы о глубоком классовом различии хозяйствчиков и наемных рабочих! Рассуждения г. Водовозова проникнуты и здесь обычным духом буржуазной политической экономии. Земледелец-хозяйчик принадлежит к одному классу с фабрикантом или ремесленником-хозяйчиком с торговцем-хозяйчиком; различие здесь есть не между классами, а между профессиями. Земледельческий наемный рабочий

принадлежит к одному классу с фабричным и торговым наемным рабочим.

Истины эти—все самые азбучные, с точки зрения марксизма. И г. Водовозов напрасно думает, что, если он назовет «мой» марксизм «крайне упрощенным», то этим он прикроет суть дела, именно, что трудовики постоянно сбиваются с марксистской политической экономии на буржуазную.

Такую же сбивчивость и в том же направлении обнаруживает г. Водовозов, когда мою ссылку на опыт всех стран и опыта России—относительно глубокого классового различия хозяйствиков и наемных рабочих—пробует опровергать указанием на то, что иногда один класс представляет разные партии, или наоборот. Рабочие в Европе идут иногда за либералами и анархистами, за клерикалами и т. п. Помещики бывают иногда разделены между разными партиями.

Что же этим доказывается? Только то, что, кроме классовых различий, и другие различия, например, религиозные, национальные и прочие—влияют на образование партий.

Этот факт верен, но какое же он имеет отношение к нашему спору? Указывает ли г. Водовозов для России те особые исторические условия, религиозные, национальные или другие, которые бы присоединялись в данном случае к классовым различиям?

Решительно никаких подобных условий г. Водовозов не указал и не мог указать. Спор шел исключительно о том, возможна ли у нас «надклассовая» партия, обслуживающая интересы трех «классов» (при чем «трудовую интеллигенцию» смешно называть классом).

На этот вопрос ясно отвечает теория: невозможно! Так же ясно отвечает опыт 1905 года, когда все классовые, групповые, национальные и прочие различия с особенной выпуклостью обнаружились в наиболее открытых и наиболее массовых действиях в один из чрезвычайно важных переломных моментов русской истории. Теорию марксизма подтвердил опыт 1905 года, показавший невозможность в России единой крестьянско-рабочей партии.

Все три Думы показали то же самое.

При чем же тут ссылка на то, что в разных странах Европы иногда бывали разделения одного класса на несколько партий или соединение разных классов под руководством одной партии?

Эта ссылка ровно не при чем. Этой ссылкой г. Водовозов только отходит—и читателя пытается отвести—в сторону от обсуждаемого вопроса.

Для успеха русской демократии крайне важно, чтобы она знала свои силы, чтобы она трезво смотрела на положение вещей, чтобы она отчетливо понимала, на какие классы она в состоянии рассчитывать. Обольщаться иллюзиями, заслонять классовые различия фразами, отдельываться от них добрыми пожеланиями—до последней степени вредно.

Надо прямо признать глубокую, неустранимую в пределах капиталистического общества, в пределах господства рынка, классовую рознь крестьян и рабочих в России. Надо прямо признать, в чем теперь их интересы сходятся. Надо объединять каждый класс, сплачивать его силы, развивать его сознание и определять эту общую задачу.

«Радикальная» (беру выражение г. Водовозова, хотя оно не кажется мне удачным) крестьянская партия—полезна и необходима.

Всякие попытки созидания «надклассовой» партии, попытки объединить крестьян и рабочих в одну партию, попытки выставить какую-то несуществующую «трудовую интеллигенцию» особым классом—крайне вредны, губительны для русской свободы, потому что ничего, кроме разочарований, потери сил, затемнения сознания не может получиться от таких попыток.

Вполне сочувствуя образованию последовательно-демократической крестьянской партии, мы обязаны бороться с упомянутыми попытками. Рабочие обязаны также бороться против влияния либералов на демократическое крестьянство.

III.

Об отношении либералов к буржуазной демократии, кадетов к трудовикам, конференция этих последних не сказала ничего ясного и определенного. У трудовиков не видно понимания того, что именно зависимость демократического крестьянства от либералов была одной из главных причин неуспеха освободительного движения 1905—1906 годов, что успех этого движения и even возможен, если широкие и руководящие слои крестьянства не сознают отличия демократизма от либерализма, не высвободятся от опеки и господства либералов.

Г. Водовозов затронул этот коренной важности вопрос крайне бегло и неудовлетворительно. Он говорит, что «кадетской партией по преимуществу обслуживается городское население». Это неверно. Такое определение классовых корней и политической роли кадетской партии никуда не годится.

Кадетская партия есть партия либерально-монархической буржуазии. Социальной основой этой партии (как и «прогрессистов») являются экономически более прогрессивные (по сравнению с октябристами) слои буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция. Часть же городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этой партией только в силу традиции (т.-е. простой привычки, слепого повторения вчерашнего) и будучи прямо обманываема либералами.

Кадеты, называя себя демократами, обманывают себя и обманывают народ. На деле кадеты — контр-революционные либералы.

Вся история России, особенно XX века, особенно 1905—1906 годов, вполне доказала это, а книжка «Вехи» особенно наглядно, ясно, целико показала, разоблачила это. И никакие «оговорки» кадетских дипломатов насчет «Вех» не изменят факта.

Первая полоса освободительного движения в России, первое десятилетие XX века обнаружило, что широкие еще массы населения, тяготея к демократии, недостаточно сознательны, и отличают либерализма от демократизма, подчиняются руководству либералов. Пока это не изменится и поскольку это не изменяется, ни о каком демократическом преобразовании России нечего и толковать. Пустые это будут толки.

Что возражает г. Водовозов против этих посылок, на которых построена была моя статья? «Грудовики, — пишет он, — при настоящих условиях считают крайне нетактичным (!!) слишком много говорить о контр-революционности кадетов»...

Вот тебе раз! При чем тут «тактичность»? при чем тут «слишком много»? Если правда, что кадеты — контр-революционные либералы, то правду говорить обязательно. Много ли, мало ли надо говорить о контр-революционных правых и о контр-революционных либералах, — это вопрос совсем не серьезный: всякий раз, когда публицист говорит о правых, всякий раз, когда он говорит о либералах, он должен говорить правду. Трудовики сказали о правых правду. Мы их за это хвалим. О либе-

ралах трудовики сами заговорили—и не договорили
пра в ды!

Только за это мы упрекаем трудовиков. «Слишком много» или слишком мало,—это совсем не при чем. Пусть трудовики тысячу строк посвящают правым, пять—либералам, мы не возразим ничего. И не на это мы возражали трудовикам. Мы возражали на то, что в этих «пяти строках» (пеняйте на себя, г. Водовозов, если вы внесли в спор ваше неудачное: «слишком!») и е сказано о либералах правды.

Г. Водовозов уклонился от ответа по существу: контр-революционны кадеты или нет?

Уклонение трудовиков от этого вопроса есть большая ошибка, означающая на деле зависимость части демократов и части бывших марксистов от либерализма.

Вопрос этот всей историей первых десяти лет XX века поставлен неотвратимо.

Теперь в России нарастают повсюду, в самых различных слоях населения, и о в у е демократические элементы. Это—факт. Нарастая, эти демократические элементы должны быть воспитаны в последовательном демократизме. Такое воспитание невозможно без разъяснения истинной сущности либералов, которые имеют в руках сотни органов и сотни мест в Думе, влияя таким образом постоянно в ф а л ь ш и в о-демократическом направлении на число людей, несравненно большее, чем то, что доступно нашей проповеди.

Демократия должна сплачивать свои силы. Трудовиков мы всегда будем хвалить за их демократические речи о правых. Но их демократизм будет непоследователен, если тогда, когда они говорят о либералах, они будут говорить и о либеральном, вместо того, чтобы говорить языком, достойным демократа.

Не два лагеря борются на выборах, а три. Не смешивайте, г.г. трудовики, второго (либерального) лагеря с третьим (демократическим). Не затеняйте разницы между ними—об этом худом деле «слишком много» заботятся либералы.

«Правда» №№ 13 и 14
от 8 и 9 мая 1912 года.
За подписью П. П.

Политические партии в России.

Выборы в Государственную Думу заставляют все партии усиливать свою агитацию, собирать свои силы для проведения наибольшего числа депутатов «своей» партии.

При этом и у нас, как и во всех других странах, развертывается самая бесцеремонная предвыборная реклама. Все буржуазные партии, то-есть те, которые охраняют экономические привилегии капиталистов, рекламируют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты рекламируют свои товары. Посмотрите на торговые объявления в любой газете—вы увидите, что капиталисты выдумывают самые «эффектные», кричащие, модные названия для своих товаров и расхваливают их, не стесняясь абсолютно ничем, не останавливаясь решительно ни перед какой ложью и выдумкой.

Публика,—по крайней мере, в больших городах и в торговых местностях,—давно привыкла к торговой рекламе и знает ей цену. К сожалению, политическая реклама сбивает с толку несравненно больше народа, разоблачение ее гораздо труднее, обман держится здесь много прочнее. Клички партий—и в Европе и у нас—выбираются иногда с прямой рекламной целью, «программы» партий пишутся сплошь да рядом исключительно ради надувания публики. Чем больше политической свободы в капиталистической стране, чем больше демократизма, т.-е. власти народа и народных представителей, тем беззастенчивее развертывается зачастую партийная реклама.

Как же разобраться, при таком положении дел, в партийной борьбе? Не означает ли эта борьба, с обманом и рекламой, что вообще бесполезны и даже вредны представительные учреждения, парламенты, собрания народных представителей, как пытаются уверить дикие реакционеры, враги парламентаризма? Нет. При отсутствии представительных учреждений обмана, политической лжи, всяких мошеннических проделок еще гораздо больше, и у народа в руках гораздо меньше средств разоблачить обман, доискаться правды.

Чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при решении разных политических вопросов,

как они ведут себя в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее.

Чем больше политической свободы в стране, чем прочнее и демократичнее ее представительные учреждения, тем легче народным массам разбираться в партийной борьбе и учиться политики, т.-с. разоблачать обман и доискиваться правды.

Всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких, потрясающих всю страну, кризисов. Правительства бывают вынуждены тогда искать опоры в различных классах общества; серьезная борьба отмечает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все свои силы, обращаясь к массам народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса.

Эпохи таких кризисов всегда определяют на много лет и даже десятилетий партийную группировку общественных сил данной страны. В Германии, например, таким кризисом были войны 1866 и 1870 годов; в России—события 1905 года. Нельзя понять сущность наших политических партий, нельзя уяснить себе, какие классы представляет та или иная партия в России, не возвращаясь к событиям этого года.

Начнем наш краткий очерк политических партий в России с крайних правых партий.

Мы встречаем на крайнем правом фланге союз русского народа.

Программа этой партии излагается следующим образом в вестнике союза русского народа «Русском Знамени», издаваемом А. И. Дубровиным:

Союз русского народа, удостоившийся 3 июня 1907 года с высоты престола царского призыва быть ему надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка, исповедует, что царская воля может осуществляться только: 1) при полном проявлении силы царского самодержавия, неразрывно и жизненно связанного с российской православной церковью, канонически устроеною; 2) при господстве русской народности не только во внутренних губерниях, но и на окраинах; 3) при существовании Государственной Думы, составленной исключительно из русских людей, как главной помощницы самодержцу в его трудах по государственному строительству; 4) при полном соблюдении основных положений С. Р. Н. относительно евреев, и 5) при удалении с государственной службы чиновников, принадлежащих к противникам царской самодержавной власти.

Мы скопировали в точности эту торжественную декларацию правых, с одной стороны, для ознакомления читателя с оригиналом непосредственно, а с другой, ввиду того, что основные мотивы, здесь приложенные, сохраняют свою силу для всех партий большинства III Думы, т.-е. и для «националистов», и для октябристов. Это будет видно из дальнейшего изложения.

Программа союза русского народа повторяет, в сущности, старый лозунг времен крепостного права—православие, самодержавие, народность. По тому вопросу, по которому обыкновенно отделяют союз русского народа от следующих за ним партий, именно: признание или отрицание «конституционных» начал в русском государственном строе, особенно важно отметить, что союз русского народа вовсе не против представительных учреждений вообще. Из выписанной программы видно, что союз русского народа стоит за существование Государственной Думы в роли «помощницы».

Своеобразие русской, если можно так выразиться, конституции выражено дубровинцем и правильно, т.-е. соответственно фактическому положению вещей. И националисты, и октябристы в своей действительной политике стоят именно на этой позиции. Спор о «конституции» между этими партиями в значительной степени сводится к спору о словах: «правые» не против Думы, подчеркивая лишь с особым усердием, что она должна быть «помощницей» без всякого определения ее прав, националисты и октябристы ни на каких строго определенных правах, со своей стороны, не настаивают, отнюдь и не помышляя о реальных гарантиях права. И «конституционисты» октябризма вполне мирятся с «противниками конституции» на третьеиюньской конституции.

Травля инородцев вообще и евреев в особенности поставлена прямо, ясно, определенно в программе черносотенцев. Как и всегда, они выказывают здесь грубее, бесцеремоннее, задорнее то, что остальные правительственные партии более или менее «стыдливо» или дипломатически прячут.

На деле, как это известно всем и каждому, сколько-нибудь знакомому с деятельностью III Думы, с печатью вроде «Нового Времени», «Света», «Голоса Москвы» и т. п., в травле инородцев участвуют и националисты, и октябристы.

Спрашивается, в чем же социальная основа партий правых? какой класс она представляет? какому классу она служит?

Возврат к лозунгам крепостного права, отстаивание всего старого, средневекового в русской жизни, полная удовлетворенность третьеионьской—помещицей—конституцией, защита привилегий дворянства и чиновничества, все это дает ясный ответ на наш вопрос. Правые—партия крепостников-помещиков, совета объединенного дворянства. Недаром ведь именно этот совет сыграл такую видную, более того, руководящую роль в разгоне Второй Думы, в изменении избирательного закона и в перевороте 3 июня.

Чтобы выяснить экономическую силу этого класса в России, достаточно привести следующий основной факт, доказываемый цифрами правительственнои, министерством внутренних дел изданной, поземельной статистики 1905 года.

В Европейской России менее чем 30.000 помещиков имеют 70.000.000 десятин земли; столько же имеют 7.000.000 крестьянских семей с наименьшим наделом. На одного крупнейшего помещика это дает, в среднем, около 2.300 десятин земли; на одного беднейшего крестьянина 7 десятин земли—на семью, на двор.

Совершенно естественно и неизбежно, что крестьянин на таком «наделе» не может жить, а может только медленно умирать. Постоянные голодовки миллионов—вроде голодовки нынешнего года—продолжают разрушать в России крестьянское хозяйство за каждым неурожаем. Крестьянам приходится снимать землю у помещика—под всяческие отработки. За землю крестьянин своею лошадью, своими орудиями работает на помещика. Это—та же баршина, только не называемая официально крепостным правом. На участках в 2.300 десятин земли помещики большей частью не могут и вести иного хозяйства, кроме кабального, отработочного, т.-е. барщинного. Наемными рабочими они обрабатывают лишь часть этих громадных имений.

Далее, тот же класс помещиков-дворян поставляет государству подавляющее большинство всех высших и средних чиновников. Привилегии чиновничества в России, это—другая сторона привилегий и земельной власти дворян-помещиков. Отсюда понятно, что совет объединенного дворянства и «правые» партии не случайно, а неизбежно, не по «злой воле» отдельных лиц, а под давлением и интересов страшно могущественного класса отстаивают политику старых крепостнических традиций. Старый правящий класс, помещики-последыши, оставаясь правящим

по-прежнему, создал себе соответственную партию. Эта партия и есть «союз русского народа» или «правые» Государственной Думы и Государственного Совета.

Но, раз существуют представительные учреждения, раз выступили уже открыто на политическую арену массы, как они выступили у нас в 1905 году,—для всякой партии становится необходимой апелляция в тех или иных пределах к народу. С чем же могут апеллировать, обращаться к народу правые партии?

Конечно, прямо говорить о защите интересов помещика нельзя. Говорится о сохранении старины вообще, делаются усилия изо всех сил разжечь недоверие к инородцам, особенно евреям, увлечь совсем иеродальных, совсем темных людей на погромы, на травлю «жида». Привилегии дворян, чиновников и помещиков стараются прикрыть речами об «угнетении» русских инородцами.

Такова партия «правых». Член ее, Пуришкевич, виднейший оратор правых в III Думе, очень много и успешно поработал над тем, чтобы показать народу, что го хотят правые, как они действуют, кому они служат. Пуришкевич—талантливый агитатор.

Рядом с «правыми», которые насчитывают в III Думе 46 депутатов, стоят «националисты»—91 депутат. Оттенок, отличающий их от правых, совсем ничтожный: в сущности, это не две, а одна партия, поделившая между собой «труд» травли инородца, «жадета» (либерала), демократа и т. д. Одни погрубее, другие потоньше делают одно и то же. Да и правительству выгодно, чтобы «крайние» правые, способные на всяческий скандал, погром, на убийство Герценштейна, Иоллосов, Караваевых, стояли немного в стороне, как будто бы они «критиковали» правительство справа... Серьезного значения различие правых и националистов иметь не может.

Октябристов в III Думе 131 депутат, считая, конечно, и «правых октябристов» в том числе. Не отличаясь ничем существенным в теперешней политике от правых, октябристы отличаются от них тем, что кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков. Есть такие капиталисты в России,—и их очень не мало,—которые обращаются с рабочими ничуть

не лучше, чем помещики с бывшими крепостными; рабочие, приказчик—для них та же челядь, прислуга. Защищать эти старые порядки никто не сумеет лучше правых партий, националистов и октябристов. Есть и такие капиталисты, которые на земских и городских съездах 1904 и 1905 г.г. требовали «конституцию», но против рабочих готовы помириться вполне на третье-июньской конституции.

Партия октябристов—главная и контр-революционная партия помещиков и капиталистов. Это—руководящая партия III Думы: 131 октябрист с 137 правыми и националистами составляют солидное третьедумское большинство.

Избирательный закон третьего июня 1907 года обещает большинство за помещиками и крупнейшими капиталистами: во всех губернских избирательных собраниях, посылающих депутатов в Думу, большинство принадлежит помещикам и выборщикам 1-й городской (т.-е. крупно-капиталистической) курии. В 28 губернских собраниях большинство принадлежит даже одним землевладельческим выборщикам. Вся политика правительства 3 июня проведена при помощи октябристской партии, все грехи и преступления III Думы лежат на ее ответственности.

На словах, на своей программе октябристы отстаивают «конституцию» и даже... свободы! На деле эта партия поддерживала все мероприятия против рабочих (законопроект о страховании, хотя бы—вспомните председателя думской комиссии по рабочему вопросу барона Тизенгаузена!), против крестьян, против ограничения произвола и бесправия. Октябристы—такая же правительственные партия, как националисты. Это обстоятельство нисколько не изменяется тем, что от времени до времени—и особенно перед выборами!—октябристы держат «оппозиционные» речи. Везде, где существуют парламенты, издавна наблюдалось и постоянно наблюдается эта игра буржуазных партий в оппозицию, игра безвредная для них, ибо никакое правительство всерьез ее не берет, игра иногда не бесполезная перед избирателем, которого надо «помазать» оппозиционностью.

Однако специалистами и виртуозами игры в оппозицию является главная оппозиционная партия Третьей Думы—к.-д., конституционные «демократы», партия «народной свободы».

Игрой является уже название этой партии, которая на деле вовсегда демократическая партия, отнюдь не народная, партия не свободы, а полу-свободы, если не четверть-свободы.

На деле это—партия либерально-монархической буржуазии, которая народного движения боится гораздо больше, чем реакции.

Демократ верит в народ, верит в движение масс, всячески помогает ему,—хотя и имеет нередко (таковы буржуазные демократы, трудовики) ошибочное представление о значении этого движения в пределах капиталистического строя. Демократ искреннее стремится развязаться со всем средневековьем.

Либерал боится движения масс, тормозит его и со знательно защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих. Дележ власти с Пуришкевичами—отнюдь не уничтожение всех основ власти Пуришкевичей,—вот к чему стремятся либералы. Все для народа, все через народ—говорит демократический мелкий буржуа (крестьянин и трудовик в том числе), искренно стремясь к уничтожению всех основ пуршикевичевщины и не понимая значения борьбы наемных рабочих с капиталом. Наоборот, раздел с Пуришкевичем власти над рабочими и над мелкими хозяйствчиками—вот действительная цель либерально-монархической буржуазии.

Кадеты в I и во II Думе имели большинство или гла-венствующее положение. Они использовали его для бессмысленной и бесславной игры: направо—в лояльность и министериальность (мы-де способны мирно все противоречия разрешить, и мужика не испортить, и Пуришкевича не обидеть), налево—в демократизм. Справа кадеты получили в результате этой игры в конце концов пинок сапогом. Слева кадеты завоевали себе справедливое наименование предателей народной свободы. В обеих первых Думах они все время воевали не только с рабочей демократией, но и с трудовиками. Достаточно напомнить, что выдвинутый трудовиками план местных земельных комитетов (I Дума), этот элементарно-демократический, азбучно-демократический план кадеты провалили, защищая главенство помещика и чиновника над крестьянином в земле-строительных комиссиях!

В III Думе кадеты играли в «ответственную оппозицию», оппозицию с родительным падежом. Во имя этого они вотировали

неоднократно бюджеты правительства («демократы!», они объясняли октябристам безопасность и безобидность своего «принудительного» (для крестьян принудительного) выкупа—вспомните Березовского 1-го, они посыпали Карапуза на трибуну вести «богомольные» речи, они отрекались от движения масс, они обращались к «верхам» и обрывали низы (кадетская борьба против рабочих депутатов в вопросе о страховании рабочих) и т. д., и т. п.

Кадеты—партия контр-революционного либерализма. Своей претензией на роль «ответственной оппозиции», т.-е. признанной, законной, допущенной к конкуренции с октябристами оппозиции не третьеиюньскому режиму, а третьеиюньского режима,—этой претензией кадеты окончательно похоронили себя, как «демократов». Бесстыдная веховская проповедь кадетских идеологов, г.г. Струве, Изгоева и К-о, зацелованных Розановым и Антонием Волынским и роль «ответственной оппозиции» в III Думе, это—две стороны одной медали. Либерально-монархическая буржуазия, терпимая Пуришкевичами, желает усесться рядом с Пуришкевичем.

Блок кадетов с «прогрессистами» в настоящее время, на выборах в IV Думу, дал еще новое подтверждение глубокой контр-революционности кадетов. Прогрессисты ни малейшей претензии на демократизм не имеют, ни словечка о борьбе со всем режимом 3 июня не говорят, ни о каком «всеобщем избирательном праве» и не мечтают. Это—умеренные либералы, не скрывающие своего родства с октябристами. Союз кадетов с прогрессистами должен даже наиболее осенпленным из «кадетских подголосков» открыть глаза на истинную серьезность кадетской партии.

Демократическую буржуазию в России представляют народники всех оттенков, от самых левых эс-эров вплоть до эн-эсов и трудовиков. Они все охотно говорят «социалистические» фразы, но обманываться насчет значения этих фраз сознательному рабочему непозволительно. На деле ни в каком «праве на землю», ни в каком «уравнительном распределении» земли, ни в какой «социализации земли» нет ни капли социализма. Это должен понимать всякий, кто знает, что товарное производство, власть рынка, денег, капитала не только не затрагивается, а, напротив, еще шире развертывается при отмене частной собственности на землю в новом, хотя бы и самом «справедливом», ее разделе.

Но фразы о «трудовом начале» и «народническом социализме» выражают глубокую веру (и искреннее стремление) демократа в возможность уничтожить и необходимость уничтожить в с е средневековье в землевладении, а вместе с тем и в политическом строе. Если либералы (кадеты) стремятся разделить с Пуришкевичами политическую власть и политические привилегии, то народники потому и являются демократами, что они стремятся и должны стремиться в данное время к уничтожению в с е х привилегий землевладения и в с е х привилегий в политике.

Положение русского крестьянства в громадной массе таково, что ни о каком компромиссе с Пуришкевичами (вполне возможном, доступном и близком для либерала) оно не может и мечтать. Демократизм мелкой буржуазии имеет поэтому еще на довольно долгое время массовые корни в России, и столыпинская аграрная реформа, эта буржуазная политика Пуришкевичей против мужика, до сих пор не создала ничего прочного, кроме... голодовки 30 миллионов!

Миллионы голодающих мелких хозяйствчиков не могут не стремиться к и н о й, демократической, аграрной реформе,—которая из рамок капитализма выскочить не может, наемного рабства не уничтожит, но средневековье смеши с лица русской земли может.

Трудовики страшно слабы в III Думе, но представляют они массы. Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией неизбежно вытекают из классового положения мелких хозяев, при чем особая трудность сплочения, организации и просвещения их создает крайнюю партийную неопределенность и бесформенность трудовиков. Поэтому трудовики,—при содействии глупенького «отзовизма» левых народников,—и представляют из себя начальную картину ликвидированной партии.

Разница трудовиков от наших, почти-марксистских, ликвидаторов та, что первые—ликвидаторы по слабости, вторые—по злостности. Помочь слабым мелко-буржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контр-революционных кадетов, а не только против правых—такова задача рабочей демократии.

Относительно этой последней, имевшей свою фракцию в III Думе, мы можем здесь сказать лишь немногое.

Партии рабочего класса везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния обще-демократической идеологии, на-

учаясь отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом, между прочим, именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой щаткости и робости. В России рабочая демократия вполне отмежевалась и от либерализма, и от буржуазной демократии (трудовицства) к громадной пользе дела демократии вообще.

Ликвидаторское течение в рабочей демократии («Наша Заря» и «Живое Дело») разделяет слабость трудовицства, прославляет бесформенность, тянеться к положению «терпимой» оппозиции, отрекается от гегемонии рабочих, ограничивается словами об «открытой» организации (брания не открытую), проповедует либеральную рабочую политику. Связь этого течения с распадом и упадочничеством времен контр-революции очевидна, отпадение его от рабочей демократии становится явным.

Сознательные рабочие, ничего не ликвидируя, сплачиваясь в противовес либеральным влияниям, организуясь как класс, развивая всевозможные виды сплочения профессионального и т. д., выступают и как представители наемного труда против капитала и как представители последовательной демократии против всего старого режима в России и против всяких уступок ему.

В виде иллюстрации мы помещаем данные о партийном составе III Государственной Думы, заимствуя их из официального думского «Справочника» на 1912 год.

Партийный состав III Государственной Думы.

Помещики:

Правые	46
Националисты	74
Независимые националисты	17
Правые октябристы	11
Октябристы	120

Итого правительственные партии . 268

Буржуазия:

Прогрессисты	36
Кадеты	52
Польское коло	11
Польско-Литовско-Белорусская группа	7
Мусульманская группа	9

Итого либералы 115

Буржуазная демократия:	
Трудовая группа	14
Рабочая демократия:	
Социал-демократы	13
Итого демократы	27
Беспартийные	27
Всего	437

В III Государственной Думе было два большинства: 1) правые и октябристы = 268 из 437; 2) октябристы и либералы = $120 + 115 = 235$ из 437. Оба большинства контр-революционны.

«Невская Звезда» № 5
от 10 мая 1912 года.
За подписью В. Ильин.

Анкета об организациях крупного капитала.

Промышленно-экономический отдел Русского Технического Общества произвел анкету об «общественных организациях торгово-промышленного края в России», вернее, об организациях крупного капитала. Результаты этой анкеты изложены теперь в книге г. Гушки ³²⁾: «Представительные организации торгово-промышленного класса в России» (Спб. 1912). И материал, имеющийся здесь, и выводы, которые намечает автор довольно определенно, заслуживают большого внимания.

I.

Анкета Технического Общества посвящена была, собственно, «представительным» организациям капиталистов, которые составляют около 80% всех организаций. Около 15% и приходится на долю картелей, трестов, синдикатов; около 5%—на долю союзов работодателей; остальное—на долю биржевых комитетов, советов съездов и т. п. Эти последние организации сами охотнее всего называют себя «представительными». Их задача—воздействие на органы власти.

Союзы работодателей ведут, по мнению г. Гушки, «непосредственную» классовую борьбу с наемными рабочими, а представительные организации — «посредственную» классовую борьбу, «борьбу с другими классами посредством давления на государственную власть и общественное мнение».

Эта терминология, конечно, правильна. Она сразу показывает нам один из основных недостатков, которые г. Гушки разделяет с большинством представителей «профессорской», буржуазной политической экономии. Как будто бы принимается понятие классовой борьбы, как будто бы оно кладется в основу исследования. А в действительности это понятие суживается и извращается. В самом деле, у г. Гушки выходит, что борьба капиталистов с наемными рабочими внутри рамок данного политического строя есть «непосредственная» классовая борьба, а борьба за самый политический строй есть «посредственная» классовая борьба! Куда же относится борьба за самую «государственную власть»?

Но об этом основном грехе «миросозерцания» г. Гушки нам придется говорить в своем месте. Значение его работы не в теории, а в сводке фактов. Данные, охватывающие организации преобладающего типа, во всяком случае представляют значительный интерес.

Общее число «представительных» организаций крупного капитала в России в 1910 году определено в 143. Из них 71 — биржевые общества с их комитетами. Затем 14 комитетов торговли и мануфактур, 3 купеческих управы, 51 организация «соединенной» группы (съезды, их советы, совещательные конторы и пр.) и 4 организации неопределенной группы. На анкету ответили всего 62 организации, т.е. менее половины. Из 51 организаций, наиболее интересной «соединенной» группы, ответили на анкету 22.

Характерны данные о времени возникновения организаций. Из 32 биржевых комитетов, ответивших на анкету, 9 возникли за сто лет с 1800 до 1900 года; 5 — за четыре года, с 1901—1904; 9 — за два года революции — 1905—1906; и 9 — с 1907 по 1910 г.

«Тут с полной ясностью, — пишет г. Гушки, — сказывается тот тоячок, который дан был общественным движением бурного 1905 года процессу самоорганизации представителей капитала».

Из 22-х организаций соединенной группы только 7 возникло с 1870 по 1900 г.; 2 — с 1901 по 1904; 8 — в два года рево-

люци и, 1905—1906, и 5—с 1907 по 1910 г. Все эти «советы съездов» представителей промышленности вообще, горнопромышленников, нефтепромышленников и т. д., и т. п.—продукт, главным образом, революционной и контр-революционной эпохи.

По отраслям промышленности организации различаются следующим образом. Из групп биржевых комитетов преобладают смешанные отрасли; эти комитеты объединяют обычно все отрасли промышленности и торговли данной местности. В группе комитетов торговли и мануфактур выделяется на первый план текстильное дело. В главнейшей—соединенной группе почти половина организаций падает на промышленность, а не на торговлю, именно на горное дело и металлургию.

«Эта группа отраслей (горнозаводская и металлическая промышленности) и составляют экономический базис организаций современной промышленной «гвардии России»,— пишет г. Гушка, который имеет маленькую страстишку говорить о предмете своего исследования «высоким стилем».

Сумму оборотов или производства во всей отрасли торговли и промышленности данной организации удалось определить лишь для части организаций. Получился итог в 1.570 миллионов рублей, из них 1.319 миллионов рублей у членов организаций. Следовательно, организовано 84%. Оборот 3.134 членов организаций составил 1.121 миллиона рублей, что дает в среднем на 1 члена 358 тысяч рублей. Число рабочих у 685 членов организаций—около 219 тысяч (автор ошибочно считает 319 тыс. на стр. 111), т.-е. в среднем на одного члена организации свыше 300 рабочих.

Ясно, что речь идет именно об организациях к р у п и о г о капитала и даже, вернее, к р у п и е й ш е г о. Г. Гушка вполне отчетливо сознает это, указывая, например, что в члены биржевых комитетов и комитетов торговли и мануфактур попадают лишь крупные и самые крупные торговцы и промышленники,— что организация съездов представителей промышленности и торговли состоит из «крупнейших» капиталистических предприятий.

Поэтому напрасно говорит автор в заглавии своей книги об организациях «торгово-промышленного класса в России». Это неверно. Это опять сужение понятия класс. Речь идет на самом деле у г. Гушки о сло е, а не о классе. Правда, слой крупнейших капиталистов, конечно, экономически господствует над всеми остальными, подавляя их безусловно размерами своих обс- ротов; все это несомненно. Но все же это—слой, а не класс. Ди-

станция огромного размера отделяет, например, политическую роль представительных организаций этого слоя от его политического господства, а его политическое господство—от политического господства торгово-промышленного класса.

В связи с этим следует отметить следующее рассуждение г. Гушки: «Мы в России,—пишет он,—привыкли прилагать очень большой масштаб для определения того, что называется крупным или некрупным предприятием, ввиду необычайной, как известно, концентрации у нас капитала, превосходящей концентрацию его даже в Германии»...

Сравнение с Германией неправильно. У нас, например, на Урале нет или очень мало мелких предприятий в горной и металлургической промышленности по причинам совсем особого рода: вследствие отсутствия полной свободы промышленности, вследствие пережитков средневековья. А наше казенное (или, что все равно, наше народническое) различие фабрично-заводской и «кустарной» промышленности, разве оно не делает нашу промышленную статистику несравнимою с германской? Разве оно не обманывает сплошь да рядом наблюдателя насчет «необычайной концентрации» в России, заслоняя «необычайную» раздробленность тьмы мелких крестьянских предприятий.

II.

Интересно отметить некоторые данные анкеты о деятельности представленных организаций крупнейшего капитала. Автор дает, например, сводку сведений об их бюджетах. Бюджет 22-х организаций соединенной группы дает 3.950.000 рублей дохода, а общий итог прихода всех организаций— $7\frac{1}{4}$ миллионов рублей. «Этот $7\frac{1}{4}$ -миллионный годовой бюджет наших 56 организаций,— пишет г. Гушка,—вероятно, увеличился бы в $1\frac{1}{2}$ —2 раза, если бы ввести финансовые отчеты других организаций, не вошедших в нашу анкету».

Но большая половина этого бюджета, именно $4\frac{1}{2}$ миллиона рублей, расходуется на хозяйственные и благотворительные цели. На чисто представительные функции 56 организаций тратят 2,7 миллионов рублей. «Преобладающее число ответов или финансовых отчетов выдвигают на первый план, в числе этих расходов на представительство, содержание служащих, затем наем квартир. При этом наибольшая доля расходов падает на

содержание служащих в 64,4% организаций, на квартиру— в 26,7%».

Цифры эти, при обороте в 1.319 миллионов рублей у обследованных союзов капиталистов, свидетельствуют о весьма скромных расходах, так что велеречивый вывод г. Гушки—бюджет расходов есть «показатель финансовой мощи (курсив автора) представительных организаций торгово-промышленной буржуазии в России!»—опять-таки показывает нам чрезмерную любовь этого автора к «большим словам».

«Третьему элементу», т.-е. служащей союзам капиталистов интеллигенции, автор посвящает 9-ю главу своей книжки. Оказалось, что 29 биржевых комитетов показали 77 представителей 3-го элемента, служащих в этих комитетах; затем 22 организации соединенной группы показали 180 таких служащих. Преобладают показания о 2—4 представителях 3-го элемента на организацию. Ввиду нередкого преуменьшения союзами капиталистов этого рода данных, автор считает вероятным заключение, «что на службе у представительных организаций капитала, в ответственных должностях, находится армия (!!) интеллигенции численностью не менее тысячи человек», секретарей, бухгалтеров, статистиков, юрисконсультов и т. п.

Немного же нужно, чтобы г. Гушка заговорил об «армии».

Издательство союзов капиталистов характеризуется следующими цифрами. В ответ на анкету, кроме заполненных бланков, получилась библиотечка в 288 томов—труды съездов, отчеты, уставы, докладные записки, которые в продажу вовсе и не поступали.

Девять организаций издают периодические журналы: «Горно-Заводское Дело», «Нефтяное Дело», «Промышленность и Торговля», «Известия Российского Общества винокуренных заводчиков» и т. п. Все число вышедших номеров этих изданий автор определяет в 2.624 «тома», прибавляя к ним 452 тома «трудов», ежегодных отчетов и пр., а также 333 тома непериодических изданий; г. Гушка определяет итог в 3.409 «томов» и называет его «солидным». Общее число изданий, вероятно, составляет 4—5 тысяч томов.

«В этой библиотеке—без преувеличения—кроется целый клад,— восклицает г. Гушка,—богатейший материал для изучения, если можно так выразиться, анатомии и физиологии крупной буржуазии в России... Без изучения этого ценного материала нельзя составить себе верное представление о балансе господствующих об-

щественных сил России, в частности о социальной природе и роли русской государственной власти как до 1905 года, так и после него».

Подобные вылазки в область вопроса о социальной природе и роли русской государственной власти г. Гушка делает очень часто. Их стоит рассмотреть особо ввиду важности этого вопроса и извращения его автором, который безмерно преувеличивает и именно поэтому походя клянется, что говорит «без преувеличения».

III

«Центр тяжести деятельности рассматриваемых организаций,— пишет г. Гушка,— как представительных, т.-е. посвященных представительству интересов промышленно-торгового класса, естественно лежит в области формулировки позиции и представителей этого класса по различным вопросам, затрагивающим его интересы, и защите этой позиции и различными способами».

Несомненно, что «центр тяжести» лежит именно здесь. В анкетных листках много внимания уделено тому, какие вопросы обсуждались организациями капиталистов и какие ходатайства они возбуждали. Сводя полученные сведения, автор выделяет длинный список «вопросов о б щ е г о», по его мнению, «свойства». Группы важнейших вопросов получаются такие: а) страхование рабочих, праздничный отдых и т. п.; б) подоходный налог, промысловое обложение и т. д.; с) таможенная политика; д) пути сообщения; е) акционерные компании, кредит и пр.; ф) заграничные консульства, статистика, организация горного ведомства; г) участие купечества в земских учреждениях, в Гос. Совете, в предварительном рассмотрении правительственных законо-проектов и т. п.

Г. Гушка заключает по этому поводу: «Во всяком случае, как видно из перечисленных групп вопросов и ходатайств, сфера деятельности наших организаций очень широка»... Читая такое заключение, невольно останавливаешься и смотришь, не пропущено ли случайно словечко *не*. Ибо очевидно, что приведенная автором сфера деятельности очень *не* широка. Но тут дело отнюдь не в обмolvке, а в коренном «умоначертании» автора. «Трудно назвать,— полагает он,— более или менее существенную область социально-политической жизни страны, которая не

охватывалась бы сферой деятельности представительных организаций капитала».

Это невероятно, но это факт: г. Гушка со всей серьезностью преподносит такую вопиющую неправду и на десятки ладов повторяет ее!

«Трудно назвать»... Ну, а избирательный закон? а вопрос аграрный? Или это не «существенные области социально-политической жизни страны»?

Г. Гушка смотрит на «социально-политическую жизнь» из узкого окошечка купцовских позиций. Он никак не может понять, что именно об узости, а вовсе не о широте, свидетельствует его абсолютное изложение. Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются только купцов. До общеполитических вопросов капиталисты не поднимаются. «Допущение представителей промышленности и торговли» в те или иные местные или центральные учреждения—вот предел «смелости» их ходатайств. О том, как в общем должны быть организованы эти учреждения, они не умеют думать. Они берут сложившиеся по чужой указке учреждения и в них клянчат местечка. Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве «ходатайствуют» об интересах своего сословия, своей группы, своего слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего класса.

Г. Гушка, вопиюще извращая дело, впадает прямо-таки в хвалебный тон. «Энергичное и настойчивое давление на органы власти», пишет он. «Наши организации» «это сами отлично (!!) понимают»... «Организации крупного капитала выработались в настоящее преддумье, фактически, пожалуй, больше влияющее на законодательство, чем Г. Дума—тем более»,—покушается острить автор,—«что к капиталистическому парламенту не применяется ст. 87, и организации капитала ни разу еще не были нарочито распущены на 3 дня»... ³⁸⁾

Острота эта свидетельствует наглядно о беспредельности самодеятельного узкобия господ промышленных тузов и их хвалителя Гушки. Мелочь, совсем мелочь упущена из виду: Дума ставит вопросы о всем государственном управлении и о всех классах, входя в общегосударственные учреждения, а организациям купецких тузов считают храбростью постановку вопросов только купецких, только о правах купцов.

Г. Гушка доходит до того, что приводит слова Уфимского биржевого комитета из отчета за 1905—1906 годы: «Само правительство рядом коренных реформирований биржевых учреждений намечает... достойных себе помощников», и называет эти слова «правильными», пишет их курсивом, говорит о «живом и активном сотрудничестве с правительством».

Невольно вспоминаешь, читая такие вещи, немецкое слово: *Lobhudelei*—пресмыкающееся восхваление или хвалебное пресмыкатство. В 1905—1906 году говорить с самодовольным видом о «коренном реформировании» «биржевых учреждений»! Да ведь это—точка зрения лакея, которому барин позволяет «совещаться» с поваром об устройстве обеда и т. п., называя их «достойными себе помощниками».

До какой степени приближается г. Гушка к этой точке зрения, видно из того подотдела главы XV о результатах ходатайства организаций, который он озаглавил: «Проигрышные позиции». «Нельзя отрицать того,—читаем здесь,—что есть несколько областей, в которых ходатайства и требования представителей капитала, действительно, встречают противодействие со стороны правительства». Следуют примеры в таком порядке: 1) область казенных лесов; казна—сама лесопромышленник; 2) область железнодорожных тарифов; казна—сама предприниматель; 3) вопрос о земском представительстве и 4) вопрос о представительстве в Гос. Думе и Гос. Совете. «В обоих случаях,—говорит автор про два последние,—сказывается, конечно, интимная близость бюрократии к другому господствующему классу, поместно-землевладельческому».

«Но если оставить в стороне немногие указанные вопросы,—продолжает довольный г. Гушка,—то приходится сказать, что во всех остальных областях... данные нашей анкеты рисуют позицию торгово-промышленного класса, как позицию выигрышную»...

Неправда ли, ведь это—перл! Проигрышная позиция—лес, жел. дороги, земство и парламент. «Но если оставить в стороне немногие указанные вопросы», то позиция выигрышная!

И в «заключении» своей книги, воюя с «традиционным предрассудком» о приниженноти и бесправии торгово-промышленного класса, г. Гушка поднимается, можно сказать, до патетической *Lobhudelei*.

Не бесправным, приниженным классом торгово-промышленная буржуазия занимает место за столом российской государственности, а желанным

гостем и сотрудником, «достойным помощником» государственной власти выступает она, занимая видное место и по установившемуся обычаю, и по закону, по писанному праву, притом не со вчерашнего дня.

Это вполне годится в официальную речь какого-нибудь Крестовникова, Авдакова, Тизенгаузена и т. п. братии на угощении министра. Именно такие речи, как раз таким языком писанные, знакомы всякому русскому человеку. Спрашивается только, как назвать «ученого», претендующего на «научную» разработку серьезной анкеты, который переносит в литературу застольные речи холопствующих купцов в качестве «вывода из анкеты»?

От доброго старого времени,—продолжает г. Гушка,—нами унаследован приобретший прочность предрассудка взгляд, по которому в капиталистической России наблюдается то противоречие, что крупная буржуазия, господствуя экономически, продолжает оставаться политически порабощенной. Весь материал нашей анкеты пробивает чувствительную брешь в этой традиционной концепции.

Нужно самое беспредельное опошление марксизма, терминами которого кокетничает г. Гушка, чтобы считать анкету об организациях капиталистов способной дать «материал» по вопросу о политическом порабощении буржуазии абсолютизмом и помещиками. Материала, дающего действительный ответ на этот вопрос, автор почти не затронул и не мог, оставаясь в пределах данной анкеты, затронуть.

Анкета, касаясь одной стороны жизни нашей буржуазии, подтверждает, напротив, ее политическое порабощение. Анкета показывает, что буржуазия экономическидвигается вперед, что отдельные, частные права буржуазии расширяются, что растет организация ее в классе, что увеличивается ее роль в политической жизни. Но именно потому, что эти изменения происходят, становится еще глубже противоречие между сохранением $\frac{99}{100}$ политической власти в руках абсолютизма и помещиков, с одной стороны, и экономическим усилением буржуазии—с другой.

Г. Гушка, кокетничая марксистскими терминами, на деле разделяет точку зрения дюжинного социал-либерализма. Подкрашивание этого либерализма марксистской фразеологией есть одна из специфических особенностей—или, если хотите, болезней России. Стоя на точке зрения либерализма, г. Гушка наткнулся на вопрос о социальной природе русской государственной власти, не поняв даже приблизительно всей широты и всего значения этого вопроса.

Классовая природа русской государственной власти потерпела серьезное изменение после 1905 года. Это изменение—в сторону буржуазную. Третья Дума, «веховский» либерализм, ряд других признаков свидетельствуют о новом «шаге по пути превращения в буржуазную монархию» нашей старой власти. Но, делая еще один шаг на этом новом пути, она остается старой, сумма политических противоречий от этого увеличивается. Гушка, наткнувшийся на серьезный вопрос, обнаружил свое не разобраться в нем.

IV.

Разрабатывая материалы довольно специальной анкеты, Гушка затронул еще один громадной важности принципиальный вопрос, на котором следует особо остановиться. Это—вопрос о «роли 1905 года», как гласит название одного из подотделов XIII главы в книге г. Гушки.

41-й вопрос анкетного бланка, о числе заседаний исполнительного органа организации за каждые из последних 5 лет, имел в виду выяснить степень усиления деятельности организаций в 1905 году. Полученный анкетой материал «не обнаружил,—по словам г. Гушки,—в жизни наших организаций такого явления», т.е. заметного усиления деятельности.

«Да оно и понятно,—замечает г. Гушка.

Чем же объясняет он это явление?

Союзы «работодателей»,—рассуждает он—должны были усилить свою деятельность в 1905 году ввиду усиления стачечной борьбы.

Организации же чисто представительного типа,—продолжает г. Гушка,—находились в положении, до известной степени противоположном: их главный контрагент—правительственная власть—именно в течение 1905 года находился в положении силы обороняющейся, менее всего верящей в себя и внушающей доверие другим. В тот «сумасшедший» год, «когда начальство ушло», всем, в том числе и промышленникам, казалось (особенно в конце года), что старое «начальство» уж больше и не придет.

Вот почему представительные организации капитала не имели основания в ту пору усиливать активность своего представительства перед органами правительственной власти.

Это объяснение никуда не годится. Если бы действительно «начальство ушло», то уход старого политического начальства должен был бы неминуемо усилить активность нового экономи-

ческого начальства, превратить его в новое политическое начальство. Если власть преимущественно оборонялась, то каким же образом «сотрудник и достойный помощник» этой власти (как аттестует г. Гушка торгово-промышленную буржуазию) мог бы не усиливать своей деятельности, обороняя эту власть и самого себя? Наш автор совершенно не продумал того, что он говорит, ограничившись просто набором слов, наиболее ходких, наиболее привычных. Он, может быть, чувствовал, что речь идет о крайне важном вопросе, от решения которого зависит ответ или с решением которого тесно связан ответ на более общий вопрос о политической роли буржуазии,—и точно убрался серьезного приступа к важному вопросу, точно обратился в бегство от него.

Вдумайтесь в следующее рассуждение автора по тому же пункту о роли 1905 года.

...Часто собираясь, чтобы формулировать свое отношение к волновавшим тогда всю страну общественно-политическим вопросам, организации капитала также не чувствовали склонности: оттерты на задний план широкой волной народного движения, они предпочитали до поры до времени выжидать результатов кипевшей вокруг них борьбы; а под конец, когда «начальство» недвусмысленно обнаружило склонность снова «притти» на свое место,—и организации торгово-промышленного класса постепенно стали возвращаться к обычной форме и степени интенсивности своей представительской деятельности.

«Организации капитала были оттерты на задний план широкой волной народного движения»... Очень хорошо! Но только г. Гушка опять не думает о том, о чем говорит. Против кого была направлена широкая волна народного движения?—Против старой власти. Каким же образом «сотрудник и достойный помощник» этой власти мог быть оттерт на задний план? Он должен был бы—если бы это был действительно сотрудник и достойный помощник—выступить тем энергичнее на передний план, чем больше его экономическая сила, не зависящая от старой организации политической власти.

Каким образом «сотрудник и достойный помощник» старой власти мог попасть в такое положение, что он «предпочитал выжидать»?

Собрался г. Гушка воевать против теории о политическом порабощении экономически господствующей буржуазии, но запутался с первого же приступа к делу! Напротив, та «теория», которую он посулился разрушить, подкрепляется ходом событий в 1905 году.

И крупный торгово-промышленный капитал, и русский буржуазный либерализм не только «выжидали» в 1905 году, но и занимали весьма определенную контр-революционную позицию. Факты, свидетельствующие об этом, слишком общеизвестны. Но не подлежит сомнению, что по сравнению с силами абсолютизма и помещичьего класса крупнейший капитал был до известной степени «оттерт на задний план».

Как же это могло случиться, что в буржуазной революции наибольший подъем «волны народного движения» больше всего оттер на задний план буржуазию?

Это могло случиться потому, что только полное извращение понятия «буржуазная революция» приводит к взгляду, будто эта последняя ослабевает, когда отшатывается буржуазия. Это должно было случиться, потому что главной движущей силой буржуазной революции в России являются пролетариат и крестьянство, при колеблющемся положении буржуазии. Будучи политически поработленной помещиками и абсолютизмом, буржуазия, с другой стороны, занимает контр-революционное положение при усилении рабочего движения. Отсюда ее колебание, ее отступление на «задний план». Она и против старого порядка, и за него. Она готова помочь ему против рабочих, но она вполне способна «устроиться» и даже усилить и расширить свое господство без всяких помещиков и без всяких остатков старого политического режима: об этом ясно говорит опыт таких стран, как Америка и др.

Отсюда понятно, почему наибольший подъем «широкой волны народного движения» и наибольшее ослабление старой власти способно вызвать усиленное отступление—«на задний план» торгово-промышленной буржуазии. Это—именно тот класс, который может быть нейтрализован в борьбе нового со старым, демократии с средневековьем, ибо, чувствуя себя привычнее, спокойнее, удобнее рядом со старым, этот класс может господствовать и при самой полной победе нового.

V.

Говоря об анкете И. Р. Т. Общества, нельзя обойти молчанием статьи г. А. Ерманского³⁴⁾ в №№ 1—2 и 3 ликвидаторской «Нашей Зари». Г. Ерманский пересказывает работу г-на Гушки чрезвычайно подробно, ни разу, однако, не оговаривая своего несогласия с ним! Точно человек, причисляющий себя к марки-

стам, может солидаризироваться с жиленским либерализмом хвалителя торГОвоПромышленных тузов!

Г. Ерманский идет даже дальше г-на Гушки в том же направлении слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма à la Брентано и Зомбарт.

«Организации представительного типа, — пишет г. Ерманский, — организации классовой борьбы в полном ее объеме и в общенациональном (отчасти даже в интернациональном) масштабе». Данные анкеты рисуют картину безграничной почти области обсуждаемых организациями вопросов. «Деятельность наших организаций простирается почти на все задачи общегосударственного значения, как справедливо формулирует Екатерининский биржевой комитет». Так рассуждает в журнале, претендующем на марксизм, г. Ерманский! Эти рассуждения — сплошная и воинствующая фальшь. Понятие классовой борьбы в смысле Маркса подменяется здесь либеральным понятием классовой борьбы. Общенациональным и общегосударственным объявляется как раз то, в чем отсутствует основной признак *обще* — национального и *обще* — государственного: устремления государственной власти и вся область «общегосударственного» управления, общегосударственной политики и т. д.

Посмотрите, до каких геркулесовых столпов доходит в своем усердии не по разуму г. Ерманский. Оспаривая взгляд на «капиталистическую буржуазию в России» (он хочет сказать, крупную торГОвоПромышленную буржуазию), как на дряблую, недоразвитую и проч., он ищет «современной формулы», выражающей «фактическое положение крупной буржуазии в России».

И что же оказывается? За такую формулу г. Ерманский принимает слова Авдакова, сказанные в Совете по горнопромышленным делам во время дебатов (слушайте!) о переходе к новой организации горнопромышленных съездов с выборным председателем. Практика (русская) такова, — сказал Авдаков, — что «до сих пор нас никто никогда ни в чем не стеснял».

«Вот формула, — пишет г. Ерманский, — которая, как нельзя больше, подходит к современности».

Ну, еще бы! Не стесняли тупых и покорно несущих иго государственных привилегий помещика купцов в организации горнопромышленных съездов! Вместо того, чтобы посмеяться над велеречивым Кит Китычем Авдаковым, г. Ерманский разбивает себе

лоб от усердия, уверяя, что Авдаков—не Кит Китыч, что он дал «современную формулу», выражющую «фактическое положение крупной буржуазии в России»! А Кит Китыч Авдаков вполне похож на разжиревшего камердинера, который и думать не смел о том, чтобы стать полным хозяином в м е с т о барина, умиляется тем, как барин разрешает ему в лакейской совещаться с горничной, поваром и т. д.

Следующая тирада из статьи г. Ерманского показывает, что он именно этой разницы между положением камердинера и барина понять не хочет.

«Тут также нeliшнее будет сделать одно сопоставление,—пишет он:— всем памятно, как решительно и, так сказать, всенародно стремления землевладельцев к «участию в делах внутреннего управления» были названы «бессмысленными мечтаниями»; с другой стороны, Петербургский биржевой комитет еще в доконституционное время, заявляя о необходимости «возможности широкого распространения права участия биржевых обществ (это заметьте!) в делах управления», с полным основанием добавлял: «это право биржевых обществ не составит какого-либо новшества, так как биржевые общества отчасти уже пользуются им». То, что было «бессмысленным мечтанием» для других, то было не мечтанием, а действительностью, элементом реальной конституции для представителей крупного капитала».

«То» да не то, г. Ерманский! «Сопоставление» ваше изобличает вашу неспособность или нежелание отличить стремление (помещичьего класса) самому стать п о л н ы м барином от стремления (разбогатевшего бурмистра, Федьки или Ваньки) совещаться с д р у г и м и сл у г а м и барина. Это «две большие разницы».

Вполне естественно, что выводы у г. Ерманского получаются целиком в духе Ларина. Представители крупного капитала,—пишет г. Ерманский,—«уже давно заняли в России позицию господствующего класса в полном смысле этого слова».

Это—сплошная фальшь. Тут забыто и самодержавие и то, что власть и доходы остаются по-прежнему в руках землевладельцев-крепостников. Г. Ерманский напрасно думает, что т о л ь к о в конце XIX и начале XX «века» наше самодержавие «перестало быть и с к л ю ч и т е л ь н о крепостническим». Этой «исключительности» не было уже в эпоху Александра II по сравнению с эпохой Николая I. Но смешивать крепостнический режим, теряющий свойства и с к л ю ч и т е л ь н о крепостнического, делающий шаги к буржуазной монархии, смешивать его с «полным господством представителей крупного капитала» совершенно непозволительно.

VI.

Редакция «Нашей Зари», как водится, снабдила г. Ерманского «оговорочкой»: автор-де «недооценивает значение для нее (крупной буржуазии) непосредственного участия в политической власти».

Система оговорочек прочно свила себе гнездо у ликвидаторов. В ряде статей Ерманский подробнейшим образом развивает взгляды на классовую борьбу в духе либеральном. Проповедь журнала есть проповедь либеральная... А «воспоминания о прекрасных днях» марксизма запрятаны в две строчки примечания! Читатели «Нашей Зари» воспиниваются в духе либерализма, подменяющего собой марксизм, а редакция «выгораживает себя» оговорочкой, совсем как в кадетской «Речи».

Дело вовсе не только в том, что г. Ерманский «недооценивает» известную сторону вопроса. Дело в его сплошь неправильном взгляде на классовую борьбу. Дело в его коренной ошибке при оценке социальной структуры самодержавия. Мы давно указывали и не устанем указывать, что это го вопроса и е о б о и никакими усмешечками по поводу «ответов 1908 года» (или 1912 г.) и т. д. Нельзя миновать этого вопроса в сколько-нибудь серьезной публицистике.

Разногласие между Ерманским и Ларином, с одной стороны, редакцией «Нашей Зари», с другой, есть разногласие откровенных и по-своему честных ликвидаторов с дипломатами ликвидаторства. На этот счет не следует себе делать иллюзий.

Ларин писал: власть у нас стала уже буржуазной. Поэтому рабочие должны организоваться не в ожидании революции (и не «для революции», добавил он), а для участия в конституционном обновлении страны. Ерманский, с другой стороны подходя к вопросу, повторяет по сути дела первую посылку Ларина, при чем на выводы он только намекает, не говоря о них прямо.

Мартов «поправлял» Ларина так же, как редакция «Нашей Зари» поправляет Ерманского: власть-де еще не буржуазна и рабочим «достаточно» ухватиться за противоречие конституонализма с абсолютизмом.

Таким образом в выводах между Мартовым (с редакцией «Нашей Зари») и Ларином-Ерманским получается согласие,

вполне естественное при их согласии в основных посылках либерального взгляда на рабочую политику.

Мы же продолжаем думать, что этот взгляд в корне неверен. Не в том дело, «недооценивает» Ерманский или «переоценивает» Мартов «левение» Гучковых, Рябушинских и К-о. Не в том дело, «недооценивает» Ерманский или «переоценивает» Мартов «значение для буржуазии непосредственного участия в политической власти». Дело в том, что оба они не только «недооценивают», но прямо не понимают значения для рабочего класса и для идущей за ним, свободной от современных шатаний либерализма буржуазной демократии—«непосредственного участия в политической власти»! Оба они думают только об одной «политической власти», забывая о другой.

Оба они смотрят на верх и не видят низов. Но если десять Рябушинских и сто Милюковых ворчат и либерально негодуют, то это значит, что десятки миллионов мелких буржуа и всякого «мелкого люда» чувствуют себя невыносимо. И эти миллионы тоже возможный источник «политической власти». Только сплочение подобных демократических элементов и против правых и независимо от колебаний либералов способно «решить» вопросы, историей поставленные в начале XX века перед Россией.

«Просвещение» № 5—7,

апрель—июнь 1912 г.

За подписью В. Ильин.

Некоторые итоги предвыборной мобилизации.

Политические силы, участвующие в выборах в Государственную Думу, почти все уже окончательно организовались. Во всяком случае, основные партийные группировки наметились столь определенно, что ни о каких серьезных и существенных изменениях не может быть и речи.

Правительство давно начало избирательную кампанию. Правые, националисты, октябристы «работают» при явной помощи администрации. Недавно опубликованный «Речью» и перепечатанный многими газетами циркуляр губернаторов к исправникам о принятии «мер» к недопущению «левых» кандидатов ни в уполномоченные (от крестьян особенно), ни в выборщики, приподнимает немногого завесу над «избирательной» машиной министерством

внутренних дел. Несомненно, все возможное—и невозможное—будет с этой стороны сделано против оппозиции. Недаром премьер Коковцев в речи перед московскими купцами так усиленно подчеркивал зловредность «оппозиции для оппозиции».

Но если позволительно не сомневаться в усердии правительства и полиции на выборах, то так же несомненно, что в настроении избирателей произошло и происходит широкое изменение «влево». Никакие ухищрения правительства этого факта изменить не в силах. Напротив, ухищрения и «мероприятия» в состоянии только усилить недовольство. И легко понять, что если это недовольство выражается у крупной буржуазии «оппозиционной» речью Шубинского или «осторожным» намеком Рябушинского на желательность «культурных приемов управления» или ядовитыми шпильками министерству со стороны кадетской «Речи»,—то у широкого круга «маленьких людей», зависящих от Рябушинских, Головиных и проч., недовольство гораздо острее и серьезнее.

Каковы же определившиеся политические группировки в лагере оппозиции, политически выражающей это недовольство? Определилась «ответственная» либерально-монархическая оппозиция кадетов и прогрессистов. Блок между ними ясно знаменует, что кадеты гораздо «правее», чем они кажутся.

Определилась рабочая демократия, поставившая своею задачей не «поддержку» кадетско-прогрессистской оппозиции, а и спользование ее конфликта с правыми (националисты и октябристы в том числе) для просвещения и организации демократии. Определилась, наконец, и буржуазная демократия: на конференции трудовиков она высказалась за соглашения «в первую очередь» с социал-демократами, не давая в то же время никакого определенного лозунга борьбы с контр-революционным либерализмом к.-д., т.-е. на практике колеблясь по-прежнему между теми и другими.

Каковы же итоги этой предвыборной «политической мобилизации» партий? Первый и основной итог, давно уже сделанный рабочей демократией, это—наличность трех, а не двух лагерей в борьбе. Либералам усиленно хочется представить дело так, что борются, в сущности, два лагеря, и ликвидаторы, как было неоднократно показано, скатываются постоянно к этому же взгляду. За конституцию или против конституции?—формулируют разногласие двух лагерей кадеты. На деле же эта формулировка ровно ничего не определяет, ибо и октябристы уверяют в своей консти-

туционности, да и вообще речь должна итти не о том, что можно назвать конституцией и чего нельзя так назвать, а о точном содержании известных либеральных или демократических требований.

Три лагеря определяются именно содержанием требований, реальным различием классовых тенденций: лагерь правый или правительственный; либеральный или либерально-монархической буржуазии, стоящей на контр-революционной почве; и демократический. Вопрос идет при этом не столько о «шансах» при данной избирательной системе,—нет, дело гораздо глубже, вопрос идет обо всем характере политической проповеди во время выборов, обо всем идеально-политическом содержании избирательной кампании.

«Стратегия» либералов, при таком положении дела, ежедневно, направляется на то, чтобы захватить гегемонию «всего» оппозиционного движения в свои руки. И либеральные «Запросы Жизни» выболтали тщательно утаиваемую «Речью» «тайну» этой стратегии. «Прогрессисты,—пишет г. Р. Б. в № 13 «Запросов»,— открыли свою кампанию многообещающим ходом (!), составив так называемый «беспартийный прогрессивный блок», обнаруживший с первых дней большую притягательную силу для оппозиционных политических кругов правее кадетов». С другой стороны, «избирательная платформа трудовой группы, несмотря на свою расплывчатость, — отчасти, может быть, благодаря ей, — отвечает на запросы широких кругов демократической интеллигенции». «При известных условиях, трудовая группа могла бы выполнить левее к.-д. такую же роль, какую правее к.-д. приняла на себя группа прогрессистов. Оппозиционный фронт тогда состоял бы из подвижных и колеблющихся, но гибких крайних флангов и неподвижного, но упорного центра, что в стратегическом отношении имеет свои выгодные стороны и в политической борьбе».

Что у г.г. Милюковых и Шингаревых на уме, то у Р. Б. на языке! Кадетам именно два «гибких» фланга и нужны: прогрессисты—для уловления буржуазного третьюнонского избирателя и «расплывчатые» демократы—для уловления демократически настроенной публики. «Стратегия» эта действительно вытекает из природы самой кадетской партии. Это — партия контр-революционных либералов, обманом ведущая за собой некоторые демократические слои, вроде части приказчиков, мелких служащих и т. п. Такой партии как раз и нужен «беспартийный прогрес-

сист» в качестве настоящей классовой опоры и расплывчатый демократ в качестве ходкой вывески.

Типом прогрессиста может служить помещик Ефремов и миллионер Рябушинский. Тип расплывчатого демократа — трудовик из народнического лагеря и ликвидатор из марксистского. Возьмите всю историю кадетской партии,—и вы увидите, что в с е г д а она действовала именно так, чтобы на словах был у нее демократизм, а на деле «ефремовский и соответствующий Рябушинскому» либерализм. Начиная хотя бы с провала плана местных земельных комитетов 1906 года и кончая голосованиями за бюджет в III Думе, или «лондонскими» лозунгами Милюкова³⁵⁾ и т. п., мы видим именно эту природу к.-д. партии и фальшиво-демократический наряд.

Неловкость г. Р. Б. из «Запросов» так велика, что он нечаянно сказал правду, усиленно скрываемую от демократов и запутываемую либералами. Программа прогрессистов,— признается он,— «ставит вопрос на твердую, реальную почву»! А в программе этой, кроме общих фраз чисто октябристского фасона (например, «полное осуществление манифеста 17 октября»), ничего нет. Твердой и реальной почвой называется почва буржуазного либерализма, до того умеренного, безответного, бессильного, что возлагать на него какие бы то ни было надежды прямо смешно. Те, кто был «мирнообновленцем» в 1907 году,—те, кто держался середины между кадетами и октябристами в III Думе,—вот кто именуется твердой и реальной почвой!

Миллионер Рябушинский — прогрессист. Орган этих или подобных прогрессистов — «Утро России». И не кто иной, как «Речь», орган кадетов, заключивших блок с прогрессистами, писала: «Всех довольнее (речь Коковцева) орган московских промышленников «Утра России»... Оно вторит Крестовникову: «Торгово-промышленная Москва вправе считать себя удовлетворенной». И «Речь» добавляла от себя: «Поскольку это зависит от «Голоса Москвы» и «Утра России», они готовы не вести никакой линии и чувствуют себя удовлетворенными».

Спрашивается, где данные, что Ефремов или иные прогрессисты имеют «линию»? Таких данных нет. Поддержка подобного прогрессизма, все равно, называется ли он прогрессизмом или кадетизмом, есть не что иное, как сдача позиций демократией. Другое дело — использование конфликтов между буржуазией и по-

мещиками, между либералами и правыми. Только так может ставить демократ свои задачи.

Ясное сознание контр-революционности либерализма кадетов и прогрессистов необходимо для выполнения этой задачи, для политического просвещения и организации тех чрезвычайно широких масс, которые экономически зависят от Ефремовых и Рябушинских. Отсутствие этого ясного сознания — главный недостаток, общий трудовикам и ликвидаторам. У трудовиков классовая характеристика либерализма вовсе отсутствует, у ликвидаторов фразы о «вырывании Думы из рук реакции», о приближении кадетов и прогрессистов к власти, о совершаемой ими исторически-прогрессивной работе (см. Мартова и Дана), все же в совокупности дает именно ту роль кадетского «фланга», которой так доволен и Р. Б.

Субъективные пожелания трудовиков и ликвидаторов, конечно, не таковы, но дело не в их субъективных планах, а в объективной группировке общественных сил. А эта группировка, вопреки всем сторонникам идеи двух лагерей, вопреки злорадным крикам о дезорганизованности рабочей демократии (см. в той же статье г. Р. Б.), показывает нам ясно, что третий лагерь образовался. Его линия отчетливо выставлена и всем известна. Рабочие-антиликивидаторы ведут эту линию, сплачивая всех демократов в борьбе и с правыми, и с либерализмом. Не делая себе никаких иллюзий насчет бессильного, раболепствующего во всех коренных вопросах перед реакцией либерализма кадетов, рабочие используют его столкновения с реакцией для себя, для своей классовой организации, для своей демократии, которая зреет теперь бесшумно в толще народных масс, поработленных Ефремовыми и Рябушинскими.

Борьба правых с «ответственной» оппозицией должна послужить и послужит — благодаря антиликивидаторской тактике рабочих — развитию сознания и самостоятельной организации такой «оппозиции», которая на малопочетный титул «ответственной» не претендует.

«Невская Звезда» № 6

от 22 мая 1912 года.

За подписью Б. Г.

Сущность аграрного вопроса в России.

«Аграрный вопрос»—если употреблять эту обычную, ходячую терминологию—существует во всех капиталистических странах. Но в России рядом с обще-капиталистическим аграрным вопросом существует другой, «истинно-русский» аграрный вопрос. Чтобы кратко отметить разницу обоих аграрных вопросов, укажем, что ни в одной цивилизованной капиталистической стране нет сколько-нибудь широкого демократического движения мелких землевладельцев за переход к ним земель крупного землевладения.

В России такое движение есть. И, соответственно этому, ни в одной европейской стране, кроме России, марксисты не выставляют и не поддерживают требования о переходе земли к мелким землевладельцам. Русский аграрный вопрос неизбежно породил признание всеми марксистами такого требования, независимо от разногласий, связанных с тем, как должно быть организовано владение и распоряжение переходящей землей (раздел, муниципализация, национализация).

Откуда же разница между «Европой» и Россией? Не от самобытности ли развития России, не от отсутствия ли в ней капитализма или особой безнадежности, безысходности нашего капитализма? Так думают народники различных оттенков. Но этот взгляд в корне неверен, и жизнь давно опровергла его.

Различие между «Европой» и Россией происходит от чрезвычайной отсталости России. На западе аграрно-буржуазный строй тоже вполне сложился, крепостничество давно сметено, остатки его ничтожны и не играют серьезной роли. Главным общественным отношением в области сельского хозяйства на Западе является отношение наемного рабочего к предпринимателю, фермеру или собственнику земли. Мелкий земледелец занимает там промежуточное положение, переходя, с одной стороны, в класс нанимающих, продавцов рабочей силы (многочисленные формы так называемой подсобной работы или побочных заработков крестьянина), а с другой стороны, в класс нанимателей (число наемных рабочих у мелких земледельцев гораздо значительнее, чем обычно думают).

В России, несомненно, уже упрочилось и неуклонно развивается столь же капиталистическое устройство земледелия. И помещичье и крестьянское хозяйство эволюционируют именно в этом направлении. Но чисто капиталистические отношения

придавлены еще у нас в громадных размерах отношениями крепостническими. Борьба массы населения, в первую голову массы крестьянства вообще, с этими именно отношениями,— вот в чем своеобразие русского аграрного вопроса. На Западе такой «вопрос» существовал во время оно повсеместно, но он давно уже там решен. В России с его решением запоздали, аграрная «реформа» 1861 года не решила его, Столыпинская аграрная политика не может при данных условиях решить его.

В статье «Землевладение в Европейской России» («Невская Звезда» № 3) *) мы привели главнейшие данные, выясняющие сущность современного русского аграрного вопроса.

Около 70 миллионов земли у 30.000 крупнейших помещиков и приблизительно столько же у 10 миллионов крестьянских дворов — таков основной фон картины. О каких хозяйственных отношениях свидетельствует эта картина?

Тридцать тысяч крупнейших помещиков — главным образом, представители старого барства и старого крепостнического хозяйства. Из 27.833 владельцев имений свыше 500 десятин — дворян 18.102, т.-е. почти две трети. Громаднейшие латифундии, которые находятся в их руках, — в среднем приходится свыше 2.000 десятин земли на каждого из этих крупнейших помещиков! — не могут быть обрабатываемы инвентарем владельца и наемными рабочими. В значительной степени неизбежной является, при таком положении дела, старая барщинная система, то-есть существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина.

Именно эта барщинная система и распространена, как известно, особенно широко в центральных, исконно-русских, губерниях Европейской России, в селецце нашего земледелия. Так называемые отработки представляют из себя не что иное, как прямое продолжение и пережиток барщинной системы хозяйства. Невозможные кабальные приемы хозяйства, вроде зимней наемки, работы за отрезные земли, «круговой обработки» и т. д. и т. п., это — тоже барщина. Крестьянский «надел» является, при такой хозяйственной системе, способом обеспечения помещика рабочими руками и не только рабочими руками, но и инвентарем, который, как бы жалок он ни был, служит для обработки помещичьей земли.

*) См. выше 105—108 стр. этого тома. Ред.

Крайняя нищета массы крестьян, которые привязаны к своему наделу и не могут жить с него, крайняя примитивность земледельческой техники, крайняя неразвитость внутреннего рынка для промышленности, — таковы результаты этого положения вещей. И самым рельефным доказательством того, что в основе, в сути своей дело остается неизменным вплоть до наших дней, является теперешняя голодовка 30 миллионов крестьянства. Только крепостническая задавленность, заброшенность, беспомощность массы закабаленных мелких хозяев может вести к таким ужасным массовым голодовкам в эпоху быстро развивающейся и сравнительно высоко уже стоящей (в лучших капиталистических хозяйствах) земледельческой техники.

Коренное противоречие, которое ведет к таким ужасным бедствиям, незнакомым крестьянству Западной Европы со времен средних веков, есть противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и землевладением, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим. Нельзя выйти из этого положения без крутой ломки старого землевладения.

Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение. Относительно первого дело так очевидно, что не возбуждает никаких сомнений. Заметим только, что уничтожение крепостнических латифундий, скажем, хозяйств свыше 500 десятин, не подорвет крупного производства в земледелии, а, напротив, усилит, разовьет его. Ибо крепостнические латифундии — опора мелкого кабального земледелия, а вовсе не крупного производства. На громаднейших участках земли, свыше 500 десятин, почти невозможно или, по крайней мере, крайне трудно в большинстве местностей России ведение крупного хозяйства, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом. Понижение размера таких владений есть одно из условий гибели мелкого кабального земледелия и перехода к прежнему капиталистическому производству в сельском хозяйстве.

С другой стороны, и надельное крестьянское землевладение в России тоже остается средневековым, крепостническим, и дело не только в его юридической форме, изменяемой теперь фельдфебельским разрушением общины и насаждением частной поземельной собственности, — дело также в его фактическом обличье, которое никаким разгромом общины не затрагивается.

Фактическое положение громадной массы мелких и мельчайших, большей частью чересполосных и крестьянских «парцелл» (== крохотных участков земли), отличающихся наихудшим качеством почвы (вследствие отмежевания крестьянской земли в 1861 году под руководством крепостников-помещиков и вследствие выпаханности земли), неизбежно ставит их в кабальное отношение к последнему владельцу латифундии, старому «барину».

Представьте только себе нагляднее эту картину: на тридцать тысяч владельцев латифундий по 2.000 десятин земли приходится 10.000.000 крестьянских дворов с семидесятинным участком на «средний» двор. Ясно, что никакое разрушение общины, никакое создание частной поземельной собственности еще не в состоянии будет изменить кабалы, отработков, барщины, крепостнической нищеты и крепостнических форм зависимости, вытекающих отсюда.

«Аграрный вопрос», порождаемый таким положением вещей, есть вопрос об устраниении остатков крепостничества, сделавшихся невыносимой помехой капиталистическому развитию России. Аграрный вопрос в России есть вопрос о крутой ломке старого, средневекового землевладения как помещичьего, так и надельного крестьянского, — ломке, которая стала абсолютно необходимой вследствие крайней отсталости этого землевладения, крайнего несоответствия между ним и всей системой народного хозяйства, сделавшегося капиталистическим.

Ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, «болезнь чересчур запущена». Ломка во всяком случае и во всех ее формах не может не быть, по своему содержанию, буржуазной, так как вся хозяйственная жизнь России уже буржуазна, и землевладение непременно подчинится ей, непременно приспособится к велениям рынка, к давлению всемогущего в нашем теперешнем обществе капитала.

Но если ломка не может не быть крутой, не может не быть буржуазной, то остается еще нерешенным, какой класс из двух непосредственно заинтересованных классов, помещичьего и крестьянского, проведет это преобразование или направит его, определит его формы. Этому «нерешенному вопросу» мы посвятим следующую статью: «Сравнение Столыпинской и народнической аграрных программ».

Выборы и партии.

Запрос трудовиков в Государственной Думе по поводу нарушения свободы выборов правительством еще и еще раз напомнил «истинно-русские» условия нашей избирательной кампании. Газеты так и пестрят известиями об усиленной «подготовке» к выборам.

Подготовка состоит в том, что арестуют, высылают, привлекают к суду всех популярных избирателей, подозреваемых в оппозиционном настроении.

Рассыпается циркуляр исправникам, чтобы по деревням не допускали левых крестьян в уполномоченные и выборщики.

Из всех сил объединяются, мобилизуются, натаскиваются, муштруются избиратели на дежны: из Петербурга едет особый чиновник для руководства в деле подготовки выборов епархиальным начальством. «Батюшки» поработочены настолько, что надежнее избирателя трудно и придумать. А избирательные права у «батюшек» имеются. Сидельцев винных лавок и учителей церковно-приходских школ тоже приказывают, по сообщению газет, включать в избирательные списки. Народ этот настолько зависимый, загнанный, запуганный, нищий, что сопротивляться давлению начальства в большинстве случаев, наверное, не сможет.

И всего этого оказывается еще мало [высшим представителям реакционной чиновной знати. У издателя «Гражданина», Мешерского, устраиваются совещания г.г. Дурново, Стишинского и др. правых, которые обвиняют правительство в «неспособности» бороться с левыми на выборах!!

Смешно и говорить после этого, что выборы в IV Думу, на основании третьеиюньского избирательного закона, отдающего большинство помещикам, способны сколько-нибудь серьезно изменить в «прогрессивную» сторону положение дел в России. Нет Значение выборов совсем не в этом. Значение выборов в том, что настроение разных классов может косвенно получить выражение. Размежевка партий, уяснение классового сознания рабочих может сделать шаг вперед,—если мы тщательно, всесторонне, неуклонно используем выборы именно в целях пропаганды и сплочения масс.

Выборы под давлением самой бесцеремонной администрации, выборы по закону третьего июня—сплошь да рядом будут комедией. Но то повышение сознания рабочих, то усиление их сплоченности

чения и их влияния на демократию, которое может итти и идет отчасти и через посредство выборов,—скажется неминуемо и вопреки помещичьему характеру выборов.

Надо не забывать основного деления партий на выборах. Борются три главных лагеря: 1) правый, 2) либеральный и 3) демократический.

Правые, вплоть до октябристов, стоят за правительство. Либералы—«прогрессисты» и кадеты—выражают стремления либерально-монархической буржуазии. Они против правительства и против демократии. Во главе демократии стоят рабочие, тогда как трудовики, представители крестьянской демократии, зачастую колеблются между либералами и рабочей демократией.

Пусть же всякий, не только имеющий избирательные права, но и лишенный их по закону 3 июня, приложит все усилия для ясного сознания всеми гражданами действительных стремлений и действительной сути разных партий. Не надо давать себя обманывать словами, названиями, обещаниями. Октябристы называют себя так во имя манифеста 17 октября 1905 года,—а на деле они всецело против свобод, обещанных этим манифестом.

Кадеты называют себя партией «народной свободы», а на деле это—буржуазные либералы, которые свободы народа боятся еще больше, чем свободы Пуришкевича и К-о.

Не по словам, а по делам их надо судить партий,—не на вывески смотреть, а на то, какому классу служит каждая партия.

За пять лет III Думы и рабочие, и крестьяне многому научились в тиши... кладбища; и передовым рабочим надо позаботиться теперь, чтобы плоды этой горькой, трудной, но полезной «науки» не пропали даром.

«Правда» № 19
от 22 мая 1912 года.
За подписью П. П.

Сила рабочих партий в европейских парламентах.

С каждым годом растет сила рабочих партий в европейских парламентах. Каждые новые выборы приносят весть о победе социалистов.

Растет число голосов, поданных за социалистических депутатов, все в большем числе возвращаются социалистические депутаты после выборов в парламент. Это—тенденция, указывающая направление, в котором идет общественное развитие.

Возьмем выборы последних лет. В 1910 году были выборы во Франции. В 1906 году за партийных кандидатов было подано 878 тысяч голосов, в 1910 г.—1.106 тысяч, увеличение на 228 тысяч; в 1906 г. в палату входило лишь 54 депутата, в 1910 г.—76, увеличение на 22 человека *).

В 1911 г. происходили выборы в Швеции. Победа социалистов превзошла все самые оптимистические ожидания: число голосов с 75 тысяч поднялось до 170 тысяч, т.-е. гораздо более, чем вдвое, вместо 36 социалистических депутатов, теперь 65. Цифры красноречивее всяких слов.

Наконец, в текущем 1912 г. мы имели в Германии еще одну блестящую победу, вдохнувшую новую силу и энергию в ряды десятимиллионной армии социалистического пролетариата и заставившую врагов заговорить о государственном перевороте. 110 депутатов в рейхстаге и $4\frac{1}{2}$ миллиона избирателей, поддерживающих их! Во время выборов 1907 года было лишь 53 депутата и подано было за социалистов 3.258 тысяч голосов. Прирост громадный! Теперь социал-демократия—самая сильная партия в рейхстаге.

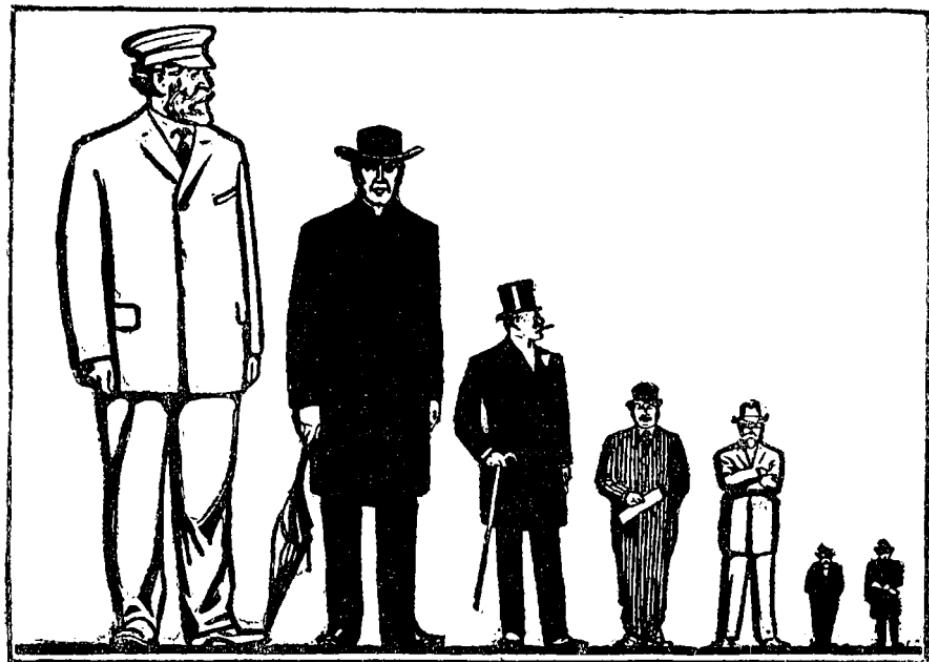
Сравнительная сила партий в новом рейхстаге: соц.-дем.—110; депутатов центра—93; консерваторов—66; национал-либералов—47; радикалов—44; поляков—18; всех других—19.

Единственное исключение представляют выборы 1911 г. в Австрии. Число депутатов не увеличилось, а упало с 87 до 82.

Но это исключение лишь подтверждает общее правило. Путем упорной борьбы, ряда грандиозных демонстраций, организации всеобщей забастовки австрийская социал-демократия добилась избирательной реформы, добилась в сеобщего избирательного права. В этой борьбе ее поддержали все демократические элементы страны, как передового борца за демократическую реформу. Когда в мае 1907 г. произошли первые выборы на основе всеобщего избирательного права, за социали-

*) Перевыборы в XIV Парижском округе дали еще одного социал-депутата—Браке ³⁶.

стических депутатов было подано 1.041.948 голосов (почти четвертая часть всех поданных голосов), было выбрано 87 депутатов (раньше их было всего 11). За социал-демократов голосовали тогда не только социалистически - настроенные элементы, но и элементы просто демократические, крестьяне, мелкие ремесленники и пр

С.-д.

«Центр».

Консерв. Наци.-либ. Радик. Пол. Прочие.

Партии в рейхстаге.

С 1907 г. по 1911 г. прошло 4 года. За это время буржуазия сделала все, чтобы оторвать от социал-демократии малосознательные элементы. Главное орудие ее было—разжигание национальной розни. Крестьянин русин или словак ненавидит своего эксплоататора, но он не дорос еще до того, чтобы видеть в нем капиталиста вообще, и его легко уверить, что он эксплоататор потому, что он немец, а не словак или русин. В то время как в Вене и в промышленных округах социалисты одержали блестящую победу во время выборов 1911 года, в отсталых в промышленном отношении округах, населенных преимущественно славянскими племенами, социал-демократы потерпели поражение.

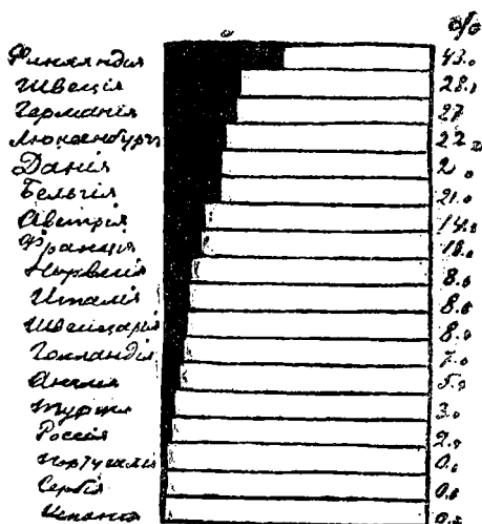
Прогресс промышленного развития служит порукой тому, что это поражение временное.

В настоящее время насчитывают.

	Число со- циал. де- путатов.	Общее число членов пар- ламентов.	Процентное отношение числа соц. деп. ко всем другим.
Финляндия	86	200	43,0
Швеция	65	230	28,1
Германия	110	397	27,7
Люксембург	10	45	22,2
Дания	24	114	21,0
Бельгия	35	166	21,0
Австрия	82	560	14,2
Франция	76	584	13,0
Норвегия	11	123	8,9
Италия	45	508	8,8
Швейцария	16	189	8,4
Голландия	7	100	7,0
Англия	40	670	5,9
Турция	6	196	3,0
Россия	13	442	2,9
Португалия	1	160	0,6
Сербия	1	160	0,6
Испания	1	406	0,2

Если изобразить графически последнюю таблицу, получится следующая картина:

Процент социалистических депутатов в парламентах разных стран.

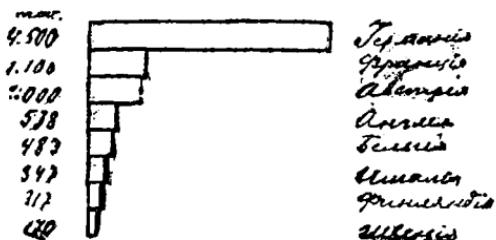

Конечно, эта таблица имеет только относительное значение, так как сила рабочей партии в парламенте зависит не только от числа депутатов, но и от целого ряда других факторов.

Громадное значение имеет численность стоящих за депутатами избирателей, их сознательность и организованность.

Со стороны численности силы распределяются так. На первом месте стоит Германия со своими $4\frac{1}{2}$ миллионами социал-избирателей, затем идут Франция и Австрия с миллионом избирателей каждая. Следующий разряд—Англия, несколько превышающая $1\frac{1}{2}$ миллиона, и Бельгия, насчитывающая несколько менее полумиллиона. Затем Италия и Финляндия, каждая имеющая немного больше 300 тысяч, и, наконец, Швеция, число избирателей которой, подававших голоса за партийных кандидатов, равняется 170 тысячам. В остальных странах число подобных избирателей менее 100 тысяч.

Число социалистических избирателей.

Мы видели уже, какие печальные последствия имел в Австрии тот факт, что часть населения, голосовавшая за социалистических депутатов, совершенно не понимала основ социализма; с падением подъема 1905—1907 г.г. малосознательные элементы отпали, попавши на удочку буржуазной националистической агитации.

Зная, что сила избирательной массы не только в ее численности, но и в ее сознательности, социалистические партии употребляют все усилия, чтобы как можно шире развить пропаганду и агитацию.

Германская социал-демократия издала отчет парт. правления к Иенскому партейтагу. Из этого отчета видно, что в настоящее время у партии имеется 61 типография, 80 ежедневных газет, из которых у одного «Vorwärts'a» 157 тысяч подписчиков; научный еженедельник «Neue Zeit» имеет $10\frac{1}{2}$ тысяч подписчиков, юмористический журнал «Der wahre Jacob»—307 тысяч подписчиков, женский пропагандистский еженедельник «Gleichheit» — $94\frac{1}{2}$

тысячи и т. д. Книгоиздательство «Vorwärts» имеет более 500 тысяч марок оборота и выпускает ежедневно миллионы агитационных листков и сотни тысяч книг и брошюр по социализму. Кроме колоссального числа собраний организационного и агитационного характера, обращено усиленное внимание на организацию пропаганды. По всей стране партия организовала так называемые «комитеты просвещения». Таких комитетов насчитывается более 200, затрачивающих на устройство библиотек, курсов и пр. более 500 тысяч марок ежегодно; «комитеты просвещения» поддерживаются и партией, и профессиональными союзами. Главное внимание обращено на организацию курсов по всей стране, существуют особые разъездные лекторы. Главное количество слушателей привлекают лекции, посвященные разбору Эрфуртской программы, содержания программ буржуазных партий, курсы по политической экономии, истории социализма, истории партии. Читаются также лекции по всеобщей истории, государственному праву, естествознанию. Особенно стараются привлечь к слушанию курсов молодежь. Для выработки партийных пропагандистов и агитаторов существует хорошо организованная и очень дорого стоящая партийная школа. Немудрено, что число членов партии постоянно растет: с 1910 по 1911 г. оно увеличилось на 116 тысяч, а с 1911 по 1912 г. еще на 160 тысяч, и в настоящее время германская социал-демократия уже насчитывает о к о л о м и л л и о н а членов. Организуясь политически, рабочий класс Германии столь же энергично организуется и экономически. По последним данным, относящимся к 1910 г., в Германии 5.668.144 рабочих объединены в союзы, при чем громадное большинство их (2.017.298) сплочены в единую профессиональную организацию, тесно связанны с профессиональными организациями других стран.

Только еще одна страна в мире насчитывает почти столько же членов профессиональных союзов, как Германия. Это Великобритания. В профессиональные союзы там входит 2.426.592 человека, но профессиональные союзы эти очень разрозненны, председают неодинаковые цели, некоторые не идут дальше взаимопомощи, и лишь 710 тысяч объединены национально и международно! Но как никак это—громадная организованная армия, с каждым годом, как показывают резолюции конгрессов английских трэд-юнионов, все более проникающаяся идеями социализма. Есть еще и другое отличие от Германии. В Германии профессиональные союзы и партия действуют рука об руку, идейное влия-

ние партии очень велико, в Великобритании же партия страшно слаба, она разбита на четыре фракции (Рабочую партию, Независимую Рабочую партию, Социал-Демократическую партию, Фабиансское общество), с весьма различными программами и взглядами. Общее число членов партии немного лишь превышает 100 тысяч. 40 депутатов, защищающих интересы рабочих в парламенте, не связаны общей дисциплиной, некоторые из них голосуют вместе с либералами. Партия не имела до сих пор ни одной своей ежедневной газеты, издательская ее деятельность крайне слаба. Лишь с 15 апреля текущего года стала выходить ежедневная социалистическая газета «Daily Herald». Но и то эта газета торопится заявить в своей передовице, что, «короче говоря, мы стоим за абсолютную свободу мысли и действия, свободу от каких бы то ни было партийных уз». Социалистическая газета, откращивающаяся от партийных уз, как нельзя лучше характеризует печальное положение политической организации рабочего класса в Англии. Однако события последних месяцев—стачка миллиона углеродов показала английским рабочим, как недостаточно одной экономической организации. 15 миллионов, годами скопленных по грошам, истратили профессиональные союзы на помощь стачечникам, наполовину опустошили свои кассы и вынуждены были отступить, не победивши. Либералы, за которых голосует до сих пор большинство английских рабочих, и на этот раз остались верными своей политике заигрывания с рабочими. Правительство прикинулось нейтральным, вмешалось в переговоры между рабочими и капиталистами, сделало вид, что уступает рабочим, добившись признания в парламенте принципа минимальной заработной платы, а на деле встало на сторону капитала, не сделав ничего для обеспечения этой минимальной платы. Рабочие отступили. Но урок слишком нагляден. Интересы труда и капитала в данном случае слишком резко столкнулись, чтобы пропасть между ними можно было прикрыть видимостью уступки. Ясно стало, чьи интересы защищают либералы. Английские рабочие не могут не сознать, как важна для них политическая организация, политическая партия.

В Англии, где, по старой английской пословице, «парламент все может, не может только сделать из женщины мужчину», английские рабочие убедились, что они в этом всемогущем парламенте ничто, несмотря на свою могущественную экономическую организацию.

В Германии немецкая социал-демократия составляет самую сильную, самую выдержанную и организованную партию, за которой стоит $4\frac{1}{2}$ миллиона избирателей, но в Германии представители социал-демократии в парламенте наткнулись на другое препятствие—на безвластие немецкого рейхстага. На первых же заседаниях имперский канцлер фон Бетман-Гольвег в своей речи во время прений по вопросу об общей политике вполне недвусмысленно заявил, что ни на какие уступки правительство итти не намерено: правительство не пойдет ни на демократизацию законодательства, ни на перераспределение округов, ни на расширение прав парламента. Речь канцлера приподняла завесу над характером, который неизбежно рано или поздно должна принять борьба германской социал-демократии за политическую власть.

Английская забастовка углеродистов и германские выборы—два факта, бросающие свет на силу рабочих партий в парламентах, указывающие вехи, по которым пойдет это развитие.

Что так или иначе препятствия будут превзойдены, позиции будут завоеваны, за это порукой вся растущая организация рабочего класса, блестящей иллюстрацией которой служат последние шведские и германские выборы.

«Невская Звезда» № 10

от 31 мая 1912 года.

За подписью В. И.

7

Экономическая и политическая стачка.

С 1905 года в официальной статистике стачек, которую ведет министерство торговли и промышленности, введено было постоянное подразделение стачек на экономические и политические. Ввести это подразделение заставила жизнь, породившая своеобразные формы стачечного движения. Сочетание экономической и политической стачки—такова одна из главных черт этого своеобразия. И в настоящее время, при оживлении стачечного движения, интересы научные, интересы сознательного движения к событиям требуют, чтобы рабочие внимательно присмотрелись к этой своеобразной черте русского стачечного движения.

Прежде всего приведем несколько основных цифр, заимствуя их из правительственной статистики стачек. В течение трех лет,

1905—1907 г.г., русское стачечное движение стояло на такой высоте, которой до тех пор не видал мир. Правительственная статистика считает только фабрики и заводы, так что и горные предприятия, и железные дороги, и строительные работы и многие другие отрасли наемного труда остаются неучтенными. Но даже и на одних фабриках и заводах бастовало в 1905 г. 2.863 тысячи человек, т.е. без малого 3 миллиона; в 1906 г.—1.108 тысяч, в 1907 г.—740 тысяч, за все пятнадцатилетие с 1894 по 1908 год, когда в Европе начали систематически разрабатывать статистику стачек; самое большое число стачечников за год было в Америке—660 тысяч.

Следовательно, русские рабочие впервые в мире развили такую массовую стачечную борьбу, которую мы видели в 1905—1907 годах. Теперь английские рабочие в области экономической стачки дали новый великий толчок движению. Передовая роль русских рабочих объясняется не тем, что они сильнее, организованнее, развитее западно-европейских, а тем, что в Европе не было еще великих национальных кризисов с самостоятельным участием пролетарских масс. Когда наступят эти кризисы, массовые стачки в Европе будут еще сильнее, чем в России в 1905 году.

Каково же было соотношение экономической стачки в ту эпоху? Правительственная статистика дает на это следующий ответ:

Число стачечников в тысячах:

	1905	1906	1907
в экономических стачках . . .	1439	458	200
в политических стачках . . .	1424	650	540
Всего . .	2863	1108	740

Отсюда видна тесная и неразрывная связь обоих видов стачек. Самый высокий подъем движения (1905 г.) отличается наиболее широкой экономической основой борьбы: политическая стачка в этом году поконится на прочной и солидной базе экономической стачки. Число экономических стачечников в ыше числа политических.

По мере упадка движения, в 1906 и в 1907 г.г., мы видим ослабление экономической базы: число экономических стачечников падает до $4/10$ всего числа стачечников в 1906 году и до $3/10$ в 1907 году. Политическая и экономическая стачки, сле-

довательно, взаимно поддерживают друг друга, составляя источник силы одна для другой. Без тесной связи этих видов стачки движение, действительно широкое, массовое,—и притом получающее о б щ е н а р о д н о е значение,—невозможно. В начале движения нередко экономическая стачка обладает свойством будить и шевелить отсталых, обобщать движение, поднимать его на высшую ступень.

Например, в первую четверть 1905 года экономическая стачка заметно преобладала над политической: на первую приходилось 604 тысячи стачечников, на вторую—только 206. В последнюю же четверть 1905 года отношение стало обратным: на экономические стачки приходится 430 тысяч, а на политические—847 тысяч. Это значит, что в начале движения многие рабочие на первый план ставили экономическую борьбу, а во время наибольшего подъема—наоборот. Но с в я з ь экономической и политической стачки существовала в с е в р е м я. Без этой связи, повторяем, невозможно действительно великолепное и осуществляющее великие цели движение.

Рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа. Пролетариат играет в таких случаях роль не просто одного из классов буржуазного общества, а роль гегемона, т.-е. руководителя, передовика, вождя. Те политические идеи, которые проявляются в движении, носят общенародный характер, т.-е. затрагивают основные, самые глубокие условия политической жизни всей страны. Такой характер политической стачку—как отмечают все научные исследователи эпохи 1905—1907 годов—заинтересовывал в движении все классы и в особенности, конечно, наиболее широкие, многочисленные и демократические слои населения, крестьянство и т. д.

С другой стороны, без экономических требований, без непосредственного и немедленного улучшения своего положения масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий «прогресс» страны. Масса втягивается в движение, энергично участвует в нем, высоко ценит его и развивает героизм, самоотверженность, настойчивость и преданность великому делу не иначе, как при улучшении в экономическом положении работающего. Иначе дело не может обстоять, ибо условия жизни рабочих в «обычное» время невероятно тяжелы. Добиваясь улучшений условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели.

Статистика стачек, изданная министерством торговли и промышленности, вполне подтверждает это гигантское значение экономической борьбы рабочих в эпоху общего оживления. Чем сильнее натиск рабочих, тем больше улучшений жизни они добиваются. И «сочувствие общества», и улучшение жизни есть результат высокого развития борьбы. Если либералы (и ликвидаторы) говорят рабочим: вы сильны, когда вам сочувствуют в «обществе», то марксист говорит рабочим иное: вам сочувствуют в «обществе», когда вы сильны. Под обществом следует понимать в этом случае всевозможные демократические слои населения, мелкую буржуазию, крестьян, интеллигенцию, близко соприкасающуюся с рабочей жизнью, служащих и т. д.

Всего сильнее было стачечное движение в 1905 году. И что же? Мы видим, что именно за этот год рабочие всего больше добились улучшений жизни. Правительственная статистика показывает, что на 100 стачечников в 1905 году только 29 кончали борьбу, ничего не добившись, т.е. терпело полное поражение. За 10 лет (1895—1904) 52 стачечника из 100 кончали борьбу, ничего не добившись! Значит, массовый характер движения повысил успешность борьбы в громаднейших размерах, чуть не вдвое.

А когда движение стало ослабевать, тогда стала уменьшаться и успешность борьбы: в 1906 году из 100 стачечников 33 кончали борьбу, ничего не добившись, или, вернее, потерпев поражение, а в 1907 году—58; в 1908 году даже 66 из 100!!

Таким образом научные данные статистики за целый ряд лет вполне подтверждают собственный опыт и наблюдение каждого сознательного рабочего относительно необходимости соединения экономической и политической стачки и неизбежности такого соединения в действительно широком и общенародном движении.

Теперешняя волна стачечного движенияальным образом вполне подтверждает этот вывод. В 1911 году число стачечников возросло вдвое против 1910 года (100 тысяч против 50), но все же это число было крайне мало; чисто экономические стачки оставались сравнительно «узким» делом, не получая еще общенародного значения. Напротив, все и каждый видят теперь, что именно такое значение получило стачечное движение текущего года, после известных апрельских событий.

Крайне важно поэтому с самого начала дать отпор тому извещению характера движения, которое стараются вне-

сти в него либералы и либеральные рабочие политики (ликвидаторы). Либерал г. Северянин в «Русских Ведомостях» поместил статью про эти «примешивания» к первомайской забастовке экономических или каких-либо (вот даже как!) «требований», а кадетская «Речь» с сочувствием перепечатала главные места этой статьи.

«Связывать такие забастовки,— пишет г. либерал,— с моментом именно 1 мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10 процентов на миткаль таких-то сортов» («Речь» № 132).

Либералу «странно» то, что рабочему вполне понятно. Только защитники буржуазии и ее непомерных прибылей могут насмехаться над требованием «прибавки». А рабочие знают, что именно широкий характер требования прибавки, именно в сесторечий характер стачек всего более привлекает массу новых участников, всего более обеспечивает силу натиска и сочувствие общества, всего больше гарантирует как успех самих рабочих, так и общеноародное значение их движения. Поэтому против либерального извращения, проповедуемого г. Северянином, «Русскими Ведомостями» и «Речью» надо решительно бороться и всеми силами предостерегать рабочих от подобных горе-советчиков.

Ликвидатор г. В. Ежов в первом же номере ликвидаторской газеты «Невский Голос» выступает с таким же, чисто-либеральным извращением, хотя подходит к вопросу несколько с иной стороны. Г. В. Ежов в особенности останавливается на стачках, вызванных наложением штрафа за первое мая. Справедливо указывая на недостаточную организованность рабочих, автор из этого справедливого указания делает самые ошибочные и самые вредные для рабочих выводы. Неорганизованность г. Ежов видит в том, что на одной фабрике бастовали просто ради протеста, на другой присоединяли экономические требования и т. д. На самом же деле в этом разнообразии форм стачек нет еще ровно никакой неорганизованности: глупо представлять себе организованность непременно в виде однообразия! Неорганизованность заключается совсем не там, где ее ищет г. Ежов.

Но еще гораздо хуже его вывод:

«Благодаря этому» (т.-е. благодаря разнообразию стачек и различным формам сочетания экономики с политикой) «в значительном числе случаев принципиальный характер протеста (ведь, не за четвертак бастовали) стушевался, он был осложнен экономическими требованиями».

Это поистине возмутительное, насквозь лживое и насквозь либеральное рассуждение! Думать, что требование «четвертака» способно «стушевать» принципиальный характер протesta, значит опускаться до уровня кадета. Наоборот, г. Ежов, требование «четвертака» не на смешечки заслуживает, а полного признания! Наоборот, г. Ежов, это требование не «стушевывает», а усиливает «принципиальный характер протesta»! Во-первых, вопрос об улучшении жизни есть тоже принципиальный и важнейший принципиальный вопрос, а во-вторых, я не ослабляю, а усиливаю свой протест, когда протестую не против одного, а против двух, трех и т. д. проявлений угнетения.

Всякий рабочий с негодованием отвергнет возмутительное либеральное извращение дела г. Ежовым.

А у г. Ежова это отнюдь не обмоловка. Он пишет дальше еще более возмутительные всици:

Собственный опыт должен был подсказать рабочим, что нецелесообразно осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять принципиальным требованием.

Неправда и тысячу раз неправда! Позор «Невскому Голосу», что он печатает такие речи. Вполне целесообразно то, что кажется г. Ежову нецелесообразным. И собственно опыт каждого рабочего, и опыт очень большого числа русских рабочих в недавнем прошлом говорит обратное тому, чему учит г. Ежов.

Только либералы могут протестовать против «осложнения» хотя бы самой «обыкновенной» стачки «принципиальными требованиями»; это—во-первых. А во-вторых, глубоко ошибается наш ликвидатор, меряя теперешнее движение меркой «обыкновенных» стачек.

И напрасно пытается г. Ежов прикрыть свою либеральную контрабанду чужим флагом, напрасно спутывает вопрос о сочтении и экономической и политической стачки с вопросом о подготовке и той, и другой! Конечно, подготовлять и подготовляться, притом как можно основательнее, дружнее, сплоченнее, обдуманнее, тверже,—все это весьма желательно. Об этом не может быть и спора. Но подготовлять надо, вопреки г. Ежову, именно сочтанием обоих видов стачек.

Перед нами полоса экономических стачек,—пишет г. Ежов.—Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплелись с политическими выступлениями рабочих. Такое смешение вредно отразилось бы как на экономической борьбе рабочих, так и на политической.

Дальше, кажется, некуда ити! Падение ликвидатора до уровня дюжинного либерала яснее ясного видно из этих слов. Каждая фраза заключает в себе ошибку! Каждую фразу надо переделать в прямую противоположную, чтобы получить правду!

Неверно, что перед нами полоса экономических стачек. Как раз наоборот. Перед нами полоса не только экономических стачек. Перед нами полоса политических стачек. Факты, г. Ежов, сильнее ваших либеральных извращений, и если бы вы могли получить статистические карточки стачек, собираемые в министерстве торговли и промышленности, то даже эта правительственная статистика вполне опровергла бы вас.

Неверно, что «переплетение» было бы ошибкой. Как раз наоборот. Было бы непоправимой ошибкой, если бы рабочие не поняли всего своеобразия, всего значения, всей необходимости, всей принципиальной важности именно такого «переплетения». Но рабочие, к счастию, понимают это отлично и отмечают от себя с презрением проповедь либеральных рабочих политиков.

Неверно, наконец, что такое смешение «вредно отразилось бы» на обеих формах. Как раз наоборот. Оно полезно отражается на обеих. Оно усиливает обе.

Г. Ежов поучает какие-то открытые им «горячие головы». Слушайте:

«Необходимо организационно закреплять ^{настроение} рабочих масс»...— Святая истина!—«...Необходимо усилить агитацию за профессиональные союзы, вербовать им новых членов»...

Вполне справедливо, но... но, г. Ежов, непозволительно с в оди ть «организационное закрепление» к одним профессиональным союзам! Помните это, г. ликвидатор!

...Это тем более необходимо, что среди рабочих находится теперь не мало горячих голов, увлеченных массовым движением и выступающих на митингах против союзов, будто бы бесполезных и ненужных.

Это—либеральная клевета на рабочих. Не «против союзов» выступали рабочие, от которых солено пришло и всегда будет солено приходиться ликвидаторам. Нет, рабочие выступали против того с в е д е н и я организационного закрепления к одним только «профессиональным союзам», которое так ясно видно из предыдущей фразы г. Ежова.

Рабочие выступали не «против союзов», а против того либерального извращения характера их борьбы, которым пропитана вся статья г. Ежова.

Русский рабочий достаточно созрел политически, чтобы понимать великос общенародное значение своего движения. Он достаточно созрел, чтобы понимать всю фальшь, все убожество либеральной рабочей политики, и он всегда с презрением будет отмечать ее от себя.

«Невская Звезда» № 10

от 31 мая 1912 года.

За подписью Ив. Петров.

Переселенческий вопрос.

Как известно, на переселение крестьян правительство и контр-революционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контр-революционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России.

Что у представителей правительства и более дальновидных политиков, например, из октябристов, на уме, то у таких неприкрытых реакционеров, как курский зубр Марков 2-й, на языке. И этот депутат откровенно, с похвальной прямотой, заявил при обсуждении переселенческого вопроса в Думе: «Да, правительство должно разрешить аграрный вопрос именно переселением» (1-я сессия).

Нет сомнения, что при правильной организации переселения оно могло бы сыграть известную роль в хозяйственном развитии России. Разумеется, роль эту не следует переоценивать, даже теперь, когда совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света; далее, теперь, когда малоземельных и безземельных крестьян, чтобы избавить от соблазна созерцания помещичьих латифундий, всячески поощряют к переселениям и выселениям, когда указ 9 ноября чрезвычайно облегчил для переселенцев ликвидацию остатков своего хозяйства на родине, даже теперь, как должны признать сами апологеты естественного прироста, и лишь в губерниях, дающих наивысший процент выселяющихся (юг, запад и черноземный центр России), оно равняется естественному приросту или лишь немного превосходит его.

Тем не менее значительный запас свободных земель в Сибири, годных для переселения, еще имеется. Правда, сделано еще очень мало, чтобы определить его, хотя бы с приблизительною точностью. Куломзин еще в 1896 году определял запас колонизационных земель в 130 тысяч душевых долей. С тех пор отведено вдвое-теро большее количество долей, а запас еще не исчерпан. Наоборот, по расчетам переселенческого управления, к 1900 году наличный запас земель, годных для переселения, определяется в 3 миллиона душевых долей, на 6 миллионов переселенцев. Как видим, цифры чрезвычайно различные; диапазон колебания их весьма значителен.

Как бы то ни было, если даже отбросить известный процент в последних цифрах на долю обычного бюрократического благодушия, все же несомненно, что запас земель в Сибири еще имеется, и что, следовательно, переселение туда могло бы иметь известное значение как для Сибири, так и для России, если бы только оно было организовано целесообразно.

Именно это *conditio sine qua non* и не выполняется настоящим правительством. Нынешняя организация переселенческого дела лишний раз показывает и доказывает, что наш «старый порядок» абсолютно неспособен удовлетворить самые элементарные хозяйствственные потребности населения; негодная постановка переселения еще раз свидетельствует, что нынешние господа положения импотентны сделать хоть что-нибудь для хозяйственного прогресса страны.

Выяснению направления, характера и осуществления переселенческой политики и были посвящены речи с.-д. депутатов каждый год при обсуждении бюджетной сметы переселенческого управления.

Какую цель преследует правительство при переселении крестьян? Вот основной вопрос, определяющий собой все другие, ибо целью переселенческой политики правительства определяется весь характер ее.

Депутат Войлошников, выступавший от имени с.-д. фракции во 2-ю сессию Думы, так охарактеризовал те задачи, которые ставит себе правительство при переселении крестьян. «Переселенческая политика,—говорил депутат Войлошников,—является одним из звеньев всей аграрной политики правительства. Нужны были помещикам слабые и некрепкие крестьяне, в качестве дешевых рабочих рук, и правительство всячески старалось

затормозить переселение и оставить излишки населения на местах. Но этого мало еще: оно усиленно боролось против самовольного переселения и тем самым старалось закрыть этот предохранительный клапан; но естественный прирост населения того времени продолжал итти, времена переменились; встала грозная туча пролетариата и голодающего крестьянства со всеми его последствиями. Правительство и помещики ухватились за переселение, положив его, на-ряду с указом 9 ноября, в основу своей аграрной политики, но там при проведении указа 9 ноября внимание сосредоточилось на сильных и крепких, на том, чтобы отобрать землю у слабых и передать крепким крестьянам, а здесь речь идет о том, чтобы слабых крестьян как можно больше выкачивать в Сибирь, и хотя в последнее время замечается тенденция к повышению среднего уровня зажиточного переселенца, однако главную массу, по терминологии Столыпина, продолжают составлять слабые. В этом усиленном откачивании точно так же принимают участие или, я скажу, к этому участию привлекли и землеустроительные комиссии.

На землеустроительные комиссии возложена обязанность выдавать, зачислять за переселенцами участки и тем самым сводить счеты с бывшими аграрными беспорядками. Таким образом, г.г., указ 9 ноября, усиленное рекламирование переселения, усиленное выкачивание слабых в Сибирь и землеустроительные комиссии, это—две тесно связанные стороны одного и того же вопроса, одной и той же политики. Нетрудно видеть, что проведение указа 9 ноября способствует оседанию крепких и сильных на наделах за счет слабых крестьян и будет, тем самым, способствовать выталкиванию этих слабых, мало пригодных в колонизационном отношении элементов в чуждые окраины. Как в отношении общины, так и в отношении переселения, переселенческая политика правительства руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и вообще господствующих классов, угнетающих рабочие классы и трудящееся крестьянство. Ему чуждо понимание элементарных потребностей страны и нужд народного хозяйства» (заседание 77, сессия вторая).

Полнее всего вскрыл эту сторону дела депутат Чхеидзе (в своей речи во 2-ю сессию Государственной Думы), подробно нарисовав картину переселенческой политики на Кавказе.

Социал-демократический оратор, прежде всего, фактами и цифрами, доказал, что все официальные сообщения о свободных

землях на Кавказе самым вопиющим образом противоречат истине. Сугубо подчеркнем, что депутат Чхеидзе, во избежание упреков в пристрастии и искажениях, все время пользовался официальными данными и докладами правительственные чиновников. По данным, собранным еще в 80-х годах бывшим министром государственных имуществ, среди одних только государственных крестьян, водворенных на казенных землях на Кавказе, в четырех кавказских губерниях насчитывалось 22.000 душ совершенно безземельных, 66.000—с наделами до одной десятины на душу, 254.000—с наделами от одной до двух десятин, 5.013 душ с наделами от двух до четырех десятин,—итого около 1.000.000 душ с наделами меньше против минимальной нормы наделения водворившихся на Кавказе переселенцев. В Кутаисской губернии из 29.977 дымов насчитывалось безземельных и с наделами до одной десятины на двор—2.541, от одной до двух десятин—4.222, от двух до трех—4.016, от трех до пяти—5.321 дымов. По новейшим сведениям, число селений, вовсе не имеющих казенной земли или мало ею обеспеченных, составляет в четырех закавказских губерниях около 46%, а в Кутаисской губ. необеспеченных дворов считалось около 33%. Из отчета Бакинского комитета о нуждах сельско-хозяйственной промышленности мы знаем, что такие малообеспеченные землей селения выделяют из своей среды безземельных, которые приселяются к обладающим значительным наделом земли и в таком зависимом положении находятся многие годы. А сенатор Кузьминский в своем всеподданнейшем отчете говорит следующее: «Замечено, что иногда самый состав переселенцев образуется из лиц, отставших от земледелия и отдающих полученную для колонизационных целей землю в аренду односельцам или крестьянам-туземцам соседнего населения. Таким образом еще 25 лет тому назад в Закавказье насчитываются сотни тысяч государственных крестьян, которые, кажется, должны бы быть обеспечены больше, чем другие категории крестьян, которых без преувеличения можно назвать батраками; еще лет 25 тому назад местные крестьяне были вынуждены брать те земли, которые отдавались переселенцам».

Таковы данные, на основании которых можно судить о земельном обеспечении государственных крестьян на Кавказе.

«Что касается так называемых временно обязанных крестьян,—продолжал оратор,—то на основании установленных грамот видно, что в Тифлисской губ. было оставлено совершенно

без земли 1.444 дымов и 386 дымов не получили даже усадебных земель. Это составляет 13% общего числа помещичьих крестьян Тифлисской губернии. В Кутаисской губернии число безземельных крестьян при реформе было еще больше. Если даже принять пропорцию в Тифлисской губернии общего числа крепостных, то и тогда всех их в Кутаисской губ. получится 5.590 дымов или 25.000 душ, не получивших ни клочка земли при освобождении крестьян на Кавказе. Спустя 20 лет после реформы, в 1895 году,— продолжает автор записки о ликвидации обязательных отношений,— числилось безземельных крестьян в Елизаветпольской губ. 5.308 дымов или 25.000 душ обоего пола. В Бакинской губ.— 3.906 дымов или 11.709 душ безземельных обоего пола. А вот данные относительно земельного обеспечения крестьян из временно обязанных, не выкупивших своих наделов, но имеющих кое-какое хозяйство. В Тифлисской губернии на душу приходится 0,9, а в Кутаисской губернии—0,6. Из выкупивших на душу приходится в Тифлисской губ.—0,7 десятин. Таково обеспечение в земельном отношении крестьян, имеющих кое-какое хозяйство. Общую характеристику хозяйственного положения крестьян на Кавказе дает отчет кутаисского губернского комитета о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. По данным, почерпнутым из различных официальных исследований, количество крестьян, испытывающих острую нужду, доходит в Кутаисской губернии до 70%. Мало того, здесь упоминается также и то, что острую нужду в Кутаисской губернии испытывает 25% дворян.

«Такие владельцы земельных участков,— продолжает отчет,— могут сохранить свою хозяйственную самостоятельность только при наличии посторонних заработков и совершенно лишены возможности производить затраты на улучшения, на инвентарь и на удобрение полей. Большой спрос не мог повлиять на стоимость наделов аренды, которая достигает 60% валового дохода при испольной системе, а иногда при уплате определенного количества произведений земли в неурожайные годы превышает валовой доход. Отдача земли в арендное пользование за деньги встречается редко, и арендная плата доходит до 30 рублей за десятину в год. Это в Кутаисской губернии. А вот некоторые данные относительно земельного обеспечения крестьян в четырех уездах Елизаветпольской губ. Здесь на основании сведений о всех крестьянах, живущих на владельческой земле, мы имеем, что в четырех уездах Елизаветпольской губернии, а

именно: Джибраильском, Зангезурском, Шушинском и Джеванширском обеспечение землей доходит до 0,6 десятин на душу. По подсчету сенатора Кузьминского, в Ленкоранском уезде, Бакинской губернии, средний надел на душу мужского пола у поселенцев, водворенных на владельческой земле, доходит до 0,5 десятин. В Кубинском уезде—до 0,9 дес. Таково, г. г.,—закончил оратор,—земельное обеспечение крестьян в Закавказье».

Если в отношении малоземелья положение кавказских крестьян мало чем разнится от положения крестьян в России, то спрашивается, откуда же образуется колонизационный земельный фонд на Кавказе и зачем производится туда выселение, вместо того, чтобы произвести расселение местных крестьян?

Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «руссификации окраин».

Депутат Чхеидзе привел ряд данных, опять-таки почерпнутых из официальных источников, как сгноялись со своих насиженных мест целые селения туземцев в интересах образования земельного колонизационного фонда, как подстраивались целые судебные процессы, чтобы оправдать экспроприацию земель у горцев (доклад предводителя дворянства кн. Церетели министру внутренних дел о горном селении Кикнавелети, Кутаисского уезда) и т. д. И все это не единичные и исключительные факты, а «типичные случаи», как констатирует и сенатор Кузьминский.

В результате у переселенцев с туземцами создаются прямо враждебные отношения. Так, например, когда аларское общество было прогнано с его земель, «выселено», как выражается сенатор Кузьминский, «без обеспечения его землей, на произвол судьбы», то захватчики его земли из переселенцев были вооружены на счет казны: местным уездным начальникам было предписано «заботиться снабжением крестьян вновь возникших селений на Мухане, в том числе и Покровец, оружием, берданками по 10 ружей на 100 дворов». Интересная иллюстрация для характеристики «националистического курса» современной политики.

Тем не менее правые депутаты Государственной Думы с торжеством указывали на наличие переселенческого фонда в 1.700.000 десятин земли, как о том сообщает кавказский наместник. Однако, как свидетельствует и наместник, почти половина этого фонда уже занята переселенцами, значительная часть нахо-

дится в таких местах, где, как подтверждает опять-таки наместник, непривычному сельскому хозяину вести хозяйство физически невозможно.

Депутат Чхейдзе охарактеризовал также, как устраивает правительство новоселов на местах. «Недостаточное,—говорится в записке наместника,—водоснабжение и орошение переселенческих участков преимущественно в восточных местностях Закавказья является одной из главных причин обратного выселения уже осевших там переселенцев. Из Черноморья новоселы бегут из-за отсутствия путей, пригодных для колесного сообщения не только между отдельными заселенными пунктами, но и в пределах самих переселенческих участков. К этому следует добавить, что неблагоприятные, непривычные для переселенцев климатические условия, сопровождающиеся во многих местностях Кавказа малярийными заболеваниями, губящими не только людей, но и скот, в свою очередь не менее бездорожья способствуют бегству из края менее устойчивых новоселов. Под влиянием изъясненных причин непрестанно наблюдается выселение из губерний Елизаветпольской, Бакинской и Дагестанской области, а также из Тифлисской и Черноморской губ.».

В результате вот как оцениваются итоги переселения на Кавказе самим наместником. «Практиковавшееся до последнего времени отношение к кавказскому населению в его земельных делах,—говорит наместник,—далее терпимо быть не может и уже потому, что оно, несомненно, играет довольно видную роль в революционном настроении сельского населения».

Совершенно аналогичные задачи преследуют правительство и правящие классы при переселении крестьян в Сибирь; и в этом случае, преследуя политические цели, совершенно не считаются ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов.

На местах выселения, в России, ведать переселенческое дело поручено теперь землеустроительным комиссиям, земским начальникам и губернаторам. Кровно заинтересованные в том, чтобы разредить местное малоземельное и безземельное крестьянство, чтобы оставить его на местах лишь в мере, потребной для нужд крупного землевладения (в качестве поставщиков наемной силы), землеустроительные комиссии настолько энергично «выселяли» бедняков, что даже возбуждали ропот переселенческого управления. «Землеустроительные комиссии,—протестовал один переселенческий чиновник,—образуют партии совершенно нищих, нуждаю-

щихся с места в путевом пособии, в ссуде не на домообзаводство, а на прокормление; но если, как исключение, и встречается переселенец с небольшими денежными запасами, то он весь расходуется на проезд и прокормление».

И эти «слабые» пасынки земельной политики, объявившей своим девизом «ставку на сильных», целыми тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах, битком набитых стариками, детьми, беременными женщинами. В этих же скотских вагонах (с знаменитой надписью 40 человек, 8 лошадей) переселенцы готовят пищу, стирают белье, здесь же лежат часто заразные больные, которых переселенцы имеют обыкновение скрывать, из боязни, что их высадят и они отстанут таким образом от партии. На конечных пунктах и на станциях переселенцев высаживают, в лучшем случае—под специально устроенные палатки, в худшем случае—прямо под открытое небо, под солнце и дождь. Депутат Войлошников рассказывал в Думе, как он сам наблюдал на Сретенском пункте тифозных больных, лежавших без защиты под дождем. И такие-то условия путешествия переселенцев цитированные выше два ministra (Столыпин и Кривошеин) находили «сносными»: «санитарные условия передвижения переселенцев сносны,—всеподданнейше докладывают они,—в пути многие находят непривычные даже удобства». Поистине нет границ бюрократическому благодушию!

Претерпевая такие мытарства по пути «в землю обетованную», беднейшие переселенцы не находят счастья и в Сибири. Вот, например, как характеризовал их устройство на новых местах цитатами из официальных донесений деп. Войлошников.

Один чиновник (чиновник особых поручений переселенческого управления) пишет: «Большинство участков разбросано в урманых местах, без воды, без посевов, без выгона». Другой добавляет: «Ссудное дело совершенно утратило свой характер домообзаводственного значения; размер ссуд сам по себе слишком мал для оказания существенной домообзаводственной помощи. Установившийся порядок выдачи ссуд обратил это дело в чистейшую филантропию, обзавестись и прокормиться года два на 150 р. ссудных денег невозможно».

А вот, для примера, описание санитарного положения новоселов в тех же официальных донесениях.

«После тифа,— пишет один чиновник *),— не меньшие размеры приняла здесь цынга; почти во всех поселках, во всех избах есть больные этой болезнью или кандидаты к ней. Часто в одной избе лежат больные той и другой болезнью. На участке Окур-Шаском мне пришлось видеть такую картину: хозяин дома лежит в тифе в периоде шелушения, его беременная жена крайне слаба от недостатка питания; сын, мальчик лет 12-ти, с опухшими железами и цынгой; сестра жены в цынге, ходить не может, у нее грудной ребенок; ее десятилетний мальчик в цынге, кровоизлияние из носа и слабость в ногах, и только ее муж здоров из всей семьи.

За цынгой и тифом следует куриная слепота. Можно встретить поселки, в которых буквально все переселенцы, без исключения, слепы. Группы участков по р. Емне образованы из сплошного урмана, где нет ни пашни, ни сенокосов, и за два-три года новоселы едва могли разработать свои усадьбы и построить жалкие избенки. О своем хлебе не могло быть и речи; питались исключительно ссудой, и когда последняя была использована, ощущался страшный недостаток в хлебе; многие буквально голодали. К недостатку хлеба надо прибавить недостаток питьевой воды».

Такие донесения попадаются на каждом шагу. Как ни ужасны эти официальные сообщения, видимо, они все же не договаривают того, что есть, и таким образом прикрашивают действительность. Например, посетивший Дальний Восток уполномоченный общеземской организацией, князь Львов ³⁷⁾, человек, как известно, умеренных взглядов, так характеризует колонизацию в Приамурском крае:

«Отрезанность от мира, как на необитаемом острове, среди болотных кочек глухой тайги, заболоченных долин и заболоченных гор, совершенно дикие условия жизни, труда и пропитания естественно подавляют слабого духом и нищего переселенца. Он впадает в апатию, истощив свой небольшой запас энергии в самом начале борьбы с суровой природой, устраивая себе убогое жилище. Цынга и тиф захватывают истощенный организм и уносят его на кладбище. Во многих поселках 1907 года прямо невероятная смертность, в 25 и 30 %. В них сколько дворов, столько и крестов, и не мало поселков обречено на сплошное переворовение на новые участки или на кладбище. Сколько горьких слез несчастных семей, какие дорогие похороны на государственный счет на дале-

^{*)} «Записка», стр. 8.

кой окраине, вместо колонизации! Не скоро станут на ноги разбитые тайгой остатки прошлогодней усиленной волны переселенцев. Многие еще вымрут, многие убегут, вернутся в Россию, обесславят край рассказами о своих бедствиях, запугают и задержат дальнейшее переселение. Недаром нынешний год происходит небывалых размеров обратное движение из Приморской области и в пять раз меньший прилив в нее переселенцев».

Князь Львов справедливо ужасается оторванности и заброшенности переселенца в необъятных сибирских тайгах, в особенности при сибирском бездорожье. Можно представить себе, с каким блеском там идет теперь насаждение отдельных хуторских хозяйств и нарезка отрубных участков, ибо те же руководители аграрной политики провозглашали «необходимость решительного поворота (!) в земельной политике в Сибири», «создание и укрепление частной собственности», «укрепление за отдельными крестьянами их участков на основании указа 9 ноября 1906 года», «отвод переселенческих участков, по возможности, с распределением земли на отруба» *) и т. д.

Вполне естественно, что при таких условиях колонизации, по данным переселенческого управления, из числа устроившихся за 1903—1905 годы переселенцев 10% не имели ни одной рабочей скотины, 12% имели только по одной голове рабочего скота, 15% не имели коровы и 25% не имели плуга (из речи депутата Гайдарова в 1-ю сессию, выступавшего тогда от имени социал-демократической фракции). С полным правом поэтому депутат Войлошников, опираясь на те же официальные сообщения, подвел следующий итог переселенческой политике за 1906—1908 г.г.

«В течение трех лет, 1906, 1907 и 1908 г.г., за Урал было переброшено 1.552.439 душ обоего пола, наполовину нищих, завлеченных правительственной рекламой в неведомые края, обреченных на произвол судьбы. Из них устроилось,—как пишет переселенческое управление,—564.041 человек, вернулось обратно 284.984 душ обоего пола. Таким образом известно по сведениям переселенческого управления о 849.025 человек, куда же девались остальные? Где же те 703.414 человек? Г.г., правительство отлично знает об их горькой участи, но оно о них не скажет; часть из них приписалась к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой.

*) «Записки», стр. 60, 61, 62.

Но громадной части правительство устроило дорогие похороны, и вот почему правительство умалчивает о них».

Так оправдываются надежды Маркова 2 путем переселения «решить аграрный вопрос». Перед лицом подобных фактов даже октябристские представители крупного капитала вынуждены были признать «дефекты переселенческого дела». Еще в 1-ю сессию октябристы выразили пожелание (и Дума приняла это пожелание) «изменения и улучшения условий передвижения переселенцев», «создания в районах водворения условий, необходимых для культурно-экономического развития их», «соблюдения при отводе земель и водворении переселенцев интересов и прав местного крестьянства и инородческого населения». Разумеется, эти осторожные и нарочито двусмысленные пожелания так и остались до сих пор «гласом вопиющего в пустыне». И октябристские дятлы терпеливо повторяют их из года в год...

«Невская Звезда» № 11
от 3 июня 1912 г.
За подписью В. И.

«Объединители».

Ликвидаторы «объединяются» изо всех сил. На-днях они чуть-чуть не «объединились» с пэ-пэ-эсовцами—так называемой «левицей», являющейся одной из фракций польского социал-национализма.

Больше 10 лет социал-демократия в Польше ведет борьбу с социал-национализмом П. П. С. В результате—ряд националистических предрассудков у части П. П. С. («левицы») удалось выбить из головы. Но борьба продолжается. Польские рабочие социал-демократы высказываются против объединения с указанной фракцией П. П. С., как с организацией, считая, что это будет вредно для дела. Отдельные рабочие и отдельные группы из «левицы» переходят в ряды социал-демократии, не желая останавливаться лишь на половинчатом пересмотре принципов пэ-пэ-эсовского национализма. И вот в это время наши ликвидаторы лезут «объединиться» с левицей П. П. С.!

Это все равно, как если бы русские социал-демократы стали «объединяться» помимо Бунда, скажем, с так называемыми «социалистами-сионистами» или без латышской социал-демократии с

так называемым «латышским социал-демократическим союзом» (на деле эс-эрзовским)...

Не говорим уже о формальной стороне дела. Польская социал-демократия на Стокгольмском съезде заключила с Р. С.-Д. Р. П. договор, в силу которого в Польше какие бы то ни было группы могут входить в Р. С.-Д. Р. П., только войдя в организацию Р. С.-Д. А декабрьская 1908 года Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. подавляющим большинством голосов отвергла даже обсуждение вопроса об объединении с «левицей»³⁸).

Совершенно ясно, что, крича постоянно об «объединении», Троцкий и его друзья ликвидаторы на деле у в е л и ч и в а ю т р а с к о л в той же Польше. Счастье Р. С.-Д. Р. П. в том, что вся эта компания ликвидаторов вместе с плетущимися за ними «примиренцами» совершенно бессильна что-либо сделать на д е л е — в том числе и в Польше. Иначе, конечно, объединение ликвидаторов с Р. П. С. внесло бы самый резкий раскол в Польшу.

Почему же ликвидаторы пустились в явную авантюру? Да, конечно, —не «от хорошей жизни». Нужно же им с кем-нибудь объединиться, нужно же им какую-нибудь «партию» создать. Не идут с ними социал-демократы, Р. С.-Д., —они вынуждены брать вместо социал-демократов — пэ - пэ - эсовцев, с нашей партией ничего общего не имеющих. Не идут с ними в русских городах наши старые партийные организации — они вынуждены брать вместо ячеек с.-д. так называемые «инициативные группы» ликвидаторов, ничего общего с Р. С.-Д. Р. П. не имеющие.

«От хорошей жизни не полетишь»... Не пора ли, господа ликвидаторы, начать вам объединяться и с социал-революционерами (эс-эрзовскими л и к в и д а т о р а м и?). Эти господа тоже ведь рвутся к «объединению». То-то «широкая» партия у вас будет тогда. Сам Ларин останется доволен...

* * *

Пока ликвидаторы «объединяются» с «иностранными державами», продолжается торг между ними и «примиренцами» по вопросу об условиях «объединения» самого этого ликвидаторско-примиренческого лагеря. Господин В. Левицкий выступает в «Нашей Заре» с статьей-манифестом, обращенным ко «всем течениям», согласным бороться с недавней Конференцией Р. С.-Д. Р. П.

Господин Левицкий озаглавил статью: «За объединение—против раскола». Ну, чем не Троцкий? С тех пор, как партийцы дали хороший отпор ликвидаторам во всех сферах работы, Левицкий и К-о усвоили себе очень «примиренческий» язык. О, они всецело за «единство». Они только выдвигают следующие четыре скромных условия «объединения»:

1) Борьба с Конференцией Р. С.-Д. Р. П., объединившей всех социал-демократов кроме горсточки колеблющихся.

2) Создание, вместо партии, «Центральной Инициативной группы» (курсив г. Левицкого, «Наша Заря» № 4, стр. 31).

(Что такое ликвидаторские «инициативные» группы, недавно объяснил в печати Плеханов: см. его «Дневник Социал-Демократа» № 16. И Бунд, и Троцкий, служа ликвидаторам, скрывают от своих читателей объяснения Плеханова. Не скроете, господа!)

3) Не оживлять «политические мертвые ячейки» (там же, стр. 33).

4) Признать лозунг: «против культа подполья» (там же, стр. 33).

Программа начертана, хотя и не так откровенно и уверенно, как в былые времена, но все же достаточно ясно. И Левицкий тут же объясняет весьма подробно всем Троцким: ведь выбора-то у вас нет, господа. Принимайте наши условия, зато мы (т.-е. Левицкий и К-о) охотно соглашаемся вот на что: «в утешение себе» вы (т.-е. Троцкий и иже с ним) можете говорить, что не вы подвинулись к ликвидаторам,—а ликвидаторы к вам.

В той же книжке «Нашей Зари» Мартов заблаговременно грозит будущей социал-демократической фракции IV Думы, что если она тоже будет антиликвидаторской, как и ее злоказненная предшественница,—то «случай, подобные Белоусовскому³⁹», станут уже не исключением, а правилом», т.-е., говоря проще, что ликвидаторы расколют думскую фракцию. Страшен сон... господа ликвидаторы! Кабы сила была у вас, вы бы давно уже устроили свою ликвидаторскую думскую фракцию...

Дело «объединения» в верных руках—нечего сказать...

Жалкая комедия ликвидаторско-троцкистского «объединительства» отталкивает самых невзыскательных людей. Объединение совершается, но только—объединение не с ликвидаторами, а против них.

По поводу невероятной хлестаковщины Троцкого, Либера («Бунд») и ликвидаторов с их пресловутой «Организационной Комиссией» мы считаем достаточным указать читателям, желающим серьезно и вдумчиво проверить спорные вопросы по документам, а не верить на слово, следующие факты:

В июне 1911 г. образована в Париже Заграничная Организационная Комиссия после ухода Либера и Игорева из собрания цекистов. Первая организация в России, к которой обратилась З.О.К., был Киев. Даже Троцкий признает ее бесспорность. В октябре 1911 г. при участии Киева составлена Российская Организационная Комиссия. В январе 1912 г. созвана ею Конференция Р.С.-Д. Р.П.

В январе 1912 года собралось совещание Бунда, Центрального Комитета латышей и Кавказского Областного Комитета (все три группы ликвидаторские). Поляки сразу уходят, объявив всю затею ликвидаторской. Затем отказываются вйти в «примиренцы» и Плеханов, объявивший в № 16 «Дневника Социал-Демократа», что эта конференция создается ликвидаторами. Теперь июнь 1912 года, и ни Бунд, ни Троцкий ни кого, кроме голосовцев и впередовцев, не «объединили», ни одной серьезной и бесспорной организации в России не привлекли, ни слова по существу Плеханову не ответили, ни на иогу проповеди ликвидаторов в «Нашей Заре» и т. п. органах не изменили!

Фраз же и хвастовства насчет «объединения» без конца.

«Социал-Демократ» № 27
от 4 (17) июня 1912 г.

Ликвидаторы против революционной массовой стачки.

Передовая статья настоящего номера была уже сдана в типографию, когда мы получили № 1 ликвидаторского «Невского Голоса». Известный ликвидатор В. Ежов⁴⁰) из «Нашей Зары» сразу наградил новый орган таким перлом, что остается только руками развести! Вот не угодно ли:

«Благодаря этому» (т.е. благодаря разнообразию стачек, то сводившихся к одному протесту против штрафа за маевку, то прибавлявших к

этому протесту экономические требования и т. д.) «в значительном числе случаев принципиальный характер протesta (ведь не за четвертак бастовали) стушевался (!??!), он был осложнен экономическими требованиями..

Собственный опыт должен был подсказать рабочим, что нецелесообразно (!!) осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять (!?) принципиальными требованиями.

Необходимо организационно закреплять настроение рабочих масс. Необходимо усилить агитацию за профессиональные союзы, вербовать им новых членов. Это тем более необходимо, что среди рабочих находится теперь не мало горячих голов, увлеченных массовым движением и выступающих на митингах против союзов, будто бы бесполезных и ненужных.

Перед нами полоса экономических» (только?) «стачек. Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих (!!?). Такое смешение вредно (!!??) отразилось бы как на экономической борьбе, так и на политической».

Вот вам целиком либеральный г. Северянин, переписанный ликвидатором! Полное непонимание того, чтореволюционно-национальная массовая стачка и обходимо соединяет в себе и экономическую, и политическую, — узколобие, чудовищное извращение революционного характера подъема и попытки приложить к нему аршин «обыкновенных стачек» — реакционнейший совет «не осложнять» политику экономикой и не «переплеть» их, — достойный Струве и Маклакова выпад в легальной печати против революционных с.-д. рабочих: «горячие де головы» «против союзов»!

Либерал не может понять революционного социал-демократа иначе, как что он де «против союзов». Но рабочие на митингах были, конечно, не «против союзов», а против подмены революционных лозунгов либеральными, чем занят г. Ежов и К-о. Не свобода коалиций — наш лозунг, говорили рабочие, не «профессиональными союзами» только и не ими главным образом можно «закрепить организационно» наше движение. Наш лозунг — республика (см. петербургское вождение рабочих), мы строим не легальную партию, способную руководить революционным налеском масс на царскую монархию. Вот что говорили рабочие на митингах.

А г.г. Либеры и Троцкие уверяют рабочих, будто возможно «объединение» социал-демократического пролетариата и его партии с либералами à la г.г. Ежов, Потресов и К-о!

Лозунги Всероссийской Конференции Р.С.-Д.Р.П. в январе 1912 года и майское движение.

В другом месте настоящего номера читатель найдет полный текст прокламации⁴¹⁾, отпечатанной и распространенной петербургскими рабочими перед знаменитой отныне маевкой. На этой прокламации стоит очень и очень остановиться, ибо она представляет из себя важнейший документ в истории рабочего движения в России и в истории нашей партии.

Прокламация отражает на себе известное состояние дезорганизованности социал-демократической партии в столице, ибо подписано возвзание не петербургским комитетом, а отдельными социал-демократическими группами и даже одной социал-революционной рабочей группой. В большинстве местностей России состояние нашей партии именно таково, что руководящие комитеты и центры постоянно арестуются и постоянно возникают вновь благодаря наличности всевозможных заводских, профессиональных, подрайонных и районных социал-демократических групп, тех самых «ячеек», которые вызывали всегда ненависть либералов и ликвидаторов. В последней книжке журнала этих господ («Наша Заря» 1912, № 4) читатель может наблюдать еще и еще раз, как, извиваясь в бессильной злобе и и стекая ругательствами, г. В. Левицкий шипит против «возрождения партии посредством искусственного оживления политически мертвых ячеек».

Особенную типичность, особенную знаменательность придает рассматриваемой прокламации именно то обстоятельство, что в силу ареста П. К. на сцену должны были выступить как раз ячейки, избавленные волею полиции от ненавистного ликвидаторам «руководящего центра». Благодаря этому печальному в глазах всякого революционера обстоятельству самостоительная жизнь ячеек выступила наружу. Ячейкам пришлось на-спех, под отчаянными преследованиями полиции, — которая прямо-таки неистовствовала перед 1 мая, — собирать свои силы, налаживать связи, восстановлять «подполье». Подписанные под прокламацией группы, представители и т. д. — все это именно подполье, ненавистное либералам и ликвидаторам. В то время, когда тот же ликвидаторский вождь г. Левицкий

вицкий — от имени «Нашей Зари» и «Живого Дела», конечно — с пеной у рта набрасывается на «культ подполья» (см. стр. 33 названной книжки), мы получаем в петербургской прокламации точный и полный документ, вскрывающий перед нами существование этого подполья, его жизненность, содер-жание его работы и ее значение.

П. К. сметен арестами — тут-то и видно будет, каковы же подпольные ячейки сами по себе, что они делают и могут делать, какие идеи они действительно восприняли и воспитали в себе, а не только переняли от верховной партийной инстанции, — какие идеи действительно пользуются симпатиями рабочих.

Из прокламаций видно, что делают ячейки: они продолжают работу временно разрушенного (к удовольствию всех разнообразных врагов подполья) П. К. Они продолжают готовить маевку. Они наскоро восстанавливают связи между различными и подпольными социал-демократическими группами. Они привлекают и эс-эрвских рабочих, хорошо понимая значение пролетарского объединения на живом революционном деле. Они сплачивают эти различия социал-демократические группы и даже одну «группу рабочих с.-р.» на определенных лозунгах борьбы. И вот тут-то обрисовывается как раз настоящий характер движения, настоящее настроение пролетариата, настоящая сила Р.С.-Д.Р.П. и ее январской всероссийской конференции.

Такой иерархической инстанции, которая бы могла декретировать выставление тех, а не иных лозунгов, не оказывается налицо в силу арестов. Значит, объединить пролетарскую массу, объединить рабочих социал-демократов и даже часть социал-революционеров можно только лозунгами, действительно для масс бесспорными, — только лозунгами, которые почерпают свою силу не из «декрета сверху» (как выражаются демагоги и ликвидаторы), а из убеждения самих революционных рабочих.

И что же оказалось?

Оказалось, что после разрушения П. К., при невозможности немедленно восстановить его, при условиях исключительно идейного, а не организационного, воздействия одной группы рабочих на другую, были приняты лозунги Всероссийской Конференции Р.С.-Д.Р.П., собравшейся в январе 1912 года и вызывающей прямо-

таки бешеную, дикую ненависть либералов, ликвидаторов, Либера, Троцкого и К-о.

«Пусть нашими лозунгами будут, — писали петербургские рабочие в своей прокламации, — Учредительное Собрание, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель». И далее в прокламации брошен клич: «Долой царское правительство! Долой самодержавную конституцию 3 июня! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!».

Мы видим из этого поучительного документа, что в с е лозунги, выставленные Конференцией Р.С.-Д.Р.П., восприняты петербургским пролетариатом и запечатлели собой первые шаги новой русской революции. Всяческие клеветники и хулиганисты январской конференции могут продолжать, сколько им угодно, свое грязное дело. Ответ дан им революционным пролетариатом Петербурга. Та работа, которую задолго до последней конференции повела революционная социал-демократия, зовущая пролетариат к роли вождя народной революции, принесла свои плоды вопреки всем преследованиям полиции, вопреки бесшабашным предмайским арестам и травле революционеров, вопреки потокам лжи и ругательств в либеральной и ликвидаторской печати.

Сотни тысяч петербургского пролетариата, — а за ними и рабочие всех концов России — пошли на забастовку и на уличные демонстрации не в качестве одного из отдельных классов буржуазного общества, не со «своими» только профессиональными лозунгами, а в качестве гегемона, поднимающего знамя революции за весь народ, от имени всего народа, для пробуждения и привлечения к борьбе в с е х классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее.

Революционное движение пролетариата в России поднялось на высшую ступень. Если в 1905 году оно начиналось с массовых стачек и гапонады ⁴²⁾, то в 1912 году, несмотря на полицейский разгром организаций нашей партии, движение начинается с массовых стачек и поднятия республиканского знамени! Отдельные «ячейки», разрозненные «группы» рабочих сделали свое дело вопреки самым тяжелым и трудным условиям. Пролетариат создал свои «майские комитеты» и встал на борьбу с революционной платформой, достойной класса, которому суждено освободить человечество от наемного рабства.

Майское движение показывает нам также, какое значение имеют иные слова об «объединении» и как на деле совершается объединение рабочих. Представитель партии с.-р. Рубанович пишет в парижской газете Бурцева «Будущее», что «надо отметить следующую замечательную черту данной маевки: на подготовительных собраниях петербургские рабочие отказывались признавать те разделения, которые существуют между разными социалистическими группами;... господствовала тенденция к соглашению». Перепечатанная нами прокламация показывает ясно, какие факты подали повод к такому заключению. Это — тот факт, что социал-демократические ячейки, потерявшие руководящий центр, восстановляли связи со всеми и всякими группами, привлекая рабочих какого бы то ни было образа мыслей и проповедуя всем и своим партийные лозунги. И эти партийные лозунги, именно потому, что они верны, что они отвечают революционным задачам пролетариата, что они обнимают задачи всенародной революции, были приняты всеми рабочими.

Объединение получилось благодаря тому, что январская Конференция Р.С.-Д.Р.П. бросила пустую игру в створы заграничных группок, бросила пустое ухаживание за ликвидаторами революционной партии и выступила в о-время с ясными и точными лозунгами борьбы. Объединение пролетариата в революционном выступлении достигнуто было не соглашениями пролетарской (с.-д.) и непролетарской (с.-р.) партии, не соговорами с отпавшими от социал-демократической партии ликвидаторами, а сплочением работников русских социал-демократических организаций и их верным учетом задач момента.

Хороший урок тем, кто, поддаваясь болтовне либералов из Бунда и Троцких из Вены, способен еще верить в «объединение»... с ликвидаторами. Пресловутая «Организационная Комиссия» Либера, Троцкого и ликвидатора кричала на весь мир об «объединении», но на деле не могла дать и не дала и единого фактически объединяющего революционную борьбу рабочих лозунга. Ликвидаторы давали свои, нереволюционные, лозунги, лозунги либеральной рабочей политики, — а движение шло помимо них. Вот что лежит в основе троцкистских базенов об «объединении»!

23 апреля (6 мая) в Вене Троцкий, боясь и клянясь, что он «объединяет», проклиная на все лады конференцию, уверял

добряков, что «борьба за свободу коалиций является основой» (!!) ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять в центре (!!) революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль, — «представителями всех организованных рабочих С.-Петербурга, Социал-Демократической группой «Объединение», «Центральной Социал-Демократической городской группой», «группой рабочих с.-р.», «группой рабочих с.-д.» и «представителями майских комитетов».

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что не во имя одного из прав, хотя бы самого существенного, самого важного для рабочего класса, а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что он должен обобщать требования, а не разменивать их на части, что республика включает в себя свободу коалиций, а не наоборот, — что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций к Николаю Романову, к черной Думе, смешно и глупо предполагать, соединимость данного государственного строя России, нашей «самодержавной конституции 3 июня» с свободой коалиций, — что в стране общего и огульного бесправия, в стране, где царят сплошной произвол и провокация властей, в стране, где нет «свободы» даже для простой помощи десяткам миллионов голодных, — в такой стране только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики могут ставить «в центре революционной мобилизации» свободу коалиций.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял это и развернул республиканские знамя, требуя 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьих земель, как единственных гарантий действительно демократического характера революции.

Революционный подъем.

Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного подъема.

Подъем этот вовсе не явился как снег на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки в связи с ленскими расстрелами и с 1 мая лишь окончательно определили его наступление. Временное торжество контр-революции было неразрывно связано с упадком массовой борьбы рабочих. Число стачечников дает, хотя и приблизительное, но зато безусловно объективное и точное представление о размерах этой борьбы.

За десять лет перед революцией, в 1895 — 1904 годах, среднее число стачечников было 43 тысячи в год (с округлением). В 1905 году — $2\frac{3}{4}$ миллиона, в 1906 — 1 миллион, в 1907 — $\frac{3}{4}$ миллиона. Трехлетие революции отличается невиданным ни где в мире подъемом стачечной борьбы пролетариата. Падение ее, начавшееся с 1906 и 1907 годов, окончательно определилось в 1908 году: 175 тысяч стачечников. Государственный переворот 3 июня 1907 года, восстановивший самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торгово-промышленных тузов, явился неизбежным результатом упадка революционной энергии масс.

Трехлетие 1908 — 1910 годов было эпохой разгула черносотенной контр-революции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тысяч в 1909 и до 50 тысяч в 1910 году.

Но с конца 1910 года начинается зачетный поворот. Демонстрации в связи со смертью либерала Муромцева и Льва Толстого⁴³, а также студенческое движение ясно указывают, что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс. 1911 год дает нам медленный переход в наступление со стороны рабочих масс: число стачечников доходит до 100 тысяч. С разных сторон идут указания на то, что усталость, оцепенение, порожденные торжеством контр-революции, проходят, что потянуло опять к революции. Всероссийская

Конференция Р.С.-Д.Р.П. в январе 1912 года, подводя итог своей оценке момента, констатировала, что «в широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало пролетарского оживления. Рабочие стачки 1910 — 1911 годов, начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д., — все это есть проявления нарождающегося революционного настроения масс против режима 3 июня» (См. «Извещение» о конференции, стр. 18) *).

Уже ко второй четверти текущего года это настроение наросло настолько, что проявилось в действие масс и создало революционный подъем. Ход событий за последние полтора года показывает с очевидностью, что в этом подъеме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России.

Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс. Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, повторяемая, вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций. В ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от огульного произвола.

Ленский расстрел, как мы уже выяснили в № 26 «Социал-Демократа**)», явился точнейшим отражением всего режима третьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно выступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима

*.) См. выше 16 стр. этого тома. Ред.

**) См. выше 90—93 стр. этого тома. Ред.

выступили из ленских событий так ярко, что за жгли массы революционным огнем.

Если либералы из кожи лезли и лезут, стараясь придать ленским событиям и майским стачкам характер профессионального движения и борьбы за «права», то для всякого, не ослепленного либеральными (и ликвидаторскими) спорами человека ясно иное. Ясен революционный характер массовой стачки, особо подчеркнутый петербургской предмайской прокламацией разных групп социал-демократов (и даже одной рабочей социал-революционной группы!), которую мы перепечатываем полностью в отделе хроники и которая повторяет лозунги, брошенные Всероссийской Конференцией Р. С.-Д. Р. П. в январе 1912 года:

Да и не в лозунгах даже заключается главное подтверждение революционного характера ленских и майских стачек. Лозунги ф о р м у л и р о в а л и то, что говорят факты. Факт массовых, перекидывающихся из района в район забастовок, громадный рост их, быстрота распространения, смелость рабочих, учащение митингов и революционных речей, требование отменить штраф за празднование первого мая, знакомое нам по первой русской революции сочетание политической и экономической стачки,—все это с очевидностью указывает на истинный характер движения, состоящий в революционном подъеме масс.

Припомним опыт 1905 года. События показывают нам, что среди рабочих жива традиция революционной массовой стачки и что рабочие сразу подняли, оживили эту традицию. Невиданный в мире стачечный подъем 1905 года дал 810 тысяч стачечников в первую и 1.277 тысяч в последнюю четверть года, при сочетании и экономической и политической стачки. По приблизительному подсчету, ленские забастовки охватили до 300 тысяч рабочих, майские—до 400 тысяч, а забастовки все растут и растут. Каждый номер газет—даже либеральных—сообщает о том, как разрастается стачечный пожар. Вторая четверть 1912 года еще не совсем истекла, а уже теперь вырисовывается определенно тот факт, что начало революционного подъема в 1912 году по размерам стачечного движения не меньше, а скорее больше, чем то же начало в 1905 году!

Русская революция впервые развила в широких размерах этот пролетарский метод агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс. И теперь пролетариат снова и еще более твердой рукой применяет этот метод. Никакая сила в мире

не могла бы осуществить того, что осуществляет этим методом революционный авангард пролетариата. Громадная страна с 150 миллионным населением, разбросанным на гигантском пространстве, раздробленным, придавленным, бесправным, темным, отгороженным от «зловредных влияний» тучей властей, полиции, шпионов, — эта страна в с я приходит в брожение. Самые отсталые слои и рабочих, и крестьян приходят в прямое и косвенное соприкосновение с забастовщиками. На сцене появляются сразу сотни тысяч революционных агитаторов, влияние которых бесконечно усиливается тем, что они неразрывно связаны с низами, с массой, остаются в их рядах, борются за самые насущные нужды в с я к о й рабочей семьи, соединяют с этой непосредственной борьбой за насущные экономические нужды протест политический и борьбу с монархией. Ибо контр-революция внесла в миллионы и десятки миллионов острую ненависть к монархии, зачатки понимания ее роли, а теперь лозунг передовых столичных рабочих — да здравствует демократическая республика! — тысячами каналов идет да идет, вслед за каждой стачкой, в отсталые слои, в глухую провинцию, в «народ», «в глубину России».

Крайне характерно рассуждение о стачке либерала Северянина, радушно принятое «Русскими Ведомостями» и с сочувствием перепечатываемое «Речью».

«Имеется ли у рабочих какое-либо основание к первомайской забастовке примешивать экономические или какие-либо (!) требования? — спрашивает г. Северянин и отвечает: — Смело думаю, что их не имеется. Всякая экономическая забастовка может и должна быть начинаяма лишь после серьезного взвешивания шансов... Вот почему связывать такие забастовки с моментом именно 1 мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10% на миткаль таких-то сортов».

Так рассуждает либерал! И эту беспредельную пошлость, низость и гадость принимают с сочувствием «лучшие» либеральные газеты, претендующие на звание демократических!

Самая грубая корысть буржуя, самая подлая трусость контр-революционера, — вот что кроется за эффектными фразами либерала. Он хотел бы целости хохляских карманов. Он хотел бы «чинной» и «безвредной» демонстрации в пользу «свободы коалиций»! А пролетариат вместо этого втягивает массы в революционную стачку, неразрывно связывающую политику

с экономикой, стачку, привлекающую самые отсталые слои успехом борьбы за немедленное улучшение рабочей жизни и в то же время поднимающую народ против царской монархии.

Да, опыт 1905 года создал глубокую и великую традицию массовых стачек. И не надо забывать, к чему приводят эти стачки в России. Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с вооруженным восстанием.

Пусть не перетолковывают этих слов. Речь идет совсем не о призывае к восстанию. Такой призыв был бы крайне неразумен в настоящий момент. Речь идет об установлении связи между стачкой и восстанием в России.

Как росло восстание в 1905 году? Во-первых, массовые стачки, демонстрации и митинги учащали столкновение толпы с полицией и войском. Во-вторых, массовые стачки подняли крестьянство на ряд частичных, дробных, полустихийных восстаний. В-третьих, массовые стачки очень быстро перекинулись в войско и во флот, вызвав столкновения на экономической почве («гороховые» и т. п. «бунты»), а затем восстания. В-четвертых, контр-революция с самого начала гражданскую войну погромами, избиениями демократов и т. п.

Революция 1905 года кончилась поражением вовсе не потому, что она зашла «слишком далеко», что декабрьское восстание было «искусственно», как думают ренегаты из либералов и т. п. Наоборот, причина поражения —та, что восстание зашло не достаточно далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах, что восстание не было дружным, решительным, организованным, единовременным, наступательным.

Посмотрим теперь, наблюдаются ли в данное время признаки роста восстания? Чтобы не поддаться революционному увлечению, возьмем в свидетели октябрьстов. Немецкий союз октябрьстов в Петербурге принадлежит большей частью к так называемым «левым» и «конституционным» октябрьстам, которых особенно любят кадеты и которые всего более способны (по сравнению с другими октябрьстами и кадетами) «объективно» наблюдать события, не задаваясь целью пугать начальство революцией.

Орган этих октябрьстов, «St.-Petersburger Zeitung», писал в недельном политическом обзоре от 6 (19) мая следующее:

«Наступил май. Независимо от погоды он бывает обыкновенно не очень приятен для столичных жителей, потому что начинается пролетарским «праздником». В этом году, когда рабочие находятся еще под впечатлением ленских демонстраций,— 1 мая было особенно опасно. В столичном воздухе, пропитанном всевозможными слухами о стачках и демонстрациях, пахло пожаром. Наша верная полиция заметно волновалась, она устраивала обыски, арестовывала отдельных лиц, приготовляла большие наряды для недопущения уличных демонстраций. Что полиция не нашла ничего более остроумного как обыскивать редакции рабочих газет и забирать их редакторов, это обстоятельство не свидетельствует об особенно глубоком знании тех нитей, которыми двигали кукольные полки рабочих. А нити эти имеются. За это говорит дисциплинированность стачки и много других обстоятельств. Поэтому так страшна эта майская стачка, самая большая из наблюдавшихся до сих пор, — бастовало 100 и даже 150 тысяч рабочих больших и малых мастерских. Это был лишь мирный парад, но сплоченность этого войска обращает на себя внимание. И это тем более, что рука об руку с недавним возбуждением рабочих шли другие тревожные явления. На различных судах нашего флота были арестованы матросы за революционную пропаганду. Судя по всем тем сведениям, которые проникли в печать, дела обстоят на наших и без того немногочисленных военных судах не важно... Тревожные мысли вызывают и железнодорожники. Правда, нигде не дошло дело даже и до попыток устроить стачку, но аресты — особенно такие бросяющиеся в глаза, как арест помощника начальника станции Николаевской дороги, А. А. Ушакова — показывают, что и здесь есть известная опасность.

«Революционные попытки незрелых рабочих масс могут оказать, разумеется, лишь вредное действие на исход выборов в Думу. Эти попытки тем более безрассудны, что... «царь назначил Манухина ⁴⁴), а Государственный Совет принял рабочее страхование»!!

Так рассуждает немецкий октябрист. Мы, со своей стороны, заметим, что получили относительно матросов точные сведения с мест, доказывающие преувеличение и раздувание дела «Новым Временем». Охранка явно «работает» провокаторски. Преждевременные попытки восстания были бы архи-неразумны. Рабочий авангард должен понимать, что основными условиями своеевременного — т.-е. победоносного — вооруженного восстания в

России являются поддержка рабочего класса демократическим крестьянством и активное участие армии.

Массовые стачки в революционные эпохи имеют свою объективную логику. Они бросают сотни тысяч и миллионы искр во все стороны,—а кругом горючий материал самого крайнего озлобления, неслыханных мучений голода, беспросветного произвола, бесстыдного и циничного надругательства над «нищим», над «мужиком», над нижним чином. Прибавьте к этому до нельзя разнуданную погромную антиеврейскую травлю черносотенцев, исподтишка питаемую и направляемую придворной шайкой тупого и кровожадного Николая Романова... «Так было—так будет»: на голову себе и своему классу, и своему помещичьему царю сказал эти веющие слова министр Макаров!

Революционный подъем масс возлагает великие и ответственные обязанности на всякого рабочего социал-демократа, на всякого честного демократа. «Всесторонняя поддержка начинающегося движения масс (теперь надо уже сказать: начавшегося революционного движения масс) и расширение его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии»,—так определила эти обязанности Всероссийская Конференция Р.С.-Д.Р.П. Лозунги партии—демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли—должны стать лозунгами всей демократии, лозунгами народной революции.

Чтобы поддерживать и расширять движение масс, нужна организация и организация. Без нелегальной партии нельзя вести этой работы и не к чему попусту говорить о ней. Поддерживая и расширяя натиск масс, надо внимательно учитывать опыт 1905 года и, разъясняя необходимость и неизбежность восстания, предупреждать и удерживать от преждевременных попыток этого рода. Рост массовых стачек, привлечение к борьбе других классов, состояние организаций, настроение масс,—все это само собой укажет момент, когда все силы должны будут соединиться в дружном, решительном, наступательном, беззаветно-смелом натиске революции на царскую монархию.

Без победоносной революции не бывать в России свободе.

Без низвержения пролетарски-крестьянским восстанием царской монархии не бывать в России победоносной революции.

О характере и значении нашей полемики с либералами.

Известный представитель ревизионизма и либеральной рабочей политики, г. Прокопович, выступил в «Русских Ведомостях» со статьей «Перед опасностью». Опасность, по мнению этого политика, в том, что выборы в IV Государственную Думу будут сделаны исправниками. Средство борьбы с опасностью—«объединение всех конституционных элементов страны», т.-е. как с.-д. и трудовиков, так и кадетов и прогрессистов.

Право-кадетские «Русские Ведомости» в особой редакционной заметке заявляют о своем «у д о в о л ь с т и и» по поводу статьи г. Прокоповича. «В таком объединении оппозиционных сил,— пишет газета,— мы видим сейчас насущную потребность момента».

Официально-кадетская «Речь», приведя содержание статьи г. Прокоповича и отзыв «Русских Ведомостей», замечает со своей стороны:

«Однако, если почитать органы социал-демократического направления, которые все свои усилия направляют больше всего на борьбу с оппозицией, то вряд ли можно придавать какое-либо реальное значение этому (т.-е. «объединительному») призыву».

Еще и еще раз поднимается таким образом важный вопрос о предвыборной тактике и об отношении рабочих к либералам. Еще и еще раз приходится убедиться, что либералы ставят его не как серьезные политики, а как свахи. Не выяснение истины, а затемнение ее преследуется ими.

В самом деле, вдумайтесь в следующее обстоятельство. Понимают ли либералы под «объединением» слияние партий? Нисколько. И г. Прокопович, и «Русские Ведомости», и «Речь» в один голос заявляют, что нет.

Значит, под объединением понимают совместные действия против правых, от Пуришкевича до Гучкова? Казалось бы, что да!

Спрашивается, отрицает ли кто-нибудь из «левых» такие совместные действия?

Никто не отрицает. Это всем известно.

Соглашение с либералами о голосовании против правых, это и есть «объединение» на выборах демократов и либералов. Чем же недовольны либералы? Почему они замалчивают, что «левые» вполне определенно и точно соглашения признали? Почему они стыдливо обходят молчанием тот факт, что именно либералы ничего ясного, определенного, точного, формального не сказали о соглашениях с левыми, с демократами, с марксистами? Почему они, говоря о выборной тактике, не говорят ни слова об известном решении кадетской конференции, признавшей допустимыми блоки с «левыми октябристами»?

Факты на-лицо, господа, и никакие увертки тут не помогут. Именно левые, именно марксисты ясно, точно, формально высказывались за соглашение с либералами (и кадетами, и прогрессистами в том числе) против правых. Уклонились от вполне точного и формального ответа именно кадеты относительно левых!

Г. Прокопович знает эти факты прекрасно и поэтому совершенно непростительно с его стороны извращение истины, состоящее в умолчании о точном решении марксистов и об уклончивости кадетов.

Чем вызвано это умолчание? Это ясно видно из приведенных слов «Речи» по поводу того, будто мы «все свои усилия направляем больше всего на борьбу с оппозицией».

Фраза «Речи» построена так, что из нее вытекает неизбежно: демократы для объединения с либералами не должны «направлять всех усилий» на борьбу с оппозицией. Скажите же это ясно, господа! Поставьте ваше условие точно, формально! В том-то ваша беда, что вы не можете этого сделать. Все расхохотались бы, если бы вы попробовали формулировать такое условие. Вы опровергли бы, ставя такое условие, самих себя, ибо все вы в один голос признали «глубокие разногласия» между либералами и демократами (не говоря уже о марксистах).

А раз есть разногласия, раз они глубоки, то как же можно избежать борьбы?

Фальшив либерализма в том и состоит, что, с одной стороны, он отвергает слияние, признает глубокие разногласия, подчеркивает невозможность «отказа от основных положений программы каждой из партий» («Русские Ведомости»), а, с другой стороны, жалуется на «борьбу с оппозицией»!!

Но присмотримся поближе к делу. Во-первых, верно ли, что газеты и журналы, о которых говорит «Речь», в с е свои усилия направляют б о л ь ш е в с е г о на борьбу с оппозицией? Нет, это совершенно неверно. Ни одного, ни единого вопроса не смогут указать либералы, по которому бы демократы не направляли в с е усилия б о л ь ш е в с е г о на борьбу с правыми!! Сделайте опыт, кто хочет проверить эти слова. Возьмите любые, скажем, три номера под-ряд любой газеты марксистов. Возьмите пробные три политические вопросы и сопоставьте д о к у м е н т а л ь н ы е данные, против кого «направлена» больше всего борьба марксистов по выбранным вами вопросам, в выбранных вами номерах газет!

Вы не сделаете этого простого и всем доступного опыта, господа либералы, ибо в с я к и й подобный опыт покажет, что вы неправы.

Мало того. Второе и особенно важное соображение говорит еще убедительнее против вас. К а к с та в я т свою борьбу против либералов демократы, вообще, и марксисты, в особенности? Они ставят ее так и только так, что в каждом, решительно и безусловно в каждом упреке или обвинении по адресу либералов заключается сам собой е щ е б о л е е р е ш и т е л ь н ы й упрек, е щ е б о л е е т я ж е л о е обвинение против правых.

Вот в чем суть дела, вот где гвоздь вопроса! Несколько примеров наглядно поясняют нашу мысль.

Мы обвиняем либералов, кадетов, в контр-революционности. Покажите нам хоть одн о из наших обвинений этого рода, которое бы не падало с ёщ е б о л ь ш ей силой на правых.

Мы обвиняем либералов в «национализме», «империализме». Покажите нам хоть одно из наших обвинений этого рода, которое бы не направлялось с еще большей силой против правых.

Мы упрекали либералов за то, что они боятся движения масс. Что же? Вы сумеете найти такую формулировку этого обвинения в наших газетах, которая бы не была обращена и против правых?

Мы упрекали либералов за то, что они защищают «известные» средневековые учреждения, способные «действовать» против рабочих. Обвинять в э т о м либералов,—значит т е м с а м ы м обвинять в этом же, и еще в большем, всех правых.

Число этих примеров можно увеличить во сколько угодно раз. Всегда и везде, без всякого исключения, вы найдете, что рабочая демократия обвиняет либералов исключительно за их близость к правым, за нерешительность и ф и к т и в н о с т ь их

борьбы с правыми, за их половинчатость, тем самым обвиняя правых уже не в «половине греха», а «в целом грехе».

«Борьба с либералами» со стороны демократов и марксистов есть более глубокая, более последовательная, более содержательная, более просвещающая и сплачивающая массы, чем борьба с правыми. Вот как обстоит дело, господа!

И, чтобы не оставить на этот счет никаких сомнений, чтобы предотвратить нелепое извращение смысла и значения нашей борьбы с либералами, чтобы предотвратить, например, нелепую теорию о «единой реакционной массе» (т.-е. о смешении либералов и правых в одно политическое понятие реакционного блока, реакционной массы), мы всегда в своих формальных заявлениях иначе говорим о борьбе с правыми, чем о борьбе с либералами.

Г. Прокопович, как и всякий образованный либерал, прекрасно знает это. Он знает, что, например, в нашем определении социальной, классовой, природы разных партий всегда подчеркивается средневековье у правых, буржуазность — у либералов. Это «две большие разницы». Средневековье можно (и должно) уничтожить, оставаясь даже в пределах капитализма. Буржуазность в этих пределах уничтожить нельзя, но можно (и должно) «апеллировать» от буржуазного помещика к буржуазному крестьянину, от буржуазного либерала к буржуазному демократу, от буржуазной полусвободы к буржуазной полной свободе. Именно в таких апелляциях, только в таких апелляциях состоит наша критика либерализма в переживаемый Россией момент, т.-е. та критика, которую мы направляем с точки зрения ближайших и очередных задач этого момента.

Возьмите, например, следующую фразу г. Прокоповича: «Создание здоровых условий политической жизни народных масс — вот та ближайшая цель, которая объединяет в настоящее время и левых, и оппозицию».

Нет ничего более бессодержательного, более пустого, более обманчивого, чем эта фраза. Под этой фразой подпишется и октябрист, и ловкий «националист», ибо ничего ясного она не дает. Это — простой посул, голая декламация, дипломатическое скрывание своих мыслей. Но если г. Прокоповичу, как и многим другим либералам, язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли, то мы попробуем выполнить наш долг: раскрыть то, что здесь скрывается. Возьмем, для осторожности, пример поскромнее, помельче.

Двухпалатная система есть ли здоровое условие политической жизни? Думаем, что нет. Прогрессисты и кадеты думают, что да. За такие взгляды либералов мы обвиняем их в антидемократизме, в контр-революционности. И когда мы формулируем такое обвинение против либералов, мы тем самым еще в большей степени обвиняем всех правых.

Спрашивается, далее, как тут быть с «объединением левых и оппозиции»? Отказываемся ли мы из-за этого разногласия от объединения с либералами против правых? Нет, отнюдь не отказываемся. Контр-революционные взгляды либералов по этому вопросу, и по всем аналогичным, гораздо более важны м. вопросам политической свободы, известны нам давно, с 1905 года, если не раньше, но тем не менее мы и в 1912 году повторяем: и на перебаллотировках, и на второй стадии выборов соглашение с либералами против правых допустимо. Ибо буржуазный монархический либерализм, при всей его половинчатости, совсем не то, что крепостническая реакция. Не использовать этой разницы было бы совсем плохой рабочей политикой.

Но пойдем далее. Как использовать? На каких условиях возможно «объединение левых и оппозиции»? Либерал отвечает на этот вопрос: нечего и толковать об объединении, ежели левые ведут непреклонную борьбу с оппозицией. И либерал поясняет свою мысль так: чем скромнее требование, тем шире круг согласных, тем полнее объединение, тем больше силы, способной осуществить это требование; за «сносную» конституцию с двухпалатной системой (и другими... как бы это помягче выразиться?.. маленькими отступлениями от демократизма) будут и все демократы, и все либералы; это очень много; а если упереться на «чистом» демократизме, то прогрессисты и отпадут, «оттолкнете» и многих к.-д., получится разъединение, обессиление «конституционных элементов».

Так рассуждает либерал. А мы рассуждаем иначе. Без сознательности масс никаких изменений к лучшему быть не может. Это наша основная посылка. Либерал смотрит на верхи, а мы смотрим на «низы». Отказываясь от разъяснений вреда двухпалатной системы или хотя бы на итогу ослабляя «борьбу» со всякими антидемократическими взглядами по этому вопросу, мы «привлекаем» к себе либерального помещика, купца, адвоката, профессора—они все родные братья Пуришкевича и ничего серьезного против Пуришкевича сделать не могут. «Привлекая» их, мы от-

талкиваем от себя массы, и в том смысле, что массы, для которых демократизм не дипломатическая вывеска, не показная фраза, а насущное, кровное дело, вопрос жизни и смерти, эти массы потеряют доверие к сторонникам двухпалатной системы;—и в том смысле, что ослабление нападок на двухпалатную систему означает недостаточную сознательность масс, а при несознательных, сонных, нерешительных массах никакие изменения к лучшему невозможны.

Своей политикой с либералами вы разъединяете левых и оппозицию, говорят нам кадеты и г.г. Прокоповичи. Мы отвечаем, что последовательный демократизм отталкивает самых шатких, ненадежных, наиболее терпимых к пуриньевичевщине либералов; их горстка; а привлекает он миллионы, просыпающиеся теперь к новой жизни, к «здравой политической жизни», при чем под этим словом мы понимаем далеко не то, совсем не то, что понимает под ним г. Прокопович.

Вместо двухпалатной системы можно бы взять для примера состав землеустроительных комиссий: следует ли давать одну треть влияния помещикам, другую — крестьянам, третью — чиновникам, как полагают кадеты, или выборы должны быть совершенно свободны при в полне демократическом избирательном праве? Что следует понимать по этому пункту под «здравыми условиями политической жизни народных масс», а, г. Прокопович? Кого мы оттолкнем и кого привлечем последовательным демократизмом по этому вопросу?

И пусть не возражают нам «Русские Ведомости», что «сейчас над всеми другими пунктами программ господствует один, общий всем прогрессивным партиям пункт, требующий осуществления политической свободы». Именно потому, что этот пункт г о с и о д с т в у е т — это совершенно бесспорно, это святая истина — необходимо, чтобы самые широкие массы, чтобы миллионы и миллионы людей отличали полусвободу от свободы и понимали неразрывную связь демократизма политического с демократизмом аграрных преобразований.

Без заинтересованности, сознательности, бодрости, действенности, решительности, самостоятельности масс абсолютно ничего ни в той, ни в другой области сделано быть не может.

«Невская Звезда» № 12
от 10 июня 1912 г.
За подписью В. И.

Капитализм и „парламент“.

Истины демократизма не должны заслонять у нас того обстоятельства, — часто упускаемого из виду буржуазными демократами, — что представительные учреждения неизбежно порождают в капиталистических странах своеобразные формы влияния капитала на государственную власть. Парламента у нас нет, — но парламентского кретинизма среди либералов, парламентского разврата среди всех буржуазных депутатов у нас сколько угодно.

Эту истину рабочие должны хорошо усвоить, если они хотят научиться исповедывать представительные учреждения для развития сознания, сплоченности, действительности, действенности рабочего класса. Все враждебные пролетариату социальные силы — «бюрократия», землевладение, капитал — уже исповедуют эти представительные учреждения против рабочих. Надо знать, как это они делают, — чтобы научиться отстаивать самостоятельные интересы рабочего класса и его самостоятельное развитие.

III Дума решила премии выдавать отечественным машиностроителям. Каким отечественным? — «Работающим» в России!

А посмотреть — и окажется, что как раз иностранные капиталисты перенесли свои заводы в Россию. Таможенные пошлины высоки, прибыли необъятны, — вот иностранный капитал и переселяется в и у т р ь России. Американский трест — союз миллионеров-капиталистов — построил, например, громадный завод сельскохозяйственных машин под Москвой, в Люберцах. А в Харькове капиталист Мельгозе, а в Бердянске капиталист Джон Гриевс — строят сельско-хозяйственные машины. Не правда ли, как много «истинно-русского», «отечественного» в этих предпринимателях?

Но, разумеется, без всесторонней помощи русских капиталистов они не могли бы вовсе действовать в России. Рука руку моет. Американские, английские, немецкие капиталисты собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля. Взять, например, Лисские золотые прииски, или горно-промышленные предприятия на Урале. Сколько миллионов поделили здесь иностранные и русские капиталисты!

Дума тут очень полезна для г.г. промышленников. Капиталисты и в Думе, как и в Государственном Совете, имеют изряд-

ное число своих представителей, да притом и помещик ведь в наши дни без капитала ничто. И капиталисты, и помещики имеют в лице Думы готовый аппарат для проведения законов о «премиях» (себе самим), о таможенной охране (т.-е. другой форме премий себе самим), о концессиях (третья форма премий себе самим) и так далее без конца.

Либеральный «Скептик» в либеральной «Речи» писал об этом очень недурно. Так прочувствованно писал против «националистов» (сами себе «премии» назначили для поощрения «отечественного» машиностроения г.г. Гриевсов, Мельгозе, Эльворт и прочих компаний), что и меня заразил немногим скептицизмом.

Да, «националистов» недурно разоблачает г. либеральный «Скептик». Но почему же он молчит о кадетах? Когда Головин, например, концессии добывал, неужели положение депутата Думы и бывшего председателя Думы⁴⁵⁾ ему в этом полезном и прибыльном занятии не помогало?

Когда Маклауков «Тагиевские» гонорары уписывал, неужели положение думского депутата ему не облегчало получение столь «выгодных» дел?

А сколько еще кадетских помещиков, куниц, капиталистов, финансистов, адвокатов, дельцов расширили свои операции, упрочили свои «связи», обделали свои «дела» при помощи депутатского звания и тех выгод, тех удобств, которые это звание дает?

А что, если бы произвести анкету о финансовых операциях депутатов Думы и при участии депутатов Думы?

Да, но во всех капиталистических странах приняты меры, чтобы «коммерческая тайна» охранялась, чтобы ни один «парламент» такой анкеты не допустил.

Однако рабочим депутатам известно, без сомнения, многое по этому вопросу, и, если потрудиться, похлопотать, пособирать сведения, подобрать материалы, поискать в газетах, справиться на бирже и т. п., можно и самим произвести очень поучительную и очень полезную «анкету» о деловых операциях депутатов Думы и при участии таковых депутатов.

В европейских парламентах эти операции общеизвестны, и рабочие их постоянно разоблачают с именами дельцов — в познание народу.

«Невская Звезда» № 13

от 17 июня 1912 г.

За подпись: Не-либеральный скептик.

Выборы и оппозиция.

Марксисты давно уже определили свое принципиальное отношение к выборам. Правые партии, от Пуришкевича до Гучкова, либерально-монархическая буржуазия (kadеты и прогрессисты) и демократия (рабочая и буржуазная, т.-е. трудовики) — вот три основных лагеря, борющиеся на выборах. Различие между этими лагерями основное: они представляют разные классы, они отличаются всей программой и тактикой. Только при ясном понимании принципиальной основы политики каждого из этих лагерей можно сделать правильные практические выводы относительно избирательной кампании.

С тех пор, как марксисты, около полугода тому назад, вполне установили эти положения, правильность их подтверждается особенно наглядно выступлениями либеральной оппозиции. Наши «соседи и враги справа», отнюдь не разделяя наших взглядов, доставляли нам с похвальным усердием лучшее подтверждение их верности. Можно провозгласить за них: развитие политической деятельности и политических взглядов кадета дает превосходнейшее подкрепление взглядам марксистов. Или иначе: когда начинает говорить кадет, будьте уверены, что он не хуже иного марксиста опровергнет взгляды либеральных рабочих политиков.

Вот почему, между прочим, рабочим вдвойне полезно внимательно присматриваться к кадетской политике: во-первых, узнаешь хорошенъко либерального буржуа, а во-вторых, научаешься нагляднее видеть ошибки иных сторонников рабочего класса.

Именно эту двойную пользу принесет, наверное, недавнее выступление «Речи» по поводу важных предвыборных заявлений, сделанных в «Русских Ведомостях». Это — заявления старого «экономиста», т.-е. оппортуниста времен 1897—1902 годов г. Акимова (Вл. Махновца)⁴⁶. Они состоят в прямой защите «прогрессивного блока», «платформу» которого (между прочим: не опубликованную!) г. Акимов, желающий называть себя социал-демократом, считает «вполне приемлемой для социал-демократии».

Нам говорили и нам говорят до сих пор многочисленные политические младенцы (от Парижа до Красноярска) и искус-

шенные дипломаты (от Всны до Вильны), что либеральная рабочая политика есть «жупел». Посмотрите же на г. Акимова, любезные оппоненты! Вы, наверное, не сможете тут отрицать ясного обличия либеральной рабочей политики. И вам нельзя будет сказать, что Акимов — «уникум», т.-е. одиночка и единственная в своем роде неподражаемая редкость. Ибо, как ни много неподражаемых качеств у г. Акимова, а он не одиночка; было бы прямой неправдой сказать это. Он выступил после г. Прокоповича и за одно с ним. Он нашел себе распространенный либеральный орган — удобную трибуну, далеко разносящую его речи. Он нашел себе «хорошую прессу» среди либеральных журналистов. О нет, это не одиночка. Пусть он ни к какой группе давно уже не принадлежит. Пусть его права на звание социал-демократа совершенно фиктивны. Но он — представитель политической линии, которая имеет корни, которая живет и, хотя часто прячется, неизменно выходит наружу при малейшем политическом оживлении.

«Речь» отдает полную справедливость «трезвому реализму» соображений г. Акимова, особенно любовно подчеркивая его мнение, что «социал-демократы должны выдвинуть в настоящее время ту часть своих политических задач, которая найдет себе поддержку в достаточно широких, политически-сильных кругах народа».

Ну, еще бы «Речи» не радоваться этому! То, что «Наша Заря» говорит с тысячами ужимок и уверток, громоздя оговорочку на оговорочке, заметая следы и щеголяя давно выветрившимися якобы марксистскими словечками, то г. Акимов выпаливает прямиком, грубовато, простовато, наивно... до святости.

Формально «Наша Заря» и «Невский Голос», конечно, имеют полнейшую возможность отклонить от себя всякую ответственность за г. Акимова. Но фактически широкая читающая публика, в тонкостях не искушенная и тонкостями не интересующаяся, воспринимает из этих ликвидаторских изданий именно «акимовщину» и только ее. «Не срывать» дела прогрессистов, — писал Мартов. «Выдвинуть ту часть задач», которая найдет поддержку прогрессистов, — пишет Акимов, оговаривающийся, разумеется, что беспартийность прогрессистов облегчает всякой партии блости (на бумаге) ее самостоятельность. Выдвигнуть большую часть задач, чем приятно прогрессистам, это и значит «срывать» их дело: вот расшифровка лозунга Мартова, данная

живой политической борьбой, данная т о л п о й, которую хорошо представляет Акимов.

Кадеты и прогрессисты, по убеждению Акимова,—«широкие и политически сильные круги народа». Это как раз та либеральная неправда, о которой писала недавно «Невская Звезда» в статье о характере и значении марксистской полемики с либералами. В действительности же либерально-монархическая буржуазия, взятая в целом, обнимающая и кадетов, и прогрессистов, и многих других, есть очень не-широкий круг народа и замечательно несильный политически.

Широкого круга в народе буржуазия никогда не может составить. Политически сильной она может быть и является таковой в целом ряде капиталистических стран,—только не в Пруссии, только не в России. Здесь ее поразительное, чудовищное, почти невероятное политическое бессилие вполне объясняется тем, что эта буржуазия гораздо больше боится революции, чем реакции. Политическое бессилие вытекает отсюда неизбежно. И всяческие рассуждения о «политической силе» буржуазии, которые обходят эту основу особенность положения вещей в России, в корне фальшивы и потому абсолютно никуда не годны.

Г. Акимов выступил как самый откровенный и умеренный либерал: вас, господа кадеты и прогрессисты, мы де считаем силой, вашу платформу мы вполне принимаем (хотя этой платформы нет!), сами мы выдвигаем в настоящее время ту часть задач, которая пользуется вашей поддержкой, от вас просим одного — «чтобы в списки (прогрессистского) блока были включены также и социал-демократы». Так, буквально так, писал Акимов! На все, на все согласен я, — включили бы только в список либеральный!

Со стороны «Речи» было прямо-таки невеликодушно, что даже столь умеренную просьбу она отклонила. Ведь дело-то идет о третьеиюнских избирателях,—напоминают Акимову кадеты. А что такое среди них социал-демократы? Ноль — «за исключением крупных городов, о которых ведь не идет речи». И кадетский официальный орган снисходительно поучает покорного и послушного Акимова: «за исключением окраин им (социал-демократам) почти повсюду придется руководиться не расчетом на выставление собственных кандидатур, а соображениями победы прогрессивного блока над черным блоком угнетателей народа».

Униженно протянугую руку либерального рабочего политика либерал грубо отклонил! Вот заслуженная награда за отказ от войны в крупных городах. Крупные города принадлежат нам потому, что мы сильны, — говорят кадеты, — а остальная Россия принадлежит нам потому, что сильны третьионьцы и их третьионьский закон, обеспечивающий нам монополию оппозиции.

Ответ недурен. Урок, полученный Акимовым, жестокий, но полезный урок.

«Невская Звезда» № 14

от 24 июня 1912 г.

За подпись К. Ф.

Сравнение Столыпинской и народнической аграрных программ.

В предыдущих статьях (см. №№ 3 и 6 «Невской Звезды» *) мы привели основные данные относительно землевладения в Европейской России и обрисовали сущность аграрного вопроса в России. Уничтожить средневековье в землевладении — вот к чему сводится эта сущность.

Противоречие между капитализмом, который господствует во всем мире и у нас в России, и средневековым землевладением, как помещичьим, так и надельно-крестьянским, не-примиримо. Старое, средневековое, землевладение неминуемо должно ити на слом, и чем решительнее, беспощаднее, смелее будет эта ломка, тем лучше для всего развития России, тем лучше для рабочих и для крестьян, которых давит теперь и гнетет, кроме капитализма, бездна средневековых пережитков

Спрашивается, как можно сравнивать, при таком положении вещей, Столыпинскую и народническую аграрную программу? Не являются ли одна по отношению к другой полнейшей противоположностью?

Да, но эта противоположность не устраниет одного коренного сходства между Столыпинской и народнической аграрной программой. Именно: обе они признают необходимость ломки старого землевладения. Ломать старое надо, и поскорее, и порешительнее, — говорят деятели Столыпинского «земле-

*) См. выше 105—108 и 145—148 стр. этого тома. Ред.

устройства», — но ломать так, чтобы вся тяжесть ломки падала на большинство крестьян, наиболее разоренных, наиболее обездоленных. Помещики не должны ничего потерять при этом. Если неизбежно им потерять часть своих земель, то они должны быть отчуждены исключительно по добровольному согласию помещиков и по «справедливой», с точки зрения помещиков, оценке. Крестьяне зажиточные должны получить поддержку, и перед разорением массы «слабых» останавливаться нечего.

Такова сущность Столыпинской аграрной программы. Совет объединенного дворянства, предписавший ее Столыпину, поступал, как истинный представитель реакционеров — не краснобаев, а людей дела. Совет объединенного дворянства был вполне верен своим классовым интересам, когда он поставил ставку на сильных. И действительно, после 1905 года стало ясно, что одна полицейская, одна бюрократическая защита против крестьян недостаточна.

Где же мог еще искать себе союзников совет объединенного дворянства? Только среди ничтожного меньшинства зажиточного крестьянства, «кулаков», «мироедов». В деревне других союзников ему найти было невозможно. И вот ради привлечения на свою сторону «новых помещиков», реакционеры не остановились перед тем, чтобы в сю деревню отдать им буквально на поток и разграбление.

Коли неизбежно ломать, давайте ломать надежное землевладение в пользу и а ш у и в пользу новых помещиков — вот суть аграрной политики, которую продиктовал Столыпину совет объединенного дворянства.

Но, говоря чисто-теоретически, необходимо признать, что ломка, не менее решительная и даже гораздо более решительная, возможна и с другой стороны. Палка о двух концах. Например, если бы 70 миллионов десятин земли, принадлежащие 30.000 помещикам, перешли в руки 10.000.000 крестьянских дворов в добавок к их 75 миллионам десятин, если бы и те и другие земли были смешаны вместе и потом распределены между зажиточными и средними крестьянами (бедноте-то все равно нечем было бы пахать, засевать, удобрять, обхаживать землю), то каков был бы результат такого преобразования?

Поставьте этот вопрос с чисто экономической точки зрения, рассмотрите эту принципиальную возможность под углом общих условий капиталистического хозяйства во всем мире. Вы увидите,

что результатом предположенного нами преобразования была бы более последовательная, более решительная, более беспощадная, чем в программе Столыпина, ломка средневекового землевладения.

Почему именно средневекового и только средневекового? Потому, что капиталистическое землевладение никаким переходом земли из рук в руки и даже никаким переходом всех земель в руки государства (так называемая в науке политической экономии «национализация» земли) не может быть уничтожена, по самой сути дела. Капиталистическое землевладение есть владение землей со стороны того, кто имеет капитал и лучше всего приспособляется к рынку. Кому бы ни принадлежала земля в собственность, старому ли помещику, государству или надельному крестьянину,—все равно земле не миновать руки хозяина, который всегда сможет арендовать ее. Аренда растет во всех капиталистических странах при самых различных формах землевладения. Никакие запрещения не в силах помешать капиталисту, хозяину с капиталом и с знанием рынка, прибрать себе к рукам землю, раз рынок господствует над всем общественным производством, т.-е. раз это производство остается капиталистическим.

Мало того. Аренда земли даже удобнее для чистого капитализма, для самого полного, свободного, «идеального» приспособления к рынку, чем собственность на землю. Почему? Потому, что частная собственность на землю затрудняет ее переход из рук в руки, тормозит приспособление землепользования к условиям рынка, закрепляет землю в руках данной семьи или лица и его наследников, хотя бы то были плохие хозяева. Аренда — более гибкая форма, при которой приспособление землепользования к рынку происходит всего проще, всего легче, всего быстрее.

Поэтому, между прочим, Англия и представляет из себя не исключение из других капиталистических стран, а наиболее совершенное, с точки зрения капитализма, аграрное устройство, как и указывал Маркс в своей критике Родбертуса. А в чем состоит аграрное устройство Англии? — Старое землевладение, лэндлордизм, при новой, свободной, чисто капиталистической аренде.

А если бы этот лэндлордизм существовал без лэндлордов, т.-е. если бы земля была собственностью не лэндлордов, а государства? Это было бы еще более совершенное, с точки зрения капитализма, аграрное устройство, с еще большей свободой приспособо-

бления землепользования к рынку, с еще большей легкостью мобилизации земли, как объекта хозяйства, с еще большей свободой, широтой, ясностью и определенностью классовой борьбы свойственной всякому капиталистическому землевладению.

И вот, чем больше отстала данная страна от мирового капитализма, чем усиленнее приходится ей догонять соседей, чем больше «запустила» она свою «болезнь», болезнь средневекового землевладения и кабального мелкого хозяйства, чем настоятельнее необходима для данной страны коренная ломка в сех ее отношений землевладения, всего ее аграрного быта,—тем естественнее будет возникновение и широкое распространение в такой стране среди земледельческого населения всевозможных идей и планов национализации земли.

И 1905 год, и обе первые Думы с несомненностью доказали,—а третья Дума косвенно, чрез посредство своих «крестьянских» (через помещичье сито просеянных) депутатов подтвердила,—что среди русского земледельческого населения чрезвычайно широко распространены всевозможные идеи и планы национализации земли. Прежде чем одобрять или порицать эти идеи, следует задать себе вопрос, *п о ч е м у* они получили широкое распространение, *к а к а я* хозяйственная необходимость их вызвала?

Недостаточно критиковать эти идеи с точки зрения их внутренней цельности, стройности или теоретической их правильности. Необходимо критиковать их с точки зрения той хозяйственной необходимости, которая получила в этих идеях свое отражение, как бы «капризно», неправильно, «криво» ни было иногда это отражение.

Хозяйственная необходимость, породившая идеи национализации земли в русском крестьянстве в начале XX века, есть необходимость крутой ломки старого землевладения. Идеи «уравнительного распределения» всей земли—есть идеи равенства, необходимо порождаемые борьбой с остатками крепостничества и переносимые на землю *н е и з б е ж и о* при таком положении вещей, когда у 30.000 «последней-крепостников» 70 миллионов десятин, а у 10.000.000 закабаленных крестьян—75 миллионов десятин.

В переходе первых земель в разряд вторых или, вернее, в руки владельцев вторых нет ничего утопического. Утопично лишь мечтание о равенстве между хозяевами на земле при господ-

стве рынка, утопично мечтание о «праве на землю» всех «граждан и гражданок» (в том числе и бесхозяйных) при капитализме. Но утопичность этих идей не должна позволить нам забыть самую доподлинную, живую реальность того, что под ними на деле кроется.

В уничтожении всех средневековых развитий землевладения — помещичьего, надельного и т. д. — нет ничего утопического. В разрыве со старыми отношениями по земле нет ничего утешительского. Напротив, именно развитие капитализма самым настоящим образом требует такого разрыва. Ни «уравнительного распределения» земли, ни «социализации» ее при капитализме быть не может. Это — утопия.

Национализация земли при капитализме экономически вполне возможна, и ее реальное значение во всяком случае, т.е. как бы она ни была произведена, кем, при каких условиях,очно и надолго или непрочно и на короткое время, — во всяком случае ее реальное значение состояло бы в максимальном устраниении всего средневекового в русском землевладении и в русском аграрном быте, в наиболее свободном приспособлении нового землепользования и землевладения к новым условиям мирового рынка.

Представим себе на минуту осуществление плана левых народников в форме хотя бы раздела всех земель поровну между всеми гражданами и гражданками. Такой раздел при капитализме есть величайшая нелепость. Он не удержался бы, не мог бы удержаться при капитализме и на год. Но значит ли это, что его результаты были бы нулем или минусом?

Нисколько! Его результаты были бы громадным плюсом — совсем не тем плюсом, которого ждут левые народники, но реальнейшим плюсом. Этот плюс состоял бы в том, что какие бы то ни было различия между теперешними сословными и разрядными формами землевладения были бы сломаны. Это был бы громадный выигрыш для всего народного хозяйства, для капитализма, для пролетариата, ибо нет ничего более вредного для развития России, как наше старое, современное, землевладение. И помещичье и надельное — на сквозь крепостнические формы землевладения.

Их уравнительный передел не удержался бы, и о возрат к старому был бы невозможен! Межи, раз сломанные, не зоскристила бы никакая «реставрация». Никакая политическая

сила в мире не могла помешать установлению таких новых меж, граней, форм землепользования, которые соответствуют новым требованиям рынка.

«Разгородить землю», — говорит один левый народник, помнится, во II Думе. Он воображал, что от этого выйдет «уравнительное землепользование». Он ошибался. Но его устами — такова ирония истории! — говорил наиболее последовательный и бесстрашный, радикальный буржуа, который чувствует нелепость старых, средневековых, «перегородок» нашего «надельного», «дворянского», «церковного» и пр. и пр. землевладения, чувствуя необходимость в се эти перегородки сломать для нового распределения земли. Это будет только не «подушам», как мечтает народник, а по капиталу, как заставит рынок.

Созидательные планы народников — утопия. Но в их созидательных планах есть элемент разрушительный по отношению к средневековью. А этот элемент совсем не утопия. Это — самая живая реальность. Это — самая последовательная и прогрессивная реальность с точки зрения капитализма и пролетариата.

Резюмируем вкратце наши взгляды. Реальное сходство Столыпинской и народнической аграрной программы состоит в том, что обе проводят коренную ломку старого, средневекового землевладения. И это очень хорошо. Ничего, кроме ломки, оно не заслужило. Всех реакционнее кадеты из «Речи» и «Русских Ведомостей», которые упрекают Столыпина за ломку — вместо того, чтобы доказывать необходимость ломки еще более последовательной и решительной. Мы увидим в следующей статье, что Столыпинская ломка не может устраниТЬ кабалы и отработков, а народническая может.

Мы отметим пока, что единственный, вполне реальный результат Столыпинской ломки есть голодовка 30 миллионов. И еще неизвестно, не научит ли русский народ Столыпинская ломка, как следует производить более решительную ломку. Учит она этому несомненно. Научит ли, — поживем, увидим.

«Невская Звезда» № 15
от 1 июля 1912 г.
За подписью Р. С.

Значение выборов в Петербурге.

Газеты сообщают, что вопрос о сроке созыва IV Государственной Думы и о времени выборов в нее возбудил в правящих кругах ряд сомнений. Одни были за отсрочку созыва Государственной Думы до января, другие за октябрь. Теперь, как говорят, вопрос решен в пользу второго мнения.

Значит, выборы совсем уже близки, — каких-нибудь 7—9 недель отделят нас от них. Приходится думать об удеянии и энергии во всей избирательной работе.

Мне хотелось бы в настоящей статье остановиться на одном специальном вопросе, который получил, однако, для рабочей демократии чрезвычайно важное и общее значение. Это — вопрос о роли петербургских выборов.

Выборы по 2-ой городской курии в Петербурге являются центральным пунктом в сей избирательной кампании по выборам в IV Государственную Думу.

Только в Петербурге имеется хоть сколько-нибудь сносно поставленная рабочая пресса, которая при всех отчаянных преследованиях против нее, штрафах и арестах редакторов, при всей непрочности ее положения, при всей цензурной придавленности ее, в состоянии давать слабое отражение взглядов рабочей демократии.

Без ежедневной прессы выборы остаются темным делом, и значение их в смысле политического просвещения масс падает на половину, если не больше.

Петербургские выборы приобретают в силу этого значение об разца той избирательной кампании, которая, при невероятно тяжелых русских условиях, легла на плечи рабочей демократии. Другой видной для всех избирательной кампании рабочие нигде провести не в состоянии. В рабочей курии выборы имеют, конечно, крайне важное значение, но рабочие не могут здесь сталкиваться с другими классами населения, не могут поэтому развернуть достаточно широко общенародные требования, те взгляды на задачи общей политики, которые выработаны передовой, пролетарской демократией для того, чтобы быть руководством всей демократии вообще.

В Петербурге выборы прямые. Поэтому здесь предвыборная борьба может развернуться гораздо определеннее, яснее, более партийно, чем в других местах. Остальные крупные города имели бы столь же важное значение, как Петербург, но административное давление в провинции настолько еще сильнее, чем в столице, что рабочей демократии трудно пробить себе дорогу, заставить себя выслушать.

В Петербурге, наконец, борьба должна развернуться во 2-ой курии между либералами и демократией. Кадеты считают 2-ую курию с воим достоянием. Петербург представляют Милюков, Родичев и Кутлер.

Нечего и говорить, что это представительство довольно широкой массы демократических избирателей либералами никоим образом нельзя признать нормальным. Выборы в II Думу показали, что «господство» кадетов среди демократических городских избирателей очень далеко от того, чтобы быть прочным. В самом Петербурге «левый блок» на выборах во II Думу, т.-е. блок рабочей и буржуазной демократии (народников), не только мог бы победить, но и наверное даже победил бы, если бы тогда меньшевики вроде Дана и К-о не раскололи избирательной кампании рабочих и не вызвали этим чрезвычайно вредных для успеха дела колебаний и шатаний среди народников. Достаточно напомнить, что даже «социалисты-революционеры» на выборах во II Думу вплоть до последнего момента шли за меньшевиками, защищая блок с кадетами!

По теперешнему избирательному закону возможна перебаллотировка, так что никакие блоки на первой стадии не нужны и не допустимы.

Борьба в Петербурге предстоит между рабочей демократией и либералами. Народники едва ли будут иметь настолько силы, чтобы выступить самостоятельно: слишком уже усердно они «ликвидировали» самих себя, следя линии наших ликвидаторов. Поэтому поддержка буржуазной демократии (трудовиков и народников) обеспечена рабочим демократам почти наверное, если не на первой стадии выборов, то во всяком случае на перебаллотировке.

Либералы имеют от Питера своего вождя, г. Милюкова. Большинство у них было до сих пор крупное. И денежные средства, которые дает им либерально-монархическая буржуазия, и орудия агитации в виде двух ежедневных газет, и фактически

терпимая, почти что легализованная *de facto*, организация,— все это дает огромные преимущества кадетам.

На стороне рабочих — рабочая масса, последовательный и честный демократизм, энергия и преданность делу социализма и рабочей демократии. Рабочие могут победить, опираясь на эти силы и обладая ежедневной рабочей газетой. Борьба рабочих за депутатские места от Петербурга приобретает безусловно громадное и всероссийское значение во всей избирательной кампании в IV Думу.

Любители толков о «единении» всей оппозиции — начиная с прогрессистов и кадетов и кончая осторожно-увертливым ликвидатором Мартовым и аляповато-простоватыми Прокоповичем и Акимовым, — все стараются обходить или оставлять в тени вопрос о выборах в Петербурге. Они обходят политический центр и забираются охотно в политические, так сказать, захолустья. Они говорят много, горячо и красноречиво о том, что уместно будет на второй стадии выборов, т.-е. когда основная, главная, решающая часть выборной кампании уже кончена, — и они «красноречиво молчат» о Петербурге, который завоеван кадетами и который надо отвоевать от них, вернуть демократии.

Депутатов демократии от Петербурга не было ни по закону 11 декабря 1905 года, ни по закону 3 июня 1907 года, так что слово «вернуть» кажется неподходящим. Но Петербург принадлежит демократии по всему ходу всего освободительного движения в России, и на известной ступени его развития даже чудовищно высокая плотина третьеионьского избирательного закона не сможет сдержать «демократического наводнения».

Большинство избирателей 2-ой курии, несомненно, из демократических слоев населения. Кадеты ведут их за собой, прямым обманом вая их, выдавая себя, либерально-монархическую буржуазную партию, за демократию. Такой обман практиковали и практикуют все либералы в мире на выборах во все и всякие парламенты. И рабочие партии всех стран измеряют свои успехи, между прочим, тем, насколько им удается вырывать мелко-буржуазную демократию из-под влияния либералов.

Эту задачу должны ясно, определенно, твердо поставить себе и русские марксисты. О больших городах они сказали поэтому прямо в своих известных январских решениях, что блоки допустимы здесь, ввиду заведомого отсутствия черносотенной опасности, только с демократами против либералов. Это

решение «берет быка за рога». Оно дает прямой ответ на один из важнейших вопросов выборной тактики. Оно определяет дух, направление, характер всей избирательной кампании.

Глубокую ошибку делают, наоборот, те ликивидаторы, которые любят толковать о кадетах, как «представителях» «городской демократии». Такие речи извращают дело: избирательные победы либералов над демократами, избирательные про-делики либералов над демократическими избирателями выдаются таким образом за доказательства «демократизма» кадетов. Точно не знает Европа десятков примеров того, как анти-демократические партии годами вели у себя на поводу различные демократические слои, пока настоящие буржуазные демократы, а всего чаще социал-демократы, не вырывали этих слоев из-под влияния чуждых им по духу политических партий.

Борьба на выборах в Петербурге есть борьба за гегемонию между либералами и рабочей демократией во всем освободительном движении России.

Эта исключительно важная роль петербургских выборов приводит нас, между прочим, к двум практическим выводам. Кому много дано, с того много спросится. Петербургским рабочим приходится вести выборную кампанию в Петербурге во 2-ой городской курии от имени всей рабочей демократии всей России. На их плечи падает великое и трудное дело. Они служат образцом. Они должны развернуть максимум инициативы, энергии и настойчивости. Они сделали это с ежедневной рабочей газетой. Они должны продолжить великолепно начатое дело и на выборах.

Внимание всей России устремлено на выборную борьбу в Петербурге. И помошь всей России должна устремиться сюда. Без самой разносторонней помощи из всех концов России петербургским рабочим не осилить «неприятеля» в одиночку.

«Невская Звезда» № 15
от 1 июля 1912 г.
За подписью Ф. Ф.

В Швейцарии.

Швейцарию местные социалисты зовут «республикой лакеев». Мелко-буржуазная страна, в которой одной из важнейших отраслей давно уже был трактирный промысел, слишком зависела от богатых тунеядцев, выкидывающих миллионы на летние прогулки по горам. Мелкий хозяйствчик, раболепствующий перед туристом-богачем, вот каков был до последнего времени наиболее распространенный тип швейцарского буржуа.

Теперь дело меняется. В Швейцарии развивается крупная промышленность. Большую роль играет в этом промышленном подъеме использование водопадов и горных рек для прямого получения электрической энергии. «Белым углем» называют нередко эту силу падения воды, заменяющую каменный уголь для промышленности.

Индустриализация Швейцарии, т.-е. развитие в ней индустрии, крупной промышленности, положила конец прежнему застою рабочего движения. Борьба капитала с трудом обостряется. Сонный, мещанский дух, который частенько господствовал прежде в некоторых рабочих союзах Швейцарии, исчезает и заменяется боевым настроением созидающего свою силу, сознательного, организованного пролетариата.

Рабочие Швейцарии нисколько не обманываются насчет того, что их республика есть буржуазная республика, защищающая то же наемное рабство, которое существует во всех без исключения капиталистических странах. Но в то же время швейцарские рабочие прекрасно научились использовать свободу своих республиканских учреждений для просвещения и организации широких рабочих масс.

Плоды этой работы наглядно обнаружились во время всеобщей стачки в Цюрихе 12 июля (29 июня ст. ст.).

Дело было так. Маляры и слесаря в Цюрихе бастовали уже несколько недель, добивались повышения платы и сокращения рабочего дня. Хозяева озлобились и решили сломить упорство стачечников. Правительство буржуазной республики, усердствуя перед капиталистами, пошло им на помощь и стало высылать забастовщиков-иностранцев! (В Швейца-

рии много работает пришлых иностранных рабочих, особенно итальянцев.) Но это грубое насилие не помогло. Рабочие держались дружно.

Тогда капиталисты употребили такой прием. В Гамбурге (Германия) есть особая фирма Людвига Коха, которая занимается поставкой штрайкбрехеров. Цюрихские капиталисты — патриоты и республиканцы, не шутите! — выписали через эту фирму штрайкбрехеров, среди которых заведомо были всякие уголовные типы, осужденные в Германии за сводничество, драки и т. п. Этих оборванцев или золотую роту (люмпенпролетариев) капиталисты снабдили револьверами. Обнаглевшая банда этих штрайкбрехеров разошлась по трактирам рабочего квартала и вела себя с неслыханным хулиганством. Когда рабочие собирались толпой, чтобы удалить хулиганов, один из них застрелил рабочего забастовщика.

Терпение рабочих истощилось. Убийца был избит. В городскую думу Цюриха решено было внести запрос о бесчинствах хулиганов. А когда городская управа, защищая капиталистов, запретила стачечные пикеты, то рабочие решили протестовать однодневной всеобщей стачкой.

За стачку высказались все профессиональные союзы. Печальным исключением были одни печатники. Они высказались против стачки, и собрание 425 представителей всех рабочих организаций Цюриха встретило это решение печатников громовым криком: «позор!». Стачка была решена, хотя вожди политических организаций были против (старый дух мещанских, оппортунистических швейцарских вождей!).

Зная, что капиталисты и администрация постараются сорвать мирную стачку, рабочие поступили по мудрому правилу: «коль война, так по-военному». На войне не сообщают неприятелю, когда произойдет нападение. Рабочие заявили в четверг нарочно, что стачка будет во вторник или среду, а на деле она была назначена на пятницу. Капиталисты и администрация были захвачены врасплох.

Стачка удалась блестяще. С раннего утра были распространены 30.000 листков на немецком и итальянском языках. Около 2.000 стачечников заняли парки трамваев. Все встало. Городская жизнь замерла. Пятница — базарный день в Цюрихе, но город был, как мертвый. Употребление алкоголя (всех спиртных напитков) было запрещено стачечным комитетом и рабочие строго соблюдали это решение.

В 2 часа дня состоялась величественная массовая демонстрация. По окончании речей разошлись мирно и без пения.

Правительство и капиталисты, которые надеялись вызвать рабочих на насилия, увидели свою неудачу и теперь прямо неистовствуют от бешенства. Особым указом запрещены во всем цюрихском кантоне не только стачечные пикеты, но и собрания на открытом воздухе и демонстрации. Полиция заняла народный дом в Цюрихе и арестовала ряд рабочих вождей. Капиталисты, мстя за всеобщую стачку, объявили трехдневный локаут.

Рабочие держатся спокойно, строго соблюдают бойкот водки и вина и говорят между собой: «отчего же рабочему человеку не отдохнуть три дня в году, когда богачи отдыхают круглый год».

«Правда» № 63
от 12 июля 1912 г.
За подписью Б. Ж.

Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов.

I.

П. Б. Аксельроду суждено играть оригинальную роль в развитии оппортунистического течения среди марксистов. С идеей «рабочего съезда», например, нашумел Аксельрод в свое время немало. Его проповедь привлекла и увлекла некоторое число рабочих. Но чем шире была эта проповедь, чем ближе подходило дело к практическому осуществлению, тем яснее становился в выдуманный характер всей затеи. Затея лопнула сама собой. Опыт подтвердил то, что не раз отмечали большевики: «идея» Аксельрода — выдумка оппортунистической интеллигенции, мечта о том, как бы «обойти» суровую классовую и политическую борьбу.

Теперь точь-в-точь подобная история повторилась с идеей рабочего издательства и «нефракционной» рабочей газеты. Кто из петербургских рабочих не помнит, как носились ликвидаторы совсем еще недавно с этой идеей? Как завлекали они рабочих мечтой о том, чтобы «обойти» борьбу внутри рабочей демократии? Как потешно негодовали они против «Звезды» за ее разъяснения, что вопросы о либеральной рабочей политике (припомните решение булочников) обойти нельзя, что толки о контроле рабочих над нефракционной газетой — одна демагогия⁹.

И вот Аксельрод в № 6 ликвидаторского «Невского Голоса» превосходно разоблачил — вынужден был разоблачить — демагогию своих собственных друзей. Демагогия есть раздавание неисполнимых обещаний. Увлекательна мысль о широком рабочем съезде, об открытом рабочем издательстве, о нефракционной рабочей газете. Но вся суть в том, что не исполнимы эти увлекательные вещи без предварительной упорной и трудной борьбы за политическую свободу вообще, за победу марксизма внутри рабочей демократии и т. д. Демагогические обещания легко давать. Но жизнь быстро показывает их неисполнимость и разоблачает оппортунизм «розовых мечтаний».

В № 6 «Невского Голоса» Аксельрод дает удивительно много пустой декламации вроде заверения, что он и его друзья — «прогрессивные представители партии», а противники — «реакционные». Разумеется, Аксельроду очень приятно это думать, ликвидаторам — это печатать. Но только дешева уже эта декламация! Хвалить самого себя за «прогрессивность»... не лучше ли о бъяснять суть и значение расхождений?

«Мысль о нефракционном социал-демократическом (действительно, социал-демократическом, без кавычек) органе является в настоящее время утопией, и при том утопией, объективно идущей в разрез с интересами партийно-политического развития и организационного объединения пролетариата под знаменем социал-демократии. Гони природу в дверь, она влетит в окно и через щели».

Так пишет Аксельрод. Это очень недурные мысли. Это вполне правильно в своей основе. Это показывает, что совсем неправы были друзья Аксельрода — ликвидаторы, вчера еще именно осуждаемую теперь Аксельродом мысль бросавшие в рабочую массу. Только «прогрессивность» видеть в раздавании неисполнимых обещаний мы не можем...

«У нас организационно-оформленных фракций, можно сказать, нет, — пишет Аксельрод; — вместо них имеются разные кружки и группки, из которых одни придерживаются более или менее определенных политических, тактических и организационных взглядов, а другие шатаются в разные стороны, путаясь между ног у первых».

Первая часть фразы не вполне верна. Аксельрод прекрасно знает, что есть нечто в полне организационно оформленное, так как только это ныне возможно. Но вторая часть верна — много, действительно, группок, шатающихся и путающихся между ног.

Говоря эту вынужденную ходом событий правду, Аксельрод разоблачает опять своих друзей. Кто не знает, что именно казовым, бумажным «объединением» шатающихся группок щеголяют как раз теперь друзья Аксельрода? Не в том же ли самом № 6 «Невского Голоса» суют это фиктивное «объединение» всех ликвидаторов со всеми шатающимися?

«Центральным пунктом и главным источником раздоров является,— продолжает Аксельрод,— с одной стороны, различное отношение разных партийных кругов к новому, открытому социал-демократическому рабочему движению» (а не к открытой ли партии, любезный П. Б. Аксельрод? Нехорошо извращать суть расхождений!), «а с другой— существенные разногласия в области ближайших политических задач и в политической тактике русской социал-демократии. Вопросы той или иной категории становятся именно теперь, когда начинается новое общественно-политическое движение, особенно жгучими, злободневными. И по ним-то русская социал-демократия расколота на два главных лагеря. Спрашивается, сможет ли проектируемый рабочий орган занять нейтральную позицию между этими двумя противоположными лагерями, и допустима ли в принципе такая позиция? Очевидно, нет».

Совершенно верный вывод. Аксельрод прекрасно побил не только тех своих друзей, которые вчера кричали о нейтральном и нефракционном органе, но и тех, которые сегодня уверяют наивных людей в своем «согласии», «объединении», сплочении и пр. с нейтральными группами.

Главных лагерей, действительно, два. Один из них вполне организационно оформлен. Его ответы на все перечисленные Аксельродом вопросы вполне формальны, точны, определены, не похожи на разбросанные и разноречивые статейки отдельных литераторов. У другого же лагеря, именно ликвидаторского, к которому принадлежит Аксельрод, заведомо нет ни организационной оформленности (вместо нее одни посулы об открытой рабочей партии, одни разговоры об открытых рабочих политических обществах, еще более невозможных, чем рабочий съезд в 1906—1907 годах),—ни определенных, точных ответов на перечисленные самим Аксельродом вопросы (вместо определенных ответов только литераторские упражнения Ежова, Левицкого, Кленова, Чацкого и др.).

«... Как только издательская и литературная рабочая группа решится выступить с определенной программой действия,

занять определенную позицию в вопросах, хотя бы, например, связанных с избирательной кампанией, ставить перед рабочими те или другие задачи и лозунги в этой кампании и высказываться за ту или другую тактику по отношению к разным политическим партиям, как только, говоря я, издательское товарищество захочет придать своему изданию характер принципиально пролетарского политического органа, оно очутится лицом к лицу с теми самыми больными вопросами и разногласиями, которые волнуют и раздирают на части русскую социал-демократию. И тогда может случиться, что само это товарищество станет новым очагом таких же раздоров—если члены его заранее не сговоряться и не придут к взаимному соглашению по этим вопросам».

Очень верно и очень хорошо побивает ликвидаторов Аксельрод. То, что нужно «товарищству», еще нужнее «Нашей Заре» и «Невскому Голосу». Почему же они не сговорятся по больным вопросам и разногласиям? Почему они не дадут точных ответов хотя бы на перечисленные Аксельродом важнейшие вопросы (отношение к разным партиям, задачи, лозунги, тактика)?

«Врачу, исцелися сам». Аксельрод так хорошо разъяснил рабочим необходимость ясных и точных ответов на «больные вопросы», что лятераторы «Нашей Зари» и «Невского Голоса» (а может быть, и не только Невского...) должны прислушаться к словам Аксельрода. Нельзя обойтись без точных и ясных ответов на «больные вопросы», нельзя ограничиться статьями—это и будет кружковщина!—Нужны решения, точные, формальные, продуманные, определенные. Не даром же Аксельрод говорит—и прекрасно говорит!—об определенной программе действий, о задачах и лозунгах и т. д.

Ликвидаторы потому, между прочим, и называются ликвидаторами, что, отбросив старое, они не дают нового. Что открытая партия полезна, а открытые политические общества необходимы,—об этом нам все ликвидаторы уши прожужжали. Но ведь этих разговоров еще мало, дела же у ликвидаторов нет, нет и нет. Нет именно того, чего Аксельрод требует от рабочих!

В фельетоне «Невского Голоса», под чертой, Аксельрод дал прекрасный обличительный материал против ликвидаторов на даче, в редакционном отделе газеты. Прочитайте внимательно фельетон Аксельрода, и вы увидите, что это—обман и само-

обман, если ликвидаторы кричат о «соглашении» насчет избирательной платформы, о «единой» платформе и т. д.

Сотрудник «Звезды» в № 16 «Невской Звезды» уже разоблачил этот обман. Но разоблачение Аксельрода еще глубже и еще ценнее, раз оно исходит от Аксельрода.

Мы вполне за единую платформу — именно ту, которую давно приняли и проводят, по справедливому указанию «Сотрудника Звезды», большевики и партийцы-меньшевики. Мы вполне за единую избирательную кампанию — именно на этой платформе, на почве этих же решений, определенных и точных ответов на все «больные вопросы».

Когда ликвидаторы кричат об «единстве», они пробуют увлечь неразвитых рабочих звуком слова. «Единство» приятно, «нефракционные органы» симпатичнее! Но прочтайте даже Аксельрода, и он объяснит вам, что невозможна нефракционность, это утопия, — что есть два лагеря в рабочей демократии, — что лагери противоположные.

Что же? Уж не будут ли ликвидаторы защищать «платформы» для прикрытия своих взглядов? — платформы дипломатической, которую так любит буржуазия? — платформы, никаких ответов на «больные вопросы» не предполагающей, а «просто» и «только» занятой «проведением в Думу»?

Это было бы верхом беспринципности. На это никогда рабочие не пойдут. Такие платформы, как бы они «открыты» ни были, не продержатся и одного дня.

Нет. Довольно с нас самообманов. Пора взглянуть в лицо правде, которую на этот раз прямо признал и вождь ликвидаторов Аксельрод. Если вы, господа ликвидаторы, хотите настаивать на «своей» платформе (хотя вы до сих пор ее не дали, а в платформы, сочиняемые за 6 недель до выборов, мы не верим!), — если вы хотите настаивать на «своей» тактике (хотя вы до сих пор нигде ее точно, формально, партийным образом не изложили!), — тогда пеняйте на себя. Тогда вы — нарушители единства, уже имеющегося на-лицо. Тогда на вас падет вся ответственность за это нарушение.

Нет. Довольно с нас самообманов. Ликвидаторские крики об «единстве» — пустой отвод глаз. Прекрасно зная, что рабочие против них, ликвидаторы столь же прекрасно знают, какое полное, уничтожающее поражение принесло бы им их отдельное

выступление. Поэтому они и готовы что угодно обещать — лишь бы выбрали в Думу.

Так нельзя. Так поступают только буржуа. Рабочая демократия верит только программам, решениям, тактике, лозунгам, которые годами до выборов проводились и на выборах лишь повторяются в сотый раз. А кто без этих решений, только для выборов, сочиняет ничего не говорящие «платформы», тот никакого доверия не заслуживает.

Фельетон Аксельрода — полезная вещь для разрушения самообманов, для поучения разных сочинителей «новых», «открытых», «общих» платформ.

II.

Окончание статьи Аксельрода, о которой мы говорили в № 18 «Невской Звезды» появилось теперь в «Нашей Заре». В общем, это окончание вполне подтвердило нашу оценку, и мы можем лишь повторить: статья Аксельрода — полезная вещь для разрушения самообманов, для выяснения истинной природы ликвидаторства, для оценки всей пустоты пресловутой «нефракционности», с которой ныне в кое-каких кружках так много и так тщетно носятся.

Особенно выразительно и убедительно побивает Аксельрод Троцкого, находящегося ныне в союзе (прочном ли?) с ликвидаторами. «Идейное и организационное объединение прогрессивных элементов...» — пишет Аксельрод, который забавляется тем, что ликвидаторов зовет партийными прогрессистами, а нас — реакционерами партийности — «... в самостоятельную фракцию является, при наличном положении вещей, их прямой обязанностью, неотложной задачей». «Толковать при таком положении дел в партии о «нефракционности», как о единоспасающем средстве, значит уподобляться страусу, зарывающему голову в песок при приближении опасности, значит обманывать себя и других насчет действительного положения вещей в социал-демократии...» («Наша Заря» № 6, стр. 15).

Бедный Троцкий! Со стороны П. Б. Аксельрода прямо безжалостно и невеликодушно так громить верного друга ликвидаторов и сотрудника «Нашей Зари». Что же нам ждать теперь? Выступит ли Троцкий с громовой статьей против фракционера Аксельрода или Мартов примирит примиренца

Троцкого с фракционером Аксельродом, склеивая, по обыкновению, расклеивающееся посредством дюжины пластирея-оговорочек?

Ну, можно ли без шуток говорить теперь о пресловутом блоке *) Троцкого, латышских и еврейских почти-марксистов и т. д. с Аксельродом?

В статье Аксельрода есть один пункт, который заслуживает серьезного разбора, именно: о «европеизации» нашего социал-демократического движения. Но, прежде чем переходить к этому пункту, необходимо сказать несколько слов об одном из приемов ликвидаторов.

Одна из страниц в статье Аксельрода (16-ая) представляет из себя коллекцию самых сильных, злобных, нарочито подобраных ругательств против антиликвидаторов вообще и пишущего эти строки в особенности. На ругательства не стоило бы вовсе отвечать (в положении Аксельрода ничего иного не остается, кроме как браниться и проклинать), если бы не было документальных данных, свидетельствующих о том, что одни специально используют подобную брань, другие смущаются ею.

Г. Чернов в «Заветах», например, в ответ на доказательства Каменева, что он, вождь «левых» народников, катится от демократии к либерализму ⁴⁷), подбирает букет наиболее браных выражений у ликвидаторов и антиликвидаторов, хихикая по поводу этого букета. Прием г. Чернова до того презренный прием, что на него достаточно указать пальцем и пройти мимо.

Ни одна принципиальная борьба групп внутри социал-демократического движения не обходилась ни где и на свете без ряда личных и организационных конфликтов. Вылавливать специально «конфликтные» выражения—дело пакостников. Смущаться этими конфликтами, отмахиваться от них безнадежно или пренебрежительно—дескать, все там склона!—могут лишь слабонервные дилетанты из «сочувствующих». Серьезно интересующиеся рабочим движением люди всегда научатся,—этому можно и должно научиться,—изучая хотя бы историческую роль великих деятелей рабочего движения, отличать «конфликтную» сторону борьбы и д е й, борьбы течений—от стороны принципиальной. Люди суть люди, и без «конфликтного» материала, без «склоки» не обходи-

*) Статья Аксельрода помечена 17-ым мая 1912 года—пять месяцев в после торжественного заключения блока троцкистов и ликвидаторов для войны с антиликвидаторами под знаменем «нефракционности»!

лись исторические столкновения течений марксистского и анархистского (Маркс и Бакунин), гэдистского и жоресистского, ласалеанского и эйзенахского и т. д.»

Есть и посейчас литераторы-пакостники, специально подбирающие «из тех времен» букеты обвинения в тысячах и одной нечестности и т. п. Но есть серьезные социал-демократы, вскрывающие идентные корни разногласий, принимавших неизбежно при расколах отдельных групп, при эмигрантской обстановке жизни и пр. форму отчаянно-склонных конфликтов

И пусть не думают читатели, что мы хотим кого-либо «отпугнуть» от изучения тех данных, на которые намекает — только намекает — Аксельрод в сугубо бранчевых местах своей статьи. Совсем напротив. Кто хочет все знать о социал-демократическом движении, того мы приглашаем изучить эти данные. Они имеются в полном виде за рубежом, имеются не только страстные обвинения, но и документы и свидетельские показания нейтральных лиц. Изучение этих документов и этих показаний даст ответ на вопрос о том, почему не удалась попытка полного мира между ликвидаторами и антиликвидаторами, относящейся к январю 1910 года⁴⁸⁾.

Одно из самых интересных и наиболее принципиальных мест в статье Аксельрода есть следующее:

«...Фракционное оформление и сплочение является прямой обязанностью и неотложным делом сторонников партийной реформы, или вернее...» (слушайте!) «...революции, но только таким путем они в состоянии будут выполнять задачу: европеизировать, т.-е. коренным образом изменить, характер русской социал-демократии, как он сложился в дореволюционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии».

Итак, ликвидаторы — сторонники партийной революции. Это на редкость правдивое заявление Аксельрода стбит отметить: горькая истина полезнее «нас возвышающего» обмана, ценней дипломатических уверток и оговорочек. Производите же партийную революцию, любезный П. Б. Аксельрод! Мы посмотрим, добьетесь ли вы и ваши друзья большего успеха, чем те «революционеры», которые пытались совсем недавно совершить «революцию» в Португалии.

Но главное в приведенном рассуждении — пресловутая «европеизация», о которой на все лады говорят и Дан, и Мартов, и

Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь — один из главных гвоздей их оппортунизма.

«Европеизировать, т.-е. коренным образом изменить, характер русской социал-демократии...» — Вдумайтесь в эти слова. Чем определяется «характер» в с я к ой социал-демократии и его к о р е н и ы е изменения? — Несомненно, общими экономическими и политическими условиями данной страны. Несомненно, т о л ь к о при к о р е н и ы х изменениях этих условий возможно коренное изменение характера социал-демократии того или иного народа.

Это все истины самые азбучные, самые бесспорные. Но именно эти азбучные истины и изобличают оппортунистическую ошибку Аксельрода! В том-то и состоит его беда, что он хочет о б о й т и упорную и суровую борьбу за несовершившееся еще к о р е н и 0 е изменение русских политических условий посредством мечтаний о к о р е н и 0 м изменении «характера русской социал-демократии».

Как кадеты, охотно толкнуя об европеизации (ликвидаторы переняли и кадетское словечко, и кадетские мысли), — заслоняют этим расплывчатым словом точное понятие прочных устоев политической свободы и «и г р а ю т» в «конституционную оппозицию», так и ликвидаторы и г р а ю т в «европейскую социал-демократию», хотя в той стране, в которой они забавляются своей игрой, е щ е н е т конституции, е щ е н е т основ «европеизма», е щ е п р е д-стоит упорная борьба за них.

Голый дикарь, который наденет себе на голову цилиндр и вообразит себя поэтуму европейцем, будет довольно смешон. Именно такого дикаря напоминает сторонник буржуазии Милюков, когда он в III Думе уверяет: «у нас есть, слава богу, конституция», — и сторонник рабочих Аксельрод, когда он надевает себе на голову цилиндр с надписью: «я — европейский социал-демократ». Оба они, и Милюков и Аксельрод, смешны своей наивностью. Оба они — оппортунисты, ибо мечтательными фразами об «европеизме» они обходят трудный и насущный вопрос о том, как следует вести себя в не-европейской обстановке тому или иному классу д л я упорной борьбы за обеспечение о с н о в европеизма.

Что получается именно обход живого и насущного дела посредством мечтательных фраз, это д о к а з а л именно Аксельрод своей статьей. Троцкий приготовил совсем европейский — ну, совсем, совсем европейский — проект устроить «комиссию прессы», как «выборный коллективный орган контроля» рабочих за рабочими газетами (стр. 18 в статье Аксельрода). Троцкий даже посо-

ветовался, вероятно, при этом с «европейскими социал-демократами» и получил от них, как подарок, благословение, с которым он особенно носится.

И вот «европейский социал-демократ» Аксельрод, подождавши, эдак, месяца два, в течение которых Троцкий надоедал всем петербургским социал-демократам своими возбуждавшими общий смех письмами о «выборных коллективных органах контроля», сжалился, наконец, над Троцким и объяснил ему, что «комиссия прессы» ни к чему, что она невозможна, что вместо нее нужно «соглашение» рабочих с ликвидаторским «Живым Делом» (стр. 18 и 19 в статье Аксельрода)!!

Это — маленький пример, которым мы, к сожалению, вынуждены ограничиться. Но этот пример очень характерен. Тот смешной результат, который получился из «европейского» плана Троцкого насчет «комиссии прессы», получается и от «европейских» планов всех ликвидаторов насчет «открытой рабочей партии», или «легальных политических рабочих обществ», и насчет «кампаний» «борьбы за свободу коалиций» и т. д.

Из «европейских» планов Троцкого насчет «комиссии прессы», «выборного коллективного органа контроля» за рабочей газетой «всех оформленных рабочих организаций» и т. д., получилось только то, что легалистская игра в «рабочее издательство» принесла особый урок рабочим, а на деле *ни* «комиссии прессы», *ни* рабочей прессы у ликвидаторов не получилось! Таковы факты.

«Комиссия прессы» была мечтанием оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим «европеизмом».

Не случайна, а неизбежна эта горькая участь ликвидаторов. Как только их «европейские» планы приближаются к осуществлению, так сразу обнаруживается, что это — мыльные пузыри, выдумки оппортунистических интеллигентов. Так было и с рабочим съездом, и с «комиссией прессы», и с легальным политическим обществом рабочих (запутанные оговорочки, которыми «спасает» этот «план» Мартов в № 5 «Нашей Зари», исконько не улучшают дел), и с кампанией борьбы за свободу коалиций.

«Европеизмом» называют ликвидаторы условия деятельности социал-демократов в главных государствах Европы по сле 1871 года, т.-е. как раз в такой период, когда вся историческая

Эпоха буржуазных революций была закончена, когда основы политической свободы сложились прочно и надолго. «Изменение характера» социал-демократии в этих государствах явилось, во-первых, по сле коренного изменения политических условий, после того, как сравнительно весьма прочно установился определенный конституционный уклад; а, во-вторых, это изменение было только времененным изменением для определенного периода (который как раз в последнее время, по общему признанию самых осторожных социал-демократов Европы, близится к своему концу).

В таких условиях вполне упрочившегося буржуазного конституционализма кампания, например, за свободу коалиций или за всеобщее избирательное право, вообще за конституционные реформы — могла явиться, при известных обстоятельствах, кампанией рабочего класса, действительной политической кампанией, действительной борьбой за конституционные реформы.

У нас же оппортунистические интеллигенты переносят лозунги подобных «европейских» кампаний на почву, лишенную элементарнейших основ европейского конституционализма, пытаясь обойти ту своеобразную историческую эволюцию, которая обыкновенно предшествует созданию этих основ.

Реформизм нашего Аксельрода и его друзей, которые корчат из себя «европейских социал-демократов», отличается от реформизма Биссолати, этого настоящего европейца, — тем, что Биссолати жертвует принципами классовой борьбы и последовательной марксистской теории и практики ради реформ, действительно совершаемых (с теми или иными урезками) действительно господствующей либеральной буржуазией. Аксельрод же приносит ту самую жертву, что и Биссолати, ради реформ, о которых только попусту болтают бессильные, несерьезные, мечтательные либералы.

Действительной силой станет у нас в России либеральная буржуазия только тогда, когда развитие страны перешагнет через рабость либералов, через их примиренческие, половинчатые лозунги. Так бывало везде. Либералы становились властью только тогда, когда демократия побеждала в опеке либералам.

«Невская Звезда» №№ 18 и 19

от 22 и 29 июля 1912 г.

За подписью В. Ильин.

Перепечатано в сборнике:

«Марксизм и ликвидаторство», часть II.

К современному положению дел
в Р. С.-Д. Р. П.

Немецкие товарищи часто получают сообщения о резкой борьбе и о глубоком расколе внутри Р. С.-Д. Р. П. К сожалению, такие сообщения идут из среды отдельных эмигрантских групп; в большинстве случаев их дают люди, которые совершенно не знакомы с реальными отношениями в России в данный момент или сознательно хотят обмануть немецких товарищев односторонним партийно-политическим освещением. Всякая такая эмигрантская группа хочет при этом представлять свое собственное «направление», при чем в действительности она состоит из людей, которые потеряли всякую живую связь с ведущей борьбу русской рабочей партией или не имели ее. Один из этих «информаторов» сумел, к сожалению, приобрести и доверие «Vorwärts'a». В ряде статей Ц. О. немецкой соц.-дем. рабочей партии дал место потоку неслыханной клеветы на русскую партию, вылившейся с пера этого информатора, идущей из мнимо «объективных» источников.

В действительности, эти источники были сплошь и рядом— «субъективны», сплошь и рядом—фальшивы. Когда «Vorwärts» не принял нашей фактической поправки, мы были принуждены выпустить отдельную брошюру под заголовком: «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в Р. С.-Д. Р. П.», которая была издана в количестве более 100 экземпляров и разослана Правлениям сколько-нибудь значительных немецких партийных организаций и редакциям важнейших органов партийной прессы.

Против фактического материала этой брошюры «Vorwärts» не мог привести ни одного возражения—это он признал молча.

Чтобы дать возможность нашим немецким товарищам судить о надежности некоторых информаций, которые до них доходят, приводим здесь письмо, которое Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. отправил Правлению немецкой с.-д. партии. Латыши сделали Правлению предложение устроить общее совещание 11 «центров» по вопросу

об избирательных блоках, после чего Правление расспрашивало эти центры об их положении. Это письмо представляет ответ Ц. К. и гласит следующее:

30 июля 1912 г. *).

Правлению Немецкой С.-Д. Партии.

Уважаемые товарищи!

Недавно мы получили от вас копию письма Загр. Ком. Латышской соц.-дем. от 24 июня. Мы находим излишним объяснять вам странный план этих латышей, потому что, по нашему мнению, ни один сведущий человек не примет этого плана. Из отправленного вами к нам письма узнаем с удивлением, что вы намерены принять этот план. Мы принуждены поэтому выступить с решительным протестом, который направляем вам. Объективно цель Правления не что иное, как попытка помочь расколу в нашей партии (Р. С.-Д. Р. П.) и образованию новой, противной. Во всем Интернационале это неслыханная до сих пор вещь. Мы точно докажем немецким товарищам наш тезис.

Положение в Р. С.-Д. Р. П. с января 1912 г.

В январе 1912 г. состоялась общерусская Конференция Р. С.-Д. Р. П., сконструированная из делегатов организаций Петербургской, Московской, Московской окружной, Казанской, Саратовской, Тифлисской, Бакинской, Николаевской, Киевской, Екатеринославской, Вилейской и Двинской. Эта Конференция восстановила партию, выбрала Ц. К., который не признают ликвидаторы, и объявила этих ликвидаторов вне партии (см. брошюру: «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в Р. С.-Д. Р. П.», которая послана Правлению; в ней упомянуты протесты ликвидаторов, поляков, латышей, Бунда и заграничных групп).

В январе состоялось также совещание, созданное Организационный Комитет для созыва новой конференции, «общепартийной конференции», как называли ее ликвидаторы и их друзья.

В письме Правлению от 24 июня латыши утверждали, что этот «Организационный Комитет» образуют след. организации и

*) Это письмо приводится здесь с незначительными изменениями стилистического характера.

направления: Бунд, Латышские соц.-дем., Кавказский Областной Комитет, меньшевики направления «Голоса Соц.-Дем.», Венская «Праэда» и группа «Вперед».

Итак, на одной стороне Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., который избран на Конференции русскими, т. е. в России работающими организациями (противники называют его Ленинской группой); на другой стороне—Организационный Комитет, который обещает созыв «всеобщей» партийной конференции.

В каком отношении к т. наз. Организац. Комитету стоят нейтральные до сих пор русские соц.-демократы?

Самый известный из меньшевиков Плеханов, который решительно боролся против уничтожения партии ликвидаторами, не явился на партийную Конференцию в январе, несмотря на приглашение.

В апреле 1912 г. он опубликовал свою переписку с представителями Организ. Комитета (см. его «Дневник Соц.-Дем.» № 16).

Плеханов отказался от участия в т. наз. Орг. Ком., объясняя тем, что Бунд не созывает конференции из существующих партийных организаций, но «у ч р е д и т е л ь н у ю», т.-е. такую, которая должна основать новую партию. Т. наз. инициативные группы, которые одни в действительности поддерживают Орг. Ком., по утверждению Плеханова,—ликвидаторские группы, которые не принадлежат к Партии и хотят образовать новую партию. «Новая конференция созывается ликвидаторами»,— пишет Плеханов в апреле 1912 г.

Теперь в июле вышел № 3 «Листка» этого Орган. Ком. В нем нет ни слова, ни звука в ответ Плеханову. Можно судить по этому, как информируют латыши Правление,—те самые, которые жалуются, что «Ленинский» Ц. К. не ответил на письмо Орг. Ком.

Не удивительно ли, что Ц. К. Партии, старой Партии, не дал ответа тем, которые, по словам до сих пор нейтрального Плеханова, создают новую партию?

Орг. Ком., прежде всего, должен доказать нейтральному Плеханову, что он не образует никакой новой партии и не ликвидирует старой.

Латыши, которые участвуют в Орг. Ком., должны были, когда они 24 июня обращались к Правлению, и именно после полу-

годовой борьбы этого Орг. Ком. ликвидаторов против партии доказать при помощи фактов и документов результаты этой борьбы. Вместо этого латыши показывают Правлению

Потемкинские деревни ликвидаторов.

Латыши предлагали Правлению созвать 11 «Организаций центров, организаций и фракций». На словах это было так (см. 4 стр. письма латышей Правлению от 24 июня).

Во всем мире до сих пор партии образовывались из местных организаций, которые объединяются одним центральным учреждением. Но русские и латышские ликвидаторы сделали в 1912 г. большое открытие. Отныне можно создавать партию из «центров, организаций и фракций».

К числу 11 организационных центров, организаций и фракций по новейшей латышско-ликвидаторской избирательной геометрии принадлежат: 1) Орг. Ком. и 2) 6 фракций или организаций, или центров, которые образуют этот Орг. Комитет. Так и значится в письме латышей: «Пункты от 2 до 7 включительно образуют Орг. Ком.».

Таким образом группы ликвидирующей партии интеллигентчины получают т р о й н о е избирательное право, как у привилегированных в гнилых государствах:

1) Кавказский Областной Комитет — фиктивная организация;

2) он же — в лице парижского «Голоса», хотя «Голос» не имеет постоянного мандата от Кавказа;

3) он же — в лице «Орг. Ком.».

Мы констатируем, что русские рабочие с возмущением и презрением отклонят мысль об обсуждении вопроса о двойных кандидатурах, т.-е. о попытке ликвидаторов вместе с беспомощными заграничными группами — вызвать раскол, раз эти группы представляют только дезорганизованных интеллигентов.

Мы устанавливаем факт, что абсолютно никакая заграничная группа из тех, которые вели борьбу против партии, в течение последних полугода, не получала мандата от какой-либо русской организации для ведения своего органа или опубликования своих листков. Если бы латыши захотели доказать Правлению противоположное, они могли бы в русской прессе выискать такой мандат по крайней мере до 22 июля.

«Голос Соц.-Дем.» не является органом какой-либо русской организации.

Ни «Вперед», ни Плеханов, ни «большевики-партийцы» не издают органов, которые представляли какие-нибудь русские организации.

Очень легко опираться на несуществующие в действительности группы. Не трудно также печатать «проявляющие сочувствие» корреспонденции.—Но чтобы вести полгода орган работающих в России организаций, необходимы постоянные организации, пользующиеся доверием местных рабочих, согласие тактических взглядов, как результат долгой совместной работы. Всего этого не достает заграничным группам, которые мобилизованы против партии латышскими и бундовскими дезорганизаторами.

Относительно Р. Р. С. скажем коротко. Это — не социал-демократическая организация. Она не принадлежит к С.-Д. Р. П. Она привлекает к себе тем, что «обеспечает» по-социал-демократически и примыкает к ликвидаторам!—Для дезорганизаторов и любителей раскола она достаточно самостоятельна! Если привлекать к совещанию Р. Р. С., то почему не привлечь также с.-р-ов, участвующих в выборах в Думу, сионистов-социалистов, Латышский социалистический революционный Союз и тому подобные «направления».

Соц.-Дем. Фракция Третьей Думы.

В число организационных центров Правление включило иностранные группы, но Думская с.-д. фракция не приглашена. Это невероятно, но факт. Русским рабочим необходимо знать, каким образом Троцкий и К-о вводят в заблуждение наших заграничных товарищ. Латыши пишут Правлению в письме от 24 июня:

«Что касается Думской с.-д. фракции, то о ней, как посреднице в вопросе об избирательных блоках, не может быть и речи, так как сессия Думы приходит к концу и одновременно думская фракция теряет полномочия» (стр. 2 неоднократно названного письма).

Это или сознательный обман, или безграничное политическое невежество, которое достаточно ясно характеризуют сведения Брюссельских латышей о выборах в России.

Письмо датировано 24 июня; 9 июля (22 по нов. ст.) III Дума официально распущена на неопределенное время, между тем как все депутаты сохранили свои полномочия, в том числе и соц.-демократы. Последние до сих пор являются думскими и депутатами—это известно всякому грамотному рабочему в России. Но это неизвестно заграничным лгунам на Партию.

Единственно легальные с.-д-ты в России, которые, где бы они ни находились в стране, составляют единственно официальную организацию—члены с.-д. фракции III Думы.

Все ликвидаторы ненавидят эту фракцию. Листки ликвидаторов («Наша Заря») осыпают ее бранью и инсинуациями, все заграничные дезорганизаторы аплодируют им. Почему? Потому, что большинство фракции, в которой преобладают меньшевики-партийцы, всегда решительно боролось против ликвидаторов и помогло сделать их в Петербурге совершенно безвредными.

В брошюре: «Аноним и т. д.» мы опубликовали соответствующие факты. Никто не сумел возразить против. Только два члена фракции—постоянныесотрудники ликвидаторских газет. Восемь членов фракции—постоянныесотрудники анти-ликвидаторских газет.

И латыши, и Троцкий предлагают Правлению исключить из Совещания эту единственную общерусскую Коллегию, которая обнаруживает единство! Если даже латыши заблуждались, не зная 24 июня того, что было известно всем рабочим в России, почему они не потрудились целый месяц—до 22 июля—исправить свою ошибку? Существуют ошибки, очень полезные для ошибающихся.

Цель латышей и ликвидаторов, которые обманули Правление,—против большинства Партии в России, против большинства Думской Соц.-Дем. Фракции, навязать ликвидаторских кандидатов при помощи блока фиктивных заграничных группок и обманом получить деньги от немецких рабочих. Это—краткий смысл длинных речей (латышей, бундовцев, Троцкого и К-о).

Но этот обман не останется безнаказанным.

Доступные официальной проверке данные о влиянии ликвидаторов сравнительно с влиянием Партии.

Всякий рассудительный человек понимает, что пустые фразы о мнимых, сочувствующих ликвидаторам тайных «организациях» не заслуживают никакого доверия.

Мы утверждали, что все организации ликвидаторов России— фиктивны.

Кто не имеет лично точных сведений о положении дел в русских соц.-дем. кругах, тому трудно установить истину. Но каждый может ее сыскать, если будет искать по документам и доискиваться смысла, не доверяя словам. Первый достаточно проверенный официально факт мы привели—это разделение сил думской соц.-дем. фракции между ликвидаторами и антиликвидаторами.

Но теперь, после полугода борьбы ликвидаторов с Партией, существуют другие, вполне объективные и еще более убедительные факты.

Латыши ссылаются в письме от 24 июня (стр. 5 и 6) на легальные марксистские газеты в Петербурге. Они называют «Живое Дело» и «Невский Голос», которые проводят меньшевистское направление («Голоса Соц.-Дем.»), и противопоставляют им газеты: «Звезду» и Петербургскую «Правду» (не смешивать ее с ликвидаторской Венской «Правдой» Троцкого), которые, как утверждают латыши, «находятся во власти и под руководством группы Ленина».

Если бы это утверждение не было достаточным, то латыши и здесь непроизвольно нанесли сильный удар ликвидаторам.

Если «открытая партия»—только пустая либеральная фраза ликвидаторов, то открытая деятельность в Думе и в прессе—главная деятельность марксистской пропаганды. Здесь и только здесь можно найти факты, которые объективно доказывают силу ликвидаторов и антиликвидаторов.

Нет никаких других политических общерусских органов, кроме названных латышами. У ликвидаторов—«Живое Дело» и «Невский Голос», у антиликвидаторов—«Звезда», позднее «Невская Звезда» и (Петербургская) «Правда». Нет никаких других направлений и фракций в России ни в прессе, ни на общественной арене; все названные латышами заграничные группы—круглые нули.

Теперь перед нами результаты полугодовой деятельности обоих направлений.

В эти полгода (январь—июнь 1912 г.) все русские партии начали и закончили приготовления к выборам. Теперь остается только 6 или 8 недель до выборов. Избирательные списки уже большей частью установлены. По существу исход выборов уже

определен и именно на основании этой полугодовой подготовки.

За ликвидаторов высказались «пункты 1—7» в перечне латышей (Орг. Ком., Бунд, Латышская Соц.-Дем., «Голос», Венская «Правда», Кавказский Обл. Ком., «Вперед»), за антиликидаторов — Ц. К., который объединил русские организации, т.-е. работающие в России (одно только «Ленинское направление» по утверждению ликвидаторов).

Посмотрим, что сделали те и другие.

Ликвидаторы выпустили в Петербурге с 1 января по 30 июня (ст. ст.) 1912 г. 16 №№ газеты «Живое Дело» и 5 №№ газеты «Невский Голос», всего 21 №№.

Антиликидаторы в те же полгода — 33 №№ газеты «Звезда», 14 №№ газеты «Невская Звезда» и 53 №№ газеты «Правда», всего 100 №№.

21 против 100.

Это — соотношение сил между ликвидаторами и Партией в России. Данные о газетах — открытые данные; их можно доказывать и проверять.

Как обстоит дело с распространением газет? Латыши утверждают, что ликвидаторы выпустили 30.000 экземпляров. Допустим, что это — не преувеличено. Для антиликидаторских газет названа Правлению лицом, которое видели тов. Гаазе и другие члены, цифра в 60.000 экземпляров. Это сокращает влияние ликвидаторов сравнительно с влиянием Партии до отношения 1 к 10.

Если сведения о распространении не опубликованы и могут показаться преувеличенными, то можно привести другие, более важные, более убедительные.

Это — сведения о связи ликвидаторов и Партии с рабочими массами в России.

Открытые, достаточно проверенные данные об отношениях ликвидаторов и Партии к русским рабочим массам.

Данные о числе №№ газет и количестве тиража не доказывают еще совсем превосходства Партии над ликвидаторами. Газеты могли издавать маленькие группы либеральных интеллигентов. Всякая «дружественная рабочим» или даже либеральная газета с радикальным оттенком всегда найдет в России много

читателей. Кроме рабочих, их будут читать и либералы, и мелко-буржуазные демократы.

Есть, однако, факты, которые гораздо проще и яснее доказывают связи ликвидаторов и Партии с рабочими массами в России.

Это данные о денежных средствах, которые служат для издания рабочей прессы.

Уже давно шла агитация среди рабочих в России за сборы средств для издания рабочей газеты. Всем было понятно, что без такой газеты участие в выборах—почти фиктивно. Газета—главный стержень избирательной кампании, главное средство для марксистской агитации среди масс.

Откуда можно добыть денег для газеты?

Организуют сборы среди рабочих. Эти сборы образуют фонд и доказывают силу связей той или другой группы. Они показывают престиж, доверие со стороны рабочих, их реальное влияние на пролетарские массы.

Эти сборы на рабочую газету в Петербурге открываются в начале 1912 г. Полгода—от 1 января до 30 июня—достаточный срок. Данные о сборах опубликовываются во всех, названных выше, как ликвидаторских, так и антиликивидаторских газетах.

Здесь мы приведем только результаты этих данных.

За полгода в антиликивидаторских газетах опубликованы сведения о 504 денежных сборах среди рабочих групп, т.е. таких сборах, у которых прямо приведено название рабочей группы, производившей сборы. Эти сборы производились в 50 городах и фабричных поселках России.

За те же полгода (1 января—30 июня 1912 г.) в ликвидаторских газетах опубликованы сведения о 15 денежных сборах среди рабочих групп. Эти сборы произведены в 5 городах России *).

Это—точные сведения.

*) Несмотря на насмешки ликвидаторов, эти сборы, которые составили свыше 12.000 марок, как и прежняя помощь немецких товариществ, образовали основной фонд нашей соц.-дем. прессы в Петербурге. Упомянутый в тексте полный перевод всех отчетов о денежных сборах в различных соц.-дем. газетах в течение полугода послан Правлению, Контрольной комиссии и Бебелью.

Денежные сборы рабочих групп для рабочей газеты с 1 января по 30 июня
1912 г.

В ликвидаторских В антиликвидатор-
газетах. ских газетах.

Январь	0	14
Февраль	0	18
Март	7	76
Апрель	8	227
Май	0	135
Июнь	0	34
	15	504

То же самое: главные районы России.

Петербург	10	415
Южная Россия	1	51
Москва	2	13
Северная и Зап. Россия . .	1	12
Урал и Волга	0	6
Кавказ, Сибирь, Финляндия 1		7
	15	504

После полугода борьбы против Партии ликвидаторы совершенно разбиты.

Ликвидаторы составляют совершенный нуль в русском соц.-дем. рабочем движении. Это доказывают приведенные выше сведения, которые всякий может проверить. Это—факты, которые были опубликованы в России, охватывают целых полгода, несмотря на хвастовство Троцкого и ликвидаторов.

Заметим, что Троцкий—сотрудник «Живого Дела». Дальше сами латыши в письме от 24 июня утверждают, что все шесть групп—в том числе Троцкий, меньшевистский «Голос», руководители газет: «Живое Дело» и «Невский Голос»—образуют т. наз. Орг. Ком. Отсюда наши данные доказывают, что не только ликвидаторы, но и все их сколько-нибудь значащие заграничные друзья составляют полный нуль в соц.-дем. рабочем движении в России.

На их стороне стоит в среднем одна рабочая группа на тридцать русских рабочих групп.

Мы приводим адреса и дни выхода всех соц.-дем. газет в Петербурге.

Л и к в и д а т о р ы:

1. «Живое Дело», Петербург, Б. Московская; № 1—20/I 1912 г., № 16 и последний—28/IV 1912 г. (закрыта).
2. «Невский Голос», Петербург, Колокольная, 3; № 1—20/V 1912 г., № 5—28/VI 1912 г. (существует до сих пор, 29/VII 1912 г.).

А н т и л и к в и д а т о р ы:

3. «Звезда», Петербург, Разъезжая, 10, кв. 12; № 1 (37)—6/I 1912; № 33 (69)—22/IV 1912 г. (закрыта).
4. «Невская Звезда», Петербург, Николаевская, 33, кв. 57; (№ 1—26/II 1912); № 2—3/V 1912 г.; № 14—24/VI 1912 г. (существует до сих пор).
5. «Правда», Петербург, Николаевская, 18, кв. 37; № 1—22/IV 1912 г.; № 53—30/VI 1912 г. (существует до сих пор).

Заключение.

Кандидаты Р. С.-Д. Р. П. в предстоящих думских выборах намечаются местными партийными организациями без различия взглядов и направлений: меньшинство рабочих соц.-демократов всюду связано с большинством.

Прославленные двойные кандидатуры—просто бессмыслица, которая служит службу только для запугивания заграничных товарищей и для выкачивания денег.

Недоставало только, чтобы прославленные десять «направлений» застраивали десятью кандидатурами и для каждого кандидата выкрашивали денег за границей.

Двойных кандидатур не будет вовсе. Ликвидаторы настолько слабы, что совершенно не в состоянии выставлять вторых кандидатур. Мы не ведем никаких переговоров с целиком изменившими партии ликвидаторами. Ни Ц. К. в России, ни местные организации серьезно не имеют дела с ликвидаторами. Обратите внимание, например, на последние события в Петербурге. Ликвидаторы сообщили в газете: «Невский Голос» (№ 6), что в Петербурге происходили с ними (ликвидаторами) совещания по поводу избирательной кампании. Как «Невская Звезда» (№ 16), так и «Правда» (№ 61) от 10 и 23 июля сообщили, что их представители не были посланы на совещание; кроме того, участник совещаний

объявляет в «Невской Звезде», что рабочие во всей России придерживаются резолюций Январской Конференции Р. С.-Д. Р.П.

«Объединение различных направлений,—говорит он, имея в виду ликвидаторов,—совершенно невозможно в соц.-дем. избирательной кампании» («Невская Звезда» № 16 от 8 (21) июля 1912 г.).

Никакая помощь деньгами в мире не завоюет ликвидаторам сочувствия русских рабочих. Но, само собой разумеется, возможно на деньги Правления выставить в разных местах фиктивные вторые кандидатуры. В этом случае ответственность за такие кандидатуры, которые будут фактически кандидатурами немецкого Правления, ляжет бременем на Правление. **Деньги, которые поступят ликвидаторам, послужат для основания конкурирующего органа ликвидаторов, у которых совсем нет ежедневной газеты.** Эти деньги будут использованы для устройства бреши **теми, которые в долголетней борьбе доказали свое ничтожество.** Деньги будут использованы для поездок и т. п., для основания новой партии. Если Правление хочет тем или иным путем помочь ликвидаторам, это заставит нас, при всем нашем уважении к братской немецкой партии, апеллировать к Интернационалу. Мы тогда доказаем Венскому Международному Конгрессу⁴⁹ **документально**, что Правление готовится с помощью денежной поддержки вызвать у нас раскол, создать двойные кандидатуры и гальванизировать убитых ликвидаторов, этот труп. Если немецкие товарищи хотят помочь Р.С.-Д.Р.П., они должны передать деньги Ц.К. старой Партии, а не тем, которые организуют новую партию.

Ц. К. Р. С.-Д. П.

После того, как Правление отменило предполагавшееся совещание, оно сообщило нам, что «не в состоянии дать денег ни одной из партийных групп в России для избирательной борьбы, пока всеми вместе нам (Правлению) не будет указано лица, пользующегося всеобщим доверием,— с полномочиями для приема денег и их раздела».

Этот мнимый нейтралитет Правления вытекает в действительности из того, что оно отказалось в поддержке Русской Рабочей Партии из-за клеветы на нее со стороны заграничных группок и «конференции» ликвидаторов.

В дополнение к прежним замечаниям считаем обязанностью прибавить следующее.

Легально существующие, проводимые в марксистском духе газеты в настоящее время — самый важный открытый рупор для русских рабочих соц.-демократов в связи с агитационной работой в Партии.

Существующие за границей, нелегальные для России газеты по существу дела не могут иметь такого же значения, как названные выше, если даже их принципиальная важность для теоретического освещения движения без сомнения чрезвычайно велика. Известно, как легко и иногда легкомысленно такие газеты заводятся маленьими, рассеянными за границей группами русских эмигрантов; эти газеты ведут жалкое существование внутри таких групп и почти не попадают в руки русских партийных. По существу дела за ними нельзя признать сколько-нибудь заметного значения для партийной жизни в России.

После полугодовой борьбы антиликивидаторских газет (январь — июнь 1912 г.) — единственный орган ликвидаторов «Невский Голос». Эта газета выходила в качестве политического органа; в течение полутора месяцев (от июня до середины августа) вышло только два № (6 и 7). Ясно, что ни одна такая газета при полицейских преследованиях, которым подвергаются в России все рабочие газеты и многие вполне лояльные либеральные, не может расти, если она не получит жизненной силы из тесной связи с рабочими массами.

Такими рабочими газетами большой политической важности и непосредственно актуального значения служат теперь: еженедельник «Невская Звезда» и ежедневная газета «Правда». Обе газеты выходят в Петербурге. Наши политические противники из среды Латышской соц.-демократии уничтожили их презрительным именем органов «Ленинской группы». Из приведенных выше объективных фактов, которые всегда можно проанализировать, для наших немецких товарищей ясно, что эта «Ленинская группа» в действительности охватывает подавляющее большинство русских рабочих соц.-демократов.

Отсюда вполне понятно, почему все известия, идущие из среды ликвидаторов и сочувствующих им групп и группок, не заслуживают ни малейшего права на доверие. Все слухи, какие эти группки с ними еврейские (Бунд) и латышские с.-д., у которых совершенно нет связи с русским движением, распространили о созванной или мнимо-созываемой общей

конференции всех «направлений»,— оказываются чистейшим вымыслом. Никакая подобная конференция, если бы даже она действительно состоялась, не играет с к о л ь к о н и б у д ь р е а л ь н о г о з н а ч е н и я в борьбе русского пролетариата. Дело идет по существу, если выразиться хотя раз резко, о мошенничестве.

Чтобы нашим немецким товарищам еще лучше осветить спорные вопросы несомненно важного политического значения, приведем в заключение несколько строк из статьи Аксельрода, одного из лидеров ликвидаторов, в последней книжке ежемесчника: «Наша Заря».

Аксельрод пишет:

Мысль о нефракционном социал-демократическом органе является в настоящее время утопией, и притом утопией, идущей вразрез с интересами партийно-политического развития.... У нас организационно-оформленных фракций, можно сказать, нет. Вместо них имеются разные кружки и группки, из которых одни придерживаются более или менее определенных политических, тактических и организационных взглядов, а другие шатаются в разные стороны, путаясь между ног у первых.... Центральным пунктом и главным источником раздоров является, с одной стороны, различное отношение разных партийных кругов к новому, открытому социал-демократическому рабочему движению, а с другой,—существенные разногласия в области ближайших политических задач и в политической тактике русской социал-демократии. Вопросы той или иной категории становятся именно теперь особенно жгучими, злободневными. И по ним-то русская социал-демократия расколота на два главных лагеря. Справивается, сможет ли проектируемый некоторыми рабочими в Петербурге и многими интеллигентами за границей рабочий орган занять нейтральную позицию между этими двумя противоположными лагерями, и допустима ли в принципе такая позиция? Очевидно нет!... Толковать при таком положении дел в партии о «нефракционности», как о единопасающем средстве,—значит обманывать себя и других насчет действительного положения вещей в социал-демократии.... Фракционное оформление и сплочение является прямой обязанностью и неотложным делом сторонников партийной реформы или, вернее, революции в Партии.

Последними словами Аксельрод, очевидно, намекает на ликвидаторов... Мы можем только рекомендовать нашим немецким партийным товарищам, если, с другой стороны, будут рассказывать им о «внефракционности» или о нефракционной конференции — с участием ликвидаторов,— для лучшей ориентации перевод всей названной статьи Аксельрода для немецкой соц.-дем. прессы. Тогда можно узнать и судить о некоторых баснях.

Редакция Ц. О. Р. С.-Д. Р. П.
«Соц.-Демократ».

Итоги полугодовой работы.

Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное,—без преувеличения можно сказать,—историческое дело. Рабочая демократия сплотилась и укрепила себя при невероятно трудных условиях. Разумеется, о прочностии рабочей демократической печати у нас говорить не приходится. Всем прекрасно известно, каким преследованиям подвергаются рабочие газеты.

Но при всем том, создание «Правды» остается выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих.

Полезно оглянуться назад и посмотреть на некоторые итоги полугодовой работы русских рабочих над созданием своей печати. Как раз с января текущего года окончательно определился интерес в рабочих кругах Петербурга, к своей печати, появился ряд статей о ежедневной рабочей газете в органах всех оттенков, соприкасающихся с рабочим миром.

I.

Данные о том, кто и как создал ежедневную рабочую печать в России, имеются, к счастию, в сравнительно полном виде. Это — данные о сборах на ежедневную рабочую газету.

Начнем с тех сборов, на которые создана «Правда». С 1 января по 30 июня, ровно за полгода, мы имеем отчеты «Звезды», «Невской Звезды» и «Правды». Гласность обеспечивала абсолютную правильность этих отчетов: случайные ошибки поправлялись немедленно по указаниям заинтересованных лиц.

Самое важное и интересное для нас — не общая сумма сборов, а состав жертвователей. Если, например, «Невская

«Звезда» в № 3 дала общий итог сборов на ежедневную рабочую газету в 4.288 р. 84 к. (с января по 5 мая, не считая сборов, поступавших с 22 апреля, день появления «Правды», прямо в эту газету), — то перед нами встает сразу следующий вопрос. Какую роль играли сами рабочие и группы рабочих в составлении этой суммы? Образована ли она крупными взносами сочувствующих? Или рабочие проявили здесь сами личный, живой интерес к рабочей печати и составили крупную сумму взносами от большого числа рабочих групп?

С точки зрения почина, энергии самих рабочих, гораздо важнее 100 рублей, собранные, скажем, тридцатью группами рабочих, чем 1.000 рублей, собранные десятками «сочувствующих». Газета, основанная на пятаки, собранные маленькими заводскими и фабричными кружками рабочих, во много раз солиднее, прочнее, срезне поставлена (и с точки зрения финансовой, и — что в целом важнее — с точки зрения развития рабочей демократии), чем газета, основанная на десятки и сотни рублей, внесенные сочувствующей интеллигенцией.

Чтобы иметь точные данные по этому основному и самому существенному вопросу, мы произвели следующий подсчет напечатанных в трех указанных газетах данных о сборах. Мы выделили только те сборы, относительно которых показано, что их сдавали группы рабочих или служащих.

Нас интересуют сейчас только сборы, сделанные самими рабочими и при том не одиночками, которые, может быть, случайно наткнулись на того или иного сборщика, не будучи связаны с ним идеино, т.-е. по своим взглядам, убеждениям, а именно группами рабочих, несомненно обуждавших заранее, следует ли давать деньги, кому давать, на какую цель давать.

Каждое сообщение «Звезды», «Невской Звезды» и «Правды», в котором указано, что именно группа рабочих или служащих внесла деньги на ежедневную рабочую газету, принималось за один групповой сбор самих рабочих.

Сколько же оказалось таких групповых рабочих сборов за первую половину 1912 года?

Пятьсот четырех групповых сборов!

Более чем полтысячи раз делали рабочие группами взносы на основание и поддержку своей газеты, то отчисляя однодневный заработок, то делая одновременные взносы, то повторяя

эти взносы от времени до времени. 504 рабочие группы, помимо отдельных рабочих и сочувствующих лиц, приняли самое активное участие в основании своей газеты,—это число указывает, несомненно, на то, что в рабочих массах проснулся глубокий и сознательный интерес к рабочей газете и не вообще какой бы то ни было рабочей газете, а именно рабочей демократической газете. Раз есть на-лицо такая сознательность и активность в массах,—не страшны никакие трудности, никакие препятствия. Нет и быть не может таких трудностей и таких препятствий, которые не преодолела бы, так или иначе, сознательность, активность и заинтересованность рабочих масс.

По месяцам эти 504 групповые сбора распределяются так:

за январь 1912 г.	14
» февраль »	18
» март »	76
» апрель »	227
» май »	135
» июнь »	34
Всего за полгода 504	

Из этой маленькой таблички ясно выступает, между прочим, все значение апрельско-майских дней, как дней поворота. Из тьмы к свету, от пассивности к активности, от действий одиночек к действиям масс.

В январе и феврале групповые сборы рабочих совершенно еще ничтожны. Видно, дело только-только зарождается. В марте уже заметный, значительный подъем. 76 групповых сборов за один месяц,—это во всяком случае показывает на серьезное движение среди рабочих, на упорное стремление масс добиться своего во что бы то ни стало, не боясь пожертвований. Это указывает на глубокое доверие рабочих масс к своим собственным силам и к постановке всего дела, к направлению предпринимаемой газеты и так далее. В марте еще ежедневной рабочей газеты не было: рабочие группы собирали, значит, деньги и вносили их «Звезде», так сказать, в кредит.

Апрель сразу дает гигантский подъем, который решает дело. 227 групповых рабочих сборов за один месяц, больше чем по семи сборов в среднем за день! Плотина сломана, рабочая ежедневная газета обеспечена. Каждый групповой сбор означает не только сумму пятаков и гривенников, но еще нечто гораздо

более важное: сумму совместной, массовой энергии, решимость групп рабочую газету поддерживать, распространять, направлять, создавать своим собственным участием.

Может возникнуть вопрос: не преобладали ли в апреле сборы после 22 апреля, т.е. после появления «Правды»? Нет. В «Звезде» до 22 апреля помещены отчеты о 188 групповых сбоях. В «Правде» с 22 апреля до конца месяца помещены отчеты о 39 групповых сборах. Значит, за 21 день апреля, до появления «Правды», приходится по 9 сбоям в среднем за день, а за последние девять дней апреля только по 4 сбора за день группами.

Отсюда вытекают два важных вывода:

Во-первых, рабочие проявили всего больше энергии именно до появления «Правды». Давая в «кредит», оказывая доверие «Звезде», рабочие выражали решимость настоять на своем.

Во-вторых, отсюда видно, что именно апрельский подъем рабочих создал рабочую газету «Правду». Не может быть сомнения в том, что между общим подъемом рабочего движения (и не в узко-цеховой, не в узко-профессиональной форме, а собственно одним его размахом) и созданием ежедневного органа петербургской рабочей демократии существует самая тесная связь. Нам недостаточно профессиональных изданий, нам нужна своя политическая газета — вот какое сознание крепло в массах в апрельские дни — нам нужна не любая политическая рабочая газета, а, именно, газета передовой рабочей демократии; нам нужна газета не только для того, чтобы помогать нашей рабочей борьбе, но для того, чтобы дать образец и светоч всему народу.

В мае месяце подъем оказывается еще в очень сильной степени. Количество групповых сборов в среднем за день выше четырех. С одной стороны, здесь виден апрельско-майский общий подъем. С другой стороны, рабочие массы сознают, что хотя ежедневная газета уже начала выходить, но в начале ее положение особенно трудно, групповая поддержка особенно необходима.

В июне количество групповых сборов падает ниже, чем оно стояло в марте. Разумеется, надо принять во внимание, что после появления ежедневной рабочей газеты возникла и получила решающее значение другая форма помощи газете, именно: подписка на нее и распространение газеты среди това-

рищей, знакомых, земляков и т. д. Все сознательные друзья «Правды» не ограничиваются тем, что подписываются сами на нее, а раздают и рассылают газету для образца, для ознакомления по другим фабрикам, по соседним квартирам и домам, в деревню и так далее. К сожалению, мы не можем иметь полной статистики такого рода групповой помощи.

II.

Чрезвычайно поучительно рассмотреть, как распределяются эти 504 групповых рабочих сбора по городам и фабричным местечкам. В каких местностях России и с какой энергией откликнулись рабочие на призыв к созданию ежедневной рабочей газеты?

Данные об этом, к счастью, имеются относительно всех групповых рабочих сборов, отчеты по которым печатали «Звезда», «Невская Звезда» и «Правда».

Сводя вместе эти данные, мы прежде всего должны выделить Петербург, который, естественно, стоит во главе в деле создания петербургской рабочей газеты;—затем 14 городов и фабричных местечек, из которых поступали сборы более чем от одной рабочей группы и, наконец, все остальные города, числом 35, от которых поступило за полгода только по одному групповому рабочему сбору. Получаем следующую картину:

	Всего групповых сборов.
Петербург	412
14 город. с 2—12 группов. сбор.	57
35 » » 1 » »	35
Итого по 50 городам	504

Отсюда видно, что почти вся Россия, в той или иной мере, принимала активное участие в создании ежедневной рабочей газеты. Если принять во внимание, какие трудности встречает распространение рабочей демократической печати в провинции, то надо удивляться большому числу городов, за полгода откликнувшихся на призыв петербургских рабочих.

Девяносто два групповых рабочих сбора по 49 городам России *), кроме столицы, — это очень внушительное число, для начала, по крайней мере. Тут уже не может быть речи о случайных, равнодушных, пассивных жертвователях: перед нами, несомненно, рассеянные по всей России, но объединенные сознательным сочувствием к рабочей демократии представители пролетарских масс.

Заметим, что во главе провинциальных городов стоит Киев — 12 групповых сбров, затем Екатеринослав — 8, и только на четвертом месте идет Москва — 6. Эта отсталость Москвы и всего района еще яснее видна из следующих сводных данных по всем районам России:

Число групповых рабочих сборов на ежедневную рабочую газету за пол-года, январь—июнь 1912 года.

Петербург и окрестности его	415
Юг	51
Москва и ее район	13
Север и Запад	12
Урал и Поволжье	6
Кавказ, Сибирь, Финляндия	7

Всего по России 504

Эти данные можно выразить следующим образом.

С точки зрения оживления рабочей демократии в России, пролетарский Петербург уже проснулся и стоит на своем славном посту. Юг просыпается. А матушка-Москва, с остальной Россией, еще спит. Пора бы уже и ей начать просыпаться.

Отсталость всего Московского района выясняется из сравнения его с остальными провинциальными районами.

*) Вот полный перечень городов и местечек. О к р е с т и . С п б.: Кронштадт, Колпино, Сестрорецк. Ю г: Харьков — 4 гр. сбор., Екатеринослав — 8, Аяньев — 2, Луганск — 3, Херсон, Ростов на-Дону, Павлоград, Полтава, Киев — 12, Астрахань — 4, Чернигов, Юзовка — 3, Минаково, Щербин. рудник, Рыковский рудник, Белгород, Елизаветград, Екатеринодар, Мариуполь — 2, Николаев, Никополь, Николаевка. М о с к о в с к . р а й о н: Родники — 2, Рязань, Тула — 2, Бежецк — 2. С е в е р: Архангельск — 5, Вологда. З а п а д: Двинск, Вильна, Гомель, Рига, Либава, Мюльграбен. У р а л: Пермь, Кыштым, Миньяр, Оренбург. П о в о л ж ъ е: Сормово, с. Балаково. К а в к а з: Баку — 2, Грозный, Тифлис. С и б и р ь: Тюмень и Благовещенск. Ф и н л я н д и я: Гельсингфорс.

Юг дальше от Петербурга и многим дальше, чем Москва. И тем не менее Юг, при меньшем числе промышленных рабочих, чем в Московском районе, почти вчетверо превосходит этот район по числу групповых рабочих сборов.

Москва отстала, видимо, даже от Урала и Поволжья, ибо число рабочих в Москве и ее районе не вдвое, а во много раз превышает число рабочих Урала и Поволжья. Между тем на Москву с районом падает всего 13 групповых сборов против 6 на Урале и Поволжье.

Конечно, на отсталость Москвы и ее района влияли, вероятно, два особых условия. Во-первых, преобладает здесь текстильная промышленность. А в ней конъюнктура, т.-е. условия рынка и большего или меньшего оживления производства, была хуже, чем в металлургической, например, отрасли. Поэтому текстильщики менее участвовали в стачках, меньше проявляли интереса к политике и к рабочей демократии. Во-вторых, в Московском районе больше разбросанных по глухим местечкам фабрик, куда труднее проникнуть газете, чем в большой город.

Но во всяком случае урок для всех нас вытекает из приведенных данных несомненный. На распространение рабочей газеты в Москве должно быть обращено самое усиленное внимание. С отсталостью Москвы помириться невозможно. Всякий сознательный рабочий понимает, что Петербург без Москвы — все равно, что одна рука без другой.

В Москве и ее районе сосредоточена преобладающая масса фабрично-заводских рабочих России. В 1905 году, например, здесь было, по статистике самого правительства, 567 тысяч фабрично-заводских рабочих, т.-е. более трети всего их числа по России (1.660 тысяч) и гораздо больше, чем в Петербургском округе (298 тысяч). Московскому району суждено поэтому стоять на первом месте по числу читателей и друзей рабочей газеты, по числу сознательных представителей рабочей демократии. Москва должна будет, конечно, обзавестись своею ежедневной рабочей газетой.

Пока же Петербург должен помочь ей. Читатели «Правды» должны говорить себе и своим друзьям каждое утро: «рабочие, помните о москвичах!».

III.

Приведенные данные должны остановить на себе наше внимание еще с одной, весьма важной и практической злободневной, точки зрения. Всякий понимает, что политическая газета есть одно из основных условий для участия любого класса современного общества в политической жизни страны вообще, а в частности и для участия в избирательной кампании.

Так и рабочим нужна газета вообще и в частности для проведения выборов в IV-ую Думу. Рабочие прекрасно знают, что ни от III-й, ни от IV-й Думы ничего хорошего ждать они не могут; но участвовать в выборах мы должны, во-первых, ради сплочения и политического просвещения рабочих масс во время выборов, когда оживляется партийная борьба и вся политическая жизнь, когда массы так или иначе учаются политике; а во-вторых, ради проведения своих рабочих депутатов в Думу. Даже в самой черной, чисто-помещичьей Думе рабочие депутаты приносили и могут приносить немало пользы рабочему делу, если эти депутаты настоящие рабочие демократы, если они связаны с массой, и масса учится направлять, проверять их.

За первую половину 1912 г. все политические партии в России начали и, в сущности, уже кончили то, что называется предвыборной мобилизацией партийных сил. Мобилизация — слово военное. Оно значит: приведение войска в боевую готовность. Подобно тому, как перед войной войско приводится в боевую готовность, призываются запасные, раздается оружие и боевые снаряды, — так и перед выборами все партии подводят итоги своей работы, подтверждают свои решения относительно взглядов и лозунгов партии, собирают свои силы, готовятся к борьбе со всеми остальными партиями.

Эта работа, в сущности, повторяя, уже закончена. До выборов осталось не сколько недель; за это время можно и должно напрячь силы для усиления влияния на избирателей, на массы, но если сама партия (партия каждого класса) не подготовилась за полгода, то ничто уже ей не поможет, она уже оказалась на улем на выборах.

Вот почему те полгода, которые охватывает наша статистика, есть полугодие решительной мобилизации рабочих сил перед выборами в IV Думу. Это полугодие есть полугодие моби-

лизации всех сил рабочей демократии, разумеется, — не только в отношении думской борьбы, но мы пока останавливаем свое внимание именно на этой последней.

Здесь возникает один вопрос, затронутый недавно «Невской Звездой» № 16 и «Правдой» № 61. Это — вопрос о так называемых ликвидаторах, издающих в Петербурге, с января 1912 года, газеты «Живое Дело» и «Невский Голос». Ликвидаторы, имея свои отдельные газеты, говорят, что для «единства» рабочей демократии на выборах необходимо «соглашение» с ними, ликвидаторами, пугая, в противном случае, призраком «двойных кандидатур».

Эти попытки запугивания имели до сих пор, видимо, очень мало успеха.

И это вполне понятно. Как можно серьезно считаться с людьми, справедливо заслужившими название ликвидаторов и проводников либеральной рабочей политики?

Но, может быть, за ошибочными, не социал-демократическими, взглядами группы этих интеллигентов идет все же много рабочих? Не следует ли тогда особо обратить внимание на этих рабочих? Для ответа на этот вопрос мы имеем теперь объективные, открытые и вполне точные данные. В течение всей первой половины 1912 года ликвидаторы, как известно, проявили особенно много энергии в нападках на «Правду», «Невскую Звезду», «Звезду» и всех вообще противников ликвидаторства.

Какой же успех имели ликвидаторы среди рабочих? Об этом свидетельствуют те сборы на ежедневную рабочую газету, о которых печатали ликвидаторские газеты «Живое Дело» и «Невский Голос». Необходимость ежедневной газеты ликвидаторы признали очень давно, с 1911, если не 1910 годов, и всеми силами проповедывали эту идею среди своих сторонников. С февраля 1912 года газета «Живое Дело», начавшая выходить 20 января, начала печатать отчеты о сборах, получаемых ею для этой цели.

Выделим из этих сборов (которые составили за первую половину 1912 года 139 рублей 27 к.) г р у п п о в ы е р а б о ч и е с б о р ы, совершенно так же, как мы это сделали для газет неликийдаторских. Подведем итог всем 16 номерам «Живого Дела» и пяти номерам «Невского Голоса» (№ 6 «Невского Голоса» вышел уже в июле), — прибавим даже сборы на поддержку самого «Живого Дела» (хотя из неликийдаторских газет мы не брали

данных о подобных сборах). Получим следующие данные об общем числе групповых рабочих сборов за полгода:

Число групповых рабочих сборов на ежедневную рабочую газету за 1-е полугодие 1912 года.

	В газеты неликвида- торские.	В газеты ликвида- торские.
Январь	14	0
Февраль	18	0
Март	76	7
Апрель	227	8
Май	135	0
Июнь	34	0
Всего	504	15

Итак, в течение полугода отчаянным усилиям кружка интеллигентских ликвидаторов удалось привлечь поддержку всего 15 рабочих групп!

Можно ли представить себе более полное поражение ликвидаторов с января месяца 1912 года? Можно ли представить себе более точное доказательство того, что перед нами именно кружок интеллигентских ликвидаторов, способный издавать полулиберальный журнал и газету, но совершенно лишенный сколько-нибудь серьезной пролетарской массовой опоры?

Вот еще данные о порайонном распределении поступивших к ликвидаторам групповых рабочих сборов:

Число групповых рабочих сборов на ежедневную рабочую газету за 1-е полугодие 1912 года.

	В газеты неликвида- торские.	В газеты ликвида- торские.
Петербург и окрестности	415	10
Юг	51	1
Москва и ее район	13	2
Север и Запад	12	1
Урал и Поволжье	6	0
Кавказ, Сибирь и Финляндия	7	1
Всего	504	15 *)

Итак, на юге поражение ликвидаторов за полугодовой период еще даже сильнее, чем в Петербурге.

*) Москва—2, Нахичевань, Новониколаевск и Архангельск по 1.

Эти точные данные рабочей статистики, открыто печатавшиеся в течение целого полугода в газетах противоположных направлений, окончательно решают вопрос о «ликвидаторстве». Можно сколько угодно бранить противников ликвидаторства и клеветать на них, но точные данные о групповых рабочих сборах неопровергимы.

Вполне понятно теперь, почему ни «Невская Звезда», ни «Правда» не взяли всерьез угроз ликвидаторов о «двойных кандидатурах». Смешно было бы взять всерьез угрозы людей, за полгода в открытой борьбе обнаруживших, что они — немного более нуля. Все защитники ликвидаторства объединились в «Живом Деле» и «Невском Голосе». И все они вместе привлекли на свою сторону за полгода пятнадцать рабочих групп!

Ликвидаторство — ничто в рабочем движении; сильно оно только в либеральной интеллигенции.

IV.

Данные о всякого рода рабочих сборах в «Правде» представляют, вообще говоря, чрезвычайно интересный материал. По самым различным сторонам рабочего движения и жизни русских рабочих демократов мы получаем здесь впервые в высшей степени точные данные. К разработке этих данных мы надеемся еще не раз вернуться.

Теперь же, заканчивая обзор данных о групповых рабочих сборах на ежедневную газету, мы должны отметить один практический вывод.

Рабочие сделали группами 504 взноса на свою печать в «Звезду» и «Правду». Никакой другой цели, кроме создания и поддержки своей рабочей печати, рабочие абсолютно не преследовали. Именно поэтому простая правдивая сводка этих данных за полгода составила замечательно ценную картину из жизни рабочей демократии в России. Пятаки и гривенники, собранные вместе, снабженные пометками: «от группы рабочих с такой-то фабрики», дали возможность судить о настроении рабочих и об их сознательности, сплоченности, отзывчивости на рабочее дело.

Вот почему непременно следует продолжать, развивать, расширять этот обычай групповых рабочих сборов, созданный апрельско-майским подъемом, — и, разумеется, необходимы такие же отчеты о сборах, какие были всегда в «Правде».

И с точки зрения прочности рабочей печати, — и с точки зрения общих интересов рабочей демократии этот обычай имеет громадное значение.

Рабочую печать надо развивать и делать прочнее. На это нужны деньги. Только при условии постоянных и массовых сборов среди рабочих возможно будет настойчивым трудом добиться удовлетворительной постановки рабочих газет в России. В Америке есть одна рабочая газета («Призыв к разуму»), которая имеет свыше полумиллиона подписчиков. Плох тот русский рабочий, — сказали бы мы, переделывая одну известную поговорку, — который не надеется догнать и перегнать своего американского собрата.

Но гораздо, несравненно важнее не финансовая сторона дела, а другая. Допустим, сто рабочих разных отделений фабрики платят каждый по одной копейке в получку на рабочую газету. Всего будет два рубля в месяц. Допустим, с другой стороны, что десять хорошо зарабатывающих рабочих, случайно встретясь, собрали десять рублей сразу.

Первые два рубля дороже второй десятки. Это так ясно каждому рабочему, что долго тут объяснять нечего.

Надо ввести в обычай, чтобы каждый рабочий в каждую получку платил по одной копейке на рабочую газету. Пусть подписка на газету идет своим чередом, пусть кто может платить больше, как платил до сих пор. Но самое важное — кроме того, установить и распространить обычай «копейки на рабочую газету».

Все значение этих сборов будет в том, чтобы их делать правильно каждую получку, без перерывов, и в том, чтобы все большее и большее число рабочих участвовало в этих постоянных сборах. Отчеты могли бы печататься просто: «копеек столько-то» — значит столько-то рабочих данной фабрики сделали взносы на рабочую газету, — а затем, если есть более крупные взносы, можно печатать: «сверх того столько-то рабочих внесли столько-то».

Если установится этот обычай копейки на рабочую газету, то русские рабочие скоро поставят свои газеты нанюю высоту. Рабочая газета должна давать больше и более разнообразного материала, воскресные приложения и прочее, должна иметь своих корреспондентов в Думе, и во всех городах России, и в крупнейших городах за границей. Рабочая газета должна постоянно развиваться и улучшаться. — а это

невозможно без постоянных сборов как можно более широкого числа рабочих на свои органы печати.

Ежемесячная сводка данных о рабочей копейке будет показывать всем и каждому, как сбрасывают с себя рабочие всех концов России равнодушие и спячку, как просыпаются они к разумной и культурной жизни, не в казенном и не в либеральном значении этого слова. Можно будет наглядно видеть, как растет интерес к рабочей демократии, как близится время, когда и Москва, и все большие города обзаведутся своими рабочими газетами.

Довольно с нас господства буржуазной «Копейки»! Довольно царила беспринципная торгашеская газетка. Рабочие Петербурга показали в какие-нибудь полгода, каким громадным успехом могут сопровождаться совместные рабочие сборы. Пусть их пример, их почин не пропадет даром. Пусть разовьется и окрепнет обычай рабочей копейки на рабочую газету!

•Правда № 78 от 29 июля,
№ 79 от 31 июля,
№ 80 от 1 августа
и № 81 от 2 августа 1912 г.
За подписью Статистик.

Последний клапан.

Мы закончили нашу предыдущую статью на тему о современном аграрном вопросе в России (см. № 15 «Невской Звезды») словами:

«Реальное сходство Столыпинской и народнической аграрной программы состоит в том, что обе проводят коренную ломку старого, средневекового землевладения. И это очень хорошо. Ничего, кроме ломки, оно не заслуживало. Всех реакционнее те кадеты из «Речи» и «Русских Ведомостей», которые упрекают Столыпина за ломку — вместо того, чтобы доказывать необходимость ломки, еще более последовательной и решительной. Мы увидим в следующей статье, что Столыпинская ломка не может устраниТЬ кабалы и отработков, а народническая может.

«Мы отметим пока, что единственный вполне реальный результат Столыпинской ломки есть голодовка 30 миллионов. И еще неизвестно, не научит ли русский народ Столыпинская

ломка, как следует производить более решительную ломку. Учит она этому несомненно. Научит ли, — поживем, увидим» *).

Итак, перед нами стоит теперь вопрос: почему Столыпинская ломка средневекового землевладения не может, а крестьянско-трудовическая или народническая может устраниТЬ кабалу и отработки?

Приступая к разбору этого вопроса, заметим прежде всего, что одним из основных грехов наиболее распространенных рассуждений на данную тему, — рассуждений либеральных, народнических и частью ревизионистских (П. Маслова), — является абстрактная постановка вопроса, забвение действительно происходящей, конкретной исторической «смены». В России происходит та смена, которая давно произошла уже в передовых странах Запада: смена крепостнического хозяйства капиталистическим.

Речь идет и может итти исключительно о формах, условиях, быстроте, обстановке этой смены все другие соображения, нередко выдвигаемые на первый план, являются лишь бессознательным хождением кругом да около сути дела, кругом да около именно этой смены.

Преобладающая крепостническая форма современного русского земледелия есть кабала и отработки. Сравнительно значительное сохранение натурального хозяйства — наличие мелкого земледельца, который не в состоянии сводить концов с концами, хозяйствует на ничтожном клочке плохой земли с старыми, убого-нищенскими орудиями и приемами производства, — экономическая зависимость этого мелкого земледельца от соседнего владельца латифундии, который эксплуатирует его не только, как наемного рабочего (это уже начало капитализма), но именно как мелкого земледельца (это — продолжение барщины), — вот условия, порождающие кабалу и отработки, или вернее: характеризующие то и другое.

На 30.000 крупнейших помещиков в Европейской России приходится 10.000.000 беднейших крестьянских дворов. В среднем это дает приблизительно такую картину: вокруг одного помещика, имеющего свыше 2.000 десятин, живет около 300 крестьянских дворов, имеющих около 7 десятин плохой и выпаханной земли

*) См. выше 207 стр. этого тома. Ред.

на двор, при невероятно-отсталом, примитивном (с европейской точки зрения, не говоря уже об американской) инвентаре.

Часть зажиточных крестьян «выходят в люди», т.е. становятся мелкой буржуазией и обрабатывают землю наемным трудом. К такому же труду прибегает на известной части своих земель и для известных сельско-хозяйственных операций и помещик, нередко вчерашний барин-крепостник или его сынок.

Но кроме этих капиталистических отношений и оттеснения их во всех коренных русских губерниях Европейской России на задний план, существует обработка помещичьей земли крестьянским инвентарем, т.е. отработки, продолжение вчерашней барщины, — существует «использование» безысходной нужды мелкого земледельца (именно, как земледельца, как мелкого хозяйствика), для «обслуживания» соседней помещичьей «экономии», т.е. кабала. И ссуда денег под работу, и ссуда хлеба, и зимняя наемка, и сдача в аренду земли, и предоставление пользования дорогой, водою, лугами, выпасом, лесом, и ссуда инвентаря и т. д. и т. п. составляют бесконечно разнообразные формы современной кабалы.

Доходит дело иногда до того, что крестьянин обязуется своим навозом удобрять господские поля, а «хозяйка» обязуется приносить яйца, — и это не в восемнадцатом, а в двадцатом столетии от Рождества Христова!

Достаточно поставить ясно и точно вопрос об этих пережитках средневековья и крепостничества в современном русском земледелии, чтобы оценить значение Столыпинской «реформы». Эта «реформа» дала, конечно, отсрочку гибнущему крепостничеству, — точно так же, как пресловутая, расхваленная либералами и народниками, так называемая «крестьянская» (а на деле помещичья) реформа 1861 года дала отсрочку барщине, усковечив ее под иной оболочкой вплоть до 1905 года.

«Отсрочка» старому порядку и старому крепостническому земледелию, данная Столыпиным, состоит в том, что открыт еще один и притом последний клапан, который можно было открыть, не эксплуатируя всего помещичьего землевладения. Открыт клапан и выпущен несколько пар — тем, что часть совершило обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев, — далее тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отрубах,

поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде.

Наконец, открыт клапан и выпущен пар тем, что кое-где устранина особенно нестерпимая чересполосица и облегчена необходимая при капитализме мобилизация крестьянской земли.

Но этой отсрочкой уменьшено или увеличено общее количество проживающих в деревне? уменьшен или увеличен гнет крепостнических латифундий? уменьшено или увеличено общее количество «пара»? На эти вопросы нельзя ответить иначе, как во втором смысле.

Голодовка 30 миллионов доказала на деле, что в данное время возможен только этот последний ответ. Это — голодовка мелких хозяйствиков. Это — картина кризиса в се того же старого, кабального, нищего и задавленного крепостническими латифундиями крестьянского хозяйства. Таких голодовок при крупных некрепостнических поместьях, при капиталистических латифундиях в Европе не бывает и быть не может.

Масса крестьян, за исключением вполне освободившихся от земли пролетариев (которые «укрепили» землю, чтобы продать ее) и ничтожного меньшинства зажиточных мужиков, осталась в прежнем и еще худшем положении. Никакое укрепление земли в личную собственность, никакие мероприятия против чересполосицы не могут сделать массы нищих крестьян, сидящих на плохой, выпаханной земле, обладающих лишь стародедовским, вконец изношенным инвентарем, с голодным рабочим и рогатым скотом, — сколько-нибудь культурными, сколько-нибудь хозяевами.

Вокруг помещика (типа Маркова или Пуришкевича) с 2.000 десятинами земли владельцы семи-десятинных, крохотных, участков останутся неизбежно закабаленными, нищими, как бы их ни расселяли, как бы их ни освобождали от общины, как бы их им ни «укрепляли» их нищенские участки в личную собственность.

Столыпинская реформа не может устранить ни кабалы и отработков массы крестьян, ни их голодовок. Нужны десятилетия и десятилетия таких же периодических голодовок, чтобы мучительно вымерла масса теперешних хозяйств, для «успеха» Столыпинской реформы, т.-е. для создания установившегося буржуазного строя общеевропейского типа в нашей деревне. А, в настоящее время, после шестилетнего испытания Столы-

пинской «реформы» и шестилетних «блестящих» прогрессов числа «укрепивших землю» и т. д., не может быть ни малейшего сомнения в том, что эта реформа кризиса не устранила и устраниТЬ не может.

И в данную минуту и для ближайшего будущего России остается совершенно бесспорным, что перед нами старый кризис крепостнического в целом ряде пережитков хозяйства, старый кризис обнищавшего мелкого земледелия, закабаленного латифундиями Марковского и Пуришкевического типа.

И этот кризис, столь наглядно документированный голодовкой 30 миллионов, стоит перед нами, несмотря на то, что Столыпин открыл по следний клапан, какой только имеется вообще у Марковых и Пуришкевичей. Ничего иного они (и совет объединенного дворянства вместе с ними) не могли придумать *), ничего иного нельзя еще придумать для сохранения земли и ввести за Пуришкевичами, как ведение этими самыми Пуришкевичами буржуазной политики.

К этому и сводится сумма противоречий современной русской деревни: ведение буржуазной аграрной политики старыми крепостниками при полном сохранении их земли и их власти. В аграрной области это — тоже «шаг по пути превращения в буржуазную монархию».

Этот шаг к новому сделан сохранившим свое всевластие, свою землю, свой облик и свою обстановку старым. Это — последний шаг, который только может сделать старое. Это — последний клапан. Других еще клапанов в распоряжении Пуришкевичей, командующих над буржуазной страной, нет и быть не может.

И именно потому, что этот шаг к новому сделан сохранившим свое всевластие старым, этот шаг не мог привести и не приведет ни к чему прочному. Напротив, он приводит, — это ясно показывают нам все симптомы переживаемого момента, — к нарастанию старого кризиса на иной более высокой ступени капиталистического развития России.

*) Само собой разумеется, что слово «придумать» надо понимать с «зернышком соли»: «выдумка» командующего класса была ограничена и определена всем ходом капиталистического развития России и всего мира. При данном соотношении классов в капиталистически развивающейся России совет объединенного дворянства не мог поступать иначе, желая сохранить свою власть.

Старый кризис нарастает по новому, в новой обстановке, при гораздо более определившихся отношениях между классами, но он нарастает, и его социально-экономическая (и не только экономическая) природа остается по сути дела прежней.

Ничтожное число хороших, отрубных хозяйств крестьянской буржуазии, — при уменьшении числа пролетариев, связанных наделом, — при сохранении всевластия Пуришкевичей, — при громадной массе обнищавших и вымирающих от голода закабаленных средних крестьян, — при увеличении числа пролетариев, наделом не связанных, — вот картина сегодняшней русской деревни.

Нужно ли еще доказывать, что Столыпинская аграрная программа не может, а народническая (в исторически-классовом значении этого слова) может уничтожить кабалу и отработки? Может ли современное положение деревни не питать таких мыслей, что хорошие отрубные хозяйства при новой свободе мобилизации земли неизбежно положили бы сразу конец всем средневековым голодовкам, всякой кабале и всяким отработкам, если бы эти хозяйства по вольному выбору крестьян были понаделаны на всех тех семидесяти миллионах десятин помещичьей земли, которые пока стоят вне «землеустройства»? И не заставит ли нас ирония истории сказать, что Столыпинские землемеры присподиались для «трудовицкой» России?

«Невская Звезда» № 20

от 5 августа 1912 г.

За подписью Р. С.

Заработка рабочих и прибыль капиталистов в России.

В 1908 году было произведено обследование фабрик и заводов России. Обследование это, несомненно, дало преувеличенные цифры о величине заработка рабочих и преуменьшенные — о размере производства и величине прибыли капиталистов, ибо у нас все подобные обследования производятся чисто казенным путем, при чем опрашиваются одни только капиталисты, а рабочих не считают нужным спрашивать.

Посмотрим же, что показала эта, наиболее выгодная для капиталистов, статистика.

По предварительным сведениям, которые один только опубликованы до сих пор, всего было в России почти 20.000 фабрик и заводов (точная цифра: 19.983; мы будем приводить в скобках точные цифры, а в тексте несколько округлять их, чтобы легче было представить себе и запомнить при чтении главные данные).

Все число рабочих обоего пола было $2\frac{1}{4}$ миллиона человек (2.253.787). Сюда вошли и горнорабочие и рабочие в производственных, обложенных акцизом.

Заработная плата всех этих рабочих составила сумму более полутора миллиарда рублей (555,7 миллионов).

Чтобы узнать среднюю плату одного рабочего, надо разделить общую сумму заработной платы на число рабочих. Приведя это деление, получим цифру 246 рублей.

Итак, два с четвертью миллиона фабрично-заводских рабочих России зарабатывали в 1908 году в общем и среднем, т.-е. на круг, всего по двадцать рублей 50 коп. в месяц!

Если принять во внимание, что на такую сумму приходится содержать семью, — и это при теперешней дороговизне квартир и жизненных припасов,—то подобную плату нельзя не назвать нищенской.

Посмотрим теперь, какова была прибыль капиталистов. Для определения прибыли надо вычесть из общей суммы производства, т.-е. валовой выручки всех фабрик и заводов, все расходы капиталистов.

Общая сумма производства — свыше $4\frac{1}{2}$ миллиардов рублей (4.651 миллион рублей). Все расходы капиталистов — 4 миллиарда (4.082 миллионов) рублей.

Значит прибыль капиталистов — более полутора миллиарда рублей (568,7 миллионов рублей).

В среднем на одно заведение эта прибыль равняется 297 тысячам рублей. Каждый рабочий приносит капиталисту прибыли по 252 рубля в год.

Сравним теперь заработок рабочих и прибыль капиталистов. Каждый рабочий в среднем (т.-е. считая на круг) получает в год заработной платы 246 рублей, а капиталисту приносит прибыли 252 рубля в год *).

* Всего новых стоимостей рабочий создает в год на 498 рублей.

Отсюда следует, что рабочий м е н ь ш у ю п о л о в и н у дня работает на себя, а б о л ь ш у ю п о л о в и н у дня — на капиталиста. Если, например, примем среднюю величину рабочего дня в 11 часов, то окажется, что рабочий получает плату всего только за $5\frac{1}{2}$ часов и даже несколько менее, чем за $5\frac{1}{2}$ часов. Остальные же $5\frac{1}{2}$ часов рабочий трудится даром, не получая никакой платы, и вся выработка рабочего за эти полдня составляет прибыль капиталистов.

«Правда» № 85
от 8 августа 1912 г.
За подпись Т.

Стачечная борьба и заработка плата.

Всем известно, что знаменитая стачечная борьба русских рабочих в 1905 году дала чрезвычайно крупные успехи не только в политической, но и в экономической области. В настоящее время данные из отчетов фабричных инспекторов позволяют составить довольно точное представление о высоте этих успехов.

Средний заработка русского фабрично-заводского рабочего по этим данным, равнялся:

в 1901 г.	201 руб.	в 1906 г.	231 руб.
» 1902 »	202 »	» 1907 »	241 »
» 1903 »	208 »	» 1908 »	242 »
» 1904 »	213 »	» 1909 »	236 »
» 1905 »	205 »	» 1910 »	242 »
в среднем		в среднем	
за пять лет	206 »	за пять лет	238 »

Мы видим отсюда, что 1905 год был годом перелома. Именно, после 1905 года заработка плата сразу поднимается с 205 до 231 рубля в год, т.е. на 26 рублей, более чем на 10%.

Относительно 1905 года, который показывает понижение заработной платы на 8 рублей по сравнению с 1904 годом, надо принять во внимание следующее: во-первых, 1905 год был годом экономической депрессии, т.е. упадка промышленности, во-вторых, по данным министерства торговли, рабочие потеряли за этот год от недополучения заработка в забастовочные

дни $17\frac{1}{2}$ миллионов рублей, т.-е. свыше 10 рублей в год на каждого рабочего в среднем.

Следовательно, можно считать, что действительная заработная плата в 1905 году была 215 рублей в год, но из этих 215 рублей рабочие отдали по 10 рублей на стачечную борьбу, отличавшуюся в 1905 году замечательной, не виданной до тех пор нигде в мире настойчивостью и широтой.

В итоге получилось то, что теперь мы, рассматривая данные за целое десятилетие 1901—1910 годов, ясно видим поразительную разницу между дореволюционной и послереволюционной эпохой.

До 1905 г. средняя заработная плата русского фабрично-заводского рабочего 206 руб. После 1905 г.—238 руб., т.-е. на 32 руб. в год больше. Увеличение на 15,5 процента.

Повышение заработной платы за один год испытalo такой толчок, что никакие последующие усилия капиталистов (которые, как известно, отнимали все завоевания 1905 года одно за другим) не могли свести рабочего к прежнему низкому уровню жизни. 1905 год поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий.

Рабочие потеряли на стачках 1905 года, по официальной статистике, $17\frac{1}{2}$ миллионов рублей от недополучения заработка в забастовочные дни. Недоработка продуктов у капиталистов составила за 1905 год, по той же статистике, 127,3 миллиона рублей.

А от повышения заработной платы после 1905 года рабочие выиграли за пять лет (1906—1910) в среднем по 32 рубля на одного рабочего, т.-е. всего, считая 1,8 миллионов рабочих по 57,6 миллионов рублей в год, или 286 миллионов рублей за целое пятилетие.

«Правда» № 86
от 9 августа 1912 г.

Рабочий день на фабриках Московской губернии.

Инженер И. М. Козьминых-Ланин выпустил книгу о продолжительности рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии.

Материал, собранный автором, относится к концу 1908 года и охватывает 219.669 рабочих, т.-е. немного более $\frac{7}{10}$ всего числа фабрично-заводских рабочих Московской губернии (307.773).

Средний рабочий день определен автором на основании этих данных в $9\frac{1}{2}$ часов—для взрослых и подростков, в $7\frac{1}{2}$ часов—для малолетних.

Необходимо заметить, что в эти данные совершенно не вошел учет сверхурочных работ (о сверхурочных работах автор подготовил к печати особый труд),—а во-вторых, что данные автора основаны исключительно на «обязательных для предпринимателей и рабочих правилах внутреннего распорядка».

Соблюдаются ли в жизни эти правила,—вопрос, которого наш инженер и не ставит. Только рабочие союзы, создавая свою статистику, могли бы собрать данные и по этому вопросу.

По отдельным предприятиям этот рабочий день в $9\frac{1}{2}$ часов подвергается большим колебаниям.

Из таблиц автора видно, что 33.466 рабочих работает свыше 10 часов в день! Это составляет более 15% всего числа обследованных рабочих.

13.189 рабочих работает свыше 11 часов в день, а 75 рабочих — свыше 12 часов в день. Главная масса рабочих, задавленных таким безмерно-длинным рабочим днем, приходится на текстильную промышленность.

Если принять во внимание, что около трети рабочих не вошло в обследование автора, то получается вывод, что свыше 20 тысяч фабрично-заводских рабочих Московской губернии работает безобразно-долгий рабочий день.

Наконец, данные инженера Козьминых-Ланина показывают, что даже крайне устарелый русский закон 1897 года, разрешающий $11\frac{1}{2}$ -часовой (!!!) рабочий день, не соблюдается фабрикантами. По этому закону, при работе в две смены, рабочее время для каждого рабочего, по расчету за две недели, не должно превосходить 9 часов в сутки.

На деле же, из обследованных автором 83.990 двухсменных рабочих — 14.376 работали свыше 9 часов. Это составляет 17% всего числа двухсменных рабочих. А из 3.733 двухсменных рабочих, занятых ремонтными и вспомогательными работами, 2.173 рабочих, т.-е. почти $\frac{3}{5}$ работали более 9 часов в сутки! Итого $16\frac{1}{2}$ тысяч рабочих, которых—даже по казенным данным—заставляют работать дольше, чем дозволено по закону!

8-часовой рабочий день существовал в Московской губернии в 1908 году только для 4.398 рабочих из 219.669 всего числа обследованных рабочих. Значит, все же 8-часовой рабочий день и теперь вполне возможен, остается только 215 тысячам рабочих догнать эти четыре тысячи.

«Правда» № 88
от 11 августа 1912 г.
За подписью В.

В Англии.

Английский либерализм шесть с половиной лет находится у власти. Рабочее движение в Англии растет все сильнее. Стачки становятся массовыми и кроме того перестают быть чисто экономическими, превращаются в политические стачки.

Роберт Смалли, вождь шотландских угленосов, которые недавно обнаружили такую силу массовой борьбы, заявляет, что требованием угленосов в их следующем крупном сражении будет передача угольных копей в собственность государства. А это следующее крупное сражение надвигается неминуемо, ибо все угленосы в Англии прекрасно сознают бессилие пресловутого закона о минимальной заработной плате серьезно изменить к лучшему их положение.

И вот английский либерализм, теряя почву под ногами, выдумывает новый боевой клич, чтобы вызвать в массах избирателей снова на некоторое время доверие к либералам. Не обманешь—не продашь, таков лозунг капитализма в торговле. Не обманешь—не получишь мандатов в парламент, таков лозунг капиталистической политики в свободных странах.

«Модный» лозунг, придуманный с этой целью либералами, есть требование «земельной реформы». Что именно разумеют под этим либералы и их специалисты по части одурачивания масс, Ллойд-Джордж, остается неясным. Повидимому, речь идет об увеличении налога на землю, и только. Собирание новых миллионов на военные авантюры, на флот, — вот что на деле кроется под широковещательными фразами о «возврате земли народу» и проч.

В Англии земледелие ведется вполне капиталистически: фермеры-капиталисты арендуют землю участками средних раз-

меров у лэндлордов (землевладельцев) и обрабатывают землю при помощи наемных рабочих.

Никакая «земельная реформа» при таком положении вещей не может ничего изменить в положении сельских рабочих. Выкуп помещичьих земель в Англии мог бы превратиться даже в новое обирательство пролетариата, ибо помещики и капиталисты, сохранив власть в государстве, продали бы свои земли втридорога. А платил бы плательщик налогов, т.-е. тот же рабочий.

Шум, поднятый либералами вокруг земельного вопроса, принес пользу в одном отношении: он пробудил интерес к организации сельских рабочих.

Вот когда сельские рабочие в Англии проснутся и объединятся в союзы, тогда либералы не отдаются шарлатанскими «посулами реформы» или наделов для батраков и поденщиков.

Недавно сотрудник одной рабочей газеты в Англии посетил Джозефа Арча, старого вождя сельских рабочих, который много потрудился над пробуждением их к сознательной жизни. Это дело не удалось сразу—наивен был и лозунг Арча—«три акра (акр—немного более $\frac{1}{3}$ десятины) земли и корова» каждому сельскому рабочему—погиб созданный им союз—но его дело не погибло, и организация сельских рабочих в Англии снова становится на очередь дня.

Арчу теперь 83 года. Он живет в той же деревне и в том же доме, где родился. В разговоре со своим собеседником он указал, что союзу сельских рабочих удалось поднять заработную плату до 15, 16 и 17 шиллингов в неделю (шиллинг—около 48 коп.). А теперь заработная плата сельским рабочим в Англии опять упала—в Норфольке, там, где живет Арч,—до 12—13 шиллингов в неделю.

«Правда» № 89
от 12 августа 1912 г.
За подписью П.

Рабочий день и рабочий год в Московской губернии.

Вышедшая под этим заглавием работа инженера Козьминых-Ланина (М. 1912, изд. Пост. ком. музея сод. труду при Моск. Отд. И. Русск. Техн. О-ва. Ц. 1 р. 75 коп.) представляет из себя сводку данных, которые относятся к концу 1908 года.

Данные охватывают 219.669 рабочих, т.-е. 71,37% всего числа фабрично-заводских рабочих губернии (307.773). Автор говорит, что «материал был тщательно исследован им отдельно по каждому промышленному заведению, и в общую сводку вошла лишь та часть его, которая не возбуждала каких-либо сомнений».

Подобного рода статистика представляла бы из себя—несмотря на большее опоздание—выдающийся интерес, если бы сводка данных была более осмысленная. К сожалению, приходится употребить именно это слово, ибо таблицы г. Козьминых-Ланина составлены чрезвычайно тщательно, труда положено им на вычисление всякого рода итогов и процентных отношений очень много, но труд этот применен нерационально.

Богатый материал как бы подавил собой автора. Он сделал сотни и тысячи вычислений, совершенно излишних, только загромождающих работу, и не сделал нескольких десятков подсчетов, которые безусловно необходимы, ибо без них не получается общей картины явления.

В самом деле, в основных таблицах автора, составляющих почти всю книгу, приводятся такие детальные данные, что, например, рабочие, работающие от 9 до 10 часов в сутки, подразделены на 16 подразделений,—смотря по числу рабочих часов в смежные две недели (от 109 до 120 часов)—и для каждого подразделения вычислено среднее число рабочих часов в сутки! И все это сделано дважды: для рабочих по производству и для рабочих вспомогательных.

Нельзя не согласиться, что такая детализация, во-первых, совершенно излишняя, что здесь получается увлечение статистикой ради статистики, своего рода игра в цифры—в ущерб ясности картины и пригодности материала для изучения. А, во-вторых, девять десятых этих «средних», вычислявшихся автором с точностью до одной сотой,—прямо-таки пропавший труд, ибо можно ручаться, что из тысячи читателей книги (которая вряд ли найдет тысячу читателей) разве один почует надобность в такой «средней» (и притом этот один мог бы сам ее вычислить, если бы уж стряслась над ним такая исключительная беда!).

В то же время в книге вовсегда нет абсолютно необходимых сводок, которые автор мог сделать с несравненно меньшей затратой труда и без которых обойтись невозможно, если хотеть осмысленно ознакомиться с данными обследования. Нет сводок, 1) подытоживающих по группам производств рабочих

односменных, двухсменных и трехсменных; 2) рабочих по производству и вспомогательных; 3) дающих среднее число рабочих часов по группам производства; 4) дающих общие итоги рабочего времени взрослых и малолетних; 5) выделяющих фабрики с различным числом рабочих.

Остановимся на этом последнем пункте. Автор работы, видимо, так трудолюбив,—если судить по данному списку работ, которые им опубликованы и подготовлены к печати,—он обладает таким богатым и интересным материалом, что, может быть, критический разбор его приемов в состоянии принести не только теоретическую, но и непосредственно-практическую пользу. Мы уже привели слова автора, что собранный «материал был тщательно исследован им отдельно по каждому промышленному заведению».

Значит, сводка этого материала хотя бы по тем группам фабрик, которые введены даже нашей казенной статистикой (до 20 рабочих, 21—50, 51—100, 101—500, 501—1000 и свыше 1000), была вполне возможна. Была ли она необходима?

Безусловно, да. Статистика должна давать не произвольные столбцы цифр, а цифровое освещение тех различных социальных типов изучаемого явления, которые вполне наметились или намечаются жизнью. Можно ли сомневаться в том, что заведения в 50 и в 500 рабочих принадлежат к существенно иным социальным типам интересующего нас явления? что все общественное развитие всех цивилизованных стран усиливает различие этих типов и ведет к вытеснению одного из них другим?

Возьмем как раз данные о рабочем дне. Из свободной итоговой таблицы автора мы можем почерпнуть тот вывод, — если сам и произведем некоторую необходимую статистическую работу, которой мы не видим в книге,—тот вывод, что 33 тысячи рабочих (из 220 тысяч обследованных) работают дольше 10-ти часов в сутки. Средняя же продолжительность рабочего дня для всех 220 тысяч рабочих равняется $9\frac{1}{2}$ часам. Спрашивается, не заняты ли эти рабочие, задавленные непомерно длинным рабочим днем, в мелких заведениях?

Этот вопрос возникает естественно и необходимо. Он вовсе не выбран произвольно. Политическая экономия и статистика всех стран мира обязаны нас поставить, именно, этот вопрос, ибо удлинение рабочего дня мелкими заведениями наблюдалось слишком часто. Условия капиталистического хозяйства вызывают необходимость в таком удлинении у мелких хозяев.

И вот оказывается, что в материалах автора данные для ответа на этот важнейший вопрос были, а в сводке автора они пропали! В сводке автор нам дал никчемные длиннейшие столбцы детальных «средних» и не дал необходимого деления фабрик по числу рабочих.

В Московской губернии такое деление еще более необходимо (если позволительно здесь употребить сравнительную степень), чем вообще, ибо в Московской губернии, на-ряду с громадной концентрацией производства, мы видим сравнительно очень большое число мелких заведений. По статистике 1910 года, в ней было всего 1.440 заведений с 335.190 рабочими. Половина этого числа рабочих (167.199) сосредоточена в 66 фабриках,— а на другом полюсе перед нами 669 заведений с общим числом рабочих 18.277. Ясно, что перед нами совершенно различные социальные типы, и что статистика, которая их не различает, решительно никуда не годится.

Автор до такой степени увлекся рядами цифр о числе рабочих, занятых 94, 95 и т. д. до 144 часов в сменные две недели, что вовсе опустил данные о числе заведений. Это число указано для второй части его труда, где речь идет о продолжительности рабочего года, но в первой части, где речь идет о рабочем дне, никаких сведений о числе заведений не приведено,— хотя эти сведения, несомненно, в распоряжении автора были.

Крупнейшие фабрики Московской губернии—не только своеобразные типы промышленных заведений, но и своеобразные типы населений, с особыми бытовыми и культурными (или, вернее, некультурными) условиями. Выделение этих фабрик, подробная разработка данных отдельно для каждого разряда заведений по числу рабочих составляет необходимое условие рациональной экономической статистики.

Приведем главнейшие итоги из труда г. Козьминых-Ланина.

Его исследование о длине рабочего дня охватило, как мы уже сказали, 219.669 московских фабрично-заводских рабочих, т.е. 71,37% всего их числа, при чем текстильщики в несколько большем числе охвачены его статистикой, чем рабочие других производств. Обследованию подверглось 74,6% всех текстильщиков и лишь 49—71% рабочих остальных производств. Повидимому, менее обследованы данные о мелких заведениях: по крайней мере, статистика числа рабочих дней в году охватила

58% заведений (811 из бывших в 1908 году 1.394) и 75% рабочих (231.130 из 307.773). Ясно, что здесь опущены были, именно, более мелкие заведения.

Итоговые данные о длине рабочего дня автор дает только для всего числа рабочих, вместе взятых. Получается средняя—9½ часов в сутки для взрослого и 7½ часов для малолетних. Число малолетних, надо заметить, невелико: 1.363 против 218.306 взрослых. Это наводит на мысль, не были ли «скрыты» от глаз инспекторов в особенности малолетние рабочие?

Из всего числа 219.669 рабочих работали в одну смену 128.628 человек (58,56%), в 2 смены—88.552 (40,31%) и в 3 смены—2.489 (1,13%). Двухсменная работа преобладает над односменной в текстильной промышленности: 75.391 двухсменный рабочий («по производству», т.-е. без вспомогательных) против 68.604 односменных. Прибавка ремонтных и вспомогательных рабочих дает сумму 78.107 двухсменных и 78.321 односменного рабочего. Напротив, у металлистов значительно преобладает односменная работа (17.821 взрослых рабочих) над двухсменной (7.673).

Подводя итог общему числу рабочих, работающих различное число рабочих часов в сутки, получаем такие данные:

Число рабочих часов в сутки.	Число рабочих.
От 8 часов	4.398
» 8 до 9 часов	87.402
» 9 » 10 »	94.403
10 » 11 »	20.202
» 11 » 12	13.189
» 12 и более »	75
<hr/>	
Итого	21.9669

Отсюда видно, как ничтожно еще в России число рабочих, занятых не более 8 часов в сутки: всего 4.398 из 219.669. Напротив, число рабочих с непомерно, безобразно длинным рабочим днем, очень велико: 33.466 из 220 тысяч, т.-е. свыше 15% рабочих работает более 10 часов в сутки! И тут еще не считается сверхурочная работа.

Далее. Различие длины рабочего дня у односменных и двухсменных рабочих видно их следующих данных, охватывающих только взрослых «рабочих по производству», т.-е. без ремонтных и вспомогательных рабочих, которые составляют 8% общего числа рабочих.

Длина рабочего дня.	Процент рабочих (занятых указанное число часов в сутки).	
	Односменных.	Двухсменных.
До 8 часов	1,3	1,0
От 8 до 9 часов	13,3	81,9
» 9 » 10 »	60,7	14,7
» 10 » 11	15,2	1,4
» 11 » 12 »	9,5	1,0
» 12 и более »	—	—
Итого	100,0	100,0

Отсюда видно, между прочим, что 17% рабочих двухсменных работает б о л ь ш е 9 ч а с о в в сутки, т.-е. больше, чем разрешает даже наш закон 1897 года, справедливо признаваемый г. Ланиным за непомерно отсталый. По этому закону, при двухсменной работе число рабочих часов в сутки не должно превосходить девяти часов — по расчету за 2 недели. А г. Ланин во всех своих расчетах и таблицах берет, именно, период в «2 смежные недели».

Если нарушается так явно вполне определенный и точный закон, то можно себе представить, что делается с большинством остальных постановлений нашего фабричного законодательства.

Среднее число рабочих часов в сутки для одного относительного рабочего (только взрослого и только «рабочего по производству») составляет 9,89 часов. Господствует, значит, д е с я т и - ч а с о в о й р а б о ч и й д е н ь без всякого сокращения, даже по субботам, и не считая сверхурочных работ. Нечего и говорить, что такая продолжительность труда безусловно чрезмерна и не может быть терпима.

Среднее число рабочих часов в сутки для двухсменного рабочего составляет 8,97 часов, т.-с. на практике преобладает требуемый законом в этих случаях девятичасовой рабочий день. Понижение его до восьми часов особенно настоятельно, ввиду того, что при двух сменах «ночью» считается время с 10 часов вечера до 4-х (!!) часов утра, т.-с. на деле весьма и весьма большая часть н о ч и для рабочего признается «д н е м». Девятичасовой рабочий день с превращением ночи в день, с постоянной ночной работой — вот что царит в Московской губернии!

В заключение нашего обзора данных г. Козьминых-Ланина укажем, что средняя продолжительность рабочего года определена им в 270 дней. У текстильщиков же цифра несколько ниже — 268,8 дней, у металлистов немного выше — 272,3 дня.

Разработка этих данных, о продолжительности рабочего года, у Козьминых-Ланина тоже крайне неудовлетворительна. С одной стороны, непомерная, ни с чем не сообразная детализация: мы насчитали целых 130 горизонтальных граф в сводной таблице о продолжительности рабочего года! Данные о числе заведений, рабочих и т. д. приведены здесь отдельно для каждого встречающегося числа рабочих дней (в году), начиная от 22 и кончая 366. Такая «детализация» больше похожа на полную «непереваренность» сырого материала.

С другой стороны, и здесь нет совершенно необходимых сводок ни по числу рабочих на фабриках, ни по различию двигателей (ручные и механические фабрики). Никакой картины по этому, позволяющей понять зависимость длины рабочего года от разных условий, составить себе нельзя. Богатейший материал, собранный автором, пропал вследствие из рук вон плохой сводки.

Значение различия между крупным и мелким производством мы можем—приблизительно и далеко не точно!—проследить даже и по данным автора, если несколько переработаем их. Возьмем четыре главных группы заведений по длине рабочего года: 1) работающие до 200 дней в году; 2)—от 200 до 250; 3)—от 250 до 270 и 4)—270 дней и дольше.

Сводя для каждого из этих разрядов числа фабрик и числа рабочих обоего пола получаем такую картину:

Продолжительность рабочего года.	Среднее число рабочих дней в году.	Число фабрик.	Среднее число рабочих на 1 фабрику.
До 200 дней	96	74	5.676 76
» 200—250 дней	236	91	14.400 158
» 250—270 »	262	196	58.313 297
» 270 и выше	282	450	152.741 339
Итого	270	811	231.130 285

Отсюда ясно видно, что чем крупнее фабрики, тем продолжительнее (в общем) рабочий год. Следовательно, общественно-экономическое значение мелких предприятий еще гораздо меньше в действительности, чем можно судить по доле этих предприятий, например, в общем числе рабочих. Рабочий год в этих

предприятиях настолько короче, чем в крупных, что доля производства в них должна быть совсем ничтожна. А, кроме того, при коротком рабочем году эти фабрики (мелкие) неспособны создать постоянных кадров пролетариата,—значит здесь рабочие более «связаны» землей, вероятно, хуже оплачиваются, менее культурны и т. д.

Крупная фабрика усиливает эксплоатацию, удлиняя рабочий год до максимума и тем создавая совершенно рвущий с деревней пролетариат.

Если бы проследить различия в длине рабочего года в зависимости от технической постановки фабрик (ручные и механические двигатели и т. д.), то можно бы найти, без сомнения, целый ряд интереснейших указаний на условия жизни населения, на положение рабочих, на эволюцию нашего капитализма и т. д. Но автор, можно сказать, и не прикоснулся ко всем этим вопросам.

Он дал только цифры средней продолжительности рабочего года на фабриках различных групп производства. Колебания общей средней получились очень небольшие: от 246 рабочих дней в году в IX группе (обработка минеральных веществ) до 291 рабочих дней в году в XII группе (химические производства).

Различия эти, как видит читатель, гораздо меньше, чем различия продолжительности рабочего года на мелких и крупных фабриках вообще, независимо от того, к какому производству они принадлежат.

Различия по роду производства менее характерны и менее существенны для социально-экономической статистики, чем различия по размерам производств. Это не значит, конечно, чтобы первые различия можно было игнорировать. Но это значит, что абсолютно невозможна осмысленная статистика без учета вторых различий.

«Невская Звезда» № 21

от 12 августа 1912 г.

За подписью В. И.

Кадеты и аграрный вопрос.

В полемике против «Правды» кадеты не могли, как ни старались, обойти вопрос о том, демократическая она партия или либерально-монархическая.

Вопрос этот крайне важный. Он имеет не только общепринципиальное значение, давая материал для выяснения основных политических понятий. Кроме этого, вопрос о сущности кадетской партии, претендующей на руководство всей оппозицией, связан самым неразрывным образом со всеми коренными вопросами русского освободительного движения вообще. Поэтому всякий, кто сознательно относится к избирательной кампании, кто ценит ее значение в деле политического просвещения масс, должен с величайшим вниманием отнестись к этому спору о сущности кадетской партии.

Кадетская «Речь» пытается теперь замять этот спор, заслонить принципиальные вопросы увертками и бранчивыми выходками («ложь», «извращение» и т. п.), вытащить те или иные ругательства, пущенные в ход ликвидаторами против нас в момент наибольшего личного раздражения, вызванного резкими организационными конфликтами. Все это—известные и избитые приемы людей, которые чувствуют свою слабость в принципиальном споре. И поэтому наш ответ кадетам должен состоять в повторном разъяснении принципиальных вопросов.

Каковы отличия демократизма и либерализма вообще? И буржуазный демократ и либерал (все либералы суть буржуазные либералы, но не все демократы суть буржуазные демократы) настроен против старого порядка, абсолютизма, крепостничества, привилегий высшего сословия и т. д., настроен в пользу политической свободы и конституционного «правового» строя. Таково их сходство.

Их различие. Демократ представляет массу населения. Он разделяет мелко-буржуазные предрассудки ее, ожидая, например, от нового, «уравнительного» передела всех земель не только уничтожение всех следов крепостничества (такое ожидание было бы основательно), но и подрыв основ капитализма (что вовсе неосновательно, ибо никакой передел земель не может устранить ни власти рынка и денег, ни власти и всевластия капитала). Но демократ верит в движение масс, его силу, его правоту, нисколько не боясь этого движения. Демократ отстаивает уничтожение в се х средневековых привилегий без всякого исключения.

Либерал представляет не массу населения, а меньшинство его, именно: крупную и среднюю либеральную буржуазию. Либерал боится движения масс и последовательной демократии более, чем реакции. Либерал не только не добивается полного

уничтожения всех средневековых привилегий, а прямо защищает некоторые и весьма существенные привилегии, стремясь к тому, чтобы эти привилегии были разделены между Пуришевичами и Милюковыми, а не были устраниены вовсе.

Либерал защищает политическую свободу и конституцию всегда с урезками (вроде двухпалатной системы и мног. др.)—причем каждая урезка есть сохранение привилегии крепостников. Либерал колеблется таким образом постоянно между крепостниками и демократией; отсюда крайнее, почти невероятное бессилие либерализма во всех сколько-нибудь серьезных вопросах.

Русская демократия, это—рабочий класс (пролетарская демократия) и народники и трудовики всех оттенков (буржуазная демократия). Русский либерализм—партия к.-д., а также «прогрессисты» и большинство национальных групп III Думы.

За русской демократией есть серьезные победы, за русским либерализмом—ни одной. Первая умела бороться, и ее поражения были всегда великими, историческими поражениями всей России, при чем даже после поражения часть требований демократии всегда исполнялась. Второй, т.-е. либерализм, не умел бороться, и за ним нет в русской истории ничего, кроме постоянного, презрительного третирования либералов крепостниками, как холопов барами.

Проверим эти общие соображения и основные принципиальные посылки на кадетской аграрной программе. «Правда» заявила кадетам, что их недемократизм доказывается речами к.-д. Березовского 2-го по аграрному вопросу в III Думе.

Кадетская «Речь» отвечала в № 208: «Речь Березовского 2-го была, как известно, подтверждением программы к.-д. по аграрному вопросу».

Посмотрите, как увертлив этот ответ! Мы заявили, что речь Березовского 1-го *)—образец не демократической постановки вопроса. «Речь» знает прекрасно, что, именно, мы считаем признаком либерализма в отличие от демократизма. Но она и не думает разобрать вопроса серьезно, установить, какие, именно, признаки отличия либерализма от демократизма считает она, «Речь», правильными, проверить, имеются ли на-лицо эти признаки в

*) И «Правда», и «Речь» ошибались, говоря о Березовском 2-м. Кадет есть Березовский 1-й, Александр Елеазарович, симбирский помещик.

речи Березовского 1-го. Ничего этого «Речь» не делает. «Речь» увертывается от вопроса, обнаруживая этим принципиальную слабость и нечистую совесть.

Но отрицать ответственность в с е й кадетской партии за речь Березовского 1-го даже и «Речь» не решилась. Она признала, должна была признать, эту ответственность, назвав речь Березовского 1-го «подтверждением программы к.-д. по аграрному вопросу».

Прекрасно. Вот мы и приведем главные места из этой бесспорно и официально-кадетской речи члена III Думы, А. Е. Березовского, симбирского помещика. Мы рассмотрим, анализируя рассуждения оратора, стоит ли он на демократической или на либеральной точке зрения. И мы посмотрим, удастся ли г.г. кадетам в их обширной прессе или на собраниях опровергнуть нас.

«По моему глубокому убеждению, — говорил в III Думе, в октябре 1908 года, А. Е. Березовский (мы цитируем по стенографическому отчету «России»), — этот проект (земельный проект к.-д.) «гораздо более выгоден и для владельцев земли» (а не только для крестьян), «и я это говорю, господа, зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей. Для культурного земледельческого хозяйства проект партии народной свободы был бы несомненно более полезен, чем теперешний порядок. Не надо выхващивать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им и говорить, что это насилие, а надо посмотреть и оценить, во что выливается то, что предлагается в нашем проекте, и как проводится это принудительное отчуждение....»

Мы подчеркнули эти поистине золотые слова г. А. Е. Березовского, золотые своей редкой правдивостью. Кто припомнит речи и статьи марксистов-большевиков против кадетов во время I Государственной Думы или кто возьмет на себя труд ознакомиться теперь с этими статьями, тот должен будет согласиться, что г. А. Е. Березовский в 1908 году блестяще подтвердил большевиков 1906 года. И мы беремся предсказать, что всякая, сколько-нибудь объективная история трижды подтвердит их политику.

Мы говорили в 1906 году: не верьте з в у к у слов — «принудительное отчуждение». Весь вопрос в том, к т о к о г о принудят. Если помещики принудят крестьян заплатить в тридорога за плохие земли, наподобие пресловутого выкупа 1861 года, то подобное «принудительное отчуждение» будет п о м е щ и ч е с е й реформой, выгодной для помещиков и разорительной для крестьян.

Либералы, кадеты ставили вопрос о принудительном отчуждении, лаура между помещиками и крестьянами, между черносотенцами и демократией. В 1906 году они обращались к демократии, стараясь выдать свое «принудительное отчуждение» за нечто демократическое. В 1908 году они обращаются к «зубрам» III Г. Думы и доказывают им, что надо посмотреть, «во что выливается и как проводится это принудительное отчуждение».

Послушаем же официального оратора к.-д. партии:

«Возьмите проект 42-х членов I Г. Думы,—говорил А. Е. Березовский,—в нем заключалось только» (именно, г. Березовский!) «признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые в известное время должны были выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно земли крестьянам для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались так, что в них была бы половина членов крестьян и половина не-крестьян».

А. Е. Березовский чуточку не договорил. Всякий, кто пожелает справиться с аграрным проектом Кутлера (признанный представитель кадетской партии в аграрном вопросе), напечатанном во II томе кадетского издания «Аграрный вопрос», увидит, что председатели комиссий назначались, по тому проекту, правительством, т.-е. тоже были помещичьими представителями.

Но допустим даже, что А. Е. Березовский более точно выразил взгляды к.-д., чем Кутлер. Допустим, что А. Е. Березовский в се договорил и что кадеты действительно хотят комиссий, составленных из крестьян и «не-крестьян» поровну без представителей классового правительства. Что же? Решится ли кто-нибудь утверждать, что подобный проект есть демократический??

Демократия есть господство большинства. Демократическими могут быть названы только выборы всеобщие, прямые, равные. Демократические комиссии только такие комиссии, которые выбраны в се м населением на основе всеобщего избирательного права. Из общих, основных, азбучных истин демократизма это вытекает так бесспорно, что странно даже разжевывать все это господам кадетам.

На бумаге кадеты признают всеобщее избирательное право. На деле по одному из самых важных вопросов русского освободительного движения, аграрному, они не признают всеобщ-

щего избирательного права! Никакие увертки и оговорки не устранит этого факта, имеющего первостепенное значение.

И не подумайте, что кадеты допускают здесь лишь отступления от принципа всеобщего избирательного права, от принципа демократии. Нет. Они кладут в основу иной принцип, принцип «соглашения» старого с новым, помещика с крестьянином, черной сотни с демократией. Половину одним и половину другим — вот что провозглашают кадеты.

Это и есть как раз типичный принцип колеблющейся либерально-монархической буржуазии. Она хочет не уничтожить и привилегий средневековья, а разделить между помещиками и буржуазией. Разве можно оспаривать в самом деле, что предоставление «не-крестьянам» (т.-е. помещикам, говоря без обиняков) равенства с крестьянами, с $\frac{7}{10}$ населения, есть сохранение и подтверждение средневековой привилегии? В чем же ином состояли средневековые привилегии, как не в том, что один помещик значил в политике столько же, сколько сотни и тысячи крестьян.

Из равенства помещиков и крестьян объективно невозможен никакой иной выход, кроме как раздел привилегий между помещиками и буржуазией. Именно так было дело в 1861 году: помещики уступили $\frac{1}{1000}$ своих привилегий нарождающейся буржуазии, а крестьянская масса была осуждена на полвека ($1861+50=1911$) мучений бесправия, унижения, медленной голодной смерти, выколачивания податей и пр. Надо, кроме того, не забывать, что, уступая в 1861 году $\frac{1}{1000}$ своих политических привилегий буржуазии (земская, городская, судебная реформа и пр.), помещики экономически сами начинали превращаться в буржуазию, заводя винокуренные, свеклосахарные заводы, входя в правления акционерных обществ и т. д.

Мы сейчас увидим, какой же окончательный выход указал сам г. А. Е. Березовский из этого «равенства» ничтожного числа помещиков с громадным числом крестьян. Но сначала мы должны еще подчеркнуть все значение слов Березовского, что эти пресловутые комиссии должны были «выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько и ужно крестьянам земли для их удовлетворения».

Все разговоры о разных «нормах» наделения крестьян и пр. — все это одни пустые слова, которыми, кстати сказать, оглушают

себя и крестьян нередко наши народники-интеллигенты, не исключая и самых «левых». Серьезное значение имеет только один вопрос: все ли земли будут подлежать отчуждению или не все? и в последнем случае: кто будет определять, какие не подлежат? (я уже не говорю о том, кто будет определять размер выкупа, ибо самый выкуп средневековых привилегий есть учреждение либерально-буржуазное, но в корне, в основе абсолютно недемократическое, противодемократическое).

Все, детально разобранные, чиновничьи выглаженные параграфы кадетских земельных проектов—пустая канцелярщина. Серьезный вопрос один: кто будет определять, какие земли и на каких условиях подлежат отчуждению? Самый идеальный законопроект, обходящий этот вопрос, есть одношарлатанство, не более.

Как же решает этот единственный серьезный вопрос г. Березовский? Ясно ведь, что при равенстве крестьян и «не-крестьян» соглашения в большинстве случаев не будет,—да о полюбовном соглашении крепостников с вчерашними крепостными нечего и законы писать. На «полюбное соглашение» с ними крепостники и без всяких законов всегда согласны.

И г. Березовский ясно дал ответ на большой вопрос здравомыслящим Государственной Думы. Слушайте дальше его речь:

«Ввиду этого, этой общей конкретной работой и на местах, конечно, выяснилось бы и количество в о з м о ж н о й» (слушайте!) «для отчуждения земли и количество земли, необходимой для крестьян» (необходимой для чего? Для отбывания повинностей? Так на это крепостники всегда были согласны!) «и, иаконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые» (гм, гм! упаси нас, боже, от барского гнева, от барской любви и от помещичьей «справедливости») «требования. Затем все это прошло бы через Государственную Думу и» (слушайте, слушайте!) «Государственный Совет и после их переработки» (гм! гм!) «дошло бы до окончательной санкции» (т.-е. утверждения закона). «Результатом этой планомерной работы» (уж чего «планомернее»!) «несомненно было бы истинное удовлетворение настоящих нужд населения и связанное с ними успокоение и сохранение культурных хозяйств, которые партия народной свободы никогда без крайней необходимости не желала разрушать».

Так говорил представитель «партии народной свободы», которую, по справедливости, следовало бы назвать партией помещичьего успокоения.

Здесь яснее ясного видно, что «принудительное отчуждение» кадетов есть принуждение крестьян помещики ка-

м и. Кто вздумал бы отрицать это, тот должен доказать, что в Государственном Совете преобладают крестьяне над помещиками! «Равенство» помещиков с крестьянами в начале, а в конце—если полюбовного соглашения не последовало—«п е р е а б о т к а» проекта Государственным советом.

«Культурных хозяйств партия народной свободы без крайней необходимости никогда не желала разрушать»,—заявил г. помещик А. Е. Березовский, наверное считающий свое хозяйство «культурным». А мы спросим: к т о будет определять, ч ь е хозяйство и в каких частях «культурное» и где начинается «крайняя необходимость»? Ответ: это будут определять сначала комиссии из помещиков и крестьян п о р о в и у, а потом Государственный Совет...

Что же? Демократическая ли партия кадеты или контрреволюционная партия либерально-монархической буржуазии? Партия ли это «народной свободы» или помещичьего успокоения?

Русская буржуазная демократия, т.-е. трудовики и народники всех оттенков, сильно грешила тем, что ожидала от перехода помещичьей земли к крестьянам «уравнительности», распространения «трудовых принципов» и т. п., грешила и тем, что пустыми разговорами о разных «нормах» землевладения заслоняла вопрос о том, быть или не быть средневековому землевладению, но эта демократия помогала новому вытеснить старое, а не сочиняла проектов с о х р а н е н и я ряда привилегий за старым.

Нет, отрицать, что кадеты не демократическая партия, а партия контр-революционной, либерально-монархической буржуазии, значит, прямо-таки, издеваться над общеизвестными фактами.

В заключение рассмотрим вкратце один вопрос, который могли бы задать, пожалуй, иные наивные кадеты. Если «принудительное отчуждение» кадетов было принуждение крестьян помещиками, почему большинство помещиков отвергло его?

Ответ на этот вопрос дал, сам того не желая, г. Милюков в речи 1 октября 1908 года в III Государственной Думе, когда он выступал как историк. Историк Милюков должен был признать, что до конца 1905 года и власть, и помещики считали крестьянство консервативной силой. На Петергофском совещании 19—26 июля 1905 года—это совещание подготовило Булыгинскую Думу—столпы будущего совета объ-

единенного дворянства, А. А. Бобринский, Нарышкин и т. д., были за то, чтобы в Думе дать преобладание крестьянам. Витте встал тогда на ту точку зрения, что опорой самодержавия должно быть (и может быть) не дворянство и не буржуазия, а «крестьянская демократия»*).

«Господа,—говорил г. Милюков,—это интересный момент потому, что, именно, в этот момент является у правительства мысль о принудительном отчуждении (Голоса: У Кутлера). Да, Кутлер, господа... Кутлер принял за разработку проекта о принудительном отчуждении.

«...Он работал, господа; работа эта продолжалась, я не знаю, месяцев или два—до конца 1905 года. Она продолжалась беспрепятственно до тех пор, пока не произошли известные московские события, после которых настроение заметно изменилось».

4 января 1906 года съехался съезд предводителей дворянства. Он отверг проект Кутлера, зная его по слухам и частным сообщениям. Он принял свою аграрную программу (будущую «Столыпинскую»). В феврале 1906 года уходит в отставку министр Кутлер. 30 марта 1906 года кабинет Витте (с «крестьянской» программой) сменяет кабинет Гурко-Горемыкина (с «Столыпинской», дворянско-буржуазной программой).

Таковы факты, которые должен был признать историк Милюков.

Из этих фактов вывод вытекает ясный. «Кадетский» проект принудительного отчуждения был проектом министра Кутлера в кабинете Витте, мечтавшего о самодержавии, опирающемся на крестьян! Когда крестьянская демократия шла в гору, ее, эту демократию, пытались подкупить, развратить, обмануть проектом «мирного», «принудительного отчуждения», «второго освобождения», проектом чиновнического «принуждения крестьян помещиками».

Вот что говорят нам исторические факты. Кадетский аграрный проект есть проект министра при Витте «сыграть» в крестьянский цезаризм.

* См. «Отчет фракции народной свободы» за 2-ю сессию III Государственной Думы (Спб. 1909), стр. 43. К сожалению, к великому сожалению, речи Березовского кадеты не перепечатали...

Крестьянская демократия не оправдала надежд. Она показала,—в. I Государственной Думе, еще яснее, пожалуй, чем в 1905 году,—что она с 1861 года стала с о з н а т ь н о й. При таком крестьянстве Кутлеровско-kadетский проект стал бесмыслицей: крестьяне не только не дали бы себя надуть по старому, но использовали бы даже кадетские местные земельные комиссии для организации нового натиска.

Предводители дворянства 4 января 1906 года правильно решили, что проект либеральных помещиков (Кутлера и К-о)—вещь безнадежная, и отбросили его прочь. Гражданская война п е р е р 0 с л а либерально-чиновническое прожектерство. Классовая борьба бросила прочь мечтания о «социальном мире» и поставила вопрос ребром, «либо по-Столыпински, либо по-трудовицки».

«Невская Звезда» № 22
от 19 августа 1912 г.
За подписью В. Фрей.

Плохая защита.

В № 86 «Правды» от 9 августа в статье «Стачечная борьба и заработка плата» *) мы привели данные нашей официальной статистики о средней заработной плате русских фабрично-заводских рабочих за первое десятилетие XX века.

Оказалось, что знаменитой стачечной борьбой 1905 года рабочие повысили свою заработную плату с 206 рублей (в среднем за год одному рабочему) до 238, т.-е. на 32 рубля или на 15,5%.

Наш вывод не понравился казенной газете «Россия». В номере от 15 августа она посвящает передовую статью подробному пересказу приведенных нами данных (при чем почему-то не называет точно газеты, откуда эти данные взяты) и пытается опровергнуть наши выводы.

«Что рабочая плата сделала в 1906 году резкий скачок вверх,—это, конечно, верно,— пишет «Россия»,—но верно также и то, что вместе с этим и в то же самое время сразу поднялись в цене также и все товары и продукты... И «Россия» приводит далее свой расчет, по которому заработка плата поднялась на 20%.

*) См. выше 260—261. стр. этого тома. Ред.

а вздорожание жизни выразилось в 24%. Расчет «России» очень неправилен во всех отношениях. На деле повышение заработной платы менее велико, а вздорожание жизни более значительно.

Но теперь мы не будем исправлять ошибок «России». Возьмем ее цифры... «Они говорят,— пишет «Россия»,— вовсе не за то, чтобы рабочие что-либо выиграли. А, судя по частым их жалобам на трудные времена, скорее даже можно притти к обратному заключению: к тому, что они едва ли выиграли что-либо».

Неправда ли, как странно рассуждает «Россия»? Если заработка плата поднялась менее значительно, чем поднялись цены на жизненные продукты, то, значит, необходимо еще более значительное повышение заработной платы! Неужели это не очевидно?

А каким же образом могут рабочие без экономической борьбы и без стачек добиться повышения заработной платы? Видала ли «Россия» таких капиталистов, которые по случаю повышения цен на жизненные продукты сами предложили бы рабочим повысить их плату?

«Россия» признает, что заработка плата сделала резкий скачок вверх в 1906 году, т.-е. благодаря широкой, массовой, невиданной в мире по упорству, стачечной борьбе. Но цены на продукты стали подниматься раньше 1905 года. Цены на хлеб, например, не понижались в России с 1903 года, а только повышались. Цены на животные продукты не понижались с 1901 года, а только повышались.

Значит исключительно стачечной борьбой добились рабочие того, чтобы заработка плата тоже начала подниматься вслед за поднимающимися ценами на хлеб и другие продукты. Если повышение заработной платы недостаточно,—а это признает даже «Россия»,—то необходимо ее дальнейшее повышение.

«Правда» № 96
от 21 августа 1912 г.
За подписью В.

Ликвидаторы и „единство“.

Иначе, как истерикой, нельзя назвать вышедший на-днях седьмой номер «Невского Голоса». Почти две страницы газеты, вместо рабочей хроники, содержат отборную брань против «Прав-

ды» и «Невской Звезды». Курьезно, что эта брань преподносится под лозунгом «единства» рабочего класса, «единства» избирательной кампании.

Господа,—ответим мы ликвидаторам,—единство рабочего класса великий принцип. Но это, право же, смешно, если вы хотите, крича о «единстве», навязать рабочему классу платформу и кандидатов группы либеральных интеллигентов-ликвидаторов.

«Правда» доказала точными цифрами, что «ликвидаторство» ничто в рабочем движении; что сильно оно только в либеральной интеллигенции» («Правда» № 80, от 1 августа 1912 года). Теперь «Невский Голос», № 7, от 17 августа, бранит эти статьи «Правды», называя их «фельетонными», «хлестаковскими» и т. п. Однакоже тот простой факт, что «Правда» привлекла за полгода 5 0 4 групповых рабочих сбора, а ликвидаторские газеты всего 1 5,—«Невский Голос» и не пытается оспорить.

Какой же вывод можно сделать отсюда, кроме того, что крик, шум, брань и возгласы о единстве, все это—простое прикрытие крайнего и окончательного бессилия ликвидаторов в рабочем классе?

Сколько ни ругай нас «Невский Голос», мы будем спокойно указывать рабочим неопровергимые факты. Посмотрите на сборы, перечисленные в № 7 «Невского Голоса» и собранные за июль и август «на усиление средств газеты» (т.-е.—говоря прямо—на восстановление ликвидаторской газеты, приостановившейся вследствие недостатка поддержки ее рабочими массами). Отчет об этих сборах показывает 52 взноса на сумму 827 руб. 11 к. Из них только два групповых сбора: один от «Московской Инициативной Группы»—35 рублей, другой от «Группы друзей из Парижа»—8 руб. 54 коп. Из остальных же 50 единоличных взносов 35 сделано на сумму 708 рублей, т.-е. в среднем более 20 рублей на каждый взнос.

Пусть сердится и бранится «Невский Голос», но факты остаются фактами. Что «инициативные группы» суть группы ликвидаторов, отколовшиеся от партии рабочего класса, это общеизвестно. Это признал даже Плеханов открыто и прямо еще в апреле 1912 года.

Группа отколовшихся ликвидаторов возобновила, на взносы буржуазных либеральных интеллигентов, свою газету для борьбы

с рабочей печатью!! И эта группа кричит о «единстве»! Ну, как же тут не смеяться?

Против «Правды» выдвинут ряд курьезных обвинений. Послушайте, например!

Пункт 1. «Правда» обвиняется в том, что она—орган фракционный, и что, однако, вела себя вначале не как «рыкающие львы звездистского раскольничества», а «как кроткие агнцы незлобивого примиренчества», а затем изменила характер.

«Невский Голос», очевидно, не понимает, что можно отставать свою политическую точку зрения, не вступая в дрязги и препирательства, например, с ликвидаторами.

Когда «Невский Голос» говорит о «Правде», он стоит за «привлечение всех живых сил рабочего движения» в рабочую газету; а когда речь идет о газете, на руководство которой претендовали сами ликвидаторы, они сами называют привлечение всех живых сил мыслью «вредной, чтобы не сказать реакционной» и «утопичной» (См. «Невский Голос» № 6 и «Наша Заря» № 6, стр. 12 и 17, статью П. Б. Аксельрода).

Неужели же господа из «Невского Голоса» желали бы, чтобы рабочая газета «Правда» проводила утопичную и «вредную, чтобы не сказать реакционную» тенденцию?

Пункт 2. «Правда» не напечатала заявления 100 рабочих Балтийского завода о желательности привлечения к газете «всех живых сил социал-демократического рабочего движения». Спрашивается: могли ли мы печатать резолюцию людей, уклонившихся от моральной ответственности за свои заявления, содержащие клевету против нас? На нашу просьбу указать инициаторов резолюции (для привлечения к третейскому суду)—последовало молчание. Пусть «Невский Голос» напечатает эту резолюцию полностью!

Пункт 3. «Правда» не напечатала постановления собрания из 23 человек, созданного ликвидаторами, о том, чтобы «вести неизбежную вообще полемику в товарищеских формах». Но ведь «Правда» сделала гораздо больше: она вовсе не вела полемики с ликвидаторами. И у кого же должна «Правда» учиться «товарищеским формам»? Не у редакции ли «Невского Голоса»? Послушайте только, в каких «товарищеских формах» говорит «Невский Голос» о статьях «Правды» против кадетов.

Они состоят будто бы

исключительно в пожирании кадетов... в том, чтобы как-нибудь сжечь кадетов... чтобы насильно спарить Милюкова с Пуришкевичем, а Маклакова с Марковым... Скачка за депутатским местом ценой разного рода политических подножек и неуклюжих вывертов... На сухой смоковнице антикадетского удальства».

Предлагаем читателям, судя по «формам полемики», решить вопрос: кого именно «Невский Голос» считает товарищами: «Речь» или «Правду»?

Пункт 4. «Правда» игнорирует резолюцию нашумевшего собрания 400 рабочих, состоявшегося на Гребецкой улице, о нефракционном органе. Не в первый раз ликвидаторы поминают об этой резолюции. Но ведь именно ее-то и окрестил ликвидатор же П. Б. Аксельрод «вредной, чтобы не сказать реакционной» и «утопичной»!

Мы уже добавим: на собрание, устроенное с разрешения полиции, для какой-угодно резолюции можно в таком большом городе, как Петербург, подобрать и больше 400 рабочих. А что же дальше? Вынесли 400 резолюцию и только: «Звезда» тогда же осудила ее; а рабочие понесли пожертвования именно в «Звезду», но не в «Живое Дело». Этим рабочие высказали свою волю достаточно ясно и показали, что их в целом не так-то легко увлечь на путь «вредной, чтобы не сказать реакционной» затеи, даже без предостережений П. Б. Аксельрода.

В заключение остается сказать следующее. От нормальной редакции следовало бы ожидать, что, составляя № 7 газеты, она знает и помнит, что говорила в № 6. Но у ликвидаторов сейчас такая растерянность, что к ним нельзя предъявлять требования что-либо помнить, что-либо соображать. Поэтому и строго относиться к № 7 «Невского Голоса» не следует; лучше будет пожалеть людей, из которых некоторые имеют хорошее прошлое, а иные могли бы быть полезными и в настоящем, если бы не сбились с пути.

И еще более следует пожалеть тех немногих рабочих, которые еще не смогли выбраться из ликвидаторской путаницы.

«Правда» № 99
от 24 августа 1912 г.

Беседа о „кадетоедстве“.

«Правда» и «Невская Звезда» дали суровую, но вполне заслуженную отповедь г.г. Бланку, Коробке, Кусковой и К-о за их грязные либеральные выходки против рабочей печати.

Однако, как ни хороши были ответы «господам, бойкотирующим рабочих», остался еще требующий рассмотрения крайне важный принципиальный вопрос. Г.г. Бланки и Кусковы своей грубой ложью постарались замять, затемнить его. Но мы не должны позволить заслонять принципиальные вопросы, мы должны вскрывать все их значение, вырывать из-под груды Бланковски-кусковских извращений, клевет и ругательств корни интересующего всякого сознательного рабочего разногласий.

Один из таких корней можно выразить словом: «кадетоедство». Прислушайтесь к одиноким, но настойчивым голосам ликвидаторов, к замечаниям не вполне определившейся в партийном отношении публики,— и вы нередко встретите, если не упрек «Правде» и «Невской Звезде», то качание головой по поводу их «кадетоедства».

Рассмотрим же принципиальный вопрос о «кадетоедстве».

Два обстоятельства прежде всего и больше всего объясняют появление такого упрека по адресу «Правды»: 1) непонимание сущности вопроса о «двуих и трех лагерях» в избирательной кампании и в современной политике вообще; 2) невнимание к тем особым условиям, в которые поставлена теперь марксистская печать, газеты рабочей демократии.

Начнем с первого вопроса.

Либералы все стоят на почве теории о двух лагерях: за конституцию и против конституции. От Миллюкова до Изгоева, от Прокоповича до М. М. Ковалевского, все они согласны в этом. И нельзя упускать из виду, что теория двух лагерей вытекает с неизбежностью из классовой сущности всего нашего либерализма.

В чем состоит эта сущность с точки зрения экономики? В том, что либерализм есть партия буржуазии, которая боится движения крестьянских масс, и еще более — движения рабочих, ибо оно способно о г р а н и ч и т ь (теперь же, в ближайшем будущем, без изменения всего капиталистического строя) размеры и формы ее экономических привилегий. А экономическая привилегия буржуазии есть собственность на капитал, приносящая в России в два-три раза больше прибыли, чем в Европе.

Чтобы отстоять эту «русскую» сверхприбыль, надо не допустить самостоятельности третьего лагеря.

Например, буржуазия вполне может господствовать и при 8-часовом рабочем дне. Ее господство будет даже тогда полнее, чище, шире, свободнее, чем при 10 — 11-часовом рабочем дне. Но диалектика классовой борьбы такова, что никогда без крайней необходимости, без последней необходимости буржуазия не заменит спокойного, привычного, доходного (обломовски-доходного) 10-часового рабочего дня 8-часовым.

Сказанное о 8-часовом рабочем дне относится и к Верхней Палате, и к помещичьему землевладению, и ко многому другому.

Буржуазия не откажется от старорусских, спокойных, удобных, доходных форм эксплоатации для замены их только европейскими, только демократическими (ибо демократия, не во гнев будь сказано пылким героям из «Заветов», есть тоже форма буржуазного господства), — не откажется, говорим мы, без крайней, последней необходимости.

Эту необходимость может создать только достигшее известной системы и силы движение масс. И буржуазия, отстаивая свои экономические интересы, борется против такого движения, тоскать против самостоятельности третьего лагеря.

В чем классовая сущность либерализма с точки зрения политики? — В боязни движения тех же социальных элементов, ибо оно способно подорвать ценные буржуазией политические привилегии. Либерализм боится демократии больше, чем реакции. Это доказали 1905, 1906 и 1907 года.

Чтобы отстоять политические привилегии в той или иной их части, нужно не допустить самостоятельности третьего лагеря, — нужно удержать в сю оппозицию на той и только той позиции, которая выражена формулой за или против конституции.

Эта формула выражает позицию исключительно конституционную. Эта формула не выходит из рамок конституционных реформ. Суть этой формулы прекрасно и верно выразил — нечаянно разболтавшийся — г. Гредескул в тех заявлениях его, которые «Речь» без единой оговорки повторила и которые «Правда» недавно воспроизвела.

Суть этой формулы вполне «веховская», ибо ничего больше «Вехам» и не надобно, ничего иного они, собственно, и не про-

поведывали. «Вехи» отнюдь не против конституции, не против конституционных реформ. «Вехи» «только» против демократии с ее критикой всяческого вида конституционных иллюзий.

Русский либерализм оказался достаточно «ловким» политиканом, чтобы назвать себя «демократическим» в целях борьбы с демократией и подавления ее самостоятельности. Таков обычный и нормальный способ действия всякой либеральной буржуазии во всех капиталистических странах: вывеской демократизма обмануть массы, чтобы отвадить их от действительно демократической теории и действительно демократической практики.

А опыт всех стран, и России в том числе, неопровергимо показал, что только такая практика способна дать действительно движение вперед, тогда как либерализм своей боязнью демократии, своими веховски-гредескуловскими теориями неизбежно осуждает себя на бессилие: бессилие русского либерализма в 1861—1904 годах, немецкого либерализма в 1849—1912 годах.

Третий лагерь, лагерь демократии, понимающей ограниченность либерализма, свободной от его половинчатости и дряблости, от его колебаний и боязливых оглядок назад, этот лагерь не может сложиться, не может существовать без систематической, неуклонной, повседневной критики либерализма.

Когда эту критику пренебрежительно или враждебно обзывают «кадетоедством», то при этом сознательно или бессознательно проводят именно либеральные взгляды. Ибо на деле вся критика кадетизма есть тем самым, по одной уже постановке вопросов, критика реакции, критика правых. Наша полемика с либералами,—сказала «Невская Звезда» (№ 12). вполне справедливо,—есть более глубокая и более содержательная борьба с правыми*).

На деле на сто либеральных газет в России едва ли придется одна марксистская, так что говорить о «преувеличении» нами

*.) «Речь» возражает на это: если так, отчего правые сочувственно цитируют «Правду» против «Речи»? «Речь» делает тут передержку: если бы правые давали более сходы «Правде», чем «Речи», это был бы серьезный довод против социал-демократов. Но всякий знает, что дело обстоит как раз наоборот. Свободы у нашей печати во сто раз меньше, чем у «Речи», прочности в тысячу раз меньше, «конституционной» защиты в 10.000 раз меньше. Всякий грамотный человек понимает, что «Россия» и «Новое Время» дразнят «Речь» «Правдой», при чем «Правду» они душат, а против «Речи» ворчат и бралятся. Это «две большие разницы».

критики кадетов просто смешно: мы не делаем еще и сотовой доли необходимого для того, чтобы господствующее в обществе и в народе «обще-оппозиционное» настроение сменилось анти-либеральным, определенно и сознательно демократическим настроением.

Без такой «смены» ничего не бывало и ничему не бывало на Руси толковому и путному.

Обвинения в «кадетоедстве» или пренебрежительные усмешечки по поводу «кадетоедства», не более как *façon de parler*, как способ проведения либеральных взглядов, а когда речь идет перед рабочими или о рабочих, то именно взглядов либеральной рабочей политики.

С точки зрения сколько-нибудь последовательного и продуманного ликвидаторства обвинения в «кадетоедстве» понятны и необходи́мы. Они выражают именно сущность ликвидаторства.

Взгляните в целом на взгляды ликвидаторов, на внутреннюю логику этих взглядов, на их связь и взаимозависимость отдельных тезисов: «свобода коалиций» есть конституционная реформа, — к экономическим стачкам присоединяется «политическое о ж и вление», не более того, — далеко идущая избирательная платформа объявляется «сумасшествием», — задача формулируется, как задача борьбы за открытое существование партии, т.е. опять-таки формулируется как конституционная реформа, — власть в России объявляется уже буржуазной (Ларин), торгово-промышленная буржуазия объявляется уже господствующим классом, — рабочим говорится, что «достаточно» уцепиться за противоречие абсолютизма и конституционализма (Мартов).

В целом это и есть реформизм, это и есть система взглядов либеральной рабочей политики. Дело несколько не меняется от того, что Иван или Петр, защищая эти взгляды (в той или иной их части — ибо ликвидаторство находится в «процессе роста растущих задач»), сами считают себя марксистами.

Не в их добрых намерениях (у кого есть таковые) дело, а в объективности значение их политики, т.-е. в том, что из нее выходит, с и она *prodest*, кому полезна, какую мельницу на деле эта вода вертит.

Это есть отстаивание рабочих интересов на почве, создаваемой «борьбой» (или перебранкой?) либералов с правыми, а не борьба за демократическую, антилиберальную почву обесценивания правых. Ликвидаторы — сторонники рабочих, это несомненно. Но они понимают интересы рабочих так, что от-

стаивают эти интересы в рамках той России, которую сулят построить либералы, а не той России, которую строили вчера и будут строить завтра (строят невидным манером и сегодня) демократы в опреки либералам.

Здесь гвоздь всего вопроса. Новой России еще нет. Она еще не построена. Должны ли рабочие вить себе «классовое» (на деле цеховое) гнездышко в той и такой России, которую строят Милюковы с Пуришкевичами, или рабочие должны сами, по-своему, строить новую Россию вовсе без Пуришкевичей и вопреки Милюковым.

Эта новая Россия будет во всяком случае буржуазной, но от буржуазной (аграрной и не аграрной) политики Столыпина до буржуазной политики Сун-ят-сена—«дистанция приличного размера».

Вся суть переживаемой эпохи в России есть определение размеров этой дистанции.

«Вопреки Милюковым»,—сказали мы. Это «вопреки» и есть «кадетоедство». Поэтому, не боясь слов, мы остаемся и останемся принципиально «кадетоедами», ни на минуту не забывая особых задач рабочего класса и против Милюкова, и против Сун-ят-сенов.

Обвинение в «кадетоедстве» есть лишь (сознательное или бессознательное, все равно) тяготение к тому, чтобы рабочие при построении новой России плелись за Милюковыми, а не вели за собой наших маленьких Сун-ят-сенов вопреки Милюковым.

Нам остается сказать несколько слов о втором обстоятельстве, упускаемом из виду говорящими о «кадетоедстве».

Говорят: почему не развивать положительно своих взглядов? Зачем чрезмерная полемика? Говорящие это рассуждают как будто следующим образом: мы не против особой, вполне отличной от кадетской, линии, — мы не против трех лагерей, — мы лишь против «замены политики полемикой», чтобы употребить одно хлесткое словечко одного друга ликвидаторов.

Ответ говорящих так не труден: во-первых, нельзя развивать новых взглядов иначе, как политически (марксистские же взгляды новы и по времени своего появления и по широте своего распространения сравнительно со взглядами либеральными). Во-вторых, та арена, на которой действуют «Невская Звезда» и «Правда», есть арена исклучительно теоретической марксистской проповеди. Ошибочно было бы принимать эту арену за нечто большее: это только теоретическое «А бе се...», азбука,

теоретический приступ, указание направления работы, но еще не самая работа.

В «положительной» форме давать своих практических выводов марксисты не в состоянии на указанной арене в силу «обстоятельств независящих». Преувеличивать значение этой арены было бы поэтому ошибкой ликидаторской. Самое большее, что здесь возможно, это — указание направления и притом только в форме критики кадетов.

«Новое Время» и «Земщина», дразня кадетов, изображают дело так, что вот вас, кадетов, едят, и ничего больше. «Речь», по очень понятным причинам, делает вид, что она принимает такое «толкование». Коробки и Кусковы, кто по крайней тупости, кто по крайнему «кадетолакейству», тоже делают такой вид.

Но всякий грамотный политический человек прекрасно видит, что марксистское «кадетоедство» решительно по каждому пункту критики кадетов указывает направление иной «оппозиции», если позволено мне будет употребить это неподходящее слово.

Когда марксист «ест» кадета за «богомольные» речи Карапулова, марксист не в состоянии развить своей положительной точки зрения. Но всякий грамотный человек понимает: демократия не может быть демократией, будучи богомольной.

Когда марксист «ест» кадета за речи Гредескула, марксист не в состоянии развить своей положительной точки зрения. Но всякий грамотный человек понимает: демократия не может быть демократией, разделяя взгляды Гредескула.

Когда марксист... но мы никогда бы не кончили, если бы вздумали перебирать таким образом все вопросы и пункты нашего «кадетоедства». Довольно и двух примеров, чтобы вполне выяснить наш тезис относительно второго обстоятельства: обвинения в кадетоедстве есть форма выражения того обычательского, вредного, скверного предрассудка, будто известная арена есть достаточная арена.

Мы останемся «кадетоедами», между прочим, именно для того, чтобы бороться с этим вредным предрассудком.

«Невская Звезда» № 23

от 26 августа 1912 г.

За подписью К. С—ий.

Перепечатано в сборнике:

«Марксизм и ликидаторство», часть II.

В Швейцарии.

В № 63 «Правды», от 12 июля *), мы рассказали читателям о всеобщей стачке в Цюрихе 29 июня (12 июля нового стиля). Напомним, что стачка была решена в опре ки вождям политических организаций. Собрание 425 представителей всех рабочих организаций Цюриха, высказавшееся за стачку, встретило криками «позор!» заявление печатников, которые были против стачки.

В настоящее время в печати появились данные, разоблачающие этот оппортунизм.

Оказывается, политические вожди швейцарских рабочих дошли в своем оппортунизме до прямой измены партии. Именно этими резкими, но справедливыми словами характеризуют лучшие органы швейцарской и германской рабочей печати поведение цюрихских социал-демократов, членов магистрата (городской управы). Цюрихская городская управа, защищая капиталистов, запретила стачечные пикеты (и тогда рабочие решили протестовать однодневной всеобщей стачкой).

В цюрихском магистрате девять членов, из них четыре социал-демократа: Эрисман, Перлюгер, Фогельзангер, Клети.

И вот теперь стало известно, что запрещение пикетов принято было городской управой единогласно, т.-е. Эрисман и его трое коллег социал-демократов голосовали за!!! Цюрихское кантональное правительство требовало от городской управы запрещения пикетов вообще, а четверо премудрых пискарей, то бишь, цюрихских социал-демократов, внесло «компромиссное» предложение запретить пикеты только в окрестностях двух механических мастерских, в которых были прекращены работы.

Конечно, на деле такое частичное запрещение пикетов было именно то, чего требовала буржуазия, и предложение «социал-демократов» (?) было принято буржуазным большинством городской управы!

Мало того. Недавно цюрихская городская управа опубликовала отчет о событиях, связанных с всеобщей стачкой. Капиталисты, мстя за нее, объявили трехдневный локаут. Цюрихская городская управа единогласно, при участии в сех четырех ее социал-демократических членов, приняла решение, что,

*) См. выше 212—214 стр. этого тома. Ред.

для охранения порядка, необходимо подкрепить силы полиции призыва в войска.

Но и это еще не все. Буржуазная городская управа Цюриха неистово обрушилась рядом преследований на тех служащих и рабочих в городских предприятиях, которые участвовали в стачке. 13 рабочих управа прогнала с мест, 116 она подвергла дисциплинарным караам (понижение в должности, уменьшение жалования). Эти решения городской управы были приняты ею тоже единогласно, при участии Эрисмана и его двух коллег. Иначе, как изменой партии, нельзя назвать поведение Эрисмана и К-о.

Нельзя удивляться тому, что анархосиндикалисты имеют известный успех в Швейцарии, если им приходится критиковать перед рабочими такую социалистическую партию, которая терпит в своих рядах подобных оппортунистов-изменников. Измена Эрисмана и К-о именно потому имеет крупное международное значение, что она наглядно показывает нам, откуда и каким образом грозит рабочему движению опасность внутреннего разложения.

Эрисман и К-о вовсе не дюжинные перебежчики в лагерь врага, это—просто мирные мещане, оппортунисты, привыкшие к парламентской «вермишели», подавленные конституционно-демократическими иллюзиями. Наступил острый момент классовой борьбы,—разлетелись сразу в пух и прах иллюзии конституционного «порядка» и «демократической республики»,—растерялись и скатились в болото наши обыватели в должности социал-демократических членов городской управы.

Сознательные рабочие на этом печальном примере могут видеть, к чему должно привести распространение оппортунизма в рабочей партии.

«Правда» № 105
от 31 августа 1912 г.
За подписью П. П.

Еще один поход на демократию.

Позорно знаменитая книга «Вехи», имевшая громадный успех среди либерально-буржуазного общества, насквозь пропитанного ренегатскими стремлениями, вызвала недостаточный отпор и недостаточно глубокую оценку в лагере демократии.

Отчасти это произошло потому, что время успехов «Вех» совпало с таким временем, когда «открытая» печать демократии была почти совсем придушена.

Теперь г. Щепетев в «Русской Мысли» (август) выступает с подновленным изданием «веховщины». Это вполне естественно со стороны органа «веховцев», редактируемого главой ренегатов, господином П. Б. Струве. Но так же естественно будет со стороны демократии, особенно рабочей демократии, если она наверстает теперь хоть немногое из того, в чем она осталась в долгу перед «веховцами».

I.

Г. Щепетев выступает по форме со скромным «письмом из Франции»—о русских в Париже. Но под этой скромной формой кроется на самом деле весьма определенное «обсуждение» русской революции 1905 года и русской демократии.

«У всех еще на памяти,— пишет «веховец»,—этот тревожный (вот как! для кого тревожный, почтеннейший г. либерал?), беспокойный и весь сплошь запутанный 1905 год...»

«Беспокойный и весь сплошь запутанный»! Сколько должно быть грязи и болота в душе у человека, который способен написать такие слова. Немецкие противники революции 1848 года обозвали этот год «безумным» годом. Ту же мысль или, вернее, тот же тупой, подлый испуг выражает российский кадет из «Русской Мысли».

Мы противопоставим ему лишь немногие, наиболее объективные и наиболее «скромные» факты. Заработная плата рабочих повышалась в этот год, как никогда. Арендные цены на землю падали. Всякие формы объединения рабочих—вплоть до прислуки—росли с невиданным успехом. Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России.

Некрасов восклицал в давно-давно прошедшие времена:

...Придет ли времячко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Желанное для одного из старых русских демократов «времячко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более

выгодную торговлю—демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *б а з а р н ы м* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову,—как и всякому порядочному человеку на Руси,—была пропитана сплошь эта новая базарная литература..

... Какое «беспокойство!»—воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидала на д е л е этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю.

И, собственно говоря, ведь это же—«интеллигентское» письмо—проводили «Вехи», под громом aplодисментов Розанова-Нововременца и Антония-Волынского.

Какое позорное зрелище!—скажет демократ из лучших народников. Какое поучительное зрелище!—добавим мы. Как оно отрезвляет тех, кто сантиментально смотрел на вопросы демократии, как оно закаляет все живое и сильное среди демократии, беспощадно отметая гнилые, барски-обломовские иллюзии!

Разочароваться в либерализме весьма полезная вещь для того, кто был когда-либо им очарован. А тот, кто пожелает вспомнить давнюю историю русского либерализма, тот уже в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому увидит точнейший прообраз отношения кадетской партии либеральных буржуа к русскому демократическому движению масс. Либеральная буржуазия в России «нашла себя» или, вернее, нашла свой хвост. Не пора ли демократии в России найти свою голову?

Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты, вроде Щепетева, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии, хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...

«Н е в е р н ы й з в у к»—вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно изде-

вался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости».

Как устарела эта формула в применении к Щепетевым, Гредескулам и прочим *) «веховцам»! Дело теперь совсем не в том, чтобы эти господа применялись к подлости. Куда тут! Они сами, по своему почину, на свой лад, исходя из нео-кантианства и других модных «европейских» теорий, построили свою теорию «подлости».

II.

«Весь сплошь запутанный 1905 год,—пишет г. Щепетев.— Все перемешалось и перепуталось во всеобщей сумятице и бестолковщине».

И по этому пункту мы можем представить лишь немногие теоретические возражения. Мы полагаем, что об исторических событиях надо судить по движениям масс и классов в целом, а не по настроениям отдельных лиц и группок.

Громаднейшую массу населения России составляют крестьяне и рабочие. В чем можно усмотреть «сплошную путаницу и бестолковщину» по отношению к этой массе населения? Совершенно напротив, объективные факты свидетельствуют неопровергимо, что именно в массах населения шла невиданно широкая и успешная разборка, положившая навсегда конец «путанице и бестолковщине».

До этой поры в «простонародье» были действительно «перепутаны и перемешаны» «во всеобщей бестолковщине» элементы патриархальной забитости и элементы демократизма. Об этом свидетельствуют такие объективные факты, как возможность зубатовщины и «гапонады».

Именно 1905 год этой «бестолковщине» положил раз навсегда конец. В истории России не бывало еще эпохи, которая бы с такой исчерывающей ясностью—не словами, а делами—распутывала запутанные вековым застоем и вековыми пережитками крепостничества отношения. Не бывало эпохи, когда бы так отчетливо и «толково» размежевывались классы, опреде-

*) Возразят, пожалуй,—Гредескул, как и Милюков и К-о спорили с «Вехами». Да, но они оставались при этом веховцами. См., между прочим, «Правду» № 85.

ляли себя массы населения, проверялись теории и программы «интеллигентов» действиями миллионов.

Каким же образом бесспорные исторические факты могли получить столь извращенный вид в голове образованного и либерального писателя из «Русской Мысли»? Дело объясняется очень просто: этот веховец навязывает всему народу свои субъективные настроения. Он лично и вся его группа — либерально-буржуазная интеллигенция — оказались в это время в положении особенно «бестолковом», «сплошь запутанном». И свое недовольство, естественно явившееся от этой бестолковщины и от разоблачения массами всей дрянности либерализма, либерал переносит на массы, валя с большой головы на здоровую.

Разве не бестолково, в самом деле, было положение либералов в июне 1905 года? или после 6 августа, когда они звали в Булыгинскую Думу, а народ шел на деле мимо Думы и дальше Думы? или в октябре 1905 года, когда либералам пришлось «бежать петушком» и объявлять забастовку «славной», хотя они вчера еще с ней боролись? или в ноябре 1905 года, когда все жалкое бессилие либерализма выплыло наружу, будучи демонстрируемо столь ярким фактом, как визит Струве у Витте?

Если веховец Щепетев пожелает прочесть книжонку веховца Изгоева о Столыпине, то он увидит, как Изгоеву пришлось признать эту «бестолковщину» в положении кадетов «меж двух огней» в I и во II Государственных Думах. И возникали эта «бестолковщина» и бессилие либерализма неизбежно, ибо не было у него массовой опоры ни в буржуазии вверху, ни в крестьянстве внизу.

Рассуждения г. Щепетева об истории революции в России оканчиваются следующим перлом:

Впрочем, вся эта путаница продолжалась очень недолго. Верхи мало-малу освободились от овладевшего ими почти панического страха и, прия к тому неверному выводу, что добрая рота солдат действительней всей революционной словесности вместе взятой, снарядили «карательные экспедиции» и привели в действие скорострельную юстицию. Результаты превзошли всякие ожидания. В какие-нибудь два-три года революция до такой степени была уничтожена и вытравлена, что некоторые учреждения охранного характера принуждены были местами ее инсценировать...

Если предыдущие рассуждения автора мы могли снабжать хотя некоторыми теоретическими комментариями, то теперь у нас нет и этой возможности. Мы должны ограничиться тем,

чтобы прибить эти достославные рассуждения покрепче к столбу повыше, чтобы их дольше и дальше видеть можно было...

Впрочем, мы можем еще спросить читателя: удивительно ли, что октябристский «Голос Москвы» вместе с националистическим Иудушкиным «Новым Временем» цитировали Щепетева, захлебываясь от восторга? Чем отличается, в самом деле, «историческая» оценка «конституционно-демократического» журнала от оценки названных двух изданий?

III.

Больше всего места занимают у г. Щепетева очерки эмигрантского быта. Чтобы найти аналогию этим очеркам, следовало бы откопать «Русский Вестник» времен Каткова и взять оттуда романы с описанием благородных предводителей дворянства, благородных и довольных мужиков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров.

Г. Щепетев наблюдал (если наблюдал) Париж глазами озлобленного на демократию обывателя, который в первом появлении на Руси массовой демократической книжки сумел усмотреть одно только «беспокойство».

Известно, что каждый видит за границей то, что он хочет видеть. Или иначе: каждый видит в новой обстановке с а м о г о с е б я. Черносотенец видит за границей отменных помещиков, генералов, дипломатов. Охранник видит там благороднейших полицейских. Либеральный российский ренегат видит в Париже благонамеренных консьержек и «деловых» *) лавочников, обучающих русского революционера тому, что у них «гуманитарные и альтруистические чувства слишком уже подавляли запросы личности и часто в ущерб общему прогрессу и культурному развитию всей нашей страны» **).

Лакей душой, естественно, интересуется всего больше царящей в лакейских сплетней и скандалчиком. Идейных вопросов, разбираемых на парижских рефератах и в парижской печати на русском языке, лавочник и консьерж-лакей, разумеется, не замечает. Где ему видеть, что в этой печати поставлены, например, еще в 1908 г., те самые вопросы о социальной сущности З-ьеионь-

*) Стр. 139 статьи г. Щепетева («Русская Мысль» 1912 г., № 8).

**) Стр. 153 там же.

ского режима, о классовых корнях новых течений в демократизме и т. п., которые много позже, уже извращенное, нашли себе дорожку (в урезанном виде) в печать, «охраняемую» усиленной охраной?

Лавочник и лакей, в какие бы «интеллигентские» костюмы ни рядились имеющие такую душу люди, не в состоянии заметить и понять этих вопросов. Если этот лакей называется «публицистом» либерального журнала, то этот «публицист» обойдет полным молчанием великие идеиные вопросы, нигде, кроме Парижа, открыто и ясно не поставленные. Но зато такой «публицист» подробно расскажет вам то, что отлично знают в лакейских.

Он расскажет вам, этот благородный кадет в журнале благороднейшего г. Струве, что из «квартиры одной очень известной в Париже революционной деятельницы» выдворили «не без помощи полиции» несчастную эмигрантку-проститутку,—что на балу с благотворительной целью «безработные» опять устроили скандал,—что переписчик в одном, известном г. Щепетеву, доме «забрал вперед довольно значительную сумму денег и затем стал манкировать»,—что эмигранты «встают в 12 часов, ложатся во 2-м—3-м夜里, весь день гости, шум, споры, беспорядок».

Обо всем этом лакейский журнал кадета г. Струве расскажет вам подробно, с иллюстрациями, со смаком, с перцем — ничуть не хуже Меньшикова и Розанова из «Нового Времени».

«Давай денег, а то морду побью — в такую недвусмысленно-враждебную форму отлились отношения между верхами и низами эмиграции. Правда, формула эта не получила широкого распространения, и «крайнее течение пизов» представилось» (так пишет грамотный кадет в журнале г. Струве!) «всего лишь десятком — двумя весьма сомнительных элементов, быть может, даже направляемых искусственной рукой со стороны...»

Остановитесь на этом рассуждении, читатель, и подумайте о различии лакея обыкновенного от лакея-публициста. Лакей простой,—конечно, в массе, исключая те сознательные элементы, которые уже стали на классовую точку зрения и ищут выхода из своего лакейского положения,—наивен, необразован, часто неграмотен и неразвит; ему простительна наивная страсть перебалтывать то, что всего легче до него доходит, что ему всего понятнее и ближе. Лакей-публицист — человек «образованный», принятый в лучших гостиных. Он понимает, что уголовных шантажистов в эмиграции ничтожнейшее число («десяток-два» на тысячи эмигрантов). Он понимает даже, что этих шантажистов «на пра-

в л я е т, быть может», «и с к у с н а я р у к а»—из чайной союза русского народа.

И, понимая все это, лакей-публицист орудует «по-образованному». О, он умеет замечать следы и показывать товар лицом! Он не продажный писака черной сотни, ничего подобного! Он даже «с а м» указал, что м о ж е т б y tь кое-кто направляет десяток другой шантажистов, но в то же время и м e n n o об этих шантажистах, скандалах, манкировках переписчиков т олько и рассказывает!

Нововременская школа для «п i с a т e л e y» «Русской Мысли» не пропала даром. Нововременец Суворин хвастался, что никогда не получал субсидий,—он т олько «сам умел» попадать в тон.

«Русская Мысль» не получает субсидий—боже упаси! Она т олько «сама умеет» попадать в тон, приятный для нововременцев и для Гучковских «молодцов».

IV.

Да, много тяжелого в эмигрантской среде! В ней и только в ней ставились в годы безвременья и затишья важнейшие принципиальные вопросы всей русской демократии. В этой среде больше нужды и нищеты, чем в другой. В ней особенно велик процент самоубийств, в ней невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых—один большой комок нервов. Может ли быть иначе в среде людей замученных?

Разные люди разным поинтересуются, попадая в эмигрантскую среду. Одних заинтересует открытая постановка важнейших принципиальных вопросов политики. Других заинтересуют рассказы про скандал на балу, про недобросовестного переписчика, про недовольство образом жизни эмигрантов среди консьержек и лавочников... Каждому свое!

А все же, когда испытаешь всю тяжесть измученной, постылой, болезненно-нервной эмигрантской жизни, и когда подумаешь о жизни г.г. Щепетевых, Струве, Головиных, Изгоевых и К-о, то никак нельзя удержаться, чтобы не сказать: какое это безмерное счастье, что мы не принадлежим к этому обществу «порядочных людей»,—к обществу, куда сии лица вхожи, где им подают руку!

В этом «порядочном обществе», наверное, не бывает никаких скандалов. Проститутки не попадают чуть не на положении

товарищей в квартире этих господ. Нет. Они остаются на других квартирах.

Безработные не устраивают скандалов на балах этой публики. Балы у них чинные. У них это разделено: проститутки (из безработных) на одной квартире, а балы на другой. И если они берут себе переписчиков, то никогда не допускают такого разврата, чтобы переписчик забирал вперед деньги, да смел еще манкировать.

Скандалы из-за денег у них невозможны. Около них нет голодной, измученной, изнервленной, готовой к самоубийству публики. А если «миллионы братаются»—сегодня с «наукой» в лице г. Струве и К-о, завтра с депутатским званием в лице г. Головина и К-о,—послезавтра с депутатским и адвокатским званием в лице г. Маклакова и К-о,—то что же в этом скандального??

Тут все сплошь—одно благородство. Если писания г.г. Струве, Гредескулов, Щепетевых и К-о против демократии доставляют удовольствие Рябушинским и т. д., то что же здесь дурного? Ведь Струве не получает субсидии, он «сам» попадает в тон! Никто не может сказать, что «Русская Мысль»—содержанка г.г. Рябушинских. Никому не придет в голову сравнить удовольствие, получаемое г.г. Рябушинскими от неких «публицистов», с удовольствием, которое доставляли в старину помещикам крепостные девки, чесавшие им пятки.

Чем же виноваты, в самом деле, г. Струве или г. Гредескул, Щепетев и т. д., если их писания и речи, в которых они выражают свои убеждения, представляют из себя своего рода чесание пяток российского, озлобленного на революцию, купца и помещика?

Что же скандального в том, что бывший депутат г. Головин обзавелся доходной концессией? Ведь он же сложил с себя звание депутата!! Значит, когда он был депутатом, концессии еще не было, она только подготовлялась. А когда он получил концессию, он перестал быть депутатом. Не ясно ли, что дело это чистое?

Не очевидно ли, что только клеветники могут показывать пальцами на Маклакова? Ведь он защищал Тагиева,—как он сам заявил в письме в «Речи»,—«согласно своим убеждениям»! Невозможны никакие сомнения в том, что ни одна парижская консьержка и ни один парижский лавочник не найдет ровно ничего,—ну, абсолютно ничего предосудительного, неловкого, скандального,—в образе жизни и в действиях всей этой почтенной кадетской публики.

V.

Общее принципиальное рассуждение г. Щепетева заслуживает воспроизведения полностью:

До сих пор, особенно в кругах, причастных к революции, гуманистические и альтруистические чувства слишком уж подавляли запросы личности и часто в ущерб общему прогрессу и культурному развитию всей нашей страны. Стремление к «общественной пользе» и к «благу всего народа» заставляло слишком уж забывать о себе, о своих личных потребностях и запросах, забывать настолько, что самые общественные чувства и стремления не могли быть реализованы в виде положительной (!) творческой и вполне сознательной работы, а фатально приводили к пассивным формам самопожертвования. Да и не только специально в этой области, а и в сфере самых обыденных отношений запросы личности постоянно и всячески угнетались, с одной стороны, «больной совестью», доводившей часто до гипертрофических размеров эту жажду подвига и самопожертвования, с другой—недостаточной оценкой самой жизни, обусловленной низким уровнем нашей культуры. А в результате—постоянная раздвоенность, постоянное сознание неправильности и даже «греховности» своей жизни, постоянное стремление принести себя в жертву, пойти на помощь неимущим и обездоленным, пойти, наконец, «в стан погибающих»,—факт, получивший такое полное и такое яркое отражение в нашей литературе.

Ничего подобного нельзя встретить в воззрениях и нравах французского народа...

Это—комментарий к тем политическим и программным заявлениям г. Гредескула, которые «Речь» без единой оговорочки напечатала и которые «Правда» (№ 85) напомнила, когда «Речь» пожелала забыть их.

Это—продолжение и повторение «Вех». Еще и еще раз можно и должно убедиться на примере этого рассуждения, что «Вехи» только повидимому воюют с «интеллигенцией», что на деле они воюют с демократией, отрекаются целиком от демократии.

Единство «Вех», Гредескула и «Речи» должно быть особенно подчеркнуто теперь, в дни выборов, когда кадеты изо всех сил стараются, играя в демократизм, затушевывать и затирать все действительно важные и коренные принципиальные вопросы политики. Одна из насущных практических задач демократии—поднять эти вопросы на избирательных собраниях,—разъяснить возможно более широкой публике смысл и значение речей г.г. Щепетевых и всех «веховцев»,—разоблачить лицемерие «Речи» и Милюковых, когда они пытаются сложить с себя ответственность

за «Русскую Мысль», хотя пишут в ней члены партии к.-д.

«Споры» с веховцами, «полемика» с ними г.г. Гредескулов, Милюковых и пр. есть только отвод глаз, только лицемерное прикрытие глубокой принципиальной солидарности всей партии к.-д. с «Вехами». Разве можно, в самом деле, «спорить» с основными положениями приведенной цитаты? Разве можно оставаться в одной партии с людьми таких взглядов, не неся полной ответственности за эту проповедь решительного отречения от элементарнейших принципов всякой демократии?

Вопрос затмняют те, кто соглашается ставить его à la «Вехи» в терминах противоположения «индивидуализма» «альtruизма» и т.п.

Политический смысл этих фраз яснее ясного: это—поворот против демократии, это—поворот к контролю ционализму либерализму.

Надо понять, что этот поворот не случайность, а результат классового положения буржуазии. Надо сделать отсюда необходимые политические выводы относительно ясного размежевания демократии от либерализма. Без сознания этих истин, без их широкого распространения в массе населения не может быть и речи ни о каком серьезном шаге вперед.

«Невская Звезда»

№ 24 от 2 сентября

и № 25 от 9 сентября 1912 г.

За подписью В. И.

Дешевые слова.

В Москве происходило недавно торжественное празднование 100-летнего юбилея мануфактурной фирмы Коновалова. Присутствие крупнейших тузов московского купеческого мира, прибытие бывшего министра Тимирязева и председателя знаменитого «Совета съезда» Авдакова, телеграммы от самого Коковцева и т. д.,—все это придало торжеству характер целой демонстрации «мощика капитала».

О рабочих, которые в течение ста лет создавали богатства Коновалова, речи, конечно, не было. Зато о значении и задачах купеческого сословия говорили, за шампанским, так красно и так трогательно, так либерально и так смело...

Послушайте-ка.—Коновалов

настаивал на необходимости развития классового самосознания промышленников, которые при данных общих условиях по-праву должны занять первое место в судьбах страны. В этих целях промышленники должны объединиться не только для отстаивания своих интересов, по и в борьбе за права русского гражданина.

Миллионер Рябушинский тоже заявил, что

русскому купечеству пора занять место влиятельнейшего класса России. Пора с гордостью носить звание русского купца и не гоняться за другими сословными званиями. К сожалению, некоторые купцы увлекаются призраком и из первых купцов делаются последними дворянами.

Вот—образчик дешевых слов, застольного либерализма и хвастовства. Миллионер Рябушинский упрекал отдельных купцов. Да разве в отдельных купцах дело? Вы употребляете словечко «класс», господа тузы, но вы не понимаете его смысла.

Что такое пресловутое «всесильное» российское купечество, как не «последние дворянчики» в системе 3 июня. О «классовом самосознании» можно говорить только тогда, когда ясно сознаны политические задачи класса. А политическая программа либерала, «прогрессиста» Рябушинского есть пожелания коленопреклоненного «последнего дворянчика» в помещичьей Думе!

«Правда» № 114
от 11 сентября 1913 г.
За подписью Б. Б.

По поводу письма Н. С. Полянского⁵⁰).

Письмо из деревни Н. С. Полянского, помещенное в настоящем номере «Правды», ставит очень интересный вопрос. Было бы желательно, чтобы сами крестьяне почаше высказывались по этому вопросу.

Со своей стороны, мы считаем необходимо отметить следующее.

Н. С. Полянский вполне прав, что только «досужий бездельник» может считать волостной сход дураками. Только сами крестьяне могут решить, какая форма землепользования и землевладения удобнее в той или другой местности. Всякое вмешательство закона или администрации в свободное распоряжение крестьян землей есть остаток крепостного права. Ничего, кроме

вреда для дела, кроме унижения и оскорблений крестьянина, от такого вмешательства быть не может.

Крестьянин-рабочий в своем письме в № 38 «Правды» пре-восходно показал, какая бессмысленная волокита получается от такого вмешательства.

Теперь посмотрим, как должны смотреть на вопрос: хутор или община?—десятки миллионов людей, которые вечно трудятся и вечно подвергаются эксплоатации.

Этим людям совсем не о том приходится думать, чтобы выби-рать, хутор или община. Им надо думать о том, кто их эксплоа-тирует, как облегчить и уничтожить эту эксплоатацию.

Например, в Европейской России у 30.000 крупнейших поме-щиков 70.000.000 десятин земли, и столько же земли у 10.000.000 беднейших крестьян. Будут ли эти крестьяне сидеть на хуторах или в общинах, от этого их нищенское житье не изменится ни на волос. Если у меня семья десятин плохой земли на семью, а у помещика ря-дом 2.000 десятин прекрасных земель, то будет ли хутор, будет ли община,—все равно выйдет почти как при крепостном праве.

Голодному человеку глаза отводят разговорами: хутор или община, пирог с кашей или пирог с капустой. А едим мы лебеду, живем на болотце или на песочке, за водопой, за выпас и за пашню на барщину ходим.

Посредством хуторов хотят создать «маленьких помещиков»—для защиты больших помещиков. Но миллионы и десятки миллионов крестьян от этого только еще сильнее голодать будут.

В Западной Европе сельское хозяйство развилось действи-тельно быстро и успешно только там, где всякие остатки крепостнического гнета были до конца уничтожены.

В странах, действительно свободных, где хорошо поставлено земледелие, осталась только одна сила, которая давит крестьянина и рабочего,—сила капитала. Против этой силы может помочь только одно: свободный союз наемных рабочих и разоренных крестьян. Из таких союзов вырастает новый общественный поря-док, когда возделанные земли, искусственные машины, пар и электри-чество будут служить для улучшения жизни самих трудящихся, а не для обогащения горстки миллионеров.

«Правда» № 118

от 15 сентября 1912 г.

За подпись Фр.

„Позиция“ г. Милюкова.

Вождь кадетской партии заблудился в трех соснах. Он пишет статьи меньшиковской длины о «трех позициях», об «одной позиции» и, чем больше пишет, тем яснее становится, что он заговаривает читателя, заслоняет суть дела скучной и пустой болтовней.

Бедный ученый историк! Ему приходится прикидываться, что он не понимает разницы между либерализмом и демократией. Вся суть дела в этой разнице, господа! И в думских голосованиях вообще, и в отношениях к «реформам», и в голосованиях за бюджет, и в вопросе о «внепарламентской тактике» проявляется в различных формах одинаковая суть дела, глубокая разница между либерально-монархической буржуазией и демократией.

В тысяча и первый раз повторим вкратце «непонимающим» г.г. Милюковым, в чем эта разница.

У либералов — зашиграя ряда феодально-абсолютических привилегий (вторая палата и т. д.). У демократии — непримиримая борьба со всеми привилегиями.

У либералов — соглашение с силами старого в общественной жизни; у демократии — тактика устранения этих сил.

У либералов — боязнь самодеятельности масс, неверие в нее, отрицание ее; у демократии — сочувствие, вера, поддержка, развитие этой самодеятельности.

Довольно пока и этого.

Неужели г. Милюков в самом деле «не понимает» этой разницы, известной даже из учебников истории?

Неужели он «не понимает», что уже программа кадетов есть программа не демократов, а либерально-монархической буржуазии, что только либералы, и плохие либералы, могли в III Думе голосовать за бюджет, могли объявить себя оппозицией лояльной? и т. д.

Г. Милюков прекрасно понимает это и «заговаривает зубы», прикидываясь, что он забыл азбуку отличия либерализма от демократии.

Чтобы закрепить в печати это жалкое увиливание кадетов, заметим г. Милюкову, что во всей официальной печати социал-демократов (не считая, конечно, ликвидаторов, которых

мы охотно отдалим г. Милюкову), во всех резолюциях руководящих инстанций с.-д., во всей линии третьедумских социал-демократов мы всегда и постоянно, в тысячах форм встречаем защиту старой тактики, от которой социал-демократы, по словам г. Милюкова, якобы отказались.

Это—бесспорный исторический факт, г. ученый историк!

Мы должны закрепить в печати, до чего низко пали кадеты, если они пробуют обмануть публику по столь элементарным и твердо установленным историей политических партий в России вопросам.

В заключение маленький вопрос г. Милюкову,—чтобы подытожить и кратко повторить сказание,—когда вы, г.г. кадеты, согласились исключить Войлошникова на пять заседаний, вы действовали как либералы или как демократы?

«Правда» № 136
от 6 октября 1912 г.
За подписью В. И.

О лисе и курятнике.

Вопрос о балканской войне⁵¹) и об отношении к ней «Европы»— самый животрепещущий вопрос современной политики. Для всей демократии вообще, а для рабочего класса в особенности, важно понять, какие классовые интересы руководят при этом той или иной партией.

Политика октябрьистов, националистов, беспартийных «патриотов», от «Нового Времени» до «Русского Слова», ясна и проста. Травля Австрии, наусыкивание на войну с ней, крики о «славянских задачах» России—все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и «урвать кусок» Турции. Поддержка реакции внутри и колониального, империалистского грабежа во вне—такова суть этой грубой «патриотической» «славянской» политики.

Политика кадетов более тонко и дипломатично подкрашена, но, в сущности, их политика—то же реакционная, великороджавная политика империализма. Это особенно важно усвоить, ибо либералы хитро запрятывают свои взгляды посредством демократически звучащих фраз.

Посмотрите на «Речь». Сначала—до «любовного свидания» Милюкова с Сазоновым—Сазонову делались упреки за «сговор-

чивость», националистам делались упреки за ослабление «великой идеи» взятия Константинополя. Теперь, после свидания, «Речь» согласна с «Россией» и усиленно бранит «бестолковый задор» «Нового Времени».

Но какова теперь политика «Речи»? Не надо

начинать с гордых требований, ибо тогда мы потеряем поддержку (Франции и Англии) и кончим тем, что поневоле станем даже скромнее, чем следует (275)!!

Итак, «Речь» потому против шовинистов, что «они кончат скромнее, чем следует». То есть вы, де, шовинисты, хвастаете и урвете шиш. А мы—за то, чтобы мирно и тихо, с поддержкой буржуазии французской и английской, урвать куш!

Поддержку (тройственного соглашения) «нам надо иметь в интересах тех же наших балканских протеже»,—пишет «Речь». Заметьте это: «Речь» тоже за «протежи и рованием» славян Россией, за охрану курятника лисой, но за более хитрую охрану!

Все, чего можно добиться, лежит, именно на этом единственном пути—совместной работы европейской дипломатии,—заявляет «Речь».

Дело ясное: суть политики кадетов—тот же шовинизм и империализм, что у «Нового Времени», только похитрее, потоньше. «Новое Время» грубо и глупо грозит войной от имени одной России. «Речь» «тонко и дипломатично» грозит тоже войной только от имени тройственного соглашения, ибо сказать: «не надо быть скромнее, чем следует», значит именно грозить войной. «Новое Время»—за протежирование славян Россией, «Речь»—за протежирование славян тройственным соглашением, т.-е. «Новое Время» за одну нашу лису в курятнике, а «Речь» за соглашение трех лис.

Демократия вообще, а рабочие в особенности, против всякого «протежирования» славян лисами и волками и за полное самоопределение народов, за полную демократию, за освобождение славян от всякого протежирования «великими державами».

Либералы и националисты спорят о разных способах ограбления и порабощения балканских народов буржуазией Европы. Только рабочие ведут политику истинной демократии—за свободу и демократию везде и до конца против всякого «протежирования», грабежа и вмешательства!

«Правда» № 146
от 18 октября 1912 г.
За подписью В. И.

Кадетский профессор.

Один из кандидатов кадетской партии г. профессор Туган-Барановский принадлежит к числу тех российских экономистов, которые в молодости были почти-марксистами, а затем быстро «поумнели», «подправили» Маркса обрывками буржуазных теорий⁵²⁾ и за великие ренегатские заслуги обеспечили себе университетские кафедры для ученого одурачивания студентов.

На днях в газете «Речь» развившийся из марксиста в либерала г. Туган преподнес, по злободневному вопросу о дороживании жизни, следующее рассуждение:

С моей (?) точки зрения, основная (вот как!) причина вздорожания жизни совершенно ясна. Это—огромный рост населения, и притом преимущественно городского. Рост населения вызывает переход к более интенсивным приемам обработки, что, по известному закону падающей производительности сельско-хозяйственного труда, приводит к возрастанию трудовой стоимости единицы продукта.

Г. Туган любит кричать: «я», «моя». На деле он повторяет обрывки давно опровергнутых Марксом буржуазных учений.

«Известный закон падающей производительности» есть старый буржуазный хлам, служащий для оправдания капитализма в руках невежд и наемных ученых буржуазии. Маркс давно опроверг этот «закон», сваливающий вину на природу (дескать, падает производительность труда,—ничего тут не поделаешь!), тогда как на деле вина лежит в капиталистическом общественном устройстве.

«Закон падающей производительности сельско-хозяйственного труда» есть буржуазная ложь. Закон роста ренты, т.-е. доходов собственников земли, при капитализме есть правда.

Одна из причин дороживания жизни—монополия на землю, т.-е. нахождение ее в частной собственности. Землевладельцы берут поэтому все большую дань с повышающейся производительности труда. Только организация рабочих для отстаивания своих интересов, только устранение капиталистического способа производства положат конец дороживанию.

Одни лишь прислужники буржуазии, вроде кадета г. Тугана, могут защищать сказку про «закон» падающей производительности сельско-хозяйственного труда.

«Правоа» № 147
от 19 октября 1912 года.
За подписью В. И.

Кадеты и националисты.

Когда мы указывали на то, что кадеты в основе своих взглядов являются национал-либералами, что они вовсе не демократы и ставят национальный вопрос,—нам отвечала «Речь» сердито и высокомерно, обвиняя нас в незнании и искажениях.

Вот документ, один из многих. Пусть судят читатели и избиратели.

18 октября у г. М. М. Ковалевского было второе собрание «кружка лиц, интересующихся славянским вопросом». Читалось обращение к обществу, подписанное Е. Аничковым, Каравеевым, Л. Пантелеевым (был кандидатом от кадетов), Г. Фальборком, затем, конечно, г. М. М. Ковалевским и др.

Не пожелает ли «Речь» увильнуть от ответственности за Каравеева, Пантелеева и К-о?

Обращение либералов к обществу сводится к тому, что **русское сердце в общем подъеме...** бьется сочувствием к славянам и на **даждьбой, что русское национальное самосознание поможет** обеспечить за ними плоды их побед.

Чем же это отличается от национализма и шовинизма «Нового Времени» и К-о? Только белыми перчатками, да более дипломатически осторожными оборотами. Но шовинизм и в белых перчатках и при самых изысканных оборотах речи отвратителен.

Демократия никогда не будет говорить об «общем подъеме», когда рядом (и наверху!) стоят националисты русские, всячески угнетающие ряд народов.

Демократия никогда не потерпит, чтобы противополагался просто славянин турку, когда противополагать надо славянского и турецкого крестьян в месте славянским и турецким помещикам и башибузукам.

Демократия никогда не допустит, чтобы самосознание сторонников свободы и врагов угнетения во всех народностях подменялось «русским национальным самосознанием», — при угнетении и травле поляков, евреев, «инородцев» вообще.

Ни один честный демократ, ни один искренний сторонник угнетенных народностей не должен голосовать за кадетов!

«Правда» № 151
от 24 октября 1912 г.
За подписью В. И.

Ужасы войны.

Воюющие стороны изо всех сил скрывают от «посторонних», т.е. от всего света, то, что происходит на Балканах. Корреспондентов обманывают, задерживают и лишь много времени спустя после окончания битв пускают на поле сражения.

Только исключительные обстоятельства позволяют поэтому изредка узнавать правду про войну. Видимо, такие исключительные обстоятельства помогли корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle», господину Доноугоэ (Допохое). Ему удалось присутствовать, в турецкой армии, при битве у Люле-Бургаса; затем он доехал на автомобиле до Константина, оттуда морем до Констанцы (Румыния). Из Констанцы он мог свободно телеграфировать в Лондон.

Поражение турок было ужасно. Их пало до 40.000 (!) человек. Катастрофа не менее мукаденской, — пишет англичанин. Три четверти артиллерийских орудий турок досталось болгарам. Болгары подпускали турок совсем близко, давали им начать рукошницу, — затем быстро отступали и... пулевые костили турок сотнями, тысячами.

Отступление турок превратилось в беспорядочное бегство одурелых, голодных, измученных, обезумевших толп. Автомобиль корреспондента застрял в толпе бегущих. Голодные турки просили у него хлеба. Приходилось самому делать перевязки. Врачей мало. Перевязочных материалов нет. Припасов нет. «Я был свидетелем многих военных походов, — пишет англичанин, — но такого ужасного бедствия, такого избиения

массами голодных, истерзанных, измученных, беспомощных крестьян из Анатолии (Азиатская Турция) я никогда и не воображал себе».

«Правда» № 155
от 28 октября 1912 г.
За подписью В. Фр.

Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов.

Революционный подъем в России явственно сказался в первой половине 1912 года. Число политических стачечников, по подсчетам фабрикантов, достигло за пять месяцев 515.000 человек. О том, каковы были лозунги этих стачечников, каковы были их требования, каково было политическое содержание их демонстраций, митингов и т. д., свидетельствует особенно важный документ, полностью перепечатанный в № 27 Ц. О., именно, майское взвывание петербургских рабочих ⁵³⁾.

Не с реформистскими лозунгами выступили петербургские рабочие в эти памятные дни, а с лозунгами революционной социал-демократии: Учредительное Собрание, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель, свержение царского правительства, демократическая республика.

Восстания и попытки восстания солдат и матросов в Туркестане, в Балтийском флоте и на Черном море дали новое обективное подтверждение того, что в России начался, после долгих лет разгула, контр-революции и затишья в рабочем движении, новый революционный подъем.

С этим подъемом совпало время выборов в IV Государственную Думу, когда всем партиям, всем политическим направлениям пришлось выступить так или иначе с общей оценкой политического положения. И вот, если мы хотим серьезно анализировать наши политические задачи, как задачи рабочего класса, а не как благопожелания группок, если мы хотим по-марксистски проверять программы и платформы, сличая их с фактами массовой борьбы и выступления всех классов данного общества, то мы должны именно на оселке этого революционного подъема масс испробовать, испытать также и различные избирательные платформы. Ибо для социал-демократии

выборы — не особая политическая операция, ловля мандатов ценой каких-угодно обещаний или заявлений, а лишь особый повод агитации за основные требования и за основы политического миросозерцания сознательного пролетариата.

Программы и платформы всех правительственные партий, от черной сотни до Гучкова, не вызывают никаких сомнений. Контр-революционность тут явная, открыта. Отсутствие всякой сколько-нибудь серьезной поддержки у этих партий не только в рабочем классе и крестьянстве, но даже в широких слоях буржуазии — общезвестно. От октябристов эти последние слои отвернулись почти совершенно.

Программы и платформы либерально-буржуазных партий частью опубликованы почти официально (платформа мусульманской группы), частью известны вполне точно из «большой» политической прессы (платформы «прогрессистов», кадетов). Суть всех этих программ и платформ бесспорно выражил разболтавшийся кадет Гредескул в заявлениях, перепечатанных «Речью», а оттуда попавших в марксистскую печать.

«Публичное отрицание надобности в новой революции в России», — вот как сам г. Гредескул формулировал свои взгляды (ср. «Социал-Демократ» № 27, стр. 3), и он же противопоставил революционерам действительную платформу либерализма (с кадетами во главе): «нужна лишь спокойная, настойчивая и уверенная конституционная работа».

Мы подчеркиваем слова: действительная платформа, ибо и в России, как во всех буржуазных странах, большинство платформ есть показные платформы.

Суть же дела именно в том, что признал (в редкую минуту припадка правдивости) г. Гредескул. Либерально-монархическая буржуазия против новой революции, отстаивая лишь конституционные реформы.

Социал-демократия последовательно, буржуазная демократия (народники) с колебаниями отстаивают «надобность» новой революции, пропагандируя таковую. Подъем массовой борьбы начался. Революционные социал-демократы стараются его расширить и укрепить, помогая ему развиться еще выше, до стадии революции. Реформисты же рассматривают подъем лишь «как оживление», их политика есть политика, направленная к достижению конституционных уступок, конституционных ре-

форм. Буржуазия и пролетариат вступили, следовательно, и на этом «этапе» русской истории в борьбу из-за влияния на «народ», на массы. Никто не может предсказать исхода борьбы, но также никто не может усомниться, какое место должна занять Р. С.-Д. Р. П. в этой борьбе.

Так и только так можно подходить к оценке избирательной платформы партии — и той избирательной платформы, которую на днях выпустил «Организационный Комитет», выбранный ликвидаторской конференцией.

Избирательная платформа партии, изданная Центральным Комитетом после январской Конференции, составлена до апрельско-майских событий⁵⁴⁾. Эти события подтвердили ее правильность. Всю платформу пронизывает одна мысль: критика безнадежности, утопичности конституционных реформ в современной России, и пропаганда революции. Лозунги платформы взяты именно так, чтобы с полнейшей ясностью выразить революционные задачи и сделать совершенно невозможным смешение их с посулами конституционных реформ. Платформа партии такова, что она представляет собой прямое обращение революционного социал-демократа к сотням тысяч политических стачечников, к передовикам миллионного мужицкого войска, которым разъясняются задачи восстания. Революционная партия не может и мечтать о лучшей проверке своей платформы, о лучшем подтверждении ее жизнью, как этот прямой отклик майских забастовок и июньско-июльских военных попыток восстания⁵⁵⁾ на разъяснения партии.

Взгляните на платформу ликвидаторов. Ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить и показаться даже «примирением» ликвидаторов с партией. Но самое небольшое внимание быстро рассеет такой самообман.

Платформа ликвидаторов писана после майских стачек и летних попыток восстания. И мы прежде всего спрашиваем, ища делового реального ответа на вопрос о сути этой платформы: как оценила она эти стачки и эти попытки?

«Экономический подъем...» «ростом своего стачечного движения пролетариат отметил грядущее наступление нового общественного подъема...» «могущественное апрельское движение пролетариата с требованием свободы коалиций», — вот все,

сказанное ликвидаторами в платформе об апрельско-майских стачках.

Но ведь это же неправда! Это—вопиющее извращение дела! Здесь опущено главное, именно, революционный характер политической стачки, направленной как раз не к завоеванию одной из конституционных реформ, а к свержению правительства, т.-е. к революции.

Как могло быть, что в нелегальной, революционной, полной «красных» фраз прокламации сказана такая неправда?—Это должно было быть, ибо так смотрят либералы и ликвидаторы. Они видят в стачках то, что им хочется видеть,—борьбу за конституционные реформы. Они не видят того, чего не хотят видеть, т.-е. революционного подъема. За реформу мы, либералы, хотим бороться, за революцию нет,—вот та правда классовой позиции, которая нашла себе выражение в неправде ликвидаторов.

Про попытки восстания мы читаем: «...солдат в казарме насилием, унижениями, голодом доводят до вспышек отчаянного протesta, а затем усмиряют свинцом, веревкой» и т. д. ...

Это—либеральная оценка. Мы, революционные социал-демократы, в попытках восстания видим начало восстания масс, начало неудачное, несвоевременное, неправильное, но мы знаем, что масса учится успешному восстанию лишь на опыте неуспешных,—подобно тому, как русские рабочие рядом неуспешных и иногда особенно неудачных политических стачек 1901—1904 годов научились удачной стачке октября 1905 года. Рабочие и крестьяне, наиболее забитые казармой, начали восставать,—говорим мы. Отсюда ясный и прямой вывод: им надо разъяснить, во имя чего и как следует готовить успешное восстание.

Либералы судят иначе: солдат «доводят» до «вспышек отчаянного протesta», говорят они. Для либерала—повстанец—солдат не субъект революции, не первый вестник восстающей массы, а объект правительственного зла («доводят до отчаяния»), служащий для демонстрации этого зла.

Посмотрите, как плохо наше правительство, когда оно доводит солдат до отчаяния и потом усмиряет свинцом,—говорит либерал (вывод: вот ежели бы мы, либералы, были у власти, у нас бы не было солдатских восстаний).

Посмотрите, как назревает революционная энергия в глубоких и широких массах,—говорит социал-демократ,—если даже забитые казарменной мушткой солдаты и матросы начинают восставать и, восставая плохо, учат восстанию успешному.

Вы видите: ликвидаторы «разъясняют» (в сенатском значении слова разъяснить) весенний и летний революционный подъем в России.

Они «разъясняют» вслед за этим программу нашей партии.

В программе Р.С.-Д.Р.П. стоит:

«...Р.С.-Д.Р.П. ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечила бы: 1) самодержавие народа...» и т. д.,—следует перечень «свобод» и «прав».

Казалось бы, этого нельзя не понять? «Ближайшая» задача низвержения самодержавия и замена его республикой, которая обеспечивает свободы.

Ликвидаторы все это переделали.

«...Социал-демократия,—читаем в их платформе,—призывает народ бороться за демократическую республику...

«...Стремясь к этой цели, осуществить которую народ сможет лишь в результате революции, социал-демократия в настоящей избирательной кампании (слушайте!) зовет трудящиеся массы сплотиться вокруг следующих очередных требований: 1) всеобщее и т. д. избирательное право... при выборах в Государственную Думу» и т. д.

Эс-эрсовский ликвидатор г. Пешехонов писал осенью 1906 года, когда он основывал «открытую партию» (и чуть-чуть не основал... только полиция помешала, в кутузку забрала!),—что республика есть «уходящая в даль перспектива», что «вопрос о республике требует крайней осторожности», что очредные требования теперь—реформы.

Но эс-эрсовский ликвидатор был наивен, прост, аляповат и говорил без обиняков. Разве «европейские» оппортунисты так поступают? Нет, они хитрее, ловчее, дипломатичнее...

Они не отказываются от лозунга республики,—какая клевета! Они только «разъясняют» его надлежащим образом, руководясь очевидными для всякого обывателя соображениями. Будет революция или не будет, это еще вопрос,—говорит обыватель по-просту,

и повторяет Троцкий по-ученому в «Нашей Заре» (№ 5, стр. 21). Республика «лишь в результате революции», а «в настоящей избирательной кампании» «очередными» являются конституционные реформы!

Все вышло так гладко: республика и признана—и отодвинута вдаль. Преволюционных слов наговорено с три короба,—а на деле «в настоящей избирательной кампании» (платформа вся пишется только для этой настоящей кампании!) «очередными» вытравлены требования реформ.

Да, да, большие «дипломатических дел мастера» сидели на ликвидаторской конференции... И мизерные же эти мастера! Но если кружковых дипломатов они приведут в восторг, если «простачка-примиренца» они собьют с толку, то марксист будет им держать иные речи.

Обыватель удовлетворяется той бесспорной, святой и простой истиной, что нельзя знать наперед, будет революция или нет. Марксист не удовлетворяется этим; он говорит: наша пропаганда и пропаганда всех социал-демократических рабочих входит одним из определителей того, будет революция или нет. Сотни тысяч политических стачечников, передовики различных частей войска спрашивают нас, нашу партию, к чему им идти, во имя чего восставать, чего добиваться, расширять ли начавшийся подъем до революции или направлять его к борьбе за реформы?

Революционная социал-демократия дала ответ на эти вопросы, немножко более интересные и важные, чем обывательски-троцкистское «ковыряние в носу»: будет революция или не будет, кто же ее знает?

Наш ответ: критика утопичности конституционных реформ, разъяснение ложности надежд на них, всестороннее и всемерное содействие революционному подъему, использование для этого избирательной кампании. Будет революция или не будет,—зависит не только от нас. Но мы свое дело сделаем, и это дело не пропадет никогда. Оно посеет в массы глубоко семена демократизма и пролетарской самостоятельности, и семена эти обязательно дадут ростки, завтра ли в демократической революции или после-завтра в социалистической.

Те же, кто массам проповедует свой пошлый, интеллигентский, бундистско-троцкистский скептицизм: «будет ли революция или нет, неизвестно, а на «очереди»—реформы»,—те

с е й ч а с у ж е развращают массы, проповедуют массам либеральные утопии.

Вместо того, чтобы избирательную кампанию пропитать духом той, данной, реальной, «настоящей» политической обстановки, когда полмиллиона рабочих идет на революционные стачки, когда передовики мужицкого войска стреляют в дворянчиков-офицеров,—вместо этого они отодвигают от своих якобы «европейских» (они ведь у нас такие европейцы, такие европейцы, эти ликвидаторы!) «парламентских» соображений эту реальную обстановку (в которой очень мало «европейского» и очень много «китайского», т о-е с т ь демократически-революционного) и, отодвигая ее от себя посредством нескольких, ни к чему не обязывающих фраз,—они насто я щ ей избирательной кампанией объявляют реформистскую!

Социал-демократической партии платформа выборов в IV Думу нужна для того, чтобы еще раз и по поводу выборов, и по случаю выборов, и в спорах о выборах разъяснить массам и е о б х о д и м о с т ь, на с у щ н о с т ь, н е и з б е ж н о с т ь революции.

Им, ликвидаторам, платформа нужна «для» выборов, т.-е. для того, чтобы соображения о революции вежливо отодвинуть, как одну из неопределенных возможностей, а «настоящим» объявить избирательную кампанию во имя перечня конституционных реформ.

Социал-демократическая партия хочет использовать выборы для того, чтобы на т о к и н у т ь еще и еще раз массы на мысль о необходимости революции, о начавшемся именно революционном подъеме. Поэтому социал-демократическая партия своей платформой кратко и ясно говорит избирателям в IV Думу: Н е конституционные реформы, а республика, н е реформизм, а революция.

Ликвидаторы используют выборы в IV Думу для проповеди конституционных реформ и ослабления мысли о революции. Для этого поэтому солдатские восстания изображаются как «вспышки отчаянного протesta», до которых «довели» солдат, а не как начало массового восстания, которое будет расти или глохнуть, между прочим, и от того, начнут ли его сейчас же изо всех сил, со всей энергией, со всем энтузиазмом поддерживать все социал-демократические рабочие России.

Для этого «разъяснены» майские стачки из революционных в реформистские.

Для этого «разъяснена» партийная программа, и вместо «ближайшей» задачи создать республику, обеспечивающую свободы, предписано «в настоящую избирательную кампанию» очредны ми — это для IV Государственной Думы, не шутите! — считать требования различных свобод.

Как много старо-китайского в русской жизни! Как много старой китайщины в нашем царизме и как много ее в наших ликвидаторах, желающих подставить «церемонии» парламентской борьбы и реформизма в обстановку Пуришкевичей и Трещенковых наверху и революционных попыток масс внизу! Как много старо-китайского в этих потугах интеллигентов защититься от Хвостовых и Макаровых предъявлением рекомендательного письма от Макдональда и Жореса, от Биссолати и Бернштейна, от Кольба и Франка!..

Дипломатическое «примирение» ликвидаторских взглядов с партийными, разыгранное Троцким на ликвидаторской конференции, ровно ничего на самом деле не «примиряет». Оно не устраивает того крупнейшего политического факта, который определяет всю социально-политическую обстановку теперешней России. Это — борьба реформистской и революционно-социал-демократической платформы; это — выступление буржуазии в лице ее партийных либеральных вождей против надобности новой революции в России и за путь исключительно конституционной «работы», — в противовес выступлению сотен тысяч пролетариата с революционной стачкой, зовущей массы к настоящей борьбе за свободу.

Отвесить один поклон в сторону реформистов, другой — в сторону революционной социал-демократии не значит устраниТЬ этот объективный политический факт, не значит ослабить хотя сколько-нибудь его силу и вес. Добрые намерения сгладить разногласия, порожденные этим фактом — даже если эти намерения действительно вполне «добрьи» и искрени — бессильны изменить порожденные всей обстановкой контр-революции и непримиримо враждебные политические тенденции.

Пролетариат поднялся со своим революционно-социал-демократическим знаменем, и он накануне IV, черной, Думы не сложит его перед либералами, не свернет его в угоду реформистам, не согласится притупить или затушить свою платформу ради соображений кружковой дипломатии.

Платформа революционной социал-демократии против платформы реформизма, — под этим знаком прошли майские стачки;

под ним идет Р.С.-Д.Р.П. и на выборы в помещичье-поповскую думу, под ним пойдет вся работа партии в этой Думе и в широких народных массах.

«Социал-Демократ» № 28—29
от 5 (18) ноября 1912 г.

Социальное значение сербско-болгарских побед.

«Для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию, своего рода 1789 или 1848 год»,—эти слова австрийского марксиста Отто Бауэра⁵⁶) сразу вскрывают главную суть происходящих теперь на Балканах событий.

Революция 1789 года во Франции, 1848 года в Германии и других странах была буржуазной революцией, потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само собой разумеется, такая революция самым настоятельным образом требовалась интересами рабочего класса, и даже «беспартийные», неорганизованные в класс, рабочие 1789 и 1848 годов были передовыми борцами французской и немецкой революции.

Македония, как и все балканские страны, сильно отстала экономически. Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов. К таким остаткам принадлежит крестьянский оброк помещику (денежный или продуктами), затем эксплуатация (обычно крестьянин в Македонии отдает помещику, при эксплуатации, треть урожая, меньше чем в России) и т. п.

Помещики в Македонии (так называемые с п а г и)—турки и магометане, крестьяне же—славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным.

Таким образом победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями.

Буржуазные газеты, начиная «Новым Временем» и кончая «Речью», толкуют о национальном освобождении на

Балканах, оставляя в тени экономическое освобождение. А на деле именно это последнее есть главное.

При полном освобождении от помещиков и от абсолютизма, национальное освобождение и полная свобода самоопределения народов были бы неизбежным результатом. Наоборот, если остается гнет помещиков и балканских монархий над народами, останется непременно в той или иной мере и национальное угнетение.

Если бы освобождение Македонии совершилось путем революции, то-есть посредством борьбы и сербских, и болгарских, и турецких крестьян против помещиков в сех национальностей (и против помещичьих балканских правительств), то освобождение стоило бы балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война. Освобождение было бы достигнуто неизмеримо более легкой ценой и было бы неизмеримо полнее.

Спрашивается, какие же исторические причины вызвали то, что вопрос решается войной, а не революцией? Главная историческая причина этого—слабость, раздробленность, неразвитость, темнота крестьянских масс во всех балканских странах, а также малочисленность рабочих, которые хорошо понимали положение дел и требовали балканской федеративной (союзной) республики.

Отсюда ясно коренное отличие европейской буржуазии и европейских рабочих в их отношении к балканскому вопросу. Буржуазия, даже либеральная, вроде наших кадетов, кричит о «национальном» освобождении «славян». Этим прямо извращаются смысл и историческое значение тех событий, которые происходят сейчас на Балканах, этим затрудняют дело действительного освобождения балканских народов. Этим подреживается сохранение в той или иной мере помещичьих привилегий, политического бесправия, национального гнета.

Напротив, рабочая демократия одна только отстаивает действительное и полное освобождение балканских народов. Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение крестьян всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения.

«Правда» № 162
от 7 ноября 1912 г.
За подписью Т.

Обновленный Китай.

Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая. Четыреста миллионов отсталых азиатов досились свободы, проснулись к политической жизни. Четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе.

Цивилизованной Европе дела нет. До сих пор даже французская республика не признала еще официально китайской республики! Об этом будет скоро запрос в французской палате депутатов.

Чем же объясняется это равнодушие Европы? Тем, что повсюду на западе царит империалистическая буржуазия, на три четверти уже сгнившая, готовая продать любому авантюристу всю свою «цивилизацию» за меры «строгости» против рабочих или за лишний пятак на рубль прибыли. На Китай эта буржуазия смотрит, только как на кусок добычи, которую, пожалуй, теперь,—после «нежного обнимания» Монголии Россией—будут рвать японцы, англичане, немцы и т. д.

Но обновление Китая все же идет вперед. В настоящее время начинаются выборы в парламент—первый парламент бывшей деспотии. Нижняя палата будет состоять из 600 членов, «сенат»—из 274.

Избирательное право—и всеобщее и не прямое. Выбирают только имеющие свыше 21 года и прожившие не менее двух лет в данном избирательном участке, если они платят прямые налоги на сумму около двух рублей или обладают имуществом около 500 рублей. Избирают сначала выборщиков, которые избирают депутатов.

Уже такое избирательное право указывает на союз зажиточного крестьянства с буржуазией, при отсутствии или полном бессилии пролетариата.

На то же самое обстоятельство указывает характер политических партий Китая. Главных партий три:

1) «Радикально-социалистическая»—в которой на самом деле так же нет ровно никакого социализма, как у наших «народных социалистов» (и $\frac{9}{10}$ «социалистов-революционеров»). Это—партия мелко-буржуазной демократии. Главные тре-

бования ее: политическое объединение Китая, развитие торговли и промышленности «в социальном направлении» (столь же туманная фраза, как «трудовое начало» и «уравнительность» у наших народников и с.-р.); сохранение мира.

2) Вторая партия—либералы. Они находятся в союзе с «радикально-социалистической» партией, составляя вместе «национальную партию». По всей вероятности, эта партия будет иметь большинство в первом китайском парламенте. Вождь этой партии—известный доктор Сун-ят-сен. Теперь он занят особенно разработкой плана обширной железнодорожной сети (к сведению русских народников: Сун-ят-сен делает это во имя того, чтобы Китай «миновал» судьбы капитализма!).

3) Третья партия называется «союзом республиканцев»—один из образцов того, как обманчивы вывески в политике! На деле, это—консервативная партия, опирающаяся преимущественно на чиновников, помещиков, буржуа северного Китая, т.-е. наиболее отсталого. «Национальная» же партия—преимущественно партия более промышленного, более передового, более развитого юга Китая.

Главная опора «национальной партии»—широкая крестьянская масса. Вожди ее—воспитанная за границей интеллигенция.

Китайская свобода завоевана союзом крестьянской демократии и либеральной буржуазии. Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию против либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы перекинуться направо,—это покажет недалекое будущее.

«Правда» № 163
от 8 ноября 1912 г.
За подпись Т.

Итоги и значение президентских выборов в Америке.

В президенты Северо-Американских Соединенных Штатов выбран Вильсон, «демократ»⁵⁷). Он получил свыше 6 миллионов голосов, Рузвельт (новая «Национальная прогрессивная партия»)—свыше четырех миллионов, Тафт («Республиканская партия»)—свыше трех. Социалист Евгений Дебс—800.000 голосов.

Мировое значение американских выборов состоит не столько в том, что сильно возросло число социалистических голосов;— значение американских выборов состоит в величайшем кризисе буржуазных партий, в поразительной силе, с которой выступило их разложение. Наконец, значение выборов— необычайно ясное и яркое выступление буржуазного реформизма, как средства борьбы против социализма.

Во всех буржуазных странах партии, стоящие на точке зрения капитализма, т.-е. буржуазные партии, сложились очень давно, тем прочнее, чем больше политической свободы.

В Америке свобода самая полная. И две буржуазные партии отличались здесь в течение целого полу века—после гражданской войны из-за рабовладения в 1860—1865 г.г.—замечательной прочностью и силой. Партия прежних рабовладельцев, это—так называемая «демократическая партия». Партия капиталистов, стоявшая за освобождение негров, развилаась в «республиканскую партию».

После освобождения негров разница между той и другой партией становилась все меньше. Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин. Никакого серьезного значения для массы народа эта борьба не имела. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бесследных дуэлей двух буржуазных партий.

Эта так называемая «система 2-х партий», царившая в Америке и в Англии, была одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т.-е. действительно социалистической, партии.

И вот в Америке, стране самого передового капитализма, система 2-х партий потерпела крах! Что вызвало этот крах?

Сила рабочего движения, рост социализма.

Старые буржуазные партии («демократическая» и «республиканская») были обращены лицом к прошлому, к эпохе освобождения негров. Новая буржуазная партия, «национальная прогрессивная партия», обращена лицом к будущему. Ее программа вся вращается около вопроса о том, быть или не быть капитализму, именно около вопросов об охране рабочих и о «трестах», как называют в Америке союзы капиталистов.

Старые партии—порождение эпохи, задача которой была в скорейшем развитии капитализма. Борьба партий сводилась к тому, как лучше ускорить и облегчить это развитие.

Новая партия—порождение современной эпохи, которая ставит вопрос о самом существовании капитализма. В самой свободной и самой передовой стране, Америке, этот вопрос становится на очередь всего яснее, всего шире.

Вся программа, вся агитация Рузвельта и «прогрессистов» ведется вокруг того, как бы спасти капитализм посредством... бурунных реформ.

Тот буржуазный реформизм, который в старой Европе выступает как болтовня либеральных профессоров,—этот буржуазный реформизм выступил в свободной американской республике сразу как 4-миллионная партия. Это по-американски.

— Мы спасем капитализм реформами,—говорит эта партия.— Мы дадим самое передовое фабричное законодательство. Мы введем государственный контроль за всеми трестами (в Америке это значит за всей промышленностью!). Мы введем государственный контроль за ними, чтобы не было нищеты, чтобы все получали «приличную» заработную плату. Мы установим «социальную и промышленную справедливость». Мы клянемся и божимся всеми реформами... мы не хотим только «одной реформы»: экспроприации капиталистов!

В Америке все национальное богатство исчисляется теперь в 120 миллиардов (тысяч миллионов) долларов, т.-е. около 240 миллиардов рублей. Из них около трети, около 80 миллиардов рублей, принадлежит двум трестам, Рокфеллера и Моргана, или подчинено этим трестам! Не больше 40.000 семей, составляющих эти два треста,—владыки 80 миллионов наемных рабов.

Понятно, что, при наличии этих современных рабовладельцев, все «реформы»—пустой обман. Рузвельт за ведомо нанят миллиардерами-ловкачами для проповеди этого обмана. «Государственный контроль», обещаемый им, превратится—при сохранении капитала за капиталистами—в средство борьбы со стачками и удушения их.

Но американский пролетарий уже проснулся и стоит на своем посту. С бодрой иронией встречает он успехи Рузвельта.—Вы увлекли 4 миллиона человек своими посулами реформ, любезный шарлатан Рузвельт? Прекрасно! Завтра эти четыре миллиона увидят, что ваши посулы—обман, а ведь идут эти миллионы за вами только потому, что чувствуют: по-старому жить нельзя.

Болезнь реформизма.

«Чем мы больны?» — спрашивал недавно в «Луче» автор поучительного фельетона под таким заглавием, написанного под впечатлением забастовки 15 ноября.

Ответ ясен из следующих двух цитат:

«Кажется, должно быть ясно тем, кто претендует на роль вождей, что требование отмены исключительных положений и свободы коалиций — одно и является делом борьбы сегодняшнего дня и ближайшего будущего, а изменение существующего строя, о каком говорится в воззвании, — нечто другое. Оно может быть достигнуто не игрой в забастовки, что мы видим в настоящее время, а упорной планомерной работой, завоеванием одной позиции за другой, направлением всех сил, отличной организованностью и привлечением к этой борьбе не одного рабочего класса, а широких масс народа»...

«Сознательно относясь к своим задачам, планомерно выступая на защиту своих интересов, не вспыхивая сегодня, чтобы завтра остыть, мы создадим себе и сильные профессиональные организации, и открытую политическую партию, на которую никто не осмелится наложить руку».

Достаточно этих цитат, чтобы сказать автору: «Спросите лучше, любезный, «чем вы сами больны?». И мы вам ответим: вы больны реформизмом, это очевидно. У вас «навязчивая идея», идея Столыпинской рабочей партии. Болезнь опасная. Доктора из «Луча» залечат вконец.

Автор вполне определенно и сознательно проповедует, в противовес общим требованиям политической свободы, «открытую политическую партию». Сопоставление двух приведенных цитат не оставляет в этом сомнения. Увертки тут были бы напрасны.

Мы спросим автора: почему же «открытая партия» оппортунистов мелко-буржуазной демократии («эн-эсы» 1906 года) и крупно-буржуазного либерализма (к.-д. 1906—1907 г.г. и след.) оказалась утопией, а ваша «открытая» рабочая партия не утопична?

Вы признаете (или, по крайней мере, «открытое» выступление на выборах заставило вас признать), что кадеты контрреволюционны, что они не демократы, не партия масс вообще, а партия зажиточной буржуазии, «первоокриальная» партия. И вот вы, «трезвый реальный политик», враг «вспышек и махания кульками», выставляете от имени якобы рабочих такое «ближай-

шее» требование, которое оказалось утопичным, недостижимым для кадетов!! Большой вы утопист, но утопия у вас маленькая, мелкая, жалкая.

Сами того не сознавая, вы заразились модной болезнью—теперь такое поветрие!—уныния, малодушия, отчаяния, безверия. И эта болезнь толкает вас в яму оппортунизма, за который поплатились уже всеобщим осмеянием и эн-эсы, и кадеты.

Вы считаете очередным и деловым, «планомерным» и «сознательным», требование отмены исключительных положений и свободы коалиций. Вы расходитесь с социал-демократией коренным образом, ибо она и о н и м а ет общие условия осуществления (и серьезности) таких реформ. Вы сходитесь с прогрессистами и октябристами существенно, ибо именно эти люди обманывают себя и других болтовней... о реформах и «свободах» на почве данного положения вещей. Итальянский реформист Биссолати изменил рабочему классу ради реформ, обещанных либеральными министром Джиллитти при «открытом» существовании партий в сех классов. А вы изменяете рабочему классу ради реформ, не ожидаемых от Макарова да же Изгоевыми и Булгаковыми!

Вы презрительно говорите об «игре в забастовки». Я лишен возможности ответить вам, как следует, по этому пункту здесь. Укажу лишь кратко, что глубокое историческое движение назвать «игрой» просто неумно. Вы сердитесь на забастовки, как сердится «Новое Время» (см. № от 17 ноября, статья Незинова), Изгоевы и Булгаковы. А сердитесь вы потому, что жизнь безжалостно разбивает ваши либеральные иллюзии. Рабочие массы вполне признают необходимость организации, системы, подготовки, планомерности, но к вашим речам они относятся и будут относиться с презрением.

Тяжкая болезнь, которая вас отравила, вызвана очень распространенной бациллой. Это—бацилла либеральной рабочей политики, или, иначе, ликвидаторства. Это носится в воздухе. Но, как бы вы ни сердились на ход событий вообще, на 15-ое ноября в частности, а этот ход оказывается для такой бациллы смертельным.

«Правда» № 180
от 29 ноября 1912 г.
За подписью В. Ильин.

Рабочий класс и его „парламентское“ представительство.

Сознательным рабочим в России уже не первый раз приходится иметь дело с коллективным представительством рабочего класса в Государственной Думе. И каждый раз, когда образовывалось такое представительство во II-ой, III-ей, IV-ой Думе (не говорим о I-ой, которую большинство социал-демократов бойкотировало), каждый раз наблюдалось несогласие между воззрениями, взглядами, направлением большинства социал-демократии и ее думского представительства.

Точные данные об этом несогласии имеются относительно Второй Государственной Думы. Весной 1907 года было установлено официально и бесспорно, какие взгляды, направления, течения или фракции преобладают в социал-демократии, и какие—в думской социал-демократической фракции.

Оказалось, что, посыпая по одному делегату от каждого 500 социал-демократов рабочих, большевики имели тогда 105 депутатов, меньшевики—97, нефракционных было 4.

Перевес явный на стороне большевизма.

Среди «национальных» социал-демократов поляки имели 44 делегата, бундисты—57 и латыши—29. Так как среди латышей тогда сильное преобладание имели противники оппортунизма, меньшевиков и Бунда, то и среди «националистов» вообще отношение «текущий» было однородно с отношением их в «русской» части социал-демократии.

Между тем в думской социал-демократической фракции было тогда 36 меньшевиков и 18 большевиков,—а среди депутатов от рабочей курии—12 меньшевиков и 11 большевиков. Ясно, что преобладание имели меньшевики.

Итак, в социал-демократии и в думской фракции силы «текущий» распределялись не одинаково, а прямо противоположным образом.

Случайность ли это?

Нет. Во всех странах мира наблюдается, по общему правилу, более оппортунистический состав парламентских представителей рабочих партий по сравнению с составом самих рабочих партий. Причину этого явления нетрудно увидеть:

во-первых, все избирательные системы буржуазных стран, даже наиболее демократические, ограничивают на деле избирательные права рабочих либо возрастом (в России требуется 25 лет), либо оседлостью и постоянством места работы (полгода в России) и т. д. Подобные ограничения падают обыкновенно тяжелее всего именно на молодые, более сознательные и решительные слои пролетариата.

Во-вторых, непролетарские элементы рабочих партий—чиновники рабочих союзов, мелкие хозяйствчики, служащие и, в особенности, «интеллигенция»—при всяком избирательном праве в буржуазном обществе более легко (в силу своих занятий, положения в «обществе», подготовки и т. д.) специализируются на «парламентской» профессии.

Какие выводы следуют из этого факта и как обстояло дело по сравнению со II-ой Думой, в III-ей и в IV-ой,—этим вопросам мы посвятим следующую статью.

«Правда» № 191
от 12 декабря 1912 г.
За подписью В. И.

Резолюции „Февральского совещания“ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками ⁵⁸⁾.

1. Революционный подъем, стачки и задачи партии.

1. Самым крупным фактом в истории рабочего движения и русской революции за 1912 год является замечательное развитие как экономической, так и политической стачечной борьбы пролетариата. Число политических стачечников дошло до миллиона.

2. Особенного внимания заслуживает характер стачечной борьбы 1912 года. Рабочие выставляют в ряде случаев экономические и политические требования одновременно, полоса экономических стачек сменяется полосою политических и обратно. Борьба с капиталистами за отнятые контр-революцией завоевания 1905 года и растущая дороговизна жизни поднимают новые и новые слои рабочих, ставя перед ним политические вопросы в самой острой форме. Все эти виды соединения и переплетения

экономической и политической борьбы являются условием и залогом моци движения, создавая революционную массовую стачку.

3. Начало взрывов недовольства и восстаний во флоте и войсках, ознаменовавших 1912 год, стоит в несомненной связи с революционными массовыми стачками рабочих, указывая на рост брожения и возмущения в широких кругах демократии и в частности среди крестьянства, поставляющего главную массу войск.

4. Все эти факты в связи с общим полевением страны, которое сказалось на выборах в IV Думу, несмотря на бесстыднейшую подтасовку их черносотенным царским правительством, окончательно показали, что Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс.

Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеионьской политики царизма. Эта политика не смогла удовлетворить даже самую угодливую крупную буржуазию. А положение масс народа стало еще более бесправным, особенно для угнетенных национальностей, крестьянство же снова доведено до голодовок миллионов и миллионов.

5. При таких условиях революционные массовые стачки представляют исключительную важность еще и потому, что они являются одним из самых действительных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельско-хозяйственного пролетариата и крестьянства, пробуждения его политической самодеятельности, вовлечения его в возможно более дружные, одновременные и широкие революционные выступления.

6. Организация партии, расширяя и усиливая агитацию за ближайшие требования Р. С.-Д. Р. П.—демократическая республика, восьми-часовой рабочий день и конфискация всех помещичьих земель в пользу крестьянства—должны выдвинуть на одно из первых мест в своей деятельности всестороннюю поддержку революционных массовых стачек, а также развитие и организацию всякого вида революционных выступлений масс. В особенности необходимо выдвинуть, как очередную задачу, устройство уличных революционных демонстраций, как в их сочетании с политическими стачками, так и в качестве самостоятельных выступлений.

7. Применение некоторыми капиталистами локаутов (массовых расчетов) против бастующих рабочих ставит новые задачи перед рабочим классом. Необходимо внимательно учитывать эко-

номические условия стачки в каждом районе, в каждой отрасли промышленности, в каждом отдельном случае, изыскивая для отражения локаутов новые формы борьбы (напр., итальянская стачка) и заменяя политические стачки революционными митингами и революционными уличными демонстрациями.

8. Некоторые органы легальной печати, совершенно независимо от того, как они оценивают ту или иную стачку, ведут общую агитацию против революционных массовых стачек. Такая агитация, помимо либеральной печати, ведется, например, группой ликвидаторов в газете «Луч», вопреки значительной части тех рабочих, которые так или иначе поддерживают эту газету. Задачей всех партийных соц.-дем. рабочих ввиду этого является: 1) решительная борьба с этой группой; 2) систематические и настойчивые разъяснения всем рабочим без различия направлений всего вреда названной проповеди, и 3) сплочение всех пролетарских сил для дальнейшего развития революционной агитации и революционных выступлений масс.

2. Строительство нелегальной организации.

1. Подводя итог рабочему движению и работе партии за 1912 г., Совещание находит, что: начавшаяся новая волна революционных выступлений масс целиком подтвердила предыдущие решения Р. С.-Д. Р. П. (и в особенности январской 1912 года Конференции) по вопросу о строительстве партии. Ход стачечной борьбы за 1912 год, избирательная социал-демократическая кампания по выборам в IV Думу, ход страховой кампании⁵⁹⁾ и т. д. с несомненностью показали, что единственным правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является: нелегальная партия, как сумма партийных ячеек, окруженных сетью легальных и полулегальных рабочих обществ.

2. Приспособление к местным условиям организационных форм нелегального строительства является безусловно обязательным. Разнообразие форм прикрытия нелегальных ячеек, возможно большая гибкость в приспособлении форм работы к местным и бытовым условиям является залогом жизненности нелегальной организации.

3. Главной очередной задачей в области организационного строительства в настоящий момент является: создание на всех

фабриках и заводах чисто партийных нелегальных заводских комитетов, состоящих из наиболее активных рабочих элементов. Громадный подъем рабочего движения создаст условия, при которых воссоздание партийных заводских комитетов и укрепление существующих становится возможным в огромном большинстве мест.

4. Совещание указывает, что теперь вполне назрела необходимость создания из разрозненных местных групп одной руководящей организации в каждом центре.

6. Как тип общегородской организации выдвинулся, например, в Петербурге руководящий городской комитет, созданный путем сочетания принципа выборности от районных ячеек и принципа кооптации.

Такой тип организации дает возможность установить наиболее тесную и непосредственную связь между руководящим органом и низовыми ячейками, и в то же время позволяет создать узкий, по составу подвижной и наиболее законспирированный исполнительный орган, имеющий право выступать в каждый момент от имени всей организации. Совещание рекомендует и для других центров рабочего движения этот тип, с изменениями, вытекающими из местных и бытовых условий.

5. В целях установления тесных связей между местными организациями и Ц. К., а также в целях направления и объединения партийной работы, Совещание считает настоятельно необходимым организацию областных центров в главных районах рабочего движения.

6. Как одна из важнейших практических задач в деле установления постоянной живой связи между Ц. К. и местными соц.-дем. группами, а также в деле создания гибких форм руководства местной работы, в крупных центрах рабочего движения, — выдвигается система доверенных лиц. Доверенные лица должны рекрутироваться из рабочих-руководителей местной работы. Одни только передовые рабочие собственными силами могут укрепить и упрочить центральный аппарат партии на местах, как и во всей России.

7. Совещание высказывает пожелание, чтобы Ц. К. организовывал возможно чаще совещания с местными партийными работниками, действующими в разных отраслях с.-д. работы.

8. Совещание напоминает неоднократные партийные решения относительно того, что рабочая партия не в состоянии существовать иначе, как на правильные членские взносы, рабочие сборы.

Без таких сборов, в особенности при современных условиях, существование хотя бы даже наиболее скромного центрального (местного и всероссийского) учреждения партии абсолютно невозможно.

9.

*).

3. О думской соц.-дем. фракции.

1. Совещание констатирует, что, несмотря на неслыханные преследования и подделку выборов со стороны правительства, несмотря на вполне определившийся во многих местах черносотенно-либеральный блок против с.-д., Р. С.-Д. Р. П. одержала громадные победы на выборах в IV Думу. Почти повсюду возросло число голосов за с.-д. во 2-й городской курии, которую социал-демократия все больше вырывает из рук либералов. А в главной для нашей партии рабочей курии Р. С.-Д. Р. П. сохранила безраздельное господство, при чем рабочий класс выбором всех куриальных депутатов-большевиков особенно дружно подчеркнул свою непреклонную верность старой Р. С.-Д. Р. П. и ее революционным заветам.

2. Совещание приветствует энергичную деятельность соц.-дем. депутатов IV Думы, выразившуюся в ряде думских выступлений, во внесении запросов и в прочтении декларации, в общем правильно выразившей основные принципы социал-демократии.

3. Признавая единственно правильною установившуюся в нашей партии традицию, в силу которой думская с.-д. фракция является органом, подчиненным партии, как целому, в лице ее центральных учреждений, Совещание находит, что в интересах политического воспитания рабочего класса и правильной постановки думской работы партии необходимо внимательно относиться к каждому шагу с.-д. фракции, и таким образом осуществлять контроль партии над фракцией.

4. Совещание не может не видеть прямого нарушения партийного долга со стороны с.-д. фракции в резолюции относительно Ягелло. Резолюция эта поддерживает раскольнический шаг Бунда, испшедшего в соглашение с националистической партией (П. П. С.) против польских социал-демократов и проводившего несоциал-

*) Пункт 9 не был опубликован по конспиративным соображениям; восстановить его текст редакции не удалось.

демократа Ягелло против всех социал-демократических выборщиков, которые составляли большинство в коллегии рабочих выборщиков. Фракция углубила, таким образом, раскол среди рабочих в Польше, и затруднила дело единства во всей партии.

5. Защита тов. Чхенкели от имени фракции культурно-национальной автономии под видом «создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности» представляет из себя прямое нарушение партийной программы. Совершенно такая же, по существу, формулировка была отвергнута специальным голосованием II съезда партии, утвердившего ее программу. Уступка националистическим настроениям, даже и в такой прикрытой форме, недопустима для пролетарской партии.

6. Голосование с.-д. фракции за прогрессистскую (а на деле октябристскую) формулу перехода по министерской декларации и невнесение самостоятельной с.-д. формулы является упущением, которое должно быть отмечено партией ввиду злостных комментариев либеральной печати.

4. О нелегальной литературе.

Обсудив вопрос о необходимости всестороннего развития нелегального издательства и выработав по этому вопросу ряд конкретных указаний, совещание настойчиво призывает все местные организации партии, все рабочие ячейки и отдельных рабочих к большей самостоятельности и почину в деле транспорта и связей с бюро Ц. К. для распространения нелегальной литературы

5. О страховой кампании.

Констатируя, что рабочий класс и его партия, несмотря на все преследования, развили большую энергию в деле отстаивания proletарских интересов в связи с введением закона о страховании,—совещание полагает:

²⁾ Пункты 7, 8 и 9 не были опубликованы по конспиративным соображениям; восстановить их текст редакции не удалось.

1. Необходима самая решительная и дружная борьба против попыток правительства и капиталистов заставить рабочих выбирать своих уполномоченных в больничные кассы в темную—без допущения рабочих собраний.

2. Рабочие должны всюду добиваться устройства явочным путем собраний для предварительного намечения желательных им кандидатов в уполномоченные.

3. Рабочие должны устраивать революционные митинги для протеста против тех насилий и издевательств, которыми сопровождается введение страховых законов.

4. Во всяком случае необходимо предварительно намечать рабочий список кандидатов в уполномоченные из числа наиболее влиятельных социал-демократов рабочих и дружно проводить этот список также и там, где никаких собраний устроить не удается.

5. Бойкот выборов уполномоченных совещание считает нецелесообразным и вредным. Главные силы капиталистов в данное время направляются на то, чтобы не дать рабочим овладеть известными фабрично-заводскими пролетарскими ячейками, кавовыми должны стать больничные кассы рабочих. Бойкот, разъединяя в настоящий момент рабочих, только шел бы на руку указанному стремлению капиталистов.

6. Борьба за правильные выборы делегатов в больничные кассы не должна прекращаться ни на минуту. Всеми средствами, всеми силами, используя всякий благоприятный момент, не давая предпринимателям ни на минуту считать обеспеченным нормальный ход производства, расширяя и развивая борьбу рабочих, нельзя вместе с тем отказываться от проведения социал-демократического списка, вопреки всем препятствиям. Выборы не исключают дальнейшего развития борьбы. Наоборот, проведением в делегаты выдержаных социал-демократов рабочих, мы облегчим дальнейшую борьбу за правильные выборы, в которой делегаты будут всячески помогать рабочим.

7. Всюду, где выборы проходят без собраний, необходимо агитировать за переизбрание уполномоченных на началах действительной свободы выборов с устройством собраний—всеми доступными рабочим средствами.

8. Социал-демократическая думская фракция должна немедленно внести новый запрос по поводу отказа рабочим в собраниях для выборов.

8. Всю агитацию по поводу введения страхования необходимо вести в тесной связи с освещением всего положения вещей в царской России, разъясняя наши социалистические принципы и революционные требования.

6. Об отношении к ликвидаторству и об единстве.

1. Четырехлетняя борьба партии с ликвидаторством доказала полную правильность того определения, которое дала декабрьская общепартийная Конференция Р. С.-Д. Р. П. 1908 года в словах:

«Попытки некоторой части партийной интелигенции ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценой явного отказа от программы, тактики и традиции партии».

Следовательно, ликвидаторы осуждаются отнюдь не за выдвижение необходимости легальной работы, а за отречение от нелегальной партии и за разрушение ее.

Постановка первой в России ежедневной марксистской рабочей газеты и выборы по рабочей курии всех куриальных депутатов-большевиков окончательно доказали, что партия сумела овладеть легальной деятельностью, оттеснив ликвидаторов.

2. Уходя из нелегальной партии и группируясь отдельно от местных организаций, ликвидаторы совершили раскол, который они закрепили, создав в ряде мест, в особенности в Петербурге, так называемые инициативные группы. Январская 1912 г. Конференция Р. С.-Д. Р. П., постановившая, что ликвидаторская группа литераторов «Нашей Зари» и «Дела Жизни», являющаяся ядром инициативных групп, «окончательно поставила себя вне партии», — этим только констатировала совершенный ликвидаторами раскол.

3. Августовская конференция 1912 года, назвавшая себя «конференцией организаций Р. С.-Д. Р. П.», оказалась на деле ликвидаторской конференцией, так как главной и руководящей ее частью явилась отколовшаяся от партии и оторванная от русских рабочих масс литературная группа ликвидаторов.

4. Преданность нелегальной партии подавляющего большинства передовых рабочих принудила августовскую конференцию

сделать кажущиеся уступки партийности и якобы признать нелегальную партию. На деле все резолюции этой конференции насквозь проникнуты ликвидаторством, и сейчас же после конференции «Наша Заря» и «Луч», заявившие, что примыкают к августовским решениям, повели еще сильнее ликвидаторскую проповедь:

а) за открытую партию;

б) против подполья;

в) против партийной программы (защита культурно-национальной автономии, пересмотр аграрных законов III Думы, отодвигание на задний план лозунга республики и т. п.);

г) против революционных массовых стачек;

д) за реформистскую, исключительно легалистскую тактику.

Поэтому решительная борьба с группой ликвидаторов «Нашей Заря» и «Луч» и разъяснение рабочим массам глубокого вреда их проповеди по-прежнему является одной из задач партии.

5. Кампания за единство, поднятая ликвидаторами в легальной печати, обходит и затемняет главный вопрос о вхождении в нелегальную партию и о работе в ней, вводя, таким образом, в заблуждение рабочих, ибо этого вопроса нельзя даже поставить в легальной печати. На деле ликвидаторы по-прежнему ведут себя раскольнически, что особенно наглядно показали выборы в Петербурге: когда выборщики разделились на две равные части, именно ликвидаторы отвергли предложение о жеребьевке, которая одна только могла устраниить разъединение рабочих перед буржуазными партиями.

6. При условии признания нелегальной организации Р. С.-Д. Р. П. и вхождения в нее, единство социал-демократических рабочих всех течений и оттенков представляет безусловную необходимость и повсевременно диктуется всеми интересами рабочего движения.

Объединение именно на таких началах осуществлено уже в Нарвской районной организации в Петербурге и в ряде провинциальных организаций.

7. Совещание самым энергичным образом поддерживает такое объединение и рекомендует повсюду немедленно начать такое же объединение снизу, с заводских комитетов, районных групп и т. д. с проверкой товарищами рабочими на деле, осуществляется ли признание нелегальной организации и готовность поддерживать революционную борьбу масс и революционную тактику. Только

в меру этого фактического создания единства снизу будет завершаться окончательное сплочение партии и полное укрепление единства во всероссийском масштабе.

7. О «национальных» соц.-демократических организациях.

1. Опыт 1912 года вполне подтвердил правильность решения Январской Конференции (1912 г.) Р. С.-Д. Р. П. по этому вопросу. Поддержка Бундом кандидатуры несоциал-демократа Ягелло против польских с.-д. и нарушение партийной программы в пользу национализма августовской (1912 г.) конференцией ликвидаторов, Бунда и латышских с.-д. с особенной наглядностью обнаружили полное банкротство федералистических начал в построении с.-д. партии и глубокий вред обособленности «национальных» с.-д. организаций для пролетарского дела.

2. Совещание настойчиво призывает поэтому рабочих всех национальностей России к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и слиянию с.-д. рабочих на местах в единые организации Р. С.-Д. Р. П., ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе.

3. Совещание выражает глубокое сожаление по поводу раскола рядов польской социал-демократии, чрезвычайно ослабляющего борьбу с.-д. рабочих Польши. Совещание вынуждено констатировать, что Главное правление польской с.-д., не представляя в настоящее время большинства польских с.-д. организаций польского пролетариата, прибегает к недопустимым средствам в борьбе с этим большинством (напр., голословное заподозривание в провокации всей варшавской организации). Совещание призывает все партийные организации, соприкасающиеся с польскими с.-д. рабочими, к содействию создания действительного единства польской социал-демократии.

4. Совещание в особенности отмечает крайний оппортунизм и ликвидаторство в решениях последней (IX) конференции Бунда, устранившей лозунг республики, отодвинувшей на задний план нелегальную работу и обнаружившей забвение революционных задач пролетариата. Такого же осуждения заслуживает сопроти-

вление Бунда объединению всех с.-д. рабочих на местах (в Варшаве, Лодзи, Вильне и т. д.)—объединению, на котором с 1906 г. многократно настаивала Р. С.-Д. Р. П. в лице ее съездов и конференций.

5. Совещание приветствует революционных с.-д. рабочих латышской организации, ведущих настойчивую пропаганду в антиликвидаторском духе, и выражает сожаление, что Ц. К. латышской социал-демократии склоняется к поддержке антипартийных шагов ликвидаторов.

6. Совещание выражает твердую уверенность, что начавшийся революционный подъем, массовые экономические и политические стачки, уличные демонстрации и другие виды открытой революционной борьбы масс помогут полному сплочению и слиянию на местах с.-д. рабочих без всякого различия национальностей, усиливая тем натиск против угнетающего все народы России царизма и против объединяющейся буржуазии всех наций России.

СОДЕРЖАНИЕ.

1912 год.

	<i>Cmp.</i>
Голод и черная Дума. («Рабоч. Газ.» № 7 от 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.)	5
Избирательная кампания в IV Гос. Думу. IV. Выводы из практики третьес- думских выборов. («Звезда» № 1 от 6 января 1912 г.)	8
Резолюции Пражской Конференции П. С.-Д. Р. (январь 1912 г.)	11
Орган либеральной рабочей политики. («Звезда» № 11 от 19 февраля 1912 г.)	33
Политические партии за 5 лет III Думы. («Звезда» № 14 от 4 марта 1912 г.)	36
Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П. («Рабочая Газета» № 8 от 17 (30) марта 1912 г.)	41
Против объединения—с ликвидаторами. («Просвещение» № 3—4, февраль— март 1912 г.)	44
Блок кадетов с прогрессистами и его значение. («Звезда» № 23 от 29 марта 1912 г.)	49
Голод. («Рабочая Газета» № 8 от 17 (30) марта 1912 г.)	53
Крестьянство и выборы в IV Думу. («Рабоч. Газ.» № 8 от 17 (30) марта 1912 г.)	55
Плохая защита либеральной рабочей политики. («Звезда» № 24 от 1 апреля 1912 г.)	57
Перебаллотировка в России и задачи рабочего класса. («Звезда» № 25 от 3 апреля 1912 г.)	62
Либерализм и демократия. («Звезда» №№ 27 и 32 от 8 и 19 апреля 1912 г.)	67
Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в Р. С.-Д. Р. П. (брошюра) . . .	77—89
Ленская бойня и третийюньская монархия*). («Социал-Демократ» № 26 от 25 апреля (8 мая) 1912 года)	90
Ликвидаторы против партии. («Соц.-Демокр.» № 26 от 25 апреля (8 мая) 1912 г.)	93
Память Герцена. («Социал-Демократ» № 26 от 25 апреля (8 мая) 1912 г.)	95
Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной соц.-демо- кратии. («Социал-Демократ» № 26 от 25 апреля (8 мая) 1912 г.)	101
Землевладение в Европейской России. («Невская Звезда» № 3 от 6 мая 1912 г.)	105
Трудовики и рабочая демократия. («Правда» №№ 13 и 14 от 8 и 9 мая 1912 г.)	108
Политические партии в России. («Невская Звезда» № 5 от 10 мая 1912 г.)	115
Анкета об организациях крупного капитала. («Просвещение» № 5—7, апрель—июнь 1912 г.)	125
Некоторые итоги предвыборной мобилизации. («Невская Звезда» № 6 от 22 мая 1912 г.)	140
Сущность аграрного вопроса в России. («Невская Звезда» № 6 от 22 мая 1912 г.)	145
Выборы и партии. («Правда» № 19 от 22 мая 1912 г.)	149
Сила рабочих партий в европейских парламентах. («Невская Звезда» № 10 от 31 мая 1912 г.)	150

*) Эта статья ошибочно введена в текст XII тома: она принадлежит Л. Б. Каменеву. Ред.

Экономическая и политическая стачка. («Невская Звезда» № 10 от 31 мая 1912 г.)	157
Переселенческий вопрос. («Невская Звезда» № 11 от 3 июня 1912 г.)	164
«Объединители». («Социал-Демократ» № 27 от 4 (17) июня 1912 г.)	174
Ликвидаторы против революционной массовой стачки. («Социал-Демократ» № 27 от 4 (17) июня 1912 г.)	177
Лозунги Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. в январе 1912 г. и майское движение. («Социал-Демократ» № 27 от 4 (17) июня 1912 г.)	179
Революционный подъем. («Социал-Демократ» № 27 от 4 (17) июня 1912 г.)	184
О характере и значении нашей полемики с либералами. («Невская Звезда» № 12 от 10 июня 1912 г.)	191
Капитализм и «парламент». («Невская Звезда» № 13 от 17 июня 1912 г.)	197
Выборы и оппозиция. («Невская Звезда» № 14 от 24 июня 1912 г.)	199
Сравнение Столыпинской и народнической аграрных программ. («Невская Звезда» № 15 от 1 июля 1912 г.)	202
Значение выборов в Петербурге. («Невская Звезда» № 15 от 1 июля 1912 г.)	208
В Швейцарии. («Правда» № 63 от 12 июля 1912 г.)	212
Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов. («Невская Звезда» №№ 18 и 19 от 22 и 29 июля 1912 г.)	214
К современному положению дел в Р. С.-Д. Р. П. (брошюра). (Июль 1912 г.)	225—240
Итоги полугодовой работы. («Правда» №№ 78, 79, 80 и 81 от 29, 31 июля и 1 и 2 августа 1912 г.)	241
Последний калан. («Невская Звезда» № 20 от 5 августа 1912 г.)	253
Заработка рабочих и прибыль капиталистов в России. («Правда» № 85 от 8 августа 1912 г.)	258
Стачечная борьба и заработка плата. («Правда» № 86 от 9 августа 1912 г.)	260
Рабочий день на фабриках Московской губернии. («Правда» № 88 от 11 августа 1912 г.)	261
В Англии. («Правда» № 89 от 12 августа 1912 г.)	263
Рабочий день и рабочий год в Московской губернии. («Невская Звезда» № 21 от 12 августа 1912 г.)	264
Кадеты и аграрный вопрос. («Невская Звезда» № 22 от 19 августа 1912 г.)	271
Плохая защита. («Правда» № 96 от 20 августа 1912 г.)	281
Ликвидаторы и «единство». («Правда» № 99 от 24 августа 1912 г.)	282
Беседа о «кадетоестве». («Невская Звезда» № 23 от 26 августа 1912 г.)	286
В Швейцарии. («Правда» № 105 от 31 августа 1912 г.)	291
Еще один поход на демократию. («Невская Звезда» № 24 и 25 от 2 и 9 сентября 1912 г.)	292
Дешевые слова. («Правда» № 114 от 11 сентября 1912 г.)	302
По поводу письма Н. С. Полянского. («Правда» № 118 от 15 сентября 1912 г.)	303
Позиция г. Милкова. («Правда» № 136 от 6 октября 1912 г.)	305
О лисе и курятнике. («Правда» № 146 от 18 октября 1912 г.)	306
Кадетский профессор. («Правда» № 147 от 19 октября 1912 г.)	308
Кадеты и националисты. («Правда» № 151 от 24 октября 1912 г.)	309
Ужасы войны. («Правда» № 155 от 28 октября 1912 г.)	310
Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов. («Социал-Демократ» № 28—29 от 5 (18) ноября 1912 г.)	311
Социальное значение сербско-болгарских побед. («Правда» № 162 от 7 ноября 1912 г.)	319
Обновленный Китай. («Правда» № 63 от 8 ноября 1912 г.)	321
Итоги и значение президентских выборов в Америке. («Правда» № 161 от 9 ноября 1912 г.)	322
Болезнь реформизма. («Правда» № 180 от 29 ноября 1912 г.)	325
Рабочий класс и его «парламентское» представительство. («Правда» № 191 от 12 декабря 1912 г.)	327
Резолюции «Февральского Совещания» Ц. К. с партийными работниками. (Декабрь 1912 г.)	328

